

Учебное пособие
для вузов

Э.А. Орлова

КУЛЬТУРНАЯ (СОЦИАЛЬНАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

Москва
Академический Проект
2020

УДК 572
ББК 28.71
О66

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Межуев В.М., доктор философских наук, проф.
Данилова О.Н., доктор философских наук

О66 **Орлова Э.А.**
Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие для вузов.— М.: Академический Проект, 2020.— 480 с.— («*Gaudeamus*»).

ISBN 978-5-8291-3262-0

Данная книга задумана как введение в социальную и культурную антропологию, науку, в рамках которой с конца XIX века изучается содержание совместной жизни людей. Здесь представлены ведущие научные направления, сложившиеся в рамках этих дисциплин. Однако сделано это несколько по-иному, чем принято в отечественной литературе. Вместо изложения законченной теоретической системы автор останавливается на тех исходных основаниях и аналитических линиях, которые имеют отношение к изучению динамики общества и культуры.

Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей, изучающих человека, общество и культуру.

УДК 572
ББК 28.71

© Орлова Э.А., 2004
© Академический Проект, оригинал-макет, оформление, 2020
ISBN 978-5-8291-3262-0

■ ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение общества и культуры в XX в. постепенно трансформировалось из академического познания в необходимую компоненту практической деятельности. В настоящее время во всех развитых странах социальные и культурные переменные включаются в структуру выработки и реализации решений, касающихся почти любого из значимых секторов общественной жизни. Современная экономическая политика строится с учетом социокультурного расслоения и групп интересов. В системах производства принимаются во внимание особенности поведения людей, а также влияние межличностных связей на формально-ролевые. В структурах локального управления применяются социальные технологии, связанные с активизацией участия граждан в выработке и реализации решений, имеющих отношение к территории их проживания.

Но не только это. Сегодня в развитых странах любой профессиональный политик или крупный менеджер обязательно изучает в достаточном объеме курсы социально-научных дисциплин. Социология, социально-культурная антропология и их производные — урбанистическая социология и антропология, психологическая, политическая антропология и т. п. — все эти науки помогают будущим руководителям понять, в каком обществе, в каком мире они живут, каковы их возможности в отношениях с окружением. Разработка международной политики также базируется сегодня на знаниях об обществах и культурах других стран, о куль-

турных различиях этнических групп в своей стране. Практика показала, что знание культурных различий и умелое использование этих знаний при построении внешней политики повышают эффективность действий более осведомленной стороны.

Такое положение дел вполне естественно. Люди всегда стремятся иметь представление о том, что их окружает, и строить свое поведение в соответствии с этим знанием. Вопрос заключается в том, каково его качество. Большинство людей в этом отношении привыкли руководствоваться личным опытом, включая устный обмен информацией с ближайшим окружением и отрывочные сведения, передаваемые средствами массовых коммуникаций. В развитых и ряде развивающихся стран на уровне государственной образовательной политики считается, что этого не достаточно, и социальные науки включены в программы обязательного массового обучения. В менее развитых странах и в России социальные науки только начинают всерьез осваиваться на уровне профессионалов. Пока даже у них представления об обществе и культуре нечеткие, собственная теоретическая база слабая; терминология только зарождается; данные эмпирических исследований недостоверны. В России доминирует ценность так называемого гуманитарного знания. По сути дела речь идет об описании событий и явлений без их объяснения; об отсутствии ясно сформулированных критериев социальной значимости отбираемых событий; о движении тематики описаний вслед за идеологической конъюнктурой и т. п. Работы такого рода, будучи обращенными в историю, носят характер преданий и мифов, а по отношению к настоящему предстают в форме журнализма. В любом случае они ориентированы на развлечение аудитории и никак не предназначены для обеспечения ее прагматическими, адаптационно целесообразными знаниями.

Тем не менее рационализация знаний в обществе и культуре, повышение научного уровня исследований в этой области неизбежны. Современный человек не может быть хорошо адаптированным в сложной и динамичной социокультурной жизни, не зная, в

каком обществе он живет. Многие социальные проблемы в России, такие как этнические конфликты, низкое качество труда и его результатов, жесткие принудительные методы управления, неэффективность правовой системы, — следствие массового низкого уровня социокультурной компетентности. Ничего, кроме собственного опыта, не знают ни управляющие, ни управляемые. И пока такое, свойственное малым традиционалистским (племенным) сообществам утверждение приоритета «практики» над «теорией» и мифа над исследованием будет доминировать в обществе, социальные напряжения будут оставаться неразрешенными.

Тем не менее уже сейчас часть людей, стремящихся оказывать влияние на собственное социальное положение, на свое окружение, на государственную политику, понимают это и активно используют социально-научное — пока в основном экономическое — знание. И, надо сказать, не без успеха. Другая часть старается «продать» свои социально-научные знания на современном рынке услуг. Открываются разного рода школы общения, рекламы, менеджмента, построения деловых отношений. Предприимчивые, полупрофессиональные держатели таких школ зарабатывают деньги на том, что снабжают примитивными советами желающих стать успешными, общительными, привлекательными для делового партнера и т. п. Широко распространены опросы общественного мнения, сегодня, как и в прошлом, представляющие собой не более, чем средство в руках политиков, пытающихся удержаться на волне политической конъюнктуры. Проводятся так называемые деловые игры, где одни плохие профессионалы обучают других бессмысленным и бесполезным действиям.

Эта часть людей извлекает из своих скудных познаний максимальную пользу для себя. Надо сказать, что такие «прикладные» социологи и антропологи не наносят своей деятельностью общественного вреда и даже в какой-то степени оказываются социально полезными. Ведь когда людям не хватает знаний, и они понимают, что этот недостаток следует восполнить, то

любое мало-мальски достоверное знание становится благом. И поэтому работы социально-научных полупрофессионалов, не обеспечивая людей необходимыми знаниями и навыками, снабжают их некоторыми ориентирами, указывающими, в каком направлении целесообразно двигаться.

Уже сам факт общественного спроса на исследователей общественного мнения, преподавателей культурологии и менеджмента свидетельствует о необходимости социально-научного знания.

С расширением сферы экономической самостоятельности территориальных единиц в обществе множится разнообразие социально значимых решений. Теперь люди начинают нести реальную ответственность за приобретение и использование локальных доходов, за определение приоритетности в решении имеющихся в регионе или поселении социокультурных проблем. Соответственно им нужны знания и навыки, позволяющие сделать такие решения более эффективными и менее рискованными.

Меняется положение дел в области социализации. Функционируют альтернативные государственным учебные заведения, как общеобразовательные, так и высшие. Меняется форма владения средствами массовой информации, которые перестают быть полностью государственными. При этом в рыночные структуры необходимо еще «вписывать» так называемые учреждения культуры (кинотеатры, театры, библиотеки, музеи и т. п.). Все эти процессы по большей части происходят в России стихийно, хотя существует большой мировой опыт в их целенаправленном регулировании. Работники соответствующих институтов управления, «практики», как они себя с гордостью называют, не хотят его осваивать. И несмотря на то, что именно своими практическими действиями они довели подведомственные им учреждения (конечно, при активной поддержке работников этих учреждений) до плачевного состояния, опора на свой никчемный опыт и отвержение необходимости учиться остаются в России доминирующими на уровне трансляции социально значимого знания.

Меняется положение дел в сфере производства. Появление безработных и банкротов уже сейчас заставляет людей задуматься о причинах краха и о том, что в этих условиях можно сделать. Усиление профсоюзного движения меняет характер отношений между предпринимателями и наемными работниками. Необходимость иметь прибыль побуждает администрацию негосударственных предприятий вначале увеличивать их производительность, а затем искать стабильный рынок для своих товаров. Разумеется, все это не может быть сделано без специализированных социально-научных знаний, на основе индивидуального весьма ограниченного обыденного опыта.

Итак, из сказанного следует, что высококачественные научные знания об обществе и культуре сегодня в России стали социально необходимыми. Для того, чтобы они эффективно циркулировали в обществе, требуется несколько важных предпосылок. Во-первых, важно, чтобы желание людей получить такие знания перевесило привычку довольствоваться только примитивно понятным. Во-вторых, нужны учебные пособия, представляющие учащимся знание о человеке, обществе и культуре без упрощений и мифологизации. В-третьих, следует так построить курс, чтобы учащийся знал, для чего он получает знание, и как он сможет его применить в дальнейшем.

Науки об обществе и культуре отнюдь не проще физики или химии. Из того, что люди как-то живут и выживают, не следует делать вывода, что они знают общество и культуру, в которых существуют. Ведь не делается же вывод о том, что они знают состав воздуха, которым дышат, или воды, которую пьют. И это всего лишь иллюзия, что человек, не имеющий знаний о своем социокультурном окружении, может свободно оперировать его элементами. Если понаблюдать за поведением таких людей, то окажется, что они постоянно просят у других помощи и совета и легко становятся объектом манипуляции более опытных и знающих. Более того, отнюдь не невежественные слои общества формировали политическую, правовую, научную, художественную, массовую культуру и т. п. Поэтому, если

кто-то сносно существует без специализированных знаний о своем жизненном мире, это значит, что знающие люди помогают ему в таком существовании.

Познание социокультурной жизни важно начать с самых общих представлений о культуре, о науках, связанных непосредственно с ее изучением, а сегодня и о том, что и как обуславливает динамику культуры. Данная книга задумана как введение в социальную и культурную антропологию, науки, в рамках которых с конца XIX века изучается содержание совместной жизни людей. Здесь представлены ведущие научные направления, сложившиеся в рамках этих дисциплин. Однако компетентный и внимательный читатель заметит, что это сделано несколько по-иному, чем принято в отечественной литературе. Они не описываются целиком и подробно как некоторая законченная теоретическая система. Выделяются их исходные основания и отбираются лишь те аналитические линии, которые имеют отношение к изучению динамики общества и культуры. Далее, здесь отсутствует критика несовершенств представляемых направлений. Выделены их инструментальные, работающие элементы и обозначены границы применимости через приводимые в конце каждой главы основные классы задач, решаемых с их помощью. Наконец, эти направления излагаются в определенной, не исторической, последовательности, обусловленной логикой изучения динамики общества и культуры. На структуре книги следует остановиться подробнее.

Часть I «Динамика культуры: антропологические основания исследования» посвящена описанию социальной и культурной антропологии как областям научного исследования социокультурной жизни и развернутому современному определению категории «культура». В этом же разделе излагаются те социобиологические фундаментальные основания, на которых в настоящее время базируются представления о человеке как природном существе и врожденных свойствах, составляющих предпосылки его активных связей с окружением, делающих возможным создание искусственной, культурной среды. В дальнейшем эти

предпосылки и основания читатель обнаружит в каждой главе применительно к тем аспектам социокультурной жизни, которые в ней представлены. На этих основаниях далее разворачивается логика исследования динамики культуры: от факторов и механизмов порождения изменений до их макроисторической трансляции.

В части II «Основания изучения порождения культурных феноменов» рассматриваются теоретические представления о возникновении и формировании элементов культуры. Здесь выделяются два их основных класса, близких по своему содержанию к традиционной дихотомии материального и идеального. Во-первых, это объекты, порождаемые человеческими потребностями, которые связаны с жизнеобеспечением и предметной человеческой активностью. Они изучаются в рамках структурно-функционального направления, представленного здесь в его исходных основаниях, позволяющих проанализировать весь путь функциональных социокультурных единиц от момента их зарождения через структурирование и установившееся состояние до момента структурных изменений.

Во-вторых, рассматриваются объекты, порождаемые социобиологической необходимостью формирования внутренних концептов, знаков и символов. Они изучаются в рамках структурализма. В книге показаны последовательные стадии формирования внутренних концептов, или представлений, и их трансформации в знаки и символы, которыми обмениваются люди.

В части III «Динамическое коммуникативное поле культуры» анализируется та концептуальная модель социокультурной среды, с помощью которой можно проследить, как функциональные и символические образования трансформируются в культурные, то есть конвенционально установленные и используемые в процессах социального взаимодействия единицы. Здесь выделяются два основных направления изучения такого рода процессов, характерных для социально- и культурно-антропологических исследований (особенно для психологической и когнитивистской антропологии). Во-первых, рассматриваются коммуникатив-

ные процессы, складывающиеся на базе социального взаимодействия. В ходе этих процессов люди представляют друг другу функциональные и символические артефакты, которые через апробации и оценки могут стать общественным достоянием, социокультурными образцами. Во-вторых, речь идет о коммуникативных процессах, трансляции культурного опыта от поколения к поколению, освоения людьми социокультурного окружения на протяжении жизненного цикла. Таким образом, на уровне, представленном в данном разделе, можно проследить тот аспект динамики культуры, который связан с формированием социокультурных фактов и их циркуляцией в общественной жизни.

Часть IV «Идеи необратимости и обратимости культурных процессов» содержит описание того, как культурные единицы и формы могут передаваться и изменяться в историческом времени. Идея необратимости социокультурных процессов разворачивается на примере одного из самых влиятельных культурно-антропологических теоретических направлений — эволюционизма в его классическом и обновленном вариантах. Культурные единицы показаны как объекты, на которых эволюционные процессы могут быть прослежены, а культурные черты — как конкретные носители эволюционных изменений в историческом времени. Идея обратимости рассматривается сквозь призму теоретической модели волнообразных социокультурных процессов. Показаны познавательные возможности такого подхода к изучению динамики общества и культуры, дополнительность по отношению к эволюционистской ее трактовке.

Таким образом, II, III, IV части книги представляют три основных уровня социокультурной динамики: формирование функциональных и символических элементов; коммуникативные процессы, где они трансформируются в культурные единицы; их существование в историческом времени. Показано, каким образом могут быть использованы существующие теоретические модели в качестве инструментов изучения трансформационных процессов, обуславливающих их факторов

и механизмов на каждом из рассматриваемых уровней анализа динамики общества и культуры.

Часть V «Современные проблемы в изучении динамики культуры» посвящена обсуждению вопросов, связанных со сменой познавательной парадигмы, начавшейся в социальных науках примерно в середине 1960-х гг. Сегодня новый взгляд на социокультурную жизнь имеет более или менее общепринятое название «постмодерн», и уже отрефлексированы некоторые исходные основания этого мировоззрения. В его рамках сложились новые проблемные области изучения социокультурной жизни, которые не затрагивались, либо не считались достойными изучения в предыдущий период; плюральность личности и культуры, микродинамика социокультурной жизни, децентрированность социокультурного пространства, значимость нестационарных культурных объектов и процессов. Наличие этого раздела представляется важным, поскольку речь идет по крайней мере о ближайших перспективах научных поисков в изучении динамики общества и культуры.

Особое место в рамках раздела занимает короткая глава «Некоторые подходы к типологии культур и культурных единиц». Она иллюстрирует, как существующие в социальной и культурной антропологии теории могут быть использованы в изменяющихся логических и мировоззренческих рамках. Демонстрация неонтологичности, инструментальности типологических построений, позволяющих с прагматическими целями организовать многообразные культурные черты, кажется значимой в сравнении с доминирующими в отечественных социальных науках представлениях о «реально существующих» однозначных типах «целостных» культур и цивилизаций.

Данная книга рассчитана на особую, хотя, хотелось бы надеяться, достаточно обширную аудиторию. Она предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих человека, общество и культуру научными средствами и стремящихся преодолеть пределы традиционного гуманитарного познания. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в книге излагаются

всего лишь основы социальной и культурной антропологии. Здесь нет претензий на полноту теоретической представленности этих дисциплин, на подробное изложение существующих здесь исследовательских моделей. Задачей было показать, как можно использовать существующие теоретические конструкции для изучения динамики социокультурных процессов в относительной концептуальной полноте.

ЧАСТЬ I
ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение динамики культуры представляет собой одно из важнейших направлений в социальнонаучном познании. Понимание того, что социокультурная жизнь подвижна, сегодня стало массовым. Разумеется, оценка этого факта различна в разных культурах, группах людей. Одни полагают, что так было всегда, и движение есть неотъемлемая часть повседневной человеческой жизни. Другие считают, что подвижность культурных феноменов характеризует лишь переходные периоды между стабильными состояниями культуры как системной целостности. Третьи рассматривают современную степень изменчивости событий, происходящих в обществе и культуре, как историческую аномалию. Так или иначе, но динамика социокультурной жизни в настоящее время стала предметом философской и научной рефлексии.

Границы социальной и культурной антропологии определяют область научного познания, предметом которой стала социокультурная жизнь. За время существования в этих рамках сконцентрировался обширный теоретический и эмпирический материал, относящийся к динамическим характеристикам культуры. Часть исследований была ориентирована на изучение культурной изменчивости специально. В других работах эта тема затрагивалась как второстепенная по отношению к выявлению устойчивых культурных образований. Сравнение и обобщение полученных эмпирических результатов и теоретических моделей позволяет

утверждать наличие исходных концептуальных оснований, позволяющих ставить и решать рациональным образом задачи, связанные с изучением динамики культуры.

В данном разделе представлены некоторые общие принципы социально- и культурно-антропологического познания и исходные «природные» основания теоретических моделей порождения, существования и изменения культурных феноменов.

**СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
КАК ОБЛАСТЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ**

Антропология как область научного исследования сложилась в европейской культуре в XIX веке. Окончательно она оформилась в течение последней четверти XIX века и связывалась с задачей полного понимания человека. Здесь объединялись: собственно антропология, или естественная история человека, включая его эмбриологию, биологию, анатомию, психофизиологию; палеоэтнология — ранние стадии распространения человека на Земле, его поведения и обычаев; социология — отношения людей между собой; лингвистика — образование и существование языков, фольклор; мифология — возникновение, история и взаимодействие религий; социальная география — воздействие на человека климата и природных ландшафтов; демография — статистические данные о составе и распределении человеческой популяции.

В истории становления антропологии как области научного познания обычно выделяются следующие периоды: этнографический (1800 — 1860), эволюционистский (1860 — 1895), исторический (1895 — 1925). В это время происходило накопление знаний, формирование представлений о предмете и границах этой познавательной области, кристаллизация исходных оснований и ключевых категорий. С конца XIX века из этой общей области познания выделяется самостоятельная научная дисциплина, которая в США получала название культурной антропологии, в Великобритании — социальной антропологии, а во Франции — этнологии.

В настоящее время эта область познания считается самой мощной по своим материальным и человеческим ресурсам в ряду мировых наук о культуре. За период после Второй мировой войны здесь продолжается тенденция к дифференциации и специализации знаний о человеке и культуре. Так, в настоящее время Американская антропологическая ассоциация на автономных началах объединяет общества культурной, лингвистической, медицинской, биологической, психологической, гуманитарной, урбанистической, латиноамериканской, визуальной антропологии, Американское этнологическое общество, Национальную ассоциацию практической антропологии, Совет по антропологии и образованию. Независимо от Ассоциации существуют Общество прикладной антропологии, Лингвистическое общество Америки, Общество исторической археологии¹.

Теперь сфера занятости специалистов — культурных антропологов — более не ограничивается университетами и музеями. Они работают в отраслях экономики, международного бизнеса, права, здравоохранения, социальной помощи.

Университетские программы по культурной антропологии в США, по традиции, заложенной Ф. Боасом и А. Кребером, включают в себя такие дисциплины, как собственно культурная антропология, физическая антропология, археология, лингвистика.

■ Факторы, обуславливающие развитие культурной и социальной антропологии

Новые стимулы социальная и культурная антропология получила после Второй мировой войны. Их можно разделить на следующие основные категории.

Политические факторы. В этот период начались глобальные процессы, во многом определившие ми-

ровую ситуацию второй половины XX века. Во-первых, завершилась эпоха колониализма; по крайней мере на официальном уровне подавляющее большинство бывших колоний приобрели политическую самостоятельность. Между развитыми и развивающимися странами начали формироваться новые отношения и в то же время возникли специфичные напряжения. Развивающиеся страны оказались перед выбором путей движения, партнеров и т. п. Соответственно возникла необходимость осмыслить изменившийся контекст международных связей, наметить стратегии поведения в его рамках. Это расширило сферу познания, связанного с культурным многообразием и динамизмом стран, регионов, этнических групп. Во-вторых, активизировались националистические движения, обострились межрегиональные, межэтнические, межконфессиональные конфликты, участились локальные войны, интенсифицировались международные терроризм и преступность. Это стимулировало антропологические исследования политических отношений, войн, агрессивного и отклоняющегося поведения.

Социально-экономические факторы. После Второй мировой войны начался переход от индустриализма к постиндустриализму в развитых странах и интенсифицировались процессы модернизации в развивающихся. Это вызвало ряд глобальных социальных и культурных последствий. Во-первых, ускорились процессы формирования транснациональных корпораций, международных политических и экономических сообществ и т. п. В теории культуры реакцией на это стало выделение политической, организационной и правовой антропологии. Во-вторых, возросла динамичность урбанизационных процессов, в частности, за счет миграции значительных групп населения, в основном бедных и малообразованных. Благодаря этому сформировалась урбанистическая антропология, включающая в себя, в частности, исследования культур бедности, субкультур групп риска, а также рассмотрение культурных проблем городских сообществ, социального участия. Изменения в мировой экономи-

ке породили ряд новых социокультурных проблем, связанных с ростом безработицы, увеличением общего объема свободного времени, переменами в структуре профессиональной подготовки и переподготовки. Соответственно в области наук о человеке усилился интерес к теме образа, стиля, качества жизни; проблемам молодежи и «третьего возраста»; изменениям гендерных отношений и ролей; развитию индустрии досуга.

Мировоззренческие факторы. Вторая половина XX в., как известно, характеризуется усложнением социокультурной жизни в глобальном масштабе. Ломка традиционных нормативных структур, распространение аномических процессов, релятивизация культурных ценностей обусловили кризис личностной, культурной идентичности, если и не в массовом, то в весьма значительном масштабе. Это стимулировало научные поиски в области психологической антропологии, социализации и инкультурации, отклоняющегося поведения. Далее, превращение массовой культуры в глобальный феномен погрузило множество людей в атмосферу унифицированного языка, стандартизованных образов и эстетических форм, упрощенных алгоритмизированных образцов суждений, поведения, отношений. Однако в таких условиях люди ощущают, что их переживания не укладываются в предлагаемые стереотипные рамки, и за этими пределами остается многое, чему пока еще не найдено приемлемых выразительных средств. Отсюда тяга к более сложной культурной идентификации, которую люди ищут в обращении к этническим, историческим, конфессиональным корням, в стремлении обрести личностное самоопределение. В рамках культурной антропологии ответом на это стали исследования проблем идентичности, типов и форм реакции на процессы унификации в культуре; изучение закономерностей существования массовой культуры и ее связей с более широким культурным контекстом.

Научные факторы. В этот период происходят серьезные изменения в сфере философского и научного познания, которые распространились на культурную

антропологию не в меньшей степени, чем на другие науки. Коротко говоря, примерно с середины 60-х годов XX в. стало понятно, что начался процесс, обозначенный Т. Куном как смена научных парадигм, а М. Фуко как изменение эпистемы. Рефлексия к основаниям теорий и методологий, относящихся к изучению человека, общества и культуры, привела к обнаружению сомнительности, несоответствия, архаичности некоторых из них по отношению к необходимости решать накопившиеся в культурной антропологии проблемы. Так, неадекватными для объяснения функционирования и динамики социокультурных систем оказались практически все теории, авторы которых претендовали на универсальность интерпретаций. Соответственно в качестве проблемной области выветилась социокультурная микродинамика, ее движущие силы и их организация в механизмы формирования моделей исторических процессов.

Исчерпал свой эвристический потенциал принцип тотальной взаимосвязанности, непрерывности, целостности общества и культуры, системного априоризма. Пришлось признать, что автономность, прерывность и множественность являются столь же значимыми параметрами совместной жизни людей. Но для того, чтобы иметь дело с ними, в социальных науках нет подходящих теорий, и они до сих пор не созданы. Наконец, стало понятным, что общество и культура — это категории или концептуальные, но отнюдь не реальные объекты. Соответственно вопрос о расхождении в представлениях о социокультурной реальности между профессиональными исследователями и непрофессионалами перестал однозначно решаться в пользу абсолютной правоты ученого. Оказалось, что культурные представления, сколь бы фантастичными и далекими от эмпирической верификации они ни были, составляют элементы реальности для разделяющих их людей. В то же время самые рационально выстроенные и эмпирически проверенные суждения ученых могут встречаться с недоверием и пренебрежением; окружающие могут сопротивляться предлагаемому знанию даже если это приносит им

вред. Соответственно стоят вопросы о том, как формируются, существуют подобные представления; почему люди предпочитают их позитивному знанию. Вообще, картезианский образ человека ныне поставлен под сомнение.

Для решения перечисленных проблем не существует не только теорий, но и приемлемых методологических принципов. Способы извлечения информации, имеющиеся в социальных науках, базируются на представлении об объектах изучения как об устойчивых, самождественных целостностях, к которым вполне применимо правило экспериментальной логики. Однако накопление ошибок в объяснениях и прогнозах сделало очевидным, что классическая методология неприменима к эмпирическому исследованию новых проблем. На этой почве появилось течение постмодернизма, в рамках которого они хотя и не решены, но по крайней мере очерчены.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что в течение XX века в рамках культурной антропологии сконцентрировался богатейший эмпирический и теоретический материал. И не только благодаря научному переосмыслению многочисленных и разнообразных исторических данных. Теперь основными источниками систематизированных данных стали результаты многочисленных полевых исследований. И если в первой половине века такие исследования носили, в основном, академический характер и побуждались стремлением сохранить информацию об уходящих в прошлое «примитивных» культурах, то со второй его половины ситуация меняется. Стала очевидной прагматическая ценность знаний об истоках общего и специфического, устойчивого и меняющегося в культуре. Такого рода знания начали эффективно применяться в сферах массовой коммуникации, торговли, в практике транснациональных корпораций, дипломатии и т. п. Соответственно культурно-антропологические исследования стали лучше финансироваться, что способствовало как росту объема эмпирических данных, так и развитию теоретической и методологической оснащенности дисциплины.

■ Предмет и объект социальной и культурной антропологии

Социальная и культурная антропология представляет собой область познания, в которой человеческое существование стало предметом анализа и объяснения, а не только описания и оценки, как это было во времена, предшествующие формированию социальных наук. Ее содержание можно охарактеризовать двумя хорошо известными в истории европейской мысли формулами. В философском смысле границы очерчиваются знаменитыми вопросами И. Канта, на которые должна ответить антропология: что я могу знать? что я должен делать? на что я могу надеяться? наконец, что есть человек? На прагматическом уровне она должна соответствовать требованиям О. Конта: знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы мочь; мочь, чтобы предупреждать.

Предмет социальной и культурной антропологии.

С начала становления этой науки и по настоящее время важной темой исследования является исторический, даже преисторический генезис культуры и общества. На основании крайне ограниченной и разрозненной информации о ранних периодах существования человека как вида исследователи строили и продолжают строить крупномасштабные теории. И хотя их авторы претендуют на реконструкцию исторической и преисторической реальности, такие построения не следует отождествлять с тем, «что было на самом деле». Это не более чем концептуальные модели, которые в лучшем случае представляют собой упрощенные идеализированные схемы, служащие точкой отсчета при организации эмпирического материала. Концепции «первобытного общества» могут быть удобным инструментом для сравнения вариаций однородных явлений культуры, обнаруживаемых в достаточно простых сообществах; для оценки ранних стадий формирования личности или межличностных отношений; для интерпретации возвращения сложных социокультурных форм к более простым состояниям и т. п., но не более. В насто-

ящее время в науках об обществе и культуре отношение к таким моделям как к реальности (их онтологизация, реификация) встречается все реже.

Сейчас стало очевидным, что более эвристично для познания культуры рассматривать человека внутри современных, институциональных, межличностных связей и в этом контексте проследить его представления о своих потребностях и проблемах, которые побуждают его поддерживать, нарушать и создавать элементы собственной социокультурной реальности. По-видимому, это может дать более достоверные сведения о генезисе культурных явлений, процессов, форм, нежели фантазии о прошлом, основанные на скудном эмпирическом материале.

Распространение антропологической идеологии на изучение процессов и явлений, происходящих в «индустриальных» обществах, ускорило развитие социальной и культурной антропологии. Работы, выполняемые в США в 1920-х гг. в рамках Чикагской школы, определили формирование урбанистической антропологии с акцентом на исследовании неформальных групп и объединений. Школа «человеческих отношений», сложившаяся в США в 1930-х гг., стимулировала изучение антропологических аспектов отношений между людьми в различного рода формальных организациях. Работы, связанные с попытками объяснить происходящие в сложных обществах процессы через идею «национального характера» (1940 – 50-е годы), способствовали становлению более тонких подходов в психологической антропологии. Изучение лингвистической коммуникации в модернизированных обществах (1960 – 70-е гг.) обусловило расширение спектра тем в области культурной семантики.

В настоящее время социальная и культурная антропология — это область научного познания, предназначенная для изучения содержания совместной жизни людей. Ее познавательную направленность можно определить следующим образом:

- изучение созданных людьми объектов, или, как их принято называть, артефактов (вещей, идей, образов, технологий, нормативных образований, оце-

ночных критериев); их порождений, складывающихся вокруг них отношений и взаимодействий;

- построение теоретических моделей для организации, интерпретации, объяснения фактов, характеризующих активность людей в природном и искусственном окружениях, проявляющуюся в общих (культурно-антропологические универсалии) и специфичных (культурное многообразие) проявлениях и формах;
- построение теоретических моделей макро- и микродинамики культурных процессов.

В соответствии с такого рода познавательными задачами основными предметными областями социальной и культурной антропологии являются:

- биологические, психические, социальные механизмы порождения, поддержания, изменения создаваемых людьми объектов и технологий, помогающих им регулировать отношения с окружением;
- способы поддержания и изменения искусственной жизненной среды в синхронном и диахронном планах;
- процессы порождения и динамики знаковых систем;
- способы формирования и поддержания внутрикультурной и межкультурной коммуникации;
- предпосылки, формы и технологии освоения трансляции культурного опыта;
- функциональные и динамические механизмы регулирования межличностных и межгрупповых отношений;
- условия воспроизведения во времени специфичных характеристик совместной жизни людей на уровне обществ и сообществ.

Объект и направление социально- и культурно-антропологических исследований.

В качестве исследовательских объектов социальной и культурной антропологии к настоящему времени сложились следующие:

- культурно-исторические регионы, поселения различных типов;

- специализированные области культуры, исследование которых обусловило формирование таких субдисциплин, как экономическая, политическая, правовая антропология, антропология религии, антропологические направления в изучении искусства, массовой культуры, образования;
- социокультурные слои (например, антропологический анализ элит в обществе, «культура бедности»), группы (субкультуры), организации (корпоративные нравы, обычаи, кодексы поведения, ценности, предрассудки, мифология);
- индивиды (культурно-антропологический анализ образа жизни людей, его изменений на протяжении жизненного цикла; внешней обусловленности нарушений физического и психического здоровья, отклоняющегося поведения; индивидуальных побуждений к изменениям и способов их реализации).

Что касается принятых сегодня теоретических способов упорядочения эмпирических данных и объяснения культурных фактов, динамики и многообразия культурных феноменов, то их можно свести к следующим доминирующим направлениям:

- эволюционная теория, где считается, что совокупности социокультурных феноменов различаются по степени совершенства и возможно движение по этой шкале вверх и вниз;
- культурный материализм, где считается, что совокупности социокультурных форм различаются по их адаптационным преимуществам;
- диффузионизм, где считается, что совокупности сходных социокультурных феноменов имеют общий источник или связаны друг с другом через механизм заимствования;
- функционализм, где считается, что различные социокультурные образования в пределах одной группы являются взаимоподкрепляющими;
- французская социология, где считается, что совокупности социокультурных образований отличаются друг от друга внутренней последовательностью, гармоничностью, степенью взаимности;

- британский социальный структурализм, где считается, что сходные по внутренней структуре социокультурные явления могут быть внешне совершенно различны, а кажущиеся сходными феномены могут различаться в некотором существенном отношении и один из них может быть детерминантой другого;
- психологическая антропология, где считается, что некоторые виды социокультурных феноменов представляют собой вариации на определенную тему (например, удовлетворение человеческих потребностей) или некоторое социальное измерение (например, социальная дифференциация);
- французский структурализм, где считается, что все человеческие феномены определенного типа детерминированы некоторым набором врожденных принципов (пределов), прямо не наблюдаемых в самих феноменах.

Таковы сегодня источники объяснительных принципов и моделей, которые могут быть использованы для интерпретации динамики и многообразия культурных феноменов различного масштаба и различной степени устойчивости во времени.

■ Определение понятия «культура»

Понятие «культура» является центральным в социальной и культурной антропологии. Это понятие в его современном значении начало применяться в Европе в XVIII веке благодаря работам таких мыслителей, как Дж. Вико, И.Г. Гердер, Ш. Монтескье. В этот период волна географических экспансий, как неоднократно бывало и прежде в истории, привела к обострению интереса людей к сравнению собственных культурных ценностей, стереотипов, образа жизни с теми, что свойственны другим странам; к дискуссиям о правомерности культурного многообразия.

Со второй половины XIX века понятие «культура» постепенно приобретает статус научной (а не только

философской) категории. Практически утрачивается прогрессивистский оценочный оттенок, индуцированный идеями Просвещения и подчеркивающий «высокий» уровень развития общества. Оно стало пересекаться с категориями цивилизации, общественно-экономической формации, глобальной регионализации. Его стали определять как «биологически ненаследуемую память человечества»; через системы локальных стереотипов поведения и представлений, через наборы антропологических и «эволюционных» универсалий и т. п.

В XX веке из научных представлений о культуре уходят обертоны романтизма, придающие им сопутствующие значения уникальности, творческого порыва, духовности, освобождения от бремени повседневности. Как отмечал Ж.-П. Сартр, культура никого и ничего не спасает и не оправдывает. Но она — дело рук человека, в ней он ищет свое отражение, в ней он узнает себя, только в этом критическом зеркале он может увидеть свое лицо¹.

Понятие «культура» употребляется сегодня во множестве значений. Однако, несмотря на кажущееся разнообразии определений, есть некоторые общие позиции, которые присутствуют или ясно подразумеваются в каждом из таких определений.

Исходные общие представления, существующие в антропологии, не дают ответа на вопрос, «что в реальности есть культура». Они налагают ограничения на процессы и явления, включаемые в сферу изучения; служат основанием для поиска и интерпретации связей между «материальными» и «идеальными» толкованиями человеческой активности на уровне микро- и макровременных процессов социокультурной жизни. С этой точки зрения понятие «культура» подразумевает не теорию или модель, позволяющую поступательно двигаться к «правильному» объяснению человеческих

феноменов, но такое теоретическое поле для их толкования, которое предупреждает неадекватный редукционизм либо только к «материальным», либо только к «идеальным» феноменам.

Говоря о современной концептуализации понятия «культура», целесообразно отметить, что она осуществляется по двум различным, хотя и взаимосвязанным направлениям. Первое из них было достаточно подробно разработано в пределах школы Т. Парсонса. Здесь культура считается всего лишь одной составляющей набора аналитических конструктов, предназначенного для анализа социального действия. Категория обеспечивает «аналитическую плоскость» структурирования для ценностей наряду с биологией, выполняющей ту же роль для требований организма, с психологией — для индивидуальных потребностей и обществом — для институтов. Второе направление возродилось в работах К. Леви-Стросса. Культура считается особой упорядоченной селективной областью феноменов, противопоставляемой «природному». «Природное» рассматривается как материал для «культуры» — реализованной способности человека специфичным образом «метить» окружение как свою «среду».

Различия между этими толкованиями не абсолютны. Речь идет об акцентах в выборе предмета и объекта изучения при наличии более общих разделяемых представлений о культуре. В данной работе культура понимается во втором смысле, широко, как категория, акцентирующая искусственное начало в совместной жизни людей.

Культура как содержательный аспект социальной жизни. Под культурой понимается содержание социальной жизни людей. На это указывал еще Ч. Моррис. В его работах постоянно присутствуют свидетельства того, что одни и те же «естественные» процессы (например, отношения полов, поглощение пищи) в разных обществах имеют разные внешние социально санкционированные формы; члены одного и того же общества, существующие в рамках одних и тех же социальных структур, могут ориентироваться на различ-

ные эталоны поведения, действий, взаимодействий, оценок¹. Сторонники концепции культурной системы — Л. Уайт, К. Клакхон, А. Кребер и др., говорили об обществе как о структурном аспекте рассмотрения совместной жизни людей, а о культуре — как о содержательном наполнении этой структуры. Многие теоретики отмечали, что культура материализуется в многочисленных объективированных формах прошлого и настоящего, но ее реальное существование проявляется только во взаимодействии, информационном содержательном обмене между людьми. Это означает также, что каковым бы ни было происхождение культурных объектов, понятие подразумевает, что речь идет о социальном, а не об индивидуально-специфическом явлении.

Искусственность культурных феноменов. Культурные явления искусственны и созданы людьми. Их противопоставление природным, естественным можно считать классическим. А. Гелен, Дж. Вико, Ш. Монтескье рассматривали культуру как природу, преобразованную в процессе человеческой деятельности. Б. Малиновский связывал представление о культуре с искусственными средствами удовлетворения и регулирования природных человеческих потребностей. М. Вебер полагал, что культура подразумевает разумный и имеющий значение разрыв «бессмысленной бесконечности происходящих в мире событий». Культура рассматривается как биологически ненаследуемая информация, а также способы ее организации и хранения. Как заученное поведение ее определяли К. Кун, Д. Бидни, Р. Линтон². Наряду с широким толкованием искусственности существует более узкое (гуманитарное), в котором она ограничивается знаковым, символическим уровнем.

Вещи. Культура включает в себя вещи. Предметный мир культуры всегда был основным материалом

¹ *Morris C. Signs, Language and Behavior. N.Y., P. 205.*

² *Conn C.S. The Theory of Man. N. Y., 1954. P. 5; Bidney D. Theoretical Anthropology. N. Y., 1964. P. 131; Linton R. Tree of Culture. N. Y., 1955. P. 29.*

для ее изучения. В археологии даже сложился специальный термин «материальная культура», обозначающий разного рода строения, средства передвижения, орудия труда, предметы быта и т. п.

Образцы человеческих отношений. Культура включает в себя образцы человеческих отношений. В свое время Дж. Хонигман при определении культуры выделял два рода явлений. Во-первых, социально стандартизированное поведение в сообществах. Во-вторых, материальные продукты групповой активности. Из единиц такого рода складываются определенные образцы, конфигурации, стереотипные формы («паттерны»), которые определяются как относительно устойчивые и повторяющиеся способы восприятия, чувствования, мышления, поведения. Они могут быть универсальными для данной культуры (например, государственные торжества), а могут быть специфичными для региона (например, способ обработки земли) или группы (например, жаргон). Культурные образцы могут носить характер реальных действий и отношений или же воображаемых представлений. К числу последних относятся идеалы, то есть желаемые, но недостижимые положения дел¹. Как отмечал Л. Уайт, «культуру следует объяснить в специфичной для этого терминологии. И сколь бы парадоксальным это ни казалось, непосредственным объектом изучения человечества оказывается вовсе не человек, а культура. Наиболее реалистичной и научно-адекватной интерпретации культуры можно достичь, лишь отвлекаясь от существования человека» и обращаясь к продуктам его деятельности².

Технологии. Культура технологична. Значимость выделения технологий, или специально организованного взаимодействия, ориентированного на достижение определенных результатов, в особую предметную область культуры сегодня не вызывает сомнения. Принято даже разделять технологии в зависимости от типов объектов, на создание которых они ориентирова-

¹ Honigman Y.Y. Culture and personality. N. Y., 1954.

² White L. The Science of Culture. N.Y., 1949. P. 141.

ны: создание физических объектов; организация социального взаимодействия; порождение и трансляция символов¹.

Символические объекты. Культура включает в себя символические объекты, в том числе ценности и нормы. В свое время, определяя понятие «культура», А. Кребер и К. Клакхон писали: «Культура состоит из эксплицитных и имплицитных норм, определяющих поведение, осваиваемое и опосредуемое при помощи символов; она возникает в результате деятельности групп людей, включая ее воплощение в средствах. Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентированные) идеи, особенно те, которым приписывается особая ценность. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой — как ее регуляторы»². Л. Уайт определял культуру следующим образом: «Культура представляет собой организацию явлений, видов и норм активности, предметов (средств, вещей, созданных с помощью орудий), идей (веры, знания) и чувств (установок, отношений, ценностей), выраженных в символической форме»³. А.У. Гудинаф полагал, что «культура общества состоит из того, что необходимо знать и во что необходимо верить его членам, чтобы действовать взаимоприемлемым способом и исполнять любые значимые для них роли»⁴.

Обобщая все наиболее значимые характеристики, которые выделялись в приведенных весьма авторитетных высказываниях о содержании понятия культуры, можно сформулировать некоторое интегральное определение, объединяющее эти характеристики.

¹ Витаньин. Общество, культура, социология. М., 1984.

² Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture. A Critical Concepts and Definitions // Papers of Prabody Museum of American Archeology and Ethnology. 1952.

³ White L. A. Culturological and psychological interpretations of human behavior // American Sociological Review. December. 1947.

⁴ Godenough W. Cultural anthropology and linguistics // Language in Culture and Socicly: A Reader in Linguistics and Anthropology. N. Y., 1964. P. 36.

Категория «культура» обозначает содержание совместной жизни людей, представляющее собой биологически ненаследуемые, искусственные, созданные людьми объекты (артефакты). Под культурой понимаются организованные совокупности материальных объектов, идей и образов; технологий их изготовления и оперирования ими; устойчивых связей между людьми и способов их регулирования; оценочных критериев, имеющих в обществе. Это созданная самими людьми искусственная среда существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и поведения.

Короче, обращаясь к определению культуры в одном из сравнительно недавних антропологических словарей, следует выделить надбиологичные и социально транслируемые феномены, религиозные, социальные образцы и технику освоения среды¹.

■ Отличие социальной и культурной антропологии от других наук о человеке

Вокруг познавательного статуса социальной и культурной антропологии в свое время разворачивались острые дискуссии. Одни считали ее областью гуманитарного познания, другие — научного. Одни утверждали, что она ограничивается лишь описанием наблюдаемых явлений; другие находили в ней начала для объяснения генезиса и динамики таких явлений. В настоящее время принято считать, что культурная (социальная) антропология — это социально-научная дисциплина, в рамках которой человек изучается через анализ его взаимодействия с природным и искусственным окружением; через исследование причин, факторов и механизмов, обуславливающих порождение, поддержание и изменение людьми создаваемых ими объектов (артефактов). Научный статус культурной (социальной) антропологии подтверждается на-

¹ *Winick Ch. Dictionary of Anthropology. Wittlefield, 1975. P. 144.*

lichem прикладной ветви. Сегодня с ее помощью успешно решается целый ряд практических задач, связанных с социальным участием и анимацией, административной деятельностью, адаптацией, с разработкой программ «развитие общностей», «региональное развитие».

Социальная и культурная антропология, как было показано выше, имеет собственные познавательные задачи и исследовательский предмет. Соответственно она отличается от таких близких к ней социальных наук, как социология и психология.

Культурная антропология и социология. Социология складывалась как наука о формах совместной жизни людей: социальные группы и слои, социальная структура, социальные институты, социальные связи, социальные механизмы их поддержания и изменения, основные формы социальности. Центральной категорией социологии является общество (социальная система), обозначающая формы связей между совместно живущими и взаимодействующими людьми, как правило, на общей территории.

Как отмечали А. Кребер и Т. Парсонс, долгое время понятия «общество» и «культура» использовались как практически синонимичные. Культура в работах Тайлора и Боаса и общество в работах Конта, Спенсера, Вебера, Дюркгейма означали примерно одно и то же — биологически ненаследуемые аспекты совместного существования людей. Но наступил период, когда проведение терминологических различий оказалось необходимым, и авторы вносят свои предложения. Понятие «культура» они относят к порождаемым и транслируемым символическим системам, в том числе ценностям, идеям, как факторам, организующим отношения людей с окружением. Понятием «общество» («социальная система») они обозначают системы (структуры) отношений между индивидами и коллективами¹.

Социология связана с изучением форм человеческой социальности. Здесь люди рассматриваются как работающие, производящие, потребляющие существа, вписанные в систему общественного разделения труда. Соответственно, строится концепция общества, представленная через структуры воспроизведения социальных действий и взаимодействий и расслоения социокультурных групп. Выделяются также формы межличностных и межгрупповых отношений, значимые с точки зрения поддержания и разрушения «ткани» социальности (кооперация, конфликт, интеграция, диссипация и т. п.) и механизмы их целенаправленного регулирования (институты, нормы в их структурно-функциональном, но не конкретно-содержательном плане). Культурная антропология стала наукой о содержании совместной жизни и деятельности людей: сходные и специфичные для различных человеческих сообществ способы адаптации к природному окружению, друг к другу, технологии жизнеобеспечения и взаимодействия, символические системы и оценочные критерии.

Различие между дисциплинами, как его обозначил Л. Уайт, состоит в следующем: «Социология — наука о взаимодействии человеческих индивидов и обществ, формируемых этим взаимодействием. Культурология же изучает взаимодействие не человеческих индивидов, а элементов культуры (обычаев, институтов, кодов, технологий, идеологий и др.)». Иными словами, она имеет собственный предмет исследования — содержание общественной жизни¹.

Социологи обычно рассматривают культурные системы в качестве производных от социальных систем. В культурной антропологии социальная система рассматривается лишь как часть более широкой целостности — культуры.

Психологическая антропология и психология.

Различие между психологией и психологической антропологией заключается в предмете изучения. Психология связана с изучением психических состояний

¹ White L. The Concept of Cultural Systems. N. Y., 1975. P. 128 – 129.

и процессов, с одной стороны, и уникальных особенностей личности — с другой. В психологической антропологии исследуются разделяемые членами сообщества психические характеристики — личностные черты, стереотипы поведения, психические отклонения. Психологов интересует психика человека в ее собственных закономерностях. Для психологических антропологов особый интерес представляют психические аспекты связей человека с окружением. И если объектом изучения в психологии является индивид, то в рамках психологической антропологии — это индивид в среде.

М. Фуко считает, что место психологии в познании человека «там, где живое существо, расширяя область действия своих функций, своих нейромоторных форм, своих физиологических закономерностей и в то же время приостанавливая и ограничивая их, открывает себя к самой возможности представления»¹. Иными словами, здесь речь идет о внутрличностных процессах.

С позиции психологической антропологии для понимания человека важно интересоваться не столько его личностными качествами, сколько знать, что он делает, как и для чего. Ответы на эти вопросы можно найти только в ситуационном контексте. Люди принимают участие в межличностных ситуациях для достижения тех целей, реализации тех интересов и потребностей, которые неосуществимы без взаимодействия с другими. Значимость одновременного удержания в поле исследовательского внимания характеристик как индивида, так и среды, обнаруживается уже в работах Л.С. Выготского, А. Валлона, Ж. Пиаже при изучении формирования личности в динамике познавательных процессов. Позже, в начале 60-х годов XX в., Р. Вудворс и Р. Уайт показали, что мотивационные факторы, являющиеся движущей силой поведения, следует искать в области взаимодействий индивида со средой, а не за ее пределами; что такое взаимодействие, выражающееся в поведении, порождает условия и предпо-

сылки для личностного развития. Таким образом, основным предметом психологической антропологии являются не компоненты психики, но само взаимодействие индивида со средой.

■ Современные проблемы динамики культуры в социальной и культурной антропологии

Область познания, ограничиваемая сегодня науками о культуре и отделенная от других наук о человеке, определяется спецификой ее предмета изучения. Как уже отмечалось, это связи человека с его природным и социальным окружением, однако не природно заданные, но структурированные им самим и объективированные в форме физических вещей и представлений; это мир, порожденный такого рода связями и задающий жизненно важные параметры совместного существования людей.

Науки о культуре сегодня своим исходным основанием имеют современные представления том, что представляет собой человек в его природной данности (биология, психобиология, социобиология). Однако зона культурно-антропологических исследований простирается между представлениями о позитивных формах существования человека (жизнеобеспечение, социализация, коммуникация, рекреация) и о предметном мире, являющемся средой, источником ресурсов и материалов для реализации этих форм. Соответственно задачи исследователя заключаются в том, чтобы определить, каковы способы и механизмы порождения представлений людей об окружении; как они расчленяют его; как они создают и используют вещи; строят жизненную среду; формируют структуры социального взаимодействия. Цель наук о культуре состоит также в необходимости выявить, каким образом индивиды или группы представляют себе своих партнеров по производству или обмену; выявляют, скрывают или теряют из виду эти представления в отношениях с другими; интегрируются в общество или изолируются от него, ощущая себя зависи-

мыми, подчиненными или же свободными¹. В таком контексте предметы, высказывания, поведение людей обеспечивают внешние, наблюдаемые следы более глубинных человеческих связей с окружением, указывающие на то, что люди демонстрируют, скрывают, к чему они безразличны и т. п. Эти следы могут использоваться как признаки и показатели стабильности или изменчивости, интегрированности или дисперсности, интенсивности или разреженности и т. п. совместной жизни людей.

На протяжении XX века в мировой культурной антропологии эти задачи решались в рамках таких теоретических ориентаций, как эволюционистские и неэволюционистские идеи динамики культуры и многолинейности развития; концепции культурных ареалов и культурной диффузии; функционалистские, системные теории культурно-экологической адаптации; структуралистский анализ культурных феноменов; постмодернистский неоиндуктивизм и программный эклектизм.

Изменения в исследовательских акцентах. В 1980-е годы наблюдается тенденция к укрупнению объекта исследования: интерес перемещается от процессов, характерных для локальных сообществ (клановых, этнических, конфессиональных и т. п.), к тенденциям динамики больших социальных систем — городов, обществ — к глобальным проблемам (экономические последствия модернизации, конфликты и милитаризм, транснациональные институты и т. п.). В то же время предмет исследования становится значительно тоньше: макродинамические, исторические механизмы культурных изменений отошли на второй план по отношению к микродинамическим; от изучения функционирования обобщенных стереотипных культурных образований фокус внимания переместился к процессам их порождения и становления; изучение идеологий сменилось активным вниманием к неосознаваемым и к невыраженным в терминах рациональных катего-

рий явлениям, отысканием их места в концепциях культуры.

Особое внимание уделяется влиянию развития глобальных коммуникативных связей (автомобильные, железнодорожные, воздушные пути, телевидение, компьютеризация) на процессы межкультурного взаимодействия и формирование унифицированных алгоритмов массовой культуры. Интенсифицировались исследования в области урбанистической антропологии (в США, например, создано Общество урбанистической антропологии с журналом «Urban Anthropology»). Иными словами, за последние десятилетия глобальные антропологические исследования изменились по содержанию: изучение пространственно-географического распределения культурных черт (устойчивых культурных паттернов) сменилось вниманием к распределению социокультурных проблем.

Завершился этап реификации¹ понятий: «культура как система», «культурный тип», «модальная личность» («национальный характер») и т. п. Сейчас стало очевидно, что такого рода построения эвристичны лишь в той мере, в какой они используются инструментально, то есть как модели интерпретации при исследовании реальных явлений и процессов. Соответственно центр исследовательского внимания сместился к тому, что ранее называлось «деформацией», «деградацией», «отклонениями», «патологией» в культуре и т. п.

Культура по определению понимается как производная совместной человеческой активности. Чтобы схематично представить себе, как сегодня стоит вопрос о генезисе культурных феноменов, можно обратиться к схеме Прибрама, Галантера и Миллера, описывающей универсальную закономерность формирования стереотипных моделей поведения: «проба—оценка—проверка—выход». Эта схема предполагает два плана активности: связанный с взаимодействием и связанный с коммуникацией. В первом случае складываются ре-

¹ Реификация (англ. reify) — отношение к категории как к реально существующему объекту.

альные последовательности обмена действиями, каждая из которых приводит к какому-либо результату. Этот план можно рассматривать как область порождения технологий и вещей. Во втором складывается оценка эффективности действий, схемы их сочетания для достижения желаемого результата. Соответственно в этом случае речь идет об области порождения образов и моделей действий, а также ценностных представлений. Имея в виду, что человек — существо социальное и действует не один, а в системе общественного разделения функций, следует допустить наличие средств, организации взаимодействий. Таковыми принято считать коммуникативные сети как структуры обмена информацией и знаки как единицы такого обмена.

Эти средства в свою очередь формируются в процессах социального взаимодействия. Ведь в науках об обществе и культуре человек сегодня представлен не как изолированная единица, но как «организм в среде», с которой он постоянно обменивается информацией. Значимость таких связей побуждает его строить представления, благодаря которым он фиксирует адекватность своего отношения к элементам окружения и координировать свои действия с действиями других при использовании этих элементов в различных ситуациях.

Так формируется социокультурная среда, которая конструируется как результат коммуникативных актов, в котором «Я» обращается к «Другому», постигая его как личность, которая обращена к нему самому, причем оба понимают это»¹.

Соответственно уточняется представление о культурных параметрах ситуации социального взаимодействия: цели, правила, роли, репертуар действий, конфигурации («паттерны») взаимодействий, разделяемые категории, коммуникативные коды, соотношенность со средой. В этом теоретическом контексте можно с достаточной точностью проследить порождение устойчи-

вых соотношений действий и их значений в рамках таких ситуаций.

Тема «униформность и многообразие» в изучении культуры. Продолжаются исследования культурной специфики в пределах этнокультурных единиц. Такие исследования конкретизируют коммуникативные процессы применительно к локальным устойчивым условиям существования сообществ.

Этноспецифичные черты культуры складываются исторически в ходе приспособления определенного социокультурного сообщества к условиям существования, создания устойчивых сетей межличностного взаимодействия. Они передаются от поколения к поколению с помощью механизма традиции и поддерживаются за счет коллективной реализации в социокультурной жизни. Освоение этнокультурного опыта происходит в раннем детстве в контексте непосредственной жизненной среды, воспринимаемой индивидом в качестве естественной и в какой-то период единственно доступной. Соответственно многое осваивается на неосознанном уровне и может оставаться неотрефлексированным всю жизнь. Пониманию механизмов порождения и удержания специфичных для этноса черт культуры способствует исследование литератур и мифов, анализ разнообразных речевых проявлений и письменных документов, характерных для этих культурных единиц. В них можно обнаружить следы формирования и сохранения культурной специфики.

В связи с этим встал вопрос о необходимости уточнить смысл понятия «традиция». Сегодня оно несет в себе два взаимоисключающих значения. Во-первых, этимологическое, указывающее на механизм, процесс передачи культурного опыта во времени. В этом смысле термин не имеет субстанционального значения, то есть нельзя указать на объект, который можно назвать «традицией». Это атрибут, то есть об объекте можно сказать, что он традиционен, последовательно, непрерывно передается из далекого прошлого. Во-вторых, более позднее понимание традиции как культурного объекта, чье существование и почитание как нормы или

ценности освящены принадлежностью к истории данной общности. Соответственно дихотомия «традиция» и «изменение», часто встречающаяся в литературе о культуре, оказывается по смыслу неопределенной. Скорее можно различать традиционные и инновативные явления.

В связи с развитием темы этнических культур начал отходить на задний план принцип описательного обобщения («дескрептивной интеграции»), который достаточно долго доминировал в культурной антропологии. В этом случае целью исследования было описание отдельной культуры как целого, объединяющего множество разрозненных наблюдений и сведений. И лишь ближе ко второй половине XX века антропологи вернулись к мысли о том, что исторические обобщения можно построить так, что они окажутся сравнимыми с естественно-научными обобщениями (генерализациями). Это происходит тогда, когда исследователь культуры переходит от повествования к оценке состояния институтов, правил поведения, отношений и ценностей.

Итак, одной из центральных тем культурной антропологии продолжает оставаться дихотомия «универсальное—специфичное», «униформность—многообразие». Наблюдения, относимые к каждому из полюсов, зафиксированные практически в любой классической антропологической работе, сопровождалась постоянными попытками найти им объяснение. В ход пускались такие общие концепции, как моногенез и полигенез, эволюция и деградация, развитие и мутации. Объяснения искались в расовых, гендерных, этнических и т. п. различиях. За свидетельствами правильности объяснений обращались к таким областям познания, как биология, география, история, археология.

При сравнительном изучении культур осуществлялись количественные измерения сопоставляемых характеристик в соответствии со шкалами «меньше—больше» и «проще—сложнее». В первом случае рассматриваемые переменные сравниваются по количеству, интенсивности, динамичности их присутствия в изучаемых ситуациях. Во втором случае сравниваются

не только количество элементов, но и порядок их связи, структура и правила взаимодействия. Однако причины культурных сходств и различий до сих пор составляют предмет научных исследований.

Теории и концептуальные направления в социальной и культурной антропологии. В заключение следует коротко охарактеризовать ту информацию, которая будет представлена в дальнейшем. Из существующих культурно-антропологических теорий и теоретических направлений выделяются объяснительные принципы, позволяющие интерпретировать многообразие и изменчивость в культуре. Наука о культуре, в отличие от гуманитарного знания, имеет целью построение теорий, определяющих значимые в исследовательском отношении явления, процессы, их совокупности. Теории культуры представляют собой логические конструкторы, построенные на базе выявленных относительно устойчивых характеристик искусственной реальности и предназначенные для интерпретации (объяснения) и предсказания происходящих здесь событий.

По отношению к фактам или наблюдаемым явлениям, интересующим исследователя, теория выполняет следующие основные функции. Во-первых, их организация в общую систему, обоснованную как целостность, в определенном смысле соответствующую реальности. Следует отметить, что теории могут интегрировать однопорядковые и разнопорядковые факты. В первом случае указывается на однородность явлений, кажущихся различными (например, структуралистские теории). Во втором — демонстрируются взаимосвязи явлений, кажущихся несвязанными (например, функционалистская системная теория). Во-вторых, проведение границ между частью реальности, ограниченной теорией, и другими явлениями и процессами. Теория позволяет распознавать и отбирать, дифференцировать из реальности все те факты, которые имеют специально выделенную общность. В-третьих, теория обеспечивает основания для сопоставления выделяемых ею явлений в разнородных ситуациях реальности. Речь идет о четком определении, эксплицировании основа-

ний для отбора, сопоставления, установления однородности фактов, подлежащих сравнению. В-четвертых, теория позволяет проследить смену состояний определяемого ею объекта (параметрированные изменения) или существенные отклонения в его функционировании (непараметрированные изменения).

Иными словами, теория обеспечивает основания для выявления изменений в соответствующей ей предметной области, отнесения их к рангу нарушающих или не затрагивающих формообразующих структурных компонент объектов изучения и предсказания возможных их последствий для существования объектов во времени.

Теории, имеющие общие исходные основания, образуют научные направления, представляющие собой определенную область рационального познания, для которой характерны специфичный угол зрения на реальность и особые основания ее объяснения. Специфика научного направления может быть определена рядом параметров:

- совокупность исходных допущений, общих принципов, чаще всего сформулированных в явном виде, определяющих мировидение, точку зрения на реальность, обоснованных как существенные для ее понимания;
- класс явлений и процессов, выделенных в рамках направления в качестве познавательно значимых, наилучшим образом представляющих изучаемую область реальности;
- принципы интерпретации, объяснения и предсказания событий, явлений, процессов, происходящих в соответствующей области реальности;
- примерно однородные результирующие теоретические модели, предлагаемые в качестве достоверной и обоснованной представленности реальности;
- классы фундаментальных проблем, теоретических и прикладных задач, решаемых в рамках направления.

Направление, как правило, представляет собой то, что А. Радклифф-Браун назвал «невидимым коллед-

жем», то есть оно объединяет единомышленников из разных исследовательских центров и даже из разных стран. Вне зависимости от характера образования, личных контактов, индивидуальных исследовательских предпочтений сторонники направления поддерживают его границы и внутреннюю структуру, добровольно принимая характерные для него исходные принципы отбора, организации и интерпретации соответствующих фактов.

В самом общем виде можно рассматривать научное направление как определенную ситуацию познания и воздействия в отношении конкретной области реальности, обоснованной как значимая (в научном или социальном смысле).

Все сказанное выше позволяет выделить и охарактеризовать исходные основания, которые сегодня обуславливают направления исследования культуры, рациональных научных способов познания и объяснения культурных феноменов. Эти основания объединяются в парадигму (Т. Кун), или эпистему (М. Фуко), и определяют базовые параметры культурно-антропологического познания. Парадигма (эпистема) включает в себя следующие компоненты:

- исходные допущения о человеке, обществе, культуре, составляющие базу теоретических построений и объяснений;
- области особого исследовательского интереса, которые определяются как социокультурными, так и внутринаучными факторами;
- общие теоретические суждения и закономерности, прошедшие проверку на познавательную адекватность (эмпирическая подтвержденность, неопровержимость логическим или эмпирическим путем, логическая последовательность и непротиворечивость и т. п.), которые принимаются в качестве организующих или объяснительных принципов по отношению к информации, получаемой в исследованиях;
- способы получения и обоснования надежности данных о культуре.

Направления познания внутри такой эпистемы, или парадигмы, могут быть выделены по разным осно-

ваниям в зависимости от того, какой аспект предметной области интересует исследователя. В данном случае речь пойдет об объяснении динамики и многообразия культурных порядков, способов организации информации, в человеческих сообществах.

Этому соответствует трехмерная познавательная модель. Одно измерение выделяет порождение культурной активности на индивидуальном уровне, где порядок означает последовательность преобразования внутренних или внешних побуждений в выбор физического действия или символа. В другом измерении располагается область коммуникации, которую можно считать первостепенной для понимания того, как существует и транслируется культурная информация, упорядочиваются дискретные, отдельные сходные и различные элементы. Это позволяет зафиксировать устойчивые структуры, образуемые этими элементами, и проследить отношения между ними. Третье измерение акцентирует процессы, динамические порядки во времени и обоснование их соответствия реальности.

Выводы

1. Антропология как область научного исследования сложилась в европейской культуре в XIX в. В истории ее становления принято выделять следующие периоды: этнографический (1800 — 1860), эволюционистский (1860 — 1895), исторический (1895 — 1925). С конца XIX в. из этой области знания выделяется самостоятельная социальнаучная дисциплина, которая в США получила название культурной антропологии, в Великобритании — социальной антропологии, а во Франции — этнологии.
2. Новые стимулы развития культурная (социальная) антропология получила после Второй мировой войны благодаря действию ряда факторов. Политических, связанных прежде всего с деколонизацией и становлением новых государств. Социально-экономических, обусловленных переходом от индустриализма к постиндустриализму в развитых странах

- и активизацией модернизационных процессов в развивающихся. Мировоззренческих, определяемых усложнением, ускорением, плюрализацией социокультурных процессов в глобальном масштабе. Эти факторы стимулировали общественный интерес к культуре, развитие наук о культуре, прикладное использование полученного знания.
3. Основные познавательные направления культурной (социальной) антропологии: изучение артефактов и складывавшихся вокруг них отношений; построение теоретических моделей объяснения (интерпретации) отношений людей с окружением; построение теоретических моделей макро- и микродинамики культурных процессов. Предметная область культурной (социальной) антропологии: механизмы динамики артефактов; способы поддержания и изменения жизненной среды; знаковые системы и межкультурная коммуникация; освоение социокультурного опыта; механизмы регулирования межличностных и межгрупповых отношений. Объекты исследования в культурной (социальной) антропологии: культурно-исторические регионы и отдельные культуры; специализированные области культуры; социокультурные слои (субкультуры); образ жизни людей.
 4. Категория «культура» обозначает содержание совместной жизни людей, представляющее собой биологически ненаследуемые, искусственные, созданные людьми объекты (артефакты). Под «культурой» понимаются организованные совокупности вещей, идей и образов, технологий их изготовления и оперирования ими; оценочных критериев, имеющих в обществе. Эта созданная самими людьми искусственная среда существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и коммуникации.
 5. Наука о культуре, в отличие от гуманитарного знания, имеет целью построение теорий. Теории представляют собой набор исходных оснований, определяющих предметную область изучения, и построенных на их базе закономерностей ее су-

ществования. Теории позволяют интерпретировать и объяснять события, происходящие в этой области. Теории, имеющие одинаковые исходные основания, образуют научное направление, характеризующееся общими: точкой зрения на изучаемую область познания, классом изучаемых явлений, принципами их интерпретации, теоретическими моделями реальности, классами решаемых проблем. В определенный период теории считаются достоверными, если они соответствуют принятой познавательной парадигме. Парадигма, как нормативная модель познания человека, общества, культуры, включает в себя следующие компоненты: исходные допущения о природе человека и социокультурной реальности; области исследовательского интереса, детерминируемые социокультурными и внутринаучными факторами; способы получения достоверной информации о культуре; способы построения обоснованных интерпретаций и объяснений социокультурных фактов.

Контрольные вопросы

1. Культурная (социальная) антропология как область социальнонаучного назначения: этапы становления, стимулы развития.
2. Предметная область, объекты и направления культурноантропологических исследований.
3. Определение понятия «культура», основные классы искусственных объектов (артефактов).
4. Отличие культурной (социальной) антропологии от других социальных наук.
5. Познавательные функции и строение теорий, научных направлений и парадигм.

СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Долгое время в социальной антропологии доминировало представление о том, что культура представляет собой уникальную характеристику человека. Основанием ее считалась способность людей с помощью символизации распознавать и разграничивать, а с помощью целенаправленной активности, деятельности придавать искусственные формы своему окружению. Символизация предполагает механизм формирования представлений, связывающих внутренний опыт с внешними стимулами, объектами, элементами окружения (референтами). Деятельность же является тем преобразующим началом, которое позволяет трансформировать материал, почерпнутый из окружения, в элементы искусственной среды. Во взаимодействии с ней формируются специфично человеческие, культурные характеристики как личности, так и индивидуальной и социальной активности. Особое внимание сторонники такого взгляда на культуру придают способности людей к произвольному созданию искусственных объектов. При этом произвольность понимается не в смысле абсолютной свободы воли, но как способность так комбинировать искусственные формы, чтобы они оказались пригодными для удовлетворения потребностей.

В современной науке взгляд на культуру как на специфически человеческий феномен оказывается слишком ограниченным. Данные археологии, этологии, приматологии свидетельствуют о том, что искусственные формы организации отношений с окружением есть практически у всех видов животных.

Из археологии известно, что прегоминиды жили социальными группами, превышающими по размерам нуклеарную семью, и что им была свойственна тенденция удерживать за собой одну и ту же территорию из поколения в поколение. Данные приматологии об устойчивых и передающихся во времени: нуклеарной формы семьи у приматов, «ролевых» структур групповой жизни, территориальной привязанности породили гипотезу о наличии элементов социального научения, необходимых для передачи соответствующего опыта. Результаты исследований подтверждают, что у приматов действительно есть различные заученные навыки и некоторая «традиция» технологического знания: они распознают и не употребляют в пищу ядовитые растения; используют, хотя и редко, предметы в инструментальных целях; строят жилища и живут в них, следят за их благоустройством; вступают друг с другом в коммуникацию с помощью знаков, таких как жесты и звуки; живут в группах, превышающих по размерам нуклеарную семью, и потому содержащих наборы «социальных ролей», выполняемых индивидами. По словам известного американского культурного антрополога А. Холлоуэлла, такие системы заученного поведения могут поддерживаться лишь организмом, способным к формированию внутренних концептов и символов.

Обычно наличие символов, таких как речь, отмечалось в качестве существенной характеристики культуры, а способность к их формированию считалась исключительно человеческой. Однако данные современных этологических исследований ставят под сомнение такие представления. Есть достаточные основания считать, что животные формируют и репродуцируют концепты, связывают их со знаками, что выражается в звуковых, проксемических (пространственное поведение) и пластических (телодвижения, позы) сигналах.

Таким образом, в приведенной выше трактовке культуры нет ничего специфичного для человека, что отличало бы его от животных. Речь идет об опыте, который приобретается внегенетическим путем, с помощью научения, и применении этого опыта в отно-

шениях индивидов с окружением. Подобные формы жизнедеятельности обнаруживаются у всех животных. Для обозначения такого рода универсальных феноменов стал использоваться термин «протокультура» (предложенный А. Холлоуэллом и уточненный А. Уоллесом), независимый от биологической таксономии и обозначающий любую систему социально заученного поведения. И считается, что протокультура включает в себя общие предпосылки для формирования и передачи от поколения к поколению искусственных форм отношений живых существ с окружением, заученного опыта.

Таким образом, сейчас в культурной антропологии понятие «культура» не отождествляется с миром только человеческих феноменов. Это общее положение открывает новые возможности в объяснении генезиса и функционирования культурных феноменов.

Далее, в настоящее время практически общепринятым среди антропологов является представление о том, что любая теория, связанная с объяснением или предсказанием динамики культурных феноменов, должна включать в свои формулировки явления, не относящиеся к культуре. Иными словами, культура не может быть объяснена в ее собственных терминах, и методологически вопрос заключается в том, на каком уровне в теорию следует включать внекультурные явления. В исследовании генезиса культурных форм существенная роль отводится биологическим факторам. Практически общепризнана корреляция между культурной эволюцией, с одной стороны, и развитием мозга, центральной нервной системы — с другой.

С биологическими и материальными факторами связываются объяснения и современных культурных феноменов. Речь идет о выявлении механизмов взаимодействия между биологическими факторами и социокультурным опытом на уровне групповой жизни и в процессе становления личности; изучается сходство и различие в отношении восприятия и поведения в социально значимых ситуациях; анализируется влияние материального окружения людей на их образ жизни. Общепринято также при объяснении культурной ди-

намики (включая процессы, благодаря которым, как считается, возникла человеческая культура как таковая) обращаться к природным свойствам индивидов или коллективов, к их физическому окружению.

Понятие «культура», таким образом, определяется широким кругом феноменов поведения и символических систем у человека и животных, генезис и динамика которых обусловлены не только имманентными закономерностями движений самой культуры, но и внекультурными процессами и явлениями.

■ **Этологическая и социобиологическая трактовка социальной организации**

Объяснение культурных вариаций, их порождения, распространения, последствий в настоящее время связывается с социобиологическими и этологическими моделями изучения социальной жизни. Именно на этом уровне открывается возможность получить ответы на значимые для познания человека вопросы: что культурно уникально; что человечески универсально; что специфично для человеческого вида; что общего у человека с другими формами живого.

В этих концептуальных рамках углубляется знание о таких фундаментальных элементах организации социальной жизни, как порождение популяционно значимых адаптационных искусственных приспособлений (орудий, символов, структур взаимодействия), внутри- и межвидовые коммуникативные процессы. Значительные исследования ведутся в области социально значимых проявлений и контролирования агрессии, страха, привязанности, альтруизма. Интересные результаты получены в связи с изучением организации процессов ненаследственной трансляции культурного опыта.

В такого рода исследованиях чаще всего используется метод непосредственного наблюдения в естественных условиях. Сравнение поведения человека и животных обнаруживает много сходных черт, хотя также и множество различий. В настоящее время акцент чаще

делается на общих характеристиках, поскольку таким образом удастся более точно определить границы социальных и культурных закономерностей. Ведь многое из того, что считалось регионально-культурно специфичным (как, например, в свое время табу) или характерным для человека (например, порождение искусственных знаков), сегодня признано социально универсальным. Таким образом, расширяются и уточняются знания о природе социального, о границах и возможностях изменчивости искусственных объектов. Соответственно, если речь идет о применении определенных социальных технологий, о попытках внести изменения в ситуации социального взаимодействия и т. п., сегодня эффективность таких попыток в значительной степени определяется соответствием спектра человеческих возможностей этологическим, социобиологическим закономерностям.

Общая концепция социальной организации. Следствия, вытекающие из взаимодействия членов любой сложной социальной системы, можно разделить на три основные категории анализа и наблюдения. Во-первых, функции, то есть формы активности, которые способствуют приспособлению членов системы к окружению. Во-вторых, дисфункции, или проявления активности, которые уменьшают приспособленность членов системы к окружению или затрудняют регулирование отношений между ними. В-третьих, существует эмпирическая возможность нефункциональных следствий, которые безразличны для существования системы.

Еще Ч. Дарвин постоянно подчеркивал, что естественный отбор не является единственным фактором эволюции, что многие звенья биологической системы обязаны своим существованием и функционированием не прямому действию отбора, а разного рода опосредованным, вторичным взаимодействиям между элементами системы, сформировавшимися под воздействием отбора. В любой сложной системе активность каждого из ее элементов влечет за собой ряд побочных следствий функционального, дисфункционального и нефункционального характера. Это порождает вопрос о сложных отношениях «пользы» и «вреда» в функци-

онировании социальных систем; такие отношения рассматриваются в современных социобиологических концепциях в терминах «прибылей» и «затрат», обеспечиваемых социальной организацией популяции.

Основатель этологии К. Лоренц (а до него многие последователи Ч. Дарвина) большое значение придавал организационному контролю агрессивного и конкурентного поведения в животном мире, что породило расхожее стереотипное представление о последнем как о поле непрекращающейся борьбы за существование.

Однако не менее важными в понимании законов социальной жизни являются организующие начала кооперации, дружелюбности. Любая экосистема включает в себя животные организмы и то, что является для них средой: источник жизнеобеспечения, жизненное пространство. Уже сам этот факт побуждает их как-то объединяться в своей активности, чтобы извлекать ресурсы из окружения и противостоять его неблагоприятным воздействиям.

Соответственно для описания целенаправленного регулирования «пользы» и «вреда», функциональных и дисфункциональных последствий социальной активности нужны универсалии, общие категории, которые могут применяться в различных исследовательских ситуациях, к различным объектам, делая их сравнимыми и сопоставимыми. Обычно взаимодействие принято представлять в терминах пяти основных категорий: причина, функции, состояния, поведение, социальная организация. Важнейшими состояниями индивидов, которые контролируются социальной организацией, являются агрессия, страх. В то же время она необходима для сотрудничества и коммуникации. Таким образом, представление о социальной организации объединяет в систему названные категории, и это позволяет рассматривать и сравнивать социально значимые ситуации в обобщенном виде.

В такого рода ситуациях особь, как и популяция, подчиняется закону относительной приспособленности. Многие черты индивидуального поведения могут быть дисфункциональны и нефункциональны. Поэтому при анализе социального взаимодействия на уровне популя-

ции не следует полагать, что в каждой ситуации индивид способен к адекватному оптимальному выбору своего поведения. Оно обусловлено не только рациональным выбором, но и целым рядом внерациональных факторов.

Социальная организация в социобиологии и этологии рассматривается прежде всего с адаптационной точки зрения; соответственно социальная структура популяции считается обусловленной прежде всего устойчивыми формами социального поведения, поддающимися координации. Выделяются три основных блока такого поведения, которые в совокупности обеспечивают совместность существования индивидов в некоторых устойчивых формах взаимосвязанности. Во-первых, это объединение для использования элементов окружения и для кооперирования усилий с целью жизнеобеспечения. Во-вторых, это координация действий, связанных с воспроизведением популяции: семейные отношения, социализация новых поколений, контроль над численностью сообщества. В-третьих, это регулирование активности особей в их самоопределении по отношению друг к другу или к «чужим», то есть контроль над агрессивным поведением.

Социальная организация не является жестким видоспецифичным признаком. Это скорее лабильный, обратимый во времени механизм подгонки популяции к существующему состоянию внешнего окружения. Соответственно адекватное понимание сущности и функциональной значимости социальных процессов, происходящих в популяции, возможно при условии их анализа по крайней мере на двух уровнях биологической интеграции: особей и их группировок. Каждый из этих уровней может быть описан в терминах соответствующих ему закономерностей, и «какой-либо простой способ экстраполяции от одного уровня к другому не может быть обоснован»¹. Иными словами, пытаясь дать функциональное объяснение определенным событиям на макроуровне (группы, популяции в целом), следует помнить, что в сфере индивидуального поведения действуют иные механизмы.

¹ Месарович М. Теория систем и биология: точка зрения теоретика // Теория систем и биология. М., 1971. С. 112.

Стратификация и территория. Любая популяция из встречающихся исследователю всегда стратифицирована. Стратификация (расслоение) является неотъемлемым свойством животной популяции. Основу страт составляют ее элементарные единицы — особи, распределяемые по признакам пола, принадлежности к определенной возрастной группе, по функциональным ролям, по поведенческим характеристикам и т. п.

Страты состоят из различного рода групп, под которыми понимаются любые наборы особей, взаимодействующих друг с другом. Группы могут быть различными по количеству особей, длительности существования, структурной сложности, интенсивности контактов и т. п.

Популяция, таким образом, составляется из групп различной величины и структурной сложности, представляя собой многоуровневую иерархическую систему. Эта система имеет физическое, пространственное воплощение.

Пространственный контакт, ведущий к персонализации отношений между индивидами, является первым условием для становления устойчивых социальных связей. Более того, если разные способы размещения индивидов в пространстве определяют характер их последующих взаимодействий, то и типы взаимодействий, характерные для популяции, обуславливают пространственное распределение индивидов. Когда особи не склонны к устойчивым взаимодействиям, они распределяются случайным образом. Когда отношения между индивидами враждебны, форма их распределения по территории носит регулярный, равномерный характер. Если в поведении особей преобладает тенденция к совместности, они распределяются по территории группами. В случае враждебных отношений плотность популяции будет достаточно низкой. В случае позитивных отношений участки повышенной локальной плотности будут разделяться пустующими пространствами¹.

Стратифицированность популяции, таким образом, закрепляется в проявлениях территориальности. Под «территориальностью» принято понимать любой активный механизм разобщения особей. В этом смысле территориальность становится синонимом термина «рассредоточение», при условии, что неприкосновенность границ и заключенного в них участка пространства обусловлена постоянной защитой.

Территориальность не является диагностическим видовым признаком. Многообразии проявлений территориальности в пределах одного вида, способность индивидов переходить от территориального к нетерриториальному существованию позволяют рассматривать ее как механизм быстрого приспособления к непосредственному окружению. По мнению исследователей, территориальное поведение находится в процессе постоянной изменчивости. Однако многообразие тактических решений подлежат видовые генетически обусловленные рамки.

Одним из универсальных механизмов рассредоточения особей является установление и поддержание индивидуальных дистанций. Индивидуальная дистанция представляет собой «радиус» так называемого личного пространства, в центре которого находится охраняющий его индивид. Персональное пространство не имеет фиксированной локализации и регламентированных границ, тем не менее его социально-организационная роль неоспорима.

Понятием «территориальность» обозначают один из способов социальной организации и стратификации. Он связан с двумя типами следствий для динамики популяции:

- ограничение численности популяции;
- адекватное размещение особей и субпопуляций по разнокачественным местам обитания.

Благодаря этим функциям территориальное поведение действует как гомеостатический механизм, поддерживающий популяцию в состоянии равновесия с ее окружением.

Запас степеней свободы в расслоении и пространственном строении социальной системы позволяет ей

существовать в средах, имеющих совершенно различные параметры. В этих условиях отбору подлежат не какие-то частные особенности систем, а интегральные свойства их организации, не элементарные акты индивидуального поведения, а длительные процессы компромиссов с окружением. Соответственно динамика популяционной системы представляется в этом свете не как поступательное, целенаправленное накопление адаптивных дискретных поведенческих признаков, но в виде значительно более сложной совокупности процессов, связанных с социальной организацией.

Агрессивность и социальная организация. Агрессивность и связанные с ней формы поведения, начиная с работ К. Лоренца и Н. Тинбергена, занимают в этологических исследованиях одно из ведущих мест. Это объясняется их социальной значимостью как для особей внутри популяции, так и на уровне отношений между сообществами. Агрессивность не имеет точного однозначного определения. Однако «обычно, употребляя этот термин, имеют в виду адресованное другой особи поведение, которое может привести к нанесению повреждений и часто связано с установлением определенного иерархического статуса, установлением превосходства, получением доступа или права на какую-то территорию»¹.

Пока вопрос о природе агрессии однозначно не решен. Часть исследователей считают ее инстинктом, то есть врожденным структурированным способом реагирования на определенные классы жизненно важных стимулов, не связанным с процессами обучения. Другая часть рассматривает агрессивность как определенное свойство животных, которое проявляется в некотором классе ситуаций в виде побуждений, но не готовой поведенческой реакции. Согласно этой точке зрения, агрессивному поведению научаются, как и любому другому. Более того, агрессивное состояние совсем не обязательно реализуется в агрессивных формах поведения.

¹ Хайнг Р. Поведение животных. М., 1975. С. 360.

Э. Уилсон отмечает следующие основные формы агрессивности: защита и захват территории; борьба за доминирование в пределах организованных групп; акты агрессии при захвате чужого; агрессия по отношению к жертве; контратаки против агрессора; «моралистическая» и «дисциплинарная» агрессии (осуществляется внутри сообщества в «воспитательных целях»)¹.

Социобиологи полагают, что агрессивность свойственна человеку и является одним из важных конституирующих факторов человеческой культуры; она удерживает общую приспособленность человека к окружению. Считается, что определенные агрессивные побуждения, стереотипы поведения выполняют роль своеобразных клапанов, снижающих избытки энергии, не находящие функционального выхода. Сообществам людей даже удастся находить культурные, социально приемлемые формы связывания агрессивности посредством катарсиса (очищения), как, например, в эстетике трагического, или сублимации (перенесения в приемлемую область социального действия), например, в спорте.

Нередко наследственная природа агрессивности человека обосновывается такими всеобщими отношениями в мире живого, как соперничество и сотрудничество. Соперничество, конкуренция, как одна из фундаментальных форм социального взаимодействия, имеет большое значение для существования индивидов и социальных систем в их отношении с источниками ресурсов. Именно поэтому одной из важнейших функций социальной организации является контроль над доступом и распределением ресурсов. Такой контроль сдерживает проявления агрессивного поведения. В то же время организованную агрессию, например, человеческие войны, нельзя считать наследственно обусловленной формой группового поведения. Предполагается, что у людей есть наследственная предрасположенность к обучению некоторым формам взаимной агрессии. Если в обществе возникает необходимость бороться с окружением за дефицитные ресурсы, необ-

¹ *Wilson E. O. Human nature. Cambridge (Mass.) — L., 1978. P. 101 — 102.*

ходимые для выживания, или же в обществе традиционно сохраняется культ борьбы и силы, агрессивное поведение занимает здесь значимое место и является самовоспроизводящимся.

В рамках социобиологии подчеркивается адаптационное значение агрессии. Агрессивное поведение представляется как генетически детерминированные и отобранные на уровне протокультуры и культуры образцы реакций на негативно воспринимаемый стимул. Этому типу поведения предшествует способность животных делить живое окружение на «своих» и «чужих». По отношению к чужим агрессивность в ходе эволюции считается целесообразной, поскольку от них нередко исходила угроза физическому выживанию особей.

В то же время агрессивность — это качественное состояние индивидов, которое ухудшает процесс коммуникации, разрушает структуры социального взаимодействия. Поэтому напряженные ситуации, акции, связанные с этим феноменом, являются объектом пристального исследовательского внимания. Рассматривают различные источники таких напряжений: социологические, психологические, экологические, логические, биологические, экономические, идеологические. Проясняются соотношения понятий «агрессия», «конфликт», «насилие». Так, агрессивность связывается с односторонней демонстрацией враждебности. Конфликт определяется как тип взаимодействия индивидов, когда обе стороны проявляют агрессивную активность. И конфликтное взаимодействие, и агрессивное поведение могут принимать форму насилия.

Значительное внимание уделяется изучению способов нейтрализации агрессии. Изучаются пути предупреждения, купирования, компенсации агрессивных состояний и проявлений; выявляются социокультурные механизмы торможения агрессивности; анализируются исторически сложившиеся культурные формы ее регулирования.

Альтруизм и социальная организация. Многие компоненты социального поведения относятся к категории так называемых конгруэнций, то есть признаков поведения, не столько удовлетворяющих интересы

особи, сколько способствующих поддержанию целостности группы. Такое поведение не только не приносит обладателю пользы, но может быть ему во вред.

В попытках объяснить такое поведение У. Гамильтон в 1960-х гг. предложил гипотезу эволюции «альтруистического поведения» и ввел понятие «итоговой приспособленности», ставшее одним из центральных в социобиологии. Альтруистическим называется любой тип поведения, включающий в себя принесение особи в жертву своих интересов и приводящий к «прибыли» для других особей, иными словами, к росту приспособленности другого индивида (группы особей) за счет альтруиста.

У. Гамильтон сделал гипотетический вывод о том, что альтруистическое поведение становится объектом естественного отбора не во всех случаях, но лишь тогда, когда выгода для сообщества от него превышает возможные потери. Считается, что альтруизм проявляется прежде всего в сфере родственных отношений, и это способствует генетическому закреплению биологических предпосылок такого поведения. Кроме того, согласно Гамильтону, альтруистическое поведение, которое приносит выгоду сообществу вне зависимости от родственных связей, будет возникать, если риск погибнуть, не подав сигнала, или невыгодность молчать совершенно очевидны, а соседи слишком удалены. Если же акт альтруистического поведения заканчивается гибелью «альтруиста», то остальные члены сообщества как-то «компенсируют» его родственникам утрату.

Чтобы обосновать значение альтруизма для социальной организации, Р. Триверс предложил концепцию реципрокного (взаимного) альтруизма. Согласно этой концепции, альтруистический акт, невыгодный одной особи (группе), но выгодный другой, неродственной и даже принадлежащей к иному виду, может все же осуществиться в расчете на аналогичную услугу в будущем или на вознаграждение. Такое поведение будет тем более вероятным, чем жестче будет отбор по отношению к тем, кто извлекает выгоду из альтруистического поведения других, но избегает ответных действий.

Альтруизм, по Э. Уилсону, может носить неосознанный характер, и в этом случае субъект не ожидает за него никакой награды. Это «подлинный» альтруизм («альтруизм с твердым ядром»), который развился при эволюции живого посредством естественного отбора. Но альтруизм может быть и осознанным («альтруизм с мягким ядром»), или «мнимым», имеющим эгоистические причины. Такое поведение включает в себя ожидание ответных благ для самого субъекта или его родственников.

Роль альтруизма в эволюции рассматривается на индивидуальном и популяционном уровнях. Обнаружены факты, свидетельствующие о том, что популяции с выраженным альтруистическим поведением оказываются в более выгодных условиях, чем те, в которых такое поведение выражено слабо.

О наличии взаимного альтруизма во всех человеческих культурах пишет Р. Триверс. Он выделяет следующие формы такого поведения:

- взаимопомощь во время опасности — катаклизмов, внутривидовой агрессии и т. п.;
- справедливое распределение жизненно необходимых благ;
- поддержка больных, беспомощных, очень молодых и очень старых;
- помощь посредством орудий;
- помощь посредством знаний.

Во всех этих случаях принимающая сторона получает большее вознаграждение, большую выгоду, чем дающая.

В контексте альтруистического поведения особое отношение складывается к тем, кто пытается получить выгоду от альтруизма других, но не отвечать взамен тем же. Обычно в сообществе, где обитают такие особи, разрывающие цепочки взаимного альтруизма, складываются механизмы защиты от них, вплоть до изгнания из сообщества.

Разумеется, речь во всех этих случаях идет о гипотетических моделях и схемах, о самых общих принципах поддержания социальности на фундаментальном уровне «законов жизни». Однако это шаг вперед в

познании социальности по сравнению с противопоставлением «материального» и «духовного», «человеческого» и «животного». Если животные проявляют «моральное» поведение, то исчезает одно из важнейших различий, которое отделяло человека от других видов как при изучении моральных норм, так и при понимании общих принципов социальной организации.

Разумеется, к исследованиям такого рода следует подходить с предельной осторожностью, не делать поспешных выводов, не совершать необоснованных переносов.

Сигнальное поведение и социальность

Сигнальное поведение имеет множество проявлений: действия, позы, звуковые сигналы, ритуалы. Однако у человека оно пока недостаточно изучено. Н. Тинберген полагает, что это обусловлено отсутствием систематических сравнений поведения людей и других видов животных. И хотя здесь не может быть полного тождества, возможно «применить в исследованиях человечества те способы, которые показали свою плодотворность при изучении поведения животных»¹. В первую очередь это относится к способам социализации.

Социобиологическая концепция порождения воспроизводящихся сигналов занимает в интерпретации социальной жизни значительное место. Так, Р. Докинс в работе «Эгоистический ген» утверждает, что все наблюдаемые единицы существования — молекулы, клетки, животные организмы, человек — несут в себе воспроизводящее начало. Оно объясняется тем, что в основе всего живого лежат молекулы ДНК с встроенным в них механизмом самовоспроизведения. Соответственно содержание эволюции состоит в отборе генов и в создании ими все новых организмов как «машин для выживания генов».

¹ Тинберген Н. Поведение животных. М., 1969. С. 166.

На этой идее реплицирования выстраивается иерархия систем по сложности — от молекулы ДНК до человека и его культуры. В культуре механизм воспроизведения связывается мимесисом (подражанием), и выделяется «мим» — единица культурной передачи, единица подражания. Примерами мимов являются идеи, удачные фразы, феномен моды, способы действий. Соответственно человек как сложная «машина для выживания генов» не является абсолютно свободным в выборе поведения и ограничен генетическими рамками встроенных механизмов мимесиса.

Эмоции и их коммуникация являются важным аспектом социальной жизни. Эмоции не просто переживаются индивидами. В коммуникативных ситуациях они выражаются в определенных знаковых формах. Например, агрессия может выступать в качестве эмоционального состояния — гнев, но может выражаться как акт насилия — угроза, нападение. В исследованиях, следовательно, необходимо проводить различие между эмоциональными состояниями, их знаковым выражением и их поведенческими следствиями.

Другим основанием коммуникативного поведения животных, предпосылкой обмена информацией с помощью знаков в этологии считается ритуал — серия наследственно обусловленных и закрепленных в гено-типе стандартных телодвижений, повторяющихся последовательностей двигательных реакций, их формы и скорости. В свое время Дж. Хаксли «заметил, что определенные образцы движений утрачивают в процессе филогении свои оригинальные функции и превращаются в чисто «символические» церемонии. Он назвал этот процесс ритуализацией и использовал термин без кавычек; иными словами, он уравнил культурные процессы, ведущие к формированию обрядов (церемоний) у человека с филогенетическими процессами возникновения таких удивительных «церемоний» у животных. С чисто функциональной точки зрения такое уравнивание справедливо, даже если принимать во внимание

различие между культурными и филогенетическими процессами»¹.

Содержание понятия «ритуал» в этологии и социобиологии отличается от принятого в культурной антропологии. «Ритуалы — это модели поведения, которые выполняют коммуникативную функцию и в процессе ее осуществления испытывают изменения, повышающие их коммуникативную ценность... Иными словами, ритуалы имеют сигнальную функцию реализуемую в процессе, названном ритуализацией». Понятие «выразительные движения», связанное с представлением о ритуале, означает образцы поведения, имеющие сигнальные функции в ритуальном поведении, являющиеся его элементарными составляющими. По происхождению они могут быть врожденными, культурными, индивидуальными. С социокультурной точки зрения ритуализация «есть процесс, в котором некомуникативные модели поведения эволюционируют в сигналы»²; ее роль состоит «в создании независимых символов, которые становятся общепринятыми и рассматриваются как часть общества»³.

В ритуализации можно выделить три важнейших коммуникативных аспекта. Во-первых, ритуалы представляют собой такие двигательные реакции, которые первоначально служили виду как функции, необходимые для выживания. В процессе филогенеза они постепенно приобретали новое значение — сигнальное. Сигнальное значение прежней функции, которая, кстати, может сохраняться, заключается в том, что ритуал становится стимулом для образования межиндивидуальных связей или средством канализации агрессивности.

Во-вторых, по мере приобретения сигнальной функции первоначальный, неритуальный прототип трансформировался для лучшего ее выполнения. Можно

¹ *Lorens K. On Agression. N.Y., 1967. P. 54 – 55.*

² *Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and ritualization from biological perspective // Human Ethnology. M. Van Cranach et al. (eds). Cambridge, etc., 1979. P. 4, 14.*

³ *Lorens K. Behind the Mirror. L., 1977. P. 210.*

предположить, что в процессе естественного отбора наиболее заметные характеристики сигнала сохранялись и усиливались, а менее распознаваемые и нечеткие редуцировались или совсем исчезали. Таким образом, ритуал приобретал свою компактную и легко распознаваемую знаковую форму.

В-третьих, такого рода сигнальные акты принимали все характерные черты автономного, независимого от ситуации движения. Этот акт проявляется спонтанно, имеет собственный передающий механизм и особое привлекающее значение. Таким образом, в процессе ритуализации рождается механизм, подобный инстинкту, который влияет на поведение индивидов не менее, чем базовые инстинкты — голод, секс, страх. Этот механизм «обслуживает» социальность, поскольку обуславливает возникновение межиндивидуальных контактов и погашение агрессивных импульсов¹.

Таким образом, ритуалы в социокультурных системах выполняют ряд социально значимых функций: коммуникации, контроля агрессивности, объединения. Следовательно, они способствуют осуществлению и улучшению коммуникативного процесса, взаимодействия внутри общностей и между ними.

Базой для формирования ритуалов является инстинктивная знаковая активность. Она представляет собой поток эфферентных (направленных вовне) импульсов центральной нервной системы, которые находят выражение в ритмизованных и координированных движениях — «ауторитмии», «стереотипных наборах действий». Такие действия несмотря на их эндогенное происхождение не проявляются произвольно, вне связи с окружением. Когда в них нет необходимости, они подавляются на уровне центральной нервной системы. Их проявление побуждается особыми пусковыми механизмами при наличии ключевых знаковых стимулов.

«Знаковые реакции» в большинстве случаев просты. Они состоят из одного или нескольких актов. Од-

нако они могут носить и более сложный характер, когда «включается» целая система внешних проявлений, имеющая характер паттерна, как это происходит в случае ритуализации.

■ Обучение и его адаптивная функция

Термином «обучение» представители различных дисциплин обозначают неодинаковые, хотя и близкие по содержанию феномены. Психолог подразумевает некоторые относительно долговременные изменения поведения; физиолог — значимые сдвиги в нервном субстрате; биолог — приспособительные изменения поведения и т. п. Однако в основе большинства таких определений лежит принцип исключения: обучением считаются изменения, которые нельзя объяснить ни процессами созревания развивающегося организма, ни утомлением, ни сенсорной адаптацией¹. В то же время самоочевидной является общая адаптационная значимость обучения.

Обучение подразделяется на следующие типы: кратковременное и долговременное запоминание, классический и инструментальный условные рефлексы, развитие «способностей». Торн предлагает более широкую классификацию: привыкание, классические условные рефлексы, обучение по методу проб и ошибок, латентное обучение и инсайт. Эти два набора категорий в значительной мере перекрываются.

Экспериментальные ситуации, связанные с обучением, позволили выделить такие феномены, как сенсорная предобусловленность, перцептивное обучение, двустадийное обучение различению, обучение пространственному расположению объектов. Важную роль в процессах обучения выполняет подкрепление.

Современные данные показывают, что при определенных условиях — уровне мотивации и подкреплении — обучение решению простых задач мало зависит от возраста, тогда как запоминание с возрастом

¹ Хайнг Р. Поведение животных. С. 605.

улучшается. Решение более сложных задач зависит от характера предшествующего опыта особи. Возрастные изменения в обучении определяются как состоянием организма, так и влиянием опыта восприятия и движений, приобретенного в прошлом. В пределах жизненного цикла существуют определенные стадии, на которых обучение происходит с наибольшей легкостью. Эти стадии называются сензитивными периодами и не имеют резких границ.

Способности животных к обучению имеют пределы. Ограничения накладываются возможностями сенсорно-перцептивных механизмов, предрасположенностью к определенным реакциям, видовыми и индивидуальными особенностями, созреванием организма и влиянием среды. Соответственно обучение возможно лишь до известной степени.

Обучение редко сводится лишь к простому изменению отношений между внешними стимулами и реакциями организмов на них. Многие исследователи заполняют концептуальное пространство между стимулом и реакцией различными гипотетическими представлениями о механизмах трансформации определенных «входов» в конкретные устойчивые поведенческие «выходы». Существуют свидетельства того, что обучение связано с перестройкой процессов, которые проходят в центральной нервной системе, не проявляющейся непосредственно в поведении, но сохраняющейся в виде внутренних «концептов», регулирующих связи организма со стимулами, исходящими из окружения.

Эксперименты обнаруживают, что организмы обладают изначальным, врожденным свойством к установлению связей между безразличными для организма сигналами, или единицами восприятия. Такое свойство получило название сенсорного предобусловливания, а его проявление связывается с ориентировочной реакцией. На базе этой способности происходит формирование внутренних концептов, представляющих собой сложные композиции представлений о внешних событиях и внутренних состояниях, значимых для организ-

ма. Формирование таких концептов обусловлено действием ряда достаточно изученных механизмов.

Во-первых, это феномен перцептивного обучения, под которым понимается совокупность процессов, увеличивающих готовность или способность организма отвечать на различные изменения внешней стимуляции. Существуют экспериментальные свидетельства того, что организм соотносит даже самый простой стимул с другими стимулами, а потому восприятие всегда охватывает эти отношения. Индивиды используют перцептивное обучение для формирования представлений о значимых сигналах, исходящих из среды, и развития способности адекватно реагировать на них.

О перцептивном обучении можно говорить в том случае, если организм реагирует на определенный тип стимула все более избирательно. Это отличает его от условной реакции, постепенно генерализирующей ответ на близкие по значению стимулы.

Во-вторых, значимым механизмом организации опыта в отношениях организма с окружением является развитие способности к различению. Существует предположение о том, что процесс обучения различению состоит из двух стадий. Вначале животные приобретают навыки реагировать на те качественные признаки сравниваемых ситуаций, по которым они более всего различаются. Затем они осваивают определенные поведенческие реакции, связанные с этими признаками.

В-третьих, к такого же рода механизмам относится обучение построению образа пространственного расположения объектов. Эксперименты свидетельствуют о том, что возможным оказывается развитие так называемого пространственного навыка, формирования представления о границах, внутренней структуре, протяженности пространства, в котором реализуется поведение. Причем такие представления формируются, когда в пределах восприятия существуют референты, свидетельствующие о наличии иных пространственных конфигураций. Формирование пространственных представлений принято объяснять

действием набора свойств животного, делающих возможным пространственное поведение:

- Ориентация, предполагающая существование контрольной системы, обуславливающей фиксированную направленность движения.
- Образ искомого объекта, ожидание подкрепления, избирательное внимание, что в совокупности определяет поисковое поведение. Это сканирование окружения, которое продолжается до тех пор, пока животное не столкнется с определенным набором стимулов. Иными словами, предполагается, что поисковое поведение обусловлено наличием у животного некоторого «образа искомого».
- Привыкание, определяемое как внутреннее состояние организма, которое, сформировавшись, начинает способствовать угасанию ориентировочного рефлекса.
- Подгонка под модель, предполагающая способность к формированию некоторого внутреннего образа поведения, а затем к сближению актов поведения с этой моделью до удовлетворительного соответствия ей.
- Запечатление, связанное с целостным стереотипным восприятием стимула, позволяющим однозначно реагировать на него в любых ситуациях.
- Формирование понятий, то есть способность строить обобщения на основе немногочисленных критериев и пользоваться такими обобщенными познавательными единицами для распознавания реальных ситуаций и манипулирования в качестве заместителей объектов при «планировании» поведения.

Э. Толмен попытался свести действия животных в более или менее стандартных ситуациях обучения к типам способностей, обуславливающих устойчивые изменения поведения:

- формальная способность предвидеть результат собственных действий, то есть способность ожидать появления стимула и действовать в соответствии с этим ожиданием;
- способность предвидеть случаи альтернативного выбора поведения и свои реакции в этих случаях;

- способность к различению и манипулированию в области элементов собственного опыта и окружения;
- способность к формированию представлений, позволяющая создавать заместители объектов и состояний организма, переживаний;
- способность к сохранению опыта;
- «творческая гибкость».

Развитие этих способностей повышает уровень адаптированности особи в окружении.

У. Торн при описании процессов обучения также обращается к классификации механизмов приобретения жизненно полезного опыта:

- Привыкание. Это относительно устойчивое ослабление реакции вследствие многократного предъявления стимула без подкрепления. Кроме того, характеризуется специфичностью в отношении определенного стимула. Относительная устойчивость привыкания отличает его от процессов утомления и сенсорной адаптации.
- Классический условный рефлекс. В этом случае речь идет об идеальном теоретическом конструкте, базирующемся на искусственном или естественном подкреплении специфичного класса поведенческих реакций на определенные стимулы.
- Обучение методом проб и ошибок. Оно определяется как образование ассоциации между стимулом или ситуацией и независимым двигательным актом, наступающее в результате подкрепления поискового поведения. При этом стимул и реакция должны предшествовать подкреплению, а реакция не обязательно является врожденной.
- Латентное обучение. Этот тип обучения проходит как постепенное образование ассоциации между безразличными для организма стимулами или ситуациями в отсутствие явного подкрепления. Это своеобразное обучение условным вероятностям связей между стимулами.
- Обучение по типу инсайта. Инсайт определяется как «улавливание связей» между объектами и событиями.

- Подражание, которое иногда также относят к обучению; выделяют три типа такого поведения. Во-первых, выполнение определенного поведенческого акта вслед за выполнением его другими особями. Речь идет об актах, имеющихся в репертуаре поведения и индивида, и сообщества. Во-вторых, усиление тенденции реагировать на определенный элемент окружения в результате реакции на него других особей. В-третьих, «истинное подражание», или копирование поведенческих актов или звуков, не имеющихся в индивидуальном репертуаре поведения. Причем такие акты, помимо заимствования, не могут быть приобретены никаким иным путем.

Разумеется, эти типы механизмов обучения носят аналитический характер. Во-первых, между приведенными категориями нет четких границ, и они частично перекрываются. Во-вторых, в каждой из них можно обнаружить примеры, сильно различающиеся по сложности.

■ Исследовательское поведение в освоении окружения

Исследовательское поведение проявляется у всех животных при встрече с новыми стимулами и ситуациями. Животные обычно приближаются к незнакомому объекту и исследуют его, используя все имеющиеся у них возможности рецепторного аппарата. Оказавшись в незнакомой обстановке, животные начинают передвигаться ненаправленным образом, проявляя при этом «ориентировочную реакцию», то есть обследуя все, что их окружает. Исследовательское поведение весьма многообразно в проявлениях, поэтому лучше всего определить его в общем виде как поведение, благодаря которому животное знакомится с новым окружением или неизвестными стимулами. К. Лоренц объясняет порождение такого поведения через трансформацию ауторитмии, то есть внутренней упорядоченной активности организма.

Согласно К. Лоренцу, ауторитмия приводит к накоплению в нервных центрах своеобразной «энергии действия». В силу этого особь начинает поисковое поведение, которое в случае успеха — встречи с ключевым стимулом — завершается актом консуммации, то есть актом, приносящим удовлетворение, разрядку первоначального импульса. Поисковое поведение строится на наследственной базе, но включает в себя и элементы индивидуального научения. Оно является пусковым механизмом целенаправленных действий. «Взаимодействие между врожденными пусковыми механизмами и обучением ограничено строго определенной фазой в онтогенетическом развитии организма... Эти врожденные пусковые механизмы отличаются исключительной простотой, и поэтому их избирательность очень низкая. Но отсутствие избирательности компенсируется ограничением времени, в течение которого действие врожденных пусковых механизмов оказывается эффективным. В этот короткий период врожденные пусковые механизмы успевают при естественных обстоятельствах выработать обусловленный ответ по отношению к своему объекту. Этот ответ оказывается в таком случае значительно более избирательным, чем любые врожденные пусковые механизмы, а также все ответы, получаемые в результате обучения»¹.

В исследовательском поведении, обусловленном действием таких механизмов, можно выделить два основных аспекта. Во-первых, это ориентировочная реакция, которая связана с неподвижным наблюдением за окружением. Во-вторых, активное исследование, при котором животное движется относительно исследуемого участка пространства или объекта. Эти два типа поведения несовместимы и взаимно подавляют друг друга. Проводится также различие между «поверхностным» и «глубоким» исследовательским поведением. В первом случае речь идет о ситуации, когда ее отличительные признаки имеются в наличии и полностью представлены животному. Во втором случае эти признаки скрыты от животного, и оно должно их отыскивать самостоятельно.

¹ Развитие ребенка. М., 1968. С. 108.

Наблюдения свидетельствуют о том, что интенсивность исследовательского поведения зависит от степени новизны ситуации. Соответственно выдвигается гипотеза, что эта интенсивность есть функция степени несоответствия между воспринимаемой в данный момент ситуацией и тем представлением о ней, которое сложилось у животного на основе прошлого опыта. Такие признаки ситуации, как сложность и интенсивность воздействия внешних стимулов, помимо новизны, часто усиливают исследовательское поведение.

Имеются данные, позволяющие предположить, что страх и исследовательская активность представляют собой независимые типы поведения. Страх нередко подавляет исследовательское поведение. Какое именно поведение — страх или исследование — проявится в ситуации, зависит от интенсивности или непривычности характеризующих ее стимулов. Небольшие изменения поведения вызывают исследовательское поведение, значительные — страх. Тип реакции зависит также от эмоционального состояния животного — чем оно благоприятнее, тем выше побуждение к исследованию, — а также от степени обученности — чем более обучено животное, тем более склонно оно к обследованию нового.

Есть основания предполагать, что исследовательское поведение не просто вызывается новым стимулом и продолжается до «насыщения». Некоторые исследователи полагают, что его своеобразие состоит в стимулирующем значении для животного. Следует еще раз подчеркнуть, что, по-видимому, оно направлено на преодоление несоответствия между представлением о знакомой ситуации и следами восприятия новой. Соответственно такое восприятие состоит в перестройке внутреннего концепта, после чего он начинает соответствовать новой ситуации, ее ключевым характеристикам.

Согласно «центральной теореме социобиологии», каждая форма социального поведения обязательно имеет генетическую основу, которая побуждает индивидов действовать так, чтобы максимально обеспечить успех для себя и родственников. Это характерно для всех видов поведения, включая исследовательское.

Игра и ее влияние на изменение поведения

Игра — особая форма поведения, включающая в себя движения, значимые для других форм поведения (агрессия, перемещения и т. п.), но не вызывающая у наблюдателя впечатления, что действия совершаются «всерьез». Можно выделить некоторые основные признаки игры.

- Незавершенные последовательности действий. Движения, входящие в игровое поведение, обычно отличаются от тех, которые часто встречаются у данного вида в функционально значимых ситуациях жизнеобеспечения, размножения, защиты, агрессии и т. п. Однако в игровых ситуациях последовательность движений чаще всего не завершается реализацией функции.
- Выработка новых комплексов движений. У животного могут в игре вырабатываться новые движения, не имеющие функционального значения помимо игровой ситуации.
- Смешение функционально различных типов поведения. Поскольку игровое поведение строится из движений, относящихся к другим типам поведения, эти функционально различные движения комбинируются произвольным образом.
- Несоответствие интенсивности отдельных движений всей их последовательности в целом. В игре часто проявляется преувеличенная интенсивность движений, функционально не обоснованная и как бы самоцельная. Наблюдаются также многочисленные повторы какого-либо движения, не приводящие к следующему элементу последовательности, частью которой оно является в других типах поведения.
- На групповые игры другие особи обычно не реагируют «серьезно». Более того, у некоторых животных игре предшествует особый сигнал, выделяющий ситуацию или поведение из «обычного» контекста.
- В игровом поведении объекты используются не в их прямой функции. Часто в игровых ситуациях животные манипулируют предметами, которые в других ситуациях либо не используются, либо используются в совершенно иных функциях.

- У высших млекопитающих игру молодняка часто начинает взрослое животное.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что хотя движения, характерные для игры, могут напоминать другие виды поведения, их побуждения различаются. Игровое поведение не направлено на достижение конкретного результата, как это наблюдается в неигровых ситуациях. Игровая активность часто прекращается, не достигнув функциональной формы. Она легко прерывается другими видами активности или побуждений, например голода или страха. В то же время игра самоценна; это не просто занятие праздных животных, возникающее в период бездеятельности. Животное может выбрать игру и при наличии одновременно существующих других побуждений.

Главный интерес социобиологов сосредоточен на эволюции социальных форм существования организмов. Поэтому предметом исследования становятся взаимодействия, взаимосвязь между особями. Их изучение позволяет реконструировать структуру, иерархичность и горизонтальность связей и таким образом понять эволюционный смысл определенной организации сообщества.

Выводы

1. В настоящее время в культурной антропологии понятие «культура» не отождествляется с миром только человеческих отношений. Объяснение культурных фактов связывается с социобиологическими и этологическими моделями изучения социальной жизни. Это позволяет получить ответы на значимые для познания человека вопросы: что культурно уникально; что человечески универсально; что специфично для человеческого вида; что общего у человека с другими видами животных. Вычисляются характеристики социальной жизни, общие для всех видов и имеющие адаптационную значимость.
2. Во-первых, речь идет о социальной организации, которой в социобиологии и этологии придается существенное адаптационное значение. Выделяются типы поведения, которые поддаются координации

и в совокупности обеспечивают устойчивые рамки для совместного существования членов популяции. Прежде всего, стратификация, которая считается неотъемлемым свойством животной популяции и означает распределение особей по функциональным признакам, связанным с жизнеобеспечением. Далее, территориальность и контроль над агрессией, поддерживающие координацию действий в популяции. Наконец, альтруизм, т. е. поведение, не столько удовлетворяющее интересы особи, сколько способствующее поддержанию целостности группы. Адаптационный смысл социальной организации состоит в объединении популяции для извлечения внешних ресурсов и противостояния неблагоприятным воздействиям окружения.

3. Во-вторых, отмечается значимость коммуникативных процессов для поддержания жизнедеятельности популяции. Подчеркивается фундаментальный характер способности животных к сигнальному поведению. Важной содержательной чертой коммуникативных процессов в популяции принято считать эмоции. При этом необходимо проводить различия между эмоциональными состояниями, их знаковым выражением и их поведенческими соответствиями. Другим основанием коммуникативного поведения животных, предпосылкой обмена информацией с помощью знаков этологи считают ритуал — серию наследственно обусловленных и закрепленных в генотипе стандартных телодвижений. Оба аспекта коммуникации создают базу для построения достаточно сложных сообщений, позволяющих особям лучше адаптироваться в меняющемся окружении.
4. В-третьих, акцентируются адаптационные возможности обучения. Способность к обучению базируется на врожденном свойстве организма устанавливать связи между безразличными для организма сигналами или единицами восприятия и реагировать на них. На этой основе формируются внутренние концепты и поведенческие стереотипы с помощью известных механизмов, обозначаемых

как процесс обучения. Адаптационная значимость обучения состоит в том, что благодаря ему повышается степень освоенности окружения.

5. В-четвертых, предполагается, что адаптации животных в окружении во многом способствует исследовательское поведение. Оно строится на наследственной базе, включает в себя и элементы индивидуального научения и является пусковым механизмом целенаправленных действий. Оно направлено на преодоление несоответствия между представлением о знакомой ситуации и следами восприятия новой. Адаптация состоит в перестройке внутреннего концепта таким образом, чтобы он соответствовал ключевым характеристикам новой ситуации.
6. В-пятых, рассматриваются адаптационные функции игры. Прежде всего, в процессе игры можно выделить элементы обучения. Далее, есть основания полагать, что игровое поведение имеет ряд общих черт с исследовательским. Наконец, оно связывается с рекреацией. Таким образом, адаптационный смысл игры можно определить как безопасное экспериментирование с элементами окружения.

Контрольные вопросы

1. Значимость социобиологии и этологии в познании культуры.
2. Концепция социальной организации: обоснование необходимости.
3. Стратификация и ее место в социальной организации.
4. Агрессивность и альтруизм: адаптационные функции.
5. Коммуникативное поведение животных.
6. Адаптационная значимость обучения и его составляющие.
7. Значимость исследовательского поведения в освоении окружения.
8. Функции игры в образе жизни животных.

ЧАСТЬ II
ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОРОЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

В соответствии с социобиологическими основаниями рассмотрения культуры становятся очевидными два фундаментальных направления формирования «искусственных» феноменов, обеспечивающих совместное существование индивидов, их социальное взаимодействие. Во-первых, необходимость жизнеобеспечения, удовлетворения фундаментальных жизненных потребностей (пища, кров, продолжение рода и т. п.) обуславливает порождение того, что принято называть социальными функциями.

Имеется в виду совокупность побуждений, организованных действий и наборов конечных результатов, составляющих единые цепи событий, приводящих к удовлетворению потребностей. Относясь к всем индивидам вида, они обуславливают общий набор фундаментальных функций, формы или структуры реализации которых меняются в зависимости от изменчивости условий существования популяции. Поскольку в рамках любого вида, как показывают исследования, реализация полного набора жизнеобеспечивающих потребностей не может осуществляться на уровне одной особи, то есть нужна помощь со стороны других, в каждом сообществе существует разделение функций. Таким образом можно говорить о порождении культурных феноменов как интерсубъективных, разделяемых функциональных единиц, обеспечивающих выживание популяции.

Во-вторых, социальное разделение функций базируется на взаимодействии индивидов, их объединении для взаимного обеспечения благоприятных условий со-

вместной жизни. Это предполагает коммуникацию между ними, то есть обмен информацией о намерениях, направлениях действий, предполагаемых результатах. Иными словами, необходимыми являются разделяемые информационные коды и внешние стандартизированные сигналы, которыми индивиды обмениваются в процессе коммуникации для координации совместных действий. Соответственно другую область порождения культурных феноменов обуславливают трансформации внешних или внутренних для организма стимулов в выразительные единицы, которые могут быть транслируемы в процессах коммуникации.

Данный раздел посвящен рассмотрению процессов формирования, во-первых, социальных функций и их объединений, «обслуживающих» социальное взаимодействие, связанное с удовлетворением жизненно важных для человека потребностей; во-вторых, символических образований, используемых людьми в процессах такого взаимодействия.

ПОРОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

■ Основания структурно-функционального анализа

Социальная и культурная антропология имеет дело не с описанием уникальных явлений, специфичных культурных характеристик, но с выявлением универсалий, родовых свойств человека, регулярно повторяющихся событий. Ее проблемы можно определить следующим образом: как существуют и поддерживаются структурные формы социальных отношений; каковы механизмы их поддержания; как работают такие механизмы. Основным социальнаучным направлением, связанным с ответами на эти вопросы, базирующимся на изучении порождения форм социальной активности, является структурный функционализм. Функциональным или структурно-функциональным подходом к изучению общества и культуры называется тот, при котором основное внимание уделяется способам удовлетворения потребностей, запросов, интересов людей, структурам процессов такого удовлетворения.

Функционализм как способ познания существовал на протяжении всей истории культуры. Тело и его жизненные проявления были постоянным источником метафор, аналогий, моделей для различных аспектов совместной жизни людей. Корни функционального подхода к изучению общества и культуры, специфичного для XX века, прослеживаются в работах французов О. Конта и Э. Дюркгейма, англичан Б. Малиновс-

кого и А. Радклифф-Брауна. Эти авторы равно причисляются к классикам как социологии, так и культурной антропологии, поскольку в их время границы между двумя дисциплинами только начали устанавливаться.

Позже дань функционализму отдали такие ученые, как М. Мид, Э. Мейо, Л. Уорнер, Р. Фирт, И. Иванс-Причард, М. Уилсон, С. Нейдел, М. Глюкоман и др.

Возникновение функционализма побуждалось стремлением установить «общие социологические законы». Соответственно еще Б. Малиновский проводил различие между «этнографией как наукой, связанной с простым коллекционированием, описанием и классификацией (данных), и этнологией, целью которой может быть построение законов и объяснение феноменов»¹, применение абстрактных теорий к различным типам обществ. Ключевые концепты функции и структуры были прямо заимствованы у Г. Спенсера, который часто использовал их и выводил из органических аналогий, связанных с его идеей социальной системы. В обществе, как и у индивида он предполагал, что «различие функций предопределяет дифференциацию и разделение выполняющих их частей», а также «взаимную зависимость частей», которую считал источником организации вообще, общим законом социальности².

Начиная с работ Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна, функционалистская трактовка прочно закрепилась в изучении общества и культуры. И с самого начала обоснование функциональных социокультурных единиц — институтов, норм, ролей — имело двойную природу. С одной стороны, такие единицы выводились из удовлетворения врожденных человеческих потребностей. С другой стороны — из необходимости поддерживать социальные связи и отношения. Истоки первого направления обнаруживаются в работах Б. Малиновского, второго — в работах А. Радклифф-Брауна.

¹ *Malinowski B. Review of G.C. / Wheeler. «The tribal and intertribal relations in Australia». Man, 11 (15), 1911. P. 25–26.*

² *Goody J. British functionalism. Main Currents in Cultural Anthropology. Naroll R., Naroll F. (eds.) N.Y. 1973. P. 190.*

Малиновский и А. Радклифф-Браун преуспели в том, чтобы создать функционалистские рамки, достаточно систематичные для анализа и обобщений полевых данных. Они придали адекватную базу как изучению конкретных обществ, так и построению социальной (а нередко и психологической) теорий. Благодаря успешности их работ концепты социальной системы, структуры, функции, общего закона, института вошли в словарь (тезаурус) социальных наук в качестве устойчивых категорий. Влияние Б. Малиновского на формирование функционализма как исследовательского направления сказалось на трех уровнях. Во-первых, интерес к систематическим связям, в частности, ролевым, как внутри общества (функциональная связь), так и между обществами (сравнительная связь). Во-вторых, попытка продвинуть компаративные исследования, стимулировать систематическое сравнение социальных и культурных переменных в различных обществах (социальных системах).

В функционалистской трактовке социальных и культурных явлений сама концепция функции подразумевает биологические и психические предпосылки действий людей, направленных на внешнее окружение. Последнее включает в себя не только экологическое измерение, но и созданные человеком объекты. Кроме того, значительное место в концепции функции занимают технологии, в том числе машинные, как продукты и посредники социокультурного взаимодействия и коммуникации, инструменты трансляции культуры, которые делают возможным обуславливающий удовлетворение потребностей и запросов людей взаимообмен между компонентами социальных и культурных систем.

Таким образом, считается, что «в жизни определенной общности каждый культурный элемент занимает свое место и выполняет особую функцию. Обнаружение этих функций является задачей науки, которую можно назвать «социальной физиологией». Исходный постулат функционального метода состоит в том, что существуют общие «физиологические», или функциональные, законы одинаковые для всех обществ и куль-

тур. Целью функционального метода является обнаружение этих общих законов и объяснение с их помощью любого элемента любой культуры»¹.

Наиболее развитая форма структурного функционализма выражена в концепции общества и культуры как системы. Она широко представлена в социологии, такими фигурами, как Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Шиллз, М. Леви, Д. Белл и др. Но соответствующие теоретические принципы использовались и в культурной антропологии (в рамках неозволюционизма для интерпретации адаптационных структур, в рамках психологической антропологии как основания для психоаналитической трактовки социализации и инкультурации). Более того, начиная с 60-х годов XX в. структурный функционализм стал одной из общих теорий для изучения общества и культуры.

Существенным исходным допущением структурного функционализма является классическая идея «единства мира», то есть представление о том, что любое явление имеет значение только в связи с его целостностью. Концептуальное различение функций и элементов представляет собой познавательный инструмент для понимания и описания порождения, существования, изменения целостности, которая обозначается как социальная система.

Следует подчеркнуть, что само по себе понятие «система» является чисто формальным и не имеет эмпирического содержания. Применение этого концепта к определенному предмету, а именно к социокультурным феноменам, означает его интерпретацию. Вопрос заключается в том, какой должна быть природа интерпретации в этом случае. Например, такие характеристики системы, как равновесие и взаимосвязь, могут приниматься как измерения, то есть как имеющие варьирующееся значение. Тогда система рассматривается в динамике, и акцент помещается на механизмах, действие которых обуславливает изменение значений этих переменных. Система в этом случае интерпретируется с точки зрения смены состояний.

¹ Radcliff-Brown A.R. Method in social Anthropology. L., 1968. P. 41.

Однако же эти характеристики могут считаться инвариантными, то есть свойствами, присущими системе. Тогда она рассматривается в одном из возможных состояний — равновесном, и предметом интереса становятся механизмы поддержания этого состояния. Система соответственно интерпретируется в терминах сохранения самоидентичности. В первом случае исследователь имеет дело с системностью, во втором — с конкретным состоянием системы.

С развитием концептуального аппарата и утверждением системы в качестве интегрирующей познавательной категории структурный функционализм как теоретическое направление установился благодаря трем основным причинам. Во-первых, он сложился как обобщенный интеллектуальный подход, базирующийся на концептах функции, действия, структуры и ассоциирующихся с ними идеях. Во-вторых, на этой основе можно строить специфичные для него гипотезы о значении социокультурных феноменов. В-третьих, в его рамках есть метод проверки таких гипотез. Это направление породило важные для понимания общества и культуры теоретические построения, многие из которых нашли убедительное эмпирическое подтверждение. И хотя подход отнюдь не универсален, имеет свои ограничения и несовершенства, он оказывается необходимой составляющей современной парадигмы познания динамики социокультурной жизни.

Рассмотрим исходные порождающие компоненты, на которых строится концепция социальной системы: потребности как универсальные побуждения человеческой активности; социальное действие как функциональная организация этой активности.

■ Концепция потребностей

Функционализм формировался как реакция на неадекватные интерпретации социокультурных процессов в рамках классического эволюционизма. Заложена здесь идея развития характеризуется усложнени-

ем искусственного мира. Концепция культурного разрыва между традиционными и модернизированными обществами и частями общества предполагала, что прогресс стимулируется совершенствованием организационных технологий. В то же время факты свидетельствовали о том, что такое совершенствование отнюдь не препятствует общественным беспорядкам, конфликтам, войнам.

Акцент функционализма переместился с порядков, связанных с организацией адаптации людей к природному окружению в поисках средств биологического выживания, на социокультурные порядки, обеспечивающие и поддерживающие общественное разделение функций. Исходные допущения Э. Дюркгейма о том, что потребности, желания людей в принципе беспредельны, а также О. Конта и Э. Дюркгейма о дестабилизирующем влиянии технологического развития обусловили трактовку моральных ценностей как механизмов, сдерживающих и ограничивающих эти побуждения, стабилизирующих общество.

В функционализме вопрос о культурных универсалиях связывается с универсальностью человеческих потребностей. Социокультурная специфика относится не к характеру потребностей как таковых, но к их распределению по приоритетности и способам удовлетворения в определенном обществе. Такая трактовка общих и специфичных характеристик в различных культурах прослеживается начиная с работ Б. Малиновского, который строил свои объяснения на выделении базовых потребностей человека в сопоставлении с ними наиболее характерных для изучаемой культуры условий. Первичные базовые потребности он считал врожденными. В сочетании с локальной спецификой культуры удовлетворение этих потребностей обуславливает формирование своеобразных конфигураций побуждений, так называемых вторичных потребностей. Их, по-видимому, лучше называть желаниями или запросами. Соответственно множественность культурных феноменов поддается упрощению, упорядочению путем сведения (редукции) их к первичным потребностям. В свою очередь их удовлет-

ворение и сопровождающие представления и оценки можно представить как определенные «темы» в культуре: обеспечение крова и безопасности, утоление голода и жажды, удовлетворение сексуальной потребности и т. п. Тогда культурные универсалии могут быть представлены как функциональные единицы, обеспечивающие удовлетворение первичных потребностей и определяющие фундаментальные темы культуры. Культурное же разнообразие можно трактовать как специфичные вариации этих тем, проявляющиеся в различиях конфигураций потребностей и способов их удовлетворения.

Концептуализацию потребностей и их внутренней дифференциации можно свести к двум основным типам: как состояние и как отношение. Динамическая теория потребностей, разработанная А. Маслоу, относится к первому типу¹. Речь идет о состояниях индивида как активной целостности, расположенных на шкале из пяти последовательных ступеней:

- Физиологические потребности, обусловленные метаболическими процессами (обмен организма со средой веществами и энергией: пища, воздух, выделения организма, температурный баланс, размножение).
- Потребность в безопасности, связанная с защитой индивидом своей жизненной среды в физическом (жизненное пространство) и социокультурном (защита от посягательств на личность, ее семью, положение в обществе и т. п.) смысле. Она соответствует выделенному этологами у всех животных, включая человека, так называемому инстинкту территориальности. У человека он проявляется как стремление к освоению пространства, закреплению на нем, его ограждению и защите в присущих человеку предметно-пространственных знаковых формах. По мнению А. Леруа-Гурана, освоение человеком пространства и времени (доместикация)

¹ Maslow A. Dynamic theory of human motivation // Psychological Review. 1943. V. 50.

составляет более важный шаг в его эволюции, чем даже изготовление орудий труда¹.

- Потребность в социальных связях, то есть в отношениях с другими людьми, межличностной привязанности и любви; она выражается в стремлении принадлежать к какой-либо общности, которую индивид воспринимает как «свою».
- Потребность в признании, уважении, которая имеет два аспекта: самоуважение и признание со стороны других; в первом случае речь идет о соответствии поведения личности ее принципам, об уверенности в себе, в своей компетентности, о личной независимости; во втором — о проявлении знаков уважения со стороны окружающих, о стремлении занять высокое положение в обществе, обеспечивающее определенные социокультурные привилегии.
- Потребность в самореализации, связанная с проявлением индивидуальных способностей, склонностей, свойств.

Согласно А. Маслоу, эти типы потребностей иерархичны, то есть каждая последующая ступень возникает после удовлетворения предыдущей. Хотя есть определенные свидетельства тому, что если исключить обеспечение жизнедеятельности организма, всё остальное не выстраивается в жесткую последовательность.

Маслоу выделяет также потребности, связанные с организацией человеком представлений о своем окружении и выводящими человека за пределы самого себя:

- стремление к познанию во имя самого познания;
- стремление построить стройную картину мира, или потребность в систематизации представлений;
- стремление к симметрии, гармонии, красоте, порядку, то есть к эстетическому упорядочению представлений об окружении.

Поскольку функционализм базируется на концепции биологического человека, его фундаментальных, первичных, «природных» потребностей, человеческое

поведение не ограничивается здесь только его рациональными компонентами. Нерациональные, бессознательные факторы здесь также учитываются как значимые детерминанты поведения людей, социокультурных процессов. Соответственно типы социальных действий, желаний, целей людей оказываются многообразными с точки зрения не только их объективации, предметной представленности, но и источников порождения. Следует подчеркнуть, однако, что в отличие от классического функционализма структурный функционализм в его системном выражении ограничивается рассмотрением только тех целей и объектов желаний, которые находятся вне индивида, выделены и санкционированы в обществе как существующие и значимые. Иными словами, человек рассматривается только в его социализованном аспекте, а значимыми для изучения считаются только те его усилия, которые направлены на достижение внешних, извлекаемых из социальной системы целей. В таких ситуациях человеку нечего и незачем противопоставлять этой системе и возможность конфликтов между ними сведена к минимуму.

Концепция социального действия

Структурно-функциональный анализ начинается с единого общего пластичного измерения, лежащего в основе всего социального мира, — социального действия, которое представлено через цели, средства, условия и результаты. Действия направлены на удовлетворение потребностей или достижение целей. Они могут быть элементарными и составными, разграниченными и перекрывающимися друг друга в зависимости от сложности процесса целедостижения. Из таких элементарных целостностей — социальных действий — формируется дифференциальная система функций, взаимосвязей и их устойчивых объединений — институтов.

По отношению к достижению целей Т. Парсонс делит человеческие действия на инструментальные и

неинструментальные. К первым относятся те, что базируются на рациональных основаниях, имеют последовательную логическую структуру, соответствуют кантианскому представлению о разуме, интеллекте. Вторые обусловлены бессознательными импульсами. В соответствии с источником побуждений различие действий проводится по измерениям мотиваций и ценностных ориентаций. Ценностно ориентированные действия структурируются культурно установленными стандартами, нормами и ранжируются в соответствии с ними. Мотивационные действия стимулируются интернализированными, освоенными побуждениями или желаниями. По функции эти действия подразделяются на следующие формы: когнитивные, соответствующие формированию представлений; катектические, связанные с осуществлением желаний, влечений; оценочные, направленные на достижение морально санкционированных результатов.

Применение такой концепции потребностей целесообразно при построении структурной модели организации функциональных единиц общества.

Бельгийскому психологу Ж. Нюттену принадлежит «относительная теория потребностей, представляющая второй тип их трактовки»¹. Он полагает, что категория обозначает не состояние организма, но динамические формы («паттерны») связей человека с окружением. Речь идет о совокупности особых биохимических (инстинктивных) и психических (эмоциональных и когнитивных) отношений организма к среде, «эго» к «миру».

Согласно Нюттену, эта категория имеет временное измерение, поскольку объект, который может служить удовлетворению потребности, не дан организму непосредственно. Его следует определить, выделить из окружения, а затем овладеть им. Иными словами, возникновение потребности и ее удовлетворение симультанны (одновременны), но разведены в пространстве и времени. Благодаря этому избранный объект задает концепт будущего как ожидания удовлетворения по-

требности, прожективного образа возможного ощущения благополучия.

Однако это всего лишь образ будущего. Удовлетворение же потребности как реализация будущего предполагает построение временной перспективы в качестве осознанно спланированного, последовательно развернутого ряда целей. Временная перспектива, или, по определению К. Левина, «временное измерение жизненного пространства», обусловлена возникновением побуждений, «включающих» в действие соответствующие им мотивы. Мотивы в свою очередь считаются пусковым механизмом когнитивной активности, связанной с разработкой последовательности действий, ведущей к достижению результата или целей, с фиксированием промежуточных результатов. Так складывается образ, представление о временной перспективе.

Использование такой концепции потребностей имеет особое значение при изучении порождений и изменений функциональных единиц и их структурных взаимосвязей в обществе.

Парсонс разворачивает концепцию социальных систем вокруг взаимодействия Эго и Альтер, указывая таким образом на прямое участие индивидов в социальных действиях, делая их носителями культуры этих систем через их дифференциальное ролевое размещение, то есть распределение функций. Такой подход позволяет связать групповые характеристики с индивидуальным поведением. Это шаг в сторону объяснения существования устойчивых социокультурных образований по сравнению с предыдущими функционалистскими построениями, где культурные и социальные феномены рассматривались как самодовлеющая реальность, а группа людей определялась не через дифференциацию функций или ролей, но через интегрирующие ее нормы или институты. В структурном же функционализме разделение Альтер и Эго оставляет место для людей в социальной системе, устанавливает предпосылки для рассмотрения того, что обуславливает согласованность и систематизацию их действий.

Изучение систем социального взаимодействия породило операциональную концепцию социальной роли, содержащую набор действий, правил их реализации, пределов распространения и относящуюся к выполнению человеком определенных социально значимых функций. Рассмотрение людей как исполнителей ролей в системах социального взаимодействия означает акцент на способах интеграции личности в такую систему, в процессы ее поддержания, в кооперацию с другими ее членами. Роли рассматриваются как механизмы такой интеграции, а процессы социализации — как средства освоения ролевых поведения и ожиданий.

Не следует, однако, считать, что исполнение социокультурной роли предполагает полную причастность индивида к ней. Уже потому, что ролевые обязанности многообразны и диффузны, и личность всегда выполняет целый ряд ролей, она никогда не оказывается в сети безоговорочных обязательств. Отсюда несовпадение понятий личности, воплощенного индивида и роли — выполняемых индивидами социокультурных функций. Оно порождает тот концептуальный зазор, где заложен источник функциональной автономии личности в обществе и культуре. В социокультурных системах, таким образом, личность можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, как «актера», выполняющего значимые для него и для других действия, связанные с поддержанием функционирования социальных систем. В этом аспекте индивид рассматривается как субъект, действия которого контролируются другими членами этой системы, поскольку он имеет определенные обязанности по отношению к ним, обусловленные выполняемой им ролью. Во-вторых, как целостного воплощенного индивида, обладающего потенциями и возможностями помимо всех социальных систем, участвующего в них всегда лишь частично. Это расхождение определяет область порождения изменений и инноваций, подлежащую сложившимся и конвенционально признанным социокультурным системам.

Концепция социальной системы

Представление об обществе и культуре как об устойчивых образованиях, порожденных и поддерживаемых реализацией совокупности функций, необходимых для совместной жизнедеятельности людей, привело к формированию концепций социальной и культурной систем. Еще А. Радклифф-Браун подчеркивал преимущества подхода Б. Малиновского, который предлагал «считать каждую культуру функционально взаимосвязанной системой» и пытаться обнаружить общие законы функционирования человеческого общества как целого¹.

Рассмотрение социокультурного объекта в системных терминах предъявляет исследователю определенные требования. Он должен предварительно обосновать или доказать, что действительно имеет дело с системой. Соответственно следует определить составляющие социальной системы, ее морфологию и только потом анализировать ее функционирование, ее динамику. В терминах общей теории систем объект можно называть системой, если о нем известны: границы, входы-выходы, составляющие элементы, структура связей между ними, содержание процессов обмена между элементами и преобразований входов в выходы.

Для того, чтобы определить социальный объект как систему, необходимо априори знать или доказать, что он обладает следующими характеристиками: универсальные функциональные фазы, имманентные состояния объекта; присущие ему формы приспособления к внутренним напряжениям и обменов с соседствующими системами; их устойчивая статусная и ролевая организация; характерные для них нормы и ценности. Выделяются также типы проблем, с которыми приходится иметь дело системным социокультурным объектам: адаптация, достижение цели, поддержание внутренних форм, интеграция. Когда общество и культура рассматриваются как система, перед исследова-

¹ Radcliffe-Brown A. Further note on Ambrym. Man 29 (35). 1929. P. 53.

нием встают специфичные познавательные проблемы. Во-первых, поскольку, по определению, фундаментальным свойством системы является взаимозависимость частей, или переменных, необходимо определить характер зависимости. Во-вторых, если — также по определению — система является целостным устойчивым образованием, возникает вопрос о механизмах ее поддержания. В-третьих, поскольку системы имеют внутреннюю и внешнюю подвижность, проблемой становится их изменение, то есть пути внутренней динамики, структурных модификаций.

Существует несколько концепций системы, обусловленных различными исходными допущениями о системообразующих факторах.

Однофакторная концепция. В своей простой, «идеально-типической» форме она базируется на допущении о том, что какой-то один фактор — экономика, раса, климат — может объяснить системообразование как таковое, а также структуру и функции любой социокультурной системы в целом и составляющих ее элементов, смену ее состояний. Соответственно выделяется одна независимая переменная и ряд зависимых и устанавливается природа связи между ними. Исследовательская задача состоит в том, чтобы свести множественность наблюдаемых социокультурных явлений, соответствующих различным элементам системы, к обусловленности и детерминированности определенным (известным) состоянием независимой переменной.

Такая концепция системы имеет ряд познавательных ограничений. Во-первых, в ней нет места для анализа того, как зависимые переменные влияют друг на друга. В ней игнорируется обратное влияние — единичное или совместное — зависимых переменных на независимую. Во-вторых, при использовании однофакторной модели избранная независимая переменная является объяснительным принципом, то есть обеспечивает объяснение для всех других классов событий, происходящих в системе. В-третьих, она скрывает то, что независимый фактор объясняет лишь некоторые, но не все вариации зависимых переменных. Соответственно несводимые к постулированной детерминанте ва-

риации такого рода либо остаются необъясненными, либо — еще хуже — начинают считаться несуществующими.

Мультикаузальная (многофакторная) модель. Она предполагает, что все социальные и культурные системы порождаются не одним, а несколькими факторами. Соответственно предполагается существование набора разнородных функциональных единиц системы, совместным действием которых объясняется каждое событие, происходящее в ней. Задачей исследователя становится выявление всех отдельных переменных, которые повлияли на свершение конкретного события. В то время как однофакторная модель служит для объяснения множества событий (зависимых переменных) сведением к определенному состоянию одного фактора (независимой переменной), мультикаузальная объясняет одно событие (зависимую переменную) как обусловленное состояниями нескольких факторов (независимых переменных).

Недостаток ее заключается в том, что изучается воздействие каждой взятой по отдельности независимой переменной на событие, совершающееся в конкретный промежуток времени, тогда как остальные составляют лишь пассивный инвариантный фон. Здесь, как и в первом случае, не учитывается обратное воздействие зависимой переменной на каждую из независимых. Кроме того, количество последних переменных обычно остается достаточно неопределенным, поскольку не устанавливаются основания для их отбора. Мультикаузальность не предполагает критериев отбора необходимых и достаточных факторов, детерминирующих событие, она подразумевает принципиальную открытость к неожиданным детерминантам. Таким образом, она нарушает канон экономности, считающийся важным критерием отбора научных теорий как адекватных.

Функциональный системный анализ (система в состоянии равновесия). Здесь все переменные рассматриваются как одновременно зависимые и независимые. Этим модель отличается от предыдущих двух, где типы переменных жестко разграничиваются. В ее

рамках человеческие объединения рассматриваются как системы, состоящие из взаимозависимых и взаимовлияющих элементов (переменных). Причем каждая из них рассматривается и как причина, и как следствие событий, происходящих в ходе социокультурного взаимодействия. Таким образом, факторы получают статус равноправных, равно заслуживающих внимания при изучении существования системы. Однако в этом случае без ответа остается вопрос о том, все ли составляющие системы (переменные) имеют одинаковое детерминирующее влияние на состояние системы в целом и ее отдельных частей. Такой тип системного анализа социокультурных систем связан с именем Т. Парсонса.

Стратифицированная системная модель. Здесь принимается исходное допущение о том, что в системе взаимозависимых частей не все элементы в равной степени зависят друг от друга. Одни из них имеют большую, а другие меньшую степень автономии по отношению друг к другу и к системе в целом. Смысл модели заключается не в том, чтобы подчеркнуть значимость социальной стратификации в определении состояния системы. Речь идет о том, что различные части (составляющие, элементы) системы неодинаково влияют при совместном действии на качество ее функционирования.

В этой модели, как и в других, любая социокультурная форма, конфигурация рассматривается как элемент системы. Однако этим элементам уделяется более детальное внимание. Во-первых, измеряется степень вовлеченности каждого из них в функционирование системы. Во-вторых, определяется, в какой степени их взаимодействие устойчиво и обязательно, то есть с какой мерой системности исследователь имеет дело. Целью такой модели является не столько объяснение того, как сохраняется равновесное состояние системы, сколько определение и интерпретация ее различных возможных состояний. Такая интерпретация оказывается возможной, поскольку выявляется, в какой степени функционирование различных компонентов системы детерминирует специфику ее состояний, и взвешиваются различия в их влиянии на достижение каждого

из таких состояний. В отличие от других эта модель с необходимостью предполагает, что детерминирующие функциональное состояние системы факторы должны быть не просто выделены, но и измерены в своем детерминирующем воздействии.

■ Структурный функционализм. Общие представления

Структурный функционализм ассоциируется с представлениями о единстве человеческой группы; реальности социальной системы; согласованности форм социокультурного взаимодействия. Он ограничен рассмотрением равновесного состояния системы. Здесь все явления и объекты, соответствующие совместной жизни людей, рассматриваются в концептуальном пространстве, определяемом четырьмя измерениями: биологическим, психологическим, социальным и культурным. Каждое измерение представляет собой отдельную независимую аналитическую систему. В рамках этого концептуального пространства все части социокультурной системы (элементы, подсистемы) зависят друг от друга, поддерживают одна другую, имеют значимость благодаря тому, что что-то делают и получают друг от друга. Этому отвечает концепция социальных и культурных функций: элементы (подсистемы) социальных и культурных систем не существуют сами по себе, но только внутри целого (общества, культуры) и для него. Структурный функционализм как познавательное направление предназначен для того, чтобы установить фундаментальную соотнесенность, всех отдельных условий и процессов совместной жизни людей с состоянием социальной и культурной системы как целого. А к ней относятся лишь те образования, которые отвечают названным требованиям. Это в свое время подчеркивал еще П. Сорокин, выделяя «системы» и «конгломераты», функционально взаимосвязанные, организованные целостности и не систематизированные, неорганизованные области.

Значимым аспектом структурно-функционального анализа является изучение способов объединения и ме-

ханизмов поддержания совокупностей действий, объединений выполняющих их людей, связанных с удовлетворением потребностей и запросов, проявляющихся в совместном их существовании. Соответственно предметом исследования становится взаимозависимость членов группы, их конформность к ожиданиям друг друга, их знания и навыки, необходимые для поддержания целостности. Внимание исследователя сосредоточивается на механизмах социальной интеграции, включающих членов группы в поле «социальной солидарности», сокращающих дистанцию между ними, на защитных механизмах, снижающих внутригрупповые напряжения, на адаптивных механизмах, уменьшающих трения между системой и ее окружением.

К изучению таких феноменов следует для завершенности теоретической картины добавить анализ процессов, предотвращающих полную интеграцию ее частей. В этой связи вводится понятие «организация», но его не следует отождествлять с идеей структуры. Оно используется в процессуальном значении, то есть служит для того, чтобы выделить механизмы, не только связывающие и контролирующие элементы в рамках системы, но и разъединяющие, поддерживающие дистанцию между ними, охраняющие их функциональную автономию. Нормативные, ценностные структуры, идентификационные знаки, символы суть те культурные переменные, благодаря которым она приобретает распознаваемую, видимую, коммуницируемую форму.

Социальная система в ее установившемся, «равновесном» состоянии (которое вплоть до недавнего времени ошибочно отождествлялось с системой как таковой) представляет собой совокупность организованных социокультурных взаимодействий с развитой сетью защитных механизмов против напряжений, беспорядков и конфликтов. Стабильное состояние системы может быть вероятностным, но не неопределенным и характеризуется множеством возможностей интегрировать и нейтрализовывать внутренние отклонения и нарушения. Фундаментальной реальностью этого состояния считается внутренняя последовательность системы. Конфликты и напряжения рассматриваются

при этом как вторичные нарушения, а не неизбежные условия поддержания этого состояния. Акцент помещается на хорошо социализованных акторах (участниках), которые действуют добровольно, в соответствии с внутренними заученными (интериоризованными) мотивациями и не нуждаются в репрессивных ограничениях. При этом состоянии дефицит ресурсов, социальных позиций, информации легитимизирован, то есть урегулирован моральным кодексом и правовыми нормами. Легитимизирована также и власть, то есть принимаемые властными институтами решения имеют авторитет как осуществляющиеся в общих интересах и для достижения коллективных целей. Изменения в такой системе могут возникнуть лишь под давлением внешних факторов, разрушающих ее защитные механизмы, и являются случайными, не относящимися к ее сущностным характеристикам. Вариации самих этих характеристик порождают не критические структурные изменения системы, но только циклические и ритмические модификации внутри нее.

Сторонники такой концепции системы понимали, что это всего лишь идеальная модель, инструмент анализа и оценки различных вариаций функционирования социокультурных системных объектов.

■ Структура социальной системы

В классическом структурно-функциональном анализе социальных и культурных систем акцент помещается на их равновесном состоянии, условиях его возникновения и существования. Так, согласно Т. Парсонсу, Эго и Альтер делает системой не просто то, что их поведение является взаимовлияющим и взаимозависимым, но и то, что оно складывается в воспроизводимые, стереотипные, самоподдерживающиеся формы («культурные паттерны»). Они описываются с помощью категории «социальная структура», обозначающей те закономерности их существования в системе, которые либо предохраняют ее от возникновения напряжений и конфликтов, либо придают им нормирован-

ность, делают их социально приемлемыми. При внимании к структуре социальной системы изучается, каким образом конфигурации взаимодействия стабилизируются, превращаются в устойчивые.

Когда же речь идет о тенденциях элементов изменить состояние системы, отыскиваются механизмы, возвращающие ее к «статус кво», то есть элементы и механизмы функционирования, которые отвечают задачам ее самоподдержания и стабилизации. Концепция структуры указывает на регуляторы напряжений, присущих системе как таковой, ситуационных расхождений в «поведении» элементов. В культурном плане концепция социальной структуры акцентирует общность интересов и координацию действий, то есть социальную солидарность. О ее наличии можно говорить в том случае, если двое или более людей заинтересованы в решении общей задачи, действуют согласованно, в одном направлении, в общих нормативных рамках. На ней держатся социальные отношения. «Социальные отношения существуют между двумя или более лицами, если их интересы (в процессе взаимодействия) сближаются из-за начального сходства или ограничения конфликтов при возможном их расхождении»¹. Таким образом, они базируются на взаимной заинтересованности людей, на необходимости кооперации в достижении общей цели или на комбинации обоих факторов. Устойчивость подобных отношений фиксируется в понятии «социальная структура».

Это понятие, начиная с Радклифф-Брауна, относится не только к группам, но и всем видам отношений между «личностями», то есть между индивидами, исполняющими социальные роли². Иванс-Причард определял структуру как «связи между группами лиц внутри системы групп»³. Далее он полагал необходимым ввести понятия, означающие связи с точки зрения социальных ситуаций и связи между этими связями.

¹ Radcliffe-Brown A. Method in Social Anthropology. L., 1958. P. 169.

² Radcliffe-Brown A. Structure and Function in Primitive Society. L., 1952. P. 191.

³ Evans-Pritchard E.E. The Nuer. Oxford, 1940. P. 266.

Структурная форма трактуется как абстракция, позволяющая сравнивать и типологизировать структуры по признакам характерных для них соотношений элементов (например, горизонтальные, вертикальные, иерархичные связи и т. п.). Поэтому понятие социальной структуры можно отнести к связям между составляющими в таких целостностях, как нация, племя, род, которые устойчиво сохраняют тождественность как особая группа несмотря на изменения в ее составе. Однако такая трактовка не является единственной. В более общем понимании понятие «социальная структура» принято относить к любым установившимся отношениям между людьми в процессе их совместной жизни.

Например, согласно А. Радклифф-Брауну, «социальную структуру следует рассматривать как постоянно действующую организацию отношений между людьми, определяемых или контролируемых с помощью институтов, то есть социально установленных норм или образцов поведения»¹. В таком понимании структуры заложена идея системы, определяемой как ограниченная совокупность функционально дифференцированных элементов, находящихся в устойчивых связях друг с другом и с окружением.

Принято считать, что социальная структура общества в целом (согласно Т. Парсонсу, на социетальном уровне) складывается из взаимодействия структур его компонент. В одних случаях в качестве таких составляющих рассматриваются аспекты социокультурной жизни (например, биологический, психологический, социальный, культурный аспекты у Т. Парсонса); в других — социальные институты, в третьих — устойчивые социокультурные группы и слои (теория социальных сетей). Каждая из дефиниций имеет право на существование, обусловленное характером решаемых задач, которые и определяют взгляд на внутреннее структурирование общества как объекта изучения. Так, в первом случае основания для структурирования носят антропологичес-

¹ Radcliffe-Brown A. Method in Social Anthropology. P. 98.

кий характер; во втором — социально-функциональный; в третьем — культурный, в четвертом — лично специфичный. Если термином «структура» обозначаются упорядоченные отношения между людьми, то термином «организация» — упорядоченные действия и взаимодействия людей. «Социальная организация — это упорядоченная деятельность двух или более лиц, направленная на достижение общей цели»¹.

Социальная структура и организация в рамках функционализма всегда рассматривались как динамичные, а не статичные конструкторы; социальная жизнь обуславливает постоянное движение социальной структуры благодаря имманентной динамике отношений, организации взаимодействий между людьми. Но если они подвижны, то общая структурная форма сообщества может оставаться сравнительно неизменной в течение продолжительного времени². В то же время, хотя эта форма относительно устойчива, она также подвержена изменениям как постепенным, так и быстрым. Но во всех случаях считается, что преемственность структуры сохраняется. Таким образом, в рамках функционализма процесс социокультурной динамики рассматривается как постепенное изменение структуры и структурной формы во времени.

■ Концепция социального (культурного) института

Согласно А. Радклифф-Брауну, совместная жизнь людей как общности предполагает согласованность активности ее членов в рамках определенной социальной структуры. Функция действий каждого заключается в решении тех социально значимых задач, на которые они направлены, в их вкладе в поддержание структурной преемственности³. Функциональный подход к социокультурной жизни, таким образом, связан с изу-

¹ Radcliffe-Brown A. Method in Social Anthropology. P. 169.

² Radcliffe-Brown A. Structure and Function in Primitive Society. P. 192 – 193.

³ Ibid. P. 180.

чением устойчивых форм, с помощью которых индивиды включаются в социальную жизнь, припосабливаются к ней и поддерживают ее.

Функция каждой такой формы — института — связывается с решением определенной социально значимой задачи, с удовлетворением конкретной базовой потребности, с осуществлением групповых интересов. Реализация такого рода взаимосвязанных функций и составляет социокультурную жизнь (по аналогии с жизнедеятельностью организма). Каждый институт имеет структуру, то есть определенную упорядоченность, выделенность, устойчивость, специфичность, что позволяет распознавать его и членам сообщества, и сторонним наблюдателям.

Функционирование институтов рассматривается как необходимое условие, способ реализации социокультурной жизни, порядок которой обеспечивается социальной структурой, а процесс определяется сменой социокультурных событий.

Термин «институт» применяется для обозначения определенных социально установленных и признанных норм или культурных паттернов, относящихся к отдельным аспектам социокультурной жизни. Их действие обуславливает возможность реализации взаимных ожиданий индивидов, попадающих в соответствующие ситуации, осуществление или обмен действиями и вознаграждениями, достижение социально и индивидуально значимых результатов. Таким образом, осуществляется формирование и поддержание социально-функциональной структуры общества. Следовательно, институты как социально установленные образования контролируют структурные связи между функциональными единицами, подсистемами, компонентами общества.

Категория социального и культурного института была разработана Б. Малиновским и А. Радклифф-Брауном. Согласно Малиновскому, большая часть человеческой деятельности выполняется организованными группами людей, по правилам, имеющим моральное и правовое закрепление, и с использованием определенной организационной структуры. Эти «приспособле-

ния» и носят название института, который определяется как фиксированная часть социальной организации общества, предназначенная для упорядочения совместной жизни и деятельности людей, для трансляции знаний и традиционных элементов культуры. Как уже говорилось, общество и культуру можно рассматривать как объединение частично координированных, а частично автономных друг от друга составляющих. В этом смысле институт является координатором отношений между ними. Он представляет собой некоторую сложную систему, благодаря своему фиксированному содержанию используемую для установления и размыкания социальных и культурных связей.

Социальные институты как стандартизированные модели поведения — это механизмы, с помощью которых поддерживается существование и преемственность социальных структур и функциональных автономий.

■ Моральные нормы и их институциональные динамические функции

С самого начала возникновения функционализма в его рамках большое значение придавалось культурным институтам (устойчивым образованиям, организующим социальное взаимодействие) — нравам, обычаям, ритуалам, моральным нормам. Последние составляют особый предмет интереса, поскольку им традиционно приписывается исключительная роль регуляторов поведения людей по аналогии с действием правовых норм.

Начиная с Э. Дюркгейма, Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна, функционалисты постулируют, что назначение моральных норм — ограничивать желания и претензии людей. Они разделяют также допущение Аристотеля о том, что люди получают блага охотнее, чем отдают.

Таким образом, нормы рассматриваются в качестве культурных механизмов закрепления и контроля в отношении выполнения определенных функций, значи-

мых с точки зрения удовлетворения жизненно важных потребностей людей или поддержания совместности их существования. В рамках социокультурной системы людям приходится руководствоваться общим для них набором норм, чтобы согласовывать свои действия в ходе достижения общих результатов, нужных им всем. Это называется «разделяемыми нормами» и означает, что в группе у каждого по отношению к поведению другого существуют определенные ожидания, которые другой считает законными и заслуживающими конформности, то есть того, чтобы отвечать им. Значительная часть работ функционалистов базируется на допущении о том, что общий моральный кодекс стабилизирует отношения людей в группе, и посвящена изучению способов этой стабилизации.

Действительно, разделяемые нормы поддерживают расположенность Эго быть конформным к ожиданиям Альтер. Но во многом это определяется тем, что механизм действия нормы предполагает применение санкций за отклонение от границ предписанного поведения. Более того, поддержание разделяемых нормативных рамок не влечет за собой специального вознаграждения, а их нарушение вызывает обязательные санкции. Поэтому следование моральным предписаниям всегда является в какой-то степени вынужденным, и такая конформность Эго ценится со стороны Альтер ниже, чем если бы она была не морально предписанной, но добровольной. Конечно, разделяемый моральный кодекс может побуждать Эго отвечать ожиданиям Альтер, который в свою очередь будет отвечать определенным вознаграждением за такую конформность. Однако стремление руководствоваться разделяемым моральным кодексом хотя и служит определенным гарантом вознаграждения, но способствует сокращению его размера с течением времени.

В классическом функционализме моральный кодекс рассматривался только с точки зрения его функций поддержания взаимной конформности членов определенной социокультурной системы. Напряжения, содержащиеся, поддерживаемые и выражаемые в нормативных системах, не изучались, поскольку нор-

мативные образования рассматривались в их наличном функционировании, но не в стадии порождения. Обращение же к генезису моральных норм позволяет понять, что они возникают в условиях, когда одна сторона взаимодействия стремится получить от другой то, что последняя может не хотеть делать, хотя и умеет. Этим моральные отношения в подобных условиях отличаются от ситуации, когда другая сторона не обладает навыками для выполнения предлагаемых функций, но в принципе не возражает против их выполнения. Тогда возникает вопрос об обучении, не имеющий моральных обертонов.

Функционалистская трактовка системы моральных норм в поддержании социальной системы акцентирует «взаимность вознаграждений», то есть такую форму обмена вознаграждениями, при которой обе стороны в ее рамках вполне удовлетворяют свои потребности и запросы. Но здесь есть и другая возможность. Стороны могут сохранять отношения из-за неуверенности в том, что они получают удовлетворение в другом месте. Иными словами, признание общих норм и размер вознаграждения — относительно независимые измерения; их значения (величины) могут варьироваться. Классические функционалисты сводили вознаграждения в системе взаимодействия лишь к тем, что являются производными от конформности к общему моральному кодексу, и подчеркивали, что такая конформность обычно приносит вознаграждения.

Описывая побуждения, заставляющие индивида быть участником социальной системы (актором), Т. Парсонс подчеркивал принципиальное соответствие между желаниями и морально санкционированными ценностями. Правда, он отмечал возможные несовпадения в этом отношении, но считал, что «они должны рассматриваться главным образом как случаи «отклонения» от интегрированного типа» (социального действия)¹.

Однако стабильность социокультурной системы зависит не только от полного следования моральным

нормативным предписаниям, но и от отклонения от них. Тем, кто контролирует в рамках системы применение позитивных и негативных санкций в нормативной области, невыгодно ужесточать санкции по отношению к тем, кто признает свои системные обязанности, хотя и не выполняет их должным образом. Ведь эти люди не станут отрицать значимость таких норм. В свою очередь и им невыгодно покидать систему, даже если к ним применяются негативные санкции (не слишком сильные). В этом случае открывается поле вариативности поведения в пределах существующих моральных норм или даже возможность расширения нормативных рамок. Соответственно наряду с механизмами, принуждающими людей действовать согласно нормативным предписаниям, важно изучать социокультурные механизмы, побуждающие людей оставаться в моральном долгу друг перед другом, предупреждающие установление полного баланса в их функциональной взаимозависимости.

По сравнению с идеально-типической моделью действия моральных норм как механизма поддержания социокультурной системы встречающиеся в реальности отклонения, конфликты, дезинтеграционные процессы требуют специальной интерпретации. Как уже отмечалось, моральное одобрение и удовлетворение или вознаграждение — это независимые переменные. Выполнение социально значимых функций никогда полностью не совпадает с удовлетворением потребностей и желаний людей. Соответственно даже в рамках социальной системы всегда существует вероятность расхождения между функциональным поведением, направленным на ее поддержание, и попытками удовлетворить собственные желания, не совпадающие с системными требованиями. Отсюда возникают двойные стандарты оценки поведения людей в ситуациях социокультурного взаимодействия: критерии морального соответствия и критерии адекватного вознаграждения. Поэтому реакции людей на недостаток вознаграждения есть столь же реальный действующий фактор внутренней динамики системы, как и реакция на нарушение моральных норм, и формы этих реакций

различны. Несмотря на то, что люди публично осуждают нарушение моральных норм, они активно ищут средства увеличения вознаграждения в пределах этих норм, тем самым невольно способствуя размыванию их границ.

Таким образом, в любой функциональной социокультурной системе действуют два уровня нормативных механизмов, обуславливающих ее устойчивость во времени. Один из них относится к удовлетворению потребностей, интересов, желаний, входящих в состав системы индивидов, и связан с оценкой ими вознаграждений, получаемых в системе. Другой относится к поддержанию функционирования системы, к обеспечению согласованности взаимодействия участников системы (акторов), имеющей культурное выражение в форме моральных норм. Он связан с одобрением соответствия поведения индивидов установленным в системе требованиям. Как отмечал Э. Гоулднер, добровольность обмена вознаграждениями между Эго и Альтер зависит не только от того, что Альтер испытывает чувство долга, но и от того, чего стоит ему исполнение этого долга. «Цена» выполнения долга влияет на размеры, качество вознаграждений со стороны Альтер и зависит от количества и качества адресуемых ему предложений. Конформность стороны (взаимодействия) к своим моральным обязательствам есть функция тех вознаграждений, которые она способна обеспечить (их дефицита или обилия), и цены выполнения таких обязательств¹.

■ Нормы и дополнительность

Рассматривая механизмы нормативного поддержания равновесия социальной системы, Т. Парсонс выделяет концепцию дополнительности функций и ожиданий в отношениях между Эго и Альтер. Как отмечал Э. Гоулднер, он отождествлял это понятие с

взаимной дополнительностью, хотя такое отождествление неправомерно при трактовке динамики моральных норм.

Взаимная дополнительность относится к ситуации, при которой то, что Эго определяет как свои права, считается обязанностями Альтер, а то, что Альтер определяет как свой долг, Эго рассматривает как свое право. Согласно Парсонсу, такие отношения устанавливаются при условии, что стороны разделяют общий моральный кодекс. В терминах прав и обязанностей дополнительность означает не то, что права одной стороны суть обязанности другой, но что в условиях взаимодействия каждая сторона имеет свои права и обязанности.

Оба вида дополнительности могут нарушаться. В первом случае Альтер может не признавать своим долгом права Эго или же Эго может отказаться считать своими правами обязанности Альтер. Во втором случае участники взаимодействия могут не считаться с автономностью прав и обязанностей друг друга.

Даже при допущении того, что все элементы системы влияют друг на друга, различными оказываются степени такого влияния. Неоднозначность взаимозависимости и зависимости от системы в целом у ее составляющих служит важным фактором вариаций или изменений ее состояний, а также значимым признаком ее сходств и различий с другими системами.

Если концепцию системы не сводить только к ее равновесному состоянию, то интеграция системы представляет собой процесс или состояние, характеризующееся напряженностью и неустойчивым балансом сил. В каждый период времени интеграция системы представляет собой результат устойчивых и неустойчивых объединений групп интересов между собой и с властными структурами, равнодействующую их взаимных давлений, торгов, переговоров и компромиссов. Принятые в обществе моральные нормы и ценности в какой-то степени ограничивают их поведение в ситуациях торгов и переговоров. Однако соображения групповых интересов нередко расходятся с провозглашаемыми ценностными и нормативными суждениями и оказыва-

ются более сильными динамическими факторами в социокультурной системе. Поэтому выявление «разделяемых» культурных норм и ценностей и даже фиксирование их широкой распространенности в обществе отнюдь не достаточны для того, чтобы выносить суждение об интегрированности системы. Ведь одобрение нормы и следование ей не обязательно взаимосвязаны. Моральные нормы и ценности не уменьшают и не регулируют конфликты между тенденциями к интеграции и независимости элементов в системе, но лишь устанавливают их культурные границы. Сама природа морали такова, что через ее нормы выражаются социальные напряжения, поскольку сами нормы возникают как культурное определение и «связывание» потенциальных и реальных конфликтных ситуаций.

Длительное время в рамках функционализма изучался вопрос о том, как моральные нормы функционируют. При этом достаточным считалось утверждение, что такие нормы осваиваются в процессе социализации, а затем используются в ситуациях социокультурного взаимодействия как бы автоматически. Сегодня для понимания того, как существуют социокультурные системы, необходимо знать, с помощью каких механизмов поддерживаются сами моральные нормы. Тем более, что представление об аномии, разработанное Дюркгеймом, привлекает внимание к тому, что такие нормы не вечны и могут нарушаться в массовом масштабе. В этом случае и возникает необходимость разделить понятия взаимной дополнителности и дополнителности, имея в виду, что последняя мобилизует эгоистические мотивации и закрепляет их в культурно устоявшихся, в том числе нормативных формах.

Один из социально значимых способов поддержания моральных норм объясняется с помощью феномена власти в смысле могущества, силы. Когда существует значительное неравенство в распределении власти, — а оно присутствует всегда, — в рамках социальной системы неизбежно возникают ситуации эксплуатации. В этом случае более сильный может принуждать более слабого следовать моральным нормам, не давая ему за это должного вознаграждения

При изучении вопроса о том, как в системе подерживается состояние равновесия, власть рассматривается в особом ракурсе. Акцент ставится на ограничениях, налагаемых на власть моральным кодексом. Однако этот вид ограничений для феномена власти не является ни единственным, ни наиболее действенным. В том числе и в связи с равновесным состоянием системы. При дифференциации власти следует обращать внимание на то, как власть одного актора может контролироваться властью другого. Очевидно, что если целью взаимодействия является удовлетворение потребностей и запросов, прямо не относящихся к достижениям властных позиций, моральный кодекс не допускает чрезмерных диспропорций в распределении власти внутри системы

Известно, что дифференциация власти не ведет ни к моральному консенсусу, ни к взаимодополнительности функций, ожиданий, вознаграждений. Напротив, она несет в себе потенциал внутрисистемных напряжений. Правда, стабильность, целостность системы при этом не нарушается до тех пор, пока такая дифференциация легитимизирована или морально санкционирована, благодаря чему власть наделяется авторитетом.

Изложенные выше представления о механизмах внутренней динамики институциональных моральных норм базируются на допущении функциональной автономии составляющих социальной системы по отношению друг к другу. Концепция функциональной автономии предполагает, что элементы системы находятся в определенных отношениях взаимобмена, и каждый из них имеет варьирующиеся степени зависимости или независимости (автономии) от других. Жизнеспособность одних может целиком или по большей части зависеть от таких обменов; другим участие в них обеспечивает удовлетворение лишь отдельных нужд. В первом случае речь идет о высокой, а во втором — о низкой степени функциональной автономии. Система, таким образом, может быть определена как группа элементов, взаимобмен между которыми ограничивает их функциональную автономию. При такой точке зрения подразумевается, что социокультурная жизнь

не является тотально системной изначально, что по шкале системности социокультурные феномены могут варьироваться от полностью независимых друг от друга до полностью взаимосвязанных.

Систему можно концептуализировать как целое, тогда предметом внимания становятся устойчивые, непрерывные, тесные внутрисистемные связи, существующие между элементами и механизмы, унифицирующие их. Представление о системе в терминах функциональной автономии фокусируется на частях системы и подразумевает вероятностную, проблематичную природу их взаимозависимости. Внимание в этом случае уделяется не только внутрисистемным, но и экстрасистемным, внешним по отношению к системе связям ее элементов. Иными словами, элементы трактуются не просто как «части» системы, но как существующие сами по себе. Их реальность не определяется только их принадлежностью к данной системе.

Когда система рассматривается лишь в ее равновесном состоянии, изучаются механизмы, сохраняющие взаимозависимость частей и целостность самой системы. Концепция функциональной автономии предполагает выявление и изучение механизмов, поддерживающих независимость системных составляющих. Сохранение функциональной автономии определенного элемента может сопровождаться снижением степени взаимозависимости между ним и другими, ростом сопротивления давлению в сторону равновесия. Это означает, что от обладающих определенной долей независимости элементов следует ожидать сопротивления полной интеграции или росту зависимости от системы как целого или ее частей. Иными словами, с точки зрения этой концепции, внутри системы действуют две противоположенных силы. Во-первых, тенденция элементов сохранять и даже увеличивать ту степень функциональной автономии, которую они имеют, то есть сопротивляться полной интеграции в систему. Во-вторых, тенденция элементов системы, отвечающих за поддержание ее целостности, к более полной интеграции других элементов, к сокращению степени их функциональной автономии.

В связи с позицией управляющих элементов в системе возникают особые проблемы. Такие элементы обычно отождествляют себя с системой как целым (государственные структуры — с обществом в целом, церковь — со всей «паствой», идеологические институты — с системой ценностей всего общества и т. п.). В то же время входящие в них люди имеют собственные интересы, в том числе связанные с поддержанием функциональной автономии таких элементов. Подобная двунаправленность функций — к собственной автономизации и интеграции других — порождает постоянную напряженность между управляющими элементами системы и всеми остальными, напряжения, которые могут перерасти в конфликты.

Действие этой концепции как удобного инструмента изучения динамики социокультурных феноменов было продемонстрировано на примере моральных норм.

Социальная дифференциация как процесс

Как видно из всего сказанного выше, внутренняя дифференциация социокультурной системы, ее расчлененность на измерения, институциональные, ролевые, нормативные единицы является важным аспектом изучения в рамках структурного функционализма. В свое время еще Э. Дюркгейм, подобно Г. Спенсеру, считал, что простые и сложные общества различаются не по типу власти, но по характеру разделения труда. И. Иванс-Причард, развивая функционалистские идеи, обратился к идее «сегментарности», связанной с разделением труда. Он обратил внимание на то, что группы дифференцируются по отношению друг к другу на определенном уровне. Но они могут объединяться на другом, более высоком, против внешнего вмешательства.

Поиск порядка в обществе и культуре связан с определением средств уменьшения социального конфликта, предупреждения тех социокультурных изменений, которые осуществляются через конфликт или могут вызвать его. При условии разделения функций в

обществе это означает выявление предсказуемых форм, взаимодействия и коммуникации, которые могут угрожать ему конфликтом или радикальной инновацией, а также упорядочивающих механизмов, сводящих к минимуму случайность поведения. Соответственно определяются стабильные социальные группы в их культурном закреплении, позволяющем воочию увидеть границы между устойчивыми социокультурными областями и объектами, отделенными друг от друга и налагающими пределы друг на друга. Изучение порядка предполагает преимущественное внимание к организованному разделению функций в обществе.

В ответ на недостатки шкал сложности культурных систем при оценке социальной дифференциации возникло измерение структурной тесноты. Неудобство работы с ранее используемыми индексами эволюции, измеряющими сложность систем, заключается в том, что, будучи сложными в соответствии с одними индикаторами, они оказываются простыми для других. Виткин и Берри предложили понятие тесноты как меру иерархичности структурных связей между социокультурными элементами в обществе. Культурные системы с высокой структурной теснотой имеют более низкие уровни дифференциации, чем менее тесно связанные.

При таком измерении структурной дифференциации рассматриваются две основные переменные. Во-первых, многообразие ролей, обозначающее количество ролей и ролевых связей в обществе. Во-вторых, связанность ролей, под которой понимается характер отношений между ними.

Полемика Дюркгейма против Конта, считавшего, что разделение функций (труда) ведет к рассогласованию представлений в обществе, привела Дюркгейма к критике устаревающих институтов, в особенности частной собственности. Он утверждал, что не разделение труда как таковое нарушает социальную солидарность, но его устаревшие формы и институты. В первую очередь это относилось к недостатку моральных ценностей, необходимых для интеграции новых специализаций в приемлемый социокультурный порядок.

Такой недостаток и вызванное им состояние общества назывались индустриальной аномией и предлагались структурные изменения социальной системы.

В рамках структурного функционализма иерархическая социальная дифференциация, стратификация рассматривается как «генерализованный аспект структуры всех социальных систем» и таким образом является универсальной основой социокультурного порядка. Культурным гарантом стабильности социальной системы считается интеграция ценностных стандартов, характерных для элементов, составляющих систему. Соответственно «стратификация в ее ценностном аспекте... есть ранжирование единиц социальной системы в соответствии со стандартами общей для нее системы ценностей»¹.

Однако концепция полностью интегрированной системы общественного разделения функций — это идеально-типичный случай, и в каждой сложной социокультурной системе есть зоны напряжений и конфликтов, обуславливающих ее внутренние, в том числе структурные, изменения.

Наиболее важным типом таких изменений считается социокультурная дифференциация, понимаемая как процесс. Речь идет о формировании новых специфических приспособлений (структур) для выполнения некоторых функций². Процесс такого рода может быть описан следующим образом.

Он начинается тогда, когда происходит сбой в достижении какого-либо значимого для социальной системы результата (цели), то есть перестает удовлетворительно выполняться социально необходимая функция. В системе возникает напряжение, поскольку единицы, удовлетворяющие свои нужды при выполнении этой функции, перестают получать привычные, необходимые ресурсы, продукты, услуги и т. п. Эти единицы (реципиенты) начинают оказывать давление на соот-

¹ Glass, Status and Pover. Bendix R. and Lirset S.M. (eds.). Glencoe (M), 1953. P. 93.

² Подробнее об этом см.: Parsons T. Some considerations on the theory of social change. Etzioni A. and Etzioni E. (eds.). N. Y., 1964.

ветствующую функциональную единицу — источник предложений, в частности, сокращая объем оказываемых ей услуг и вознаграждений. Таким образом, ранее установившиеся отношения обмена нарушаются, и их количественные, качественные, временные характеристики становятся проблематичными. Если в результате таких давлений элемент воздействия не меняется, постепенно складываются новые структуры, выполняющие требуемые функции. В частности, они могут формироваться на периферии этого элемента. Так в классических функционалистских терминах представляется социокультурная дифференциация.

Ее концепция базируется на допущении, что есть некоторые неизменные потребности (нужды, запросы), характерные для системы как целого, которые должны постоянно удовлетворяться, то есть существует некоторая постоянная функция, которая должна выполняться. Ее выполнение осуществляется одной или несколькими единицами, компонентами системы. Дифференциация системы предполагает процесс передачи функции от одной единицы системы к другой, которая выполняет ее лучше. Потребность, продуцирующая социальную дифференциацию, может относиться не только к системе в целом, но и к одной из ее частей. Ключевой проблемой в процессах такого рода является возбуждение сопротивления со стороны тех элементов, которые получали удовлетворение от существующих функциональных отношений. Тем более, что передача функции может служить не улучшению функционирования социокультурной системы в целом, а лишь увеличению преимуществ отдельных ее элементов.

При ухудшении функционирования определенного элемента социокультурной системы другие ее элементы имеют несколько способов вызвать его модификацию. Во-первых, побудить его изменить композицию старых механизмов для улучшения исполнения своих обязанностей. Во-вторых, заставить его использовать новые приспособления для совершенствования своего функционирования. В-третьих, стимулировать передачу соответствующего вида деятельности другой специ-

ализированной единице. Если в первых двух случаях единица претерпевает внутреннюю модификацию без последствий для структуры системы, то в последнем имеет место дифференциация. Здесь старая единица теряет свою функцию, ее интересы нарушаются, а доступ к прежним преимуществам становится проблематичным.

При такой трактовке социокультурной дифференциации власть рассматривается как элемент, предназначенный для интеграции или реинтеграции общества. Власть определяется как способность системной единицы предупреждать нежелательное вмешательство в установившееся социальное взаимодействие, контролировать возникновение новых функциональных единиц и при этом внушать уважение.

Значимость власти в системах социальной интеграции подчеркивает Т. Парсонс. Он определяет «политику как социальную систему, теоретически параллельную экономике»¹, где конкретные положения экономики используются как база для разработки теории власти. Во-первых, власть рассматривается в качестве политической аналогии деньгам в экономике. Поэтому в сфере политического взаимодействия следует изучать ее распределение и циркуляцию. Во-вторых, власть, как и деньги, считается «ресурсом», «входом», который можно объединить с другими подобными элементами, чтобы получить полезный для системы результат, или «выход». Парсонс определяет власть как «обобщенную возможность связывать в систему коллективной организации обязанности единиц на условиях, что они легитимизированы в соответствии с вкладом в достижение коллективных целей и что в случае непослушания существует презумпция принуждения с помощью негативных ситуативных санкций»². Акцент на легитимности является производной от исходного допущения об интегративной значимости морали, и соответственно рассматриваются те ситуации, где переменные власти и авторитета пересекаются. Иными словами,

¹ *Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. P. 297.*

² *Ibid. P. 308.*

речь идет об институционализованной системе власти, которая обеспечивает интеграцию функциональных единиц, в том числе новых, считающихся легитимными (узаконенными), в достижение коллективных целей.

Из сказанного видно, что успешная дифференциация — это всегда процесс, подчиненный доминирующим ценностям системы. Речь идет, таким образом, об институциональном типе дифференциации, то есть совместимом с действующим моральным кодексом и остающимся под контролем существующих институтов легитимной власти.

Более поздние исследования обнаруживают иные источники внутренних изменений в социокультурной системе. Основные из них таковы: тенденция к уменьшению маргинальной полезности вознаграждений в системе функциональных связей; амбивалентность элементов системы при исполнении морально санкционированных обязанностей из-за тенденции к функциональной автономии; большая готовность каждого элемента требовать конформности к собственным правам, чем к правам других; селективная поддержка элементом тех моральных норм, которые обеспечивают ему преимущество, и пренебрежение теми, что ему невыгодны; тенденция более сильного налагать свои моральные требования на более слабого и сопротивляться конформности к его ожиданиям; общая склонность менее удачливых критически относиться к существующему порядку распределения вознаграждений и санкционирующему его моральному кодексу.

■ Источники динамики социальной системы

Обобщая сказанное выше, можно выделить ряд внутрисистемных факторов, которые при определенных условиях порождают структурные изменения социальной системы. Вот некоторые динамические механизмы, которые обуславливают нарушение равновесия между ее функциональными единицами.

Отклонения элементов системы от исполнения предписанных им функций. Согласно Т. Парсонсу,

социальная система сохраняет равновесие в той степени, в какой Эго и Альтер сохраняют конформность к ожиданиям друг друга. Иными словами, равновесие считается зависимым от взаимной приемлемости поведения членов группы. Культурный аспект этого можно представить так. Пока Эго делает то, что от него ожидает Альтер, Альтер получает удовлетворение тех своих запросов, ради которых он вступил в эти отношения. Он в свою очередь выполняет свои функции так, чтобы отвечать запросам Эго. Таким образом, ведя себя конформно по отношению к ожиданиям другого, человек стимулирует его к продолжению поведения в неизменном виде. И это вполне справедливо для определенных условий, для того периода в существовании системы, когда такие отношения равно выгодны для обеих сторон.

Однако при длительном существовании системы функциональных связей такого рода начинается уменьшение маргинальной полезности конформности¹.

Имеется в виду, что конформные действия Эго всегда вызывают определенные последствия в отношении ожиданий Альтер. А именно: чем дальше последовательность конформных действий остается ненарушаемой со стороны Эго, тем больше вероятность того, что Альтер будет принимать его действия как должные и тем меньше обращать на них внимание.

Это может побудить Эго либо к сокращению, либо к увеличению соответствия ожиданиям Альтер, что вносит изменения в систему отношений. Если Эго уменьшает конформность, Альтер может сделать то же по отношению к ожиданиям Эго. Изменение в этом направлении означает сокращение взаимной надежности, удовлетворенности от отношений и увеличение их напряженности. Если Эго хочет сохранить уровень вознаграждений, получаемых от Альтер, он может попытаться увеличить свою конформность к его ожиданиям и тем самым предупредить уменьшение вознаграждений. В этом случае поведение Эго попадает в инфляци-

¹ Gouldner A. Organisation analysis // Sociology Today. Merton R. (ed.). N. Y.

онную спираль, когда последующие акты конформности начинают цениться меньше, чем предыдущие. Вероятность продолжения таких отношений уменьшается при условии необходимости повышать конформность, сохраняя постоянную степень вознаграждения. Возможно, что Альтер, будучи заинтересованным в продолжении отношений, перестанет принимать их структуру как данное и начнет повышать вознаграждения. Следовательно, наличие конформности членов системы по отношению друг к другу — условие необходимое, но не достаточное для понимания ее динамики. Здесь нужно прогнозировать вероятность наступления того момента, когда начнется снижение маргинальной полезности следования ожиданиям друг друга. Конформность имеет экономическое измерение, и «цена», или выгода, от продолжения исполнения определенных функций зависит не только от самого наличия потребности, но и от культурно оформленных спроса и предложения. С этой точки зрения устойчивая конформность может вести к нарушению стабильности системы, а ее восстановление может произойти благодаря возникновению несогласия и напряженности.

Взаимозависимость и функциональная автономия.

Следует подчеркнуть, что взаимозависимость — это не субстанциональное свойство системы, но измерение с переменными значениями, то есть следует говорить о степени взаимозависимости и независимости (функциональной автономии) элементов системы. Соответственно при изучении динамики социокультурных систем важно определить их качественное своеобразие, что, в частности, означает взвешивание дифференциальных вкладов различных составляющих системы в поддержание ее функционирования и выходов. Они неодинаковы для различных состояний системы, для ее изменения или стабилизации.

Функциональная автономия индивида по отношению к любой социокультурной группе есть источник групповой динамики. Потенциальные напряжения в таких группах, обусловленные одновременными тенденциями к интеграции и автономизации, актуализуясь, могут привести к изменениям в структуре систе-

мы. Принадлежность к различным группам позволяет индивидам переносить из одной в другую освоенные ими элементы культуры. В рамках функционализма подчеркивается пластичность способности людей к изменению поведения и представлений применительно к требованиям социальной позиции или группы. Соответственно при изучении поддержания системы в состоянии равновесия эта пластичность исследуется как производная социализующих процессов, которые в пределе могут обеспечить полное приспособление человека в группе, предупредить или загасить возможные конфликты, а также переход из группы в группу, то есть ресоциализацию. При анализе динамики важно понять, что это субстрат размывания нормативных границ, порождения инноваций.

Отношения эксплуатации. Внутренняя динамика социокультурной системы, вариации в интенсивности выполнения свойственных ей функций обусловлены тем, что взаимность вознаграждений участников системы не является величиной постоянной. Это шкалируемое измерение. На одном логическом полюсе обмен может быть равным, эквивалентным; на другом — одна сторона может не получать ничего за выполняемые ею функции или обеспечиваемые ею вознаграждения. Обычно функционирующая система, как правило, характеризуется примерно эквивалентными взаимными вознаграждениями. Это и обуславливает так называемое равновесие системы. Когда эквивалентность снижается, то есть одна из сторон отдает больше или меньше, чем получает взамен, можно говорить о возникновении отношений эксплуатации. Этот тип отношений встречается достаточно часто; известно, что он ведет к нарушению состояния равновесия системы. Важно понять, каковы механизмы сохранения целостности системы в этом случае.

Индивид и социальные системы. Важным источником изменений в культурном содержании системы является факт принадлежности ее членов не к одной, а целому ряду социальных систем, в том числе иных типов, то есть с другим структурно-функциональным «наполнением». Соответственно поведение людей не

ограничивается только теми формами, которые характерны для какой-то одной системы, свойственных ей статусов и ролей, но дополняется другими, составляющими латентные (неявные, скрытые) идентичности членов данной группы. Эти латентные идентичности в определенных ситуациях могут побуждать индивида вести себя в соответствии с конфигурациями, расходящимися с нормативными требованиями данной системы. Следовательно, они вызывают постоянное скрытое напряжение в системе и влияют на ее внутреннюю динамику.

Социальное неравенство. В рамках функционализма социокультурная стратификация считается неизбежной благодаря общественному разделению функций и различию в способностях и навыках людей, необходимых для выполнения различных видов социально значимой деятельности. А это означает различия между людьми в отношении статуса-престижа, богатства, собственности, возможностей, санкций. Соответственно различия во власти считаются неизбежными, если не функционально необходимыми, в социальной системе.

Длительное время признание наличия дифференциальной власти в социальной системе не сопровождалось изучением ее дестабилизирующего для системы влияния. Это происходило потому, что власть отождествлялась только с ее институционализированными, легитимизированными формами. Соответственно рассматривались лишь те конфигурации взаимодействия и поведения, которые являлись социально установленными и культурно предписанными. Тем не менее даже в рамках социальной системы возможны проявления неинституционализованного поведения, преследование индивидуальных, не совпадающих с социально установленными целей, ориентация не на моральные нормы, а на вознаграждение. Это означает, что для понимания внутренней динамики системы важно разделить нормативно предписанные и непредписанные формы (конфигурации) поведения и взаимодействия. Вторые оказывают существенное влияние на изменения состояния системы. Так, процессы, которые явля-

ются производными конкуренции, конфликтов по поводу дефицита социальных позиций, благ, информации и которые не предписываются нормами и не вытекают из них, могут вызвать изменения не только в нормативной сфере, но и в структуре самой системы.

Сдвиг социальных порядков. Как подчеркивал Т. Парсонс, «самое существенное условие успешного динамического анализа — это непрерывное и систематическое соотнесение каждой проблемы с состоянием системы как целого... Процесс или набор условий либо способствует поддержанию (или развитию) системы, либо является «дисфункциональным», уменьшая интегрированность и эффективность системы»¹, то есть разрушает социальный морально санкционированный порядок. Однако функционалистское утверждение о связи морали с социальным порядком относится не к морали как таковой, но лишь к моральной системе, направленной на поддержание порядка. Можно добавить, что и не к порядку как таковому, но к традиционно существующему. На самом деле те, кто стремится к изменению существующего положения дел, ищет не беспорядка, но нового порядка и его морального санкционирования. Действия сторонников обновления вносят в общество и культуру не более беспорядка, чем усилия тех, кто активно сопротивляется установлению нового порядка во имя «Порядка». Беспорядок не вытекает из поиска нового порядка как такового, но является симптомом неадекватности старого порядка².

Власть и социальные изменения. Та значимость, которая придается власти в поддержании интегрированности социокультурной системы, порядка, обуславливает серьезность последствий для общества срывов и превышений границ ее функционирования. Обязанности властных структур (институтов) всегда больше, чем то, что реализуется в каждой данной ситуации. Если требования к институтам власти предполагают

¹ *Parsons T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied. Glencoe (Ill.), 1957. P. 46 – 47.*

² *Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N. Y., 1970.*

слишком быструю и полную реализацию их обязанностей, могут нарушаться морально санкционированные основания для решения социально значимых проблем, и принятие решений будет происходить случайным образом. Следовательно, дезинтеграция легитимной власти может иметь разрушительные последствия для социокультурного порядка, поскольку в этом случае из-под контроля выходят группы интересов, которые, преследуя свои цели, начинают применять силу¹.

■ Эвристические возможности структурно-функционального анализа

Из сказанного следует, что структурно-функциональный подход имеет научно значимый познавательный потенциал для исследования динамики культуры. Принято считать, что эта теоретическая модель атемпоральна (то есть не имеет временного изменения) и не отражает социокультурной динамики. Однако, как было показано, она вполне применима для динамического, а не только статического анализа. Речь, правда, идет не о макровременных, исторических процессах, но о микродинамической области исследования, соизмеримой со временем жизни одного-трех поколений людей. Тем не менее изучение изменений, происходящих в такой промежуток времени, является значимым с точки зрения исследования динамики культуры по ряду соображений.

Во-первых, люди воспринимают изменчивость социокультурной жизни и реагируют на нее на уровне непосредственных переживаний, так сказать, биологического, а не исторического времени. Поэтому важно понимать природу таких переживаний и реакций, оценивать их последствия для социокультурного взаимодействия. Во-вторых, эта область исследования составляет концептуальную базу для построения и объяснения исторических процессов. Ведь макроизменения

социальных и культурных феноменов порождаются и формируются в среде микроизменений и процессов. В-третьих, изменения такого рода доступны прямому наблюдению или же реконструкции более достоверной, чем историческая, благодаря наличию более полной информации. Соответственно именно здесь закладываются основания для причинного анализа изменений, происходящих в обществе и культуре, и, следовательно, построения объяснительных теорий социокультурной динамики.

Рассмотрим, какие типы задач позволяет в этом смысле решать структурно-функциональный подход.

Во-первых, речь идет об изучении процессов порождения социально-функциональной единицы. В этом случае выстраивается последовательность рассуждений, начинающаяся с определенных фундаментальных антропологических потребностей или социальных запросов, которые оказываются актуализированными, выраженными в обществе и стремление к реализации которых определяет поле повышенной социальной активности. Соответственно направление исследовательского поиска связано с изучением формирования средств их реализации на уровне социального взаимодействия. Результатом исследования становится построение соответствующих закономерностей в отношении различных классов потребностей и запросов.

Во-вторых, можно изучать формирование и изменение институциональных структур различного масштаба — от нравов и обычаев до крупных организаций. Рассматривая соотношение нормативно требуемого и реального поведения акторов, ориентированности институтов на выполнение предписанных социокультурных функций и на самоподдержание, традиционных и инновативных тенденций, можно выявить зоны функциональных напряжений внутри институтов и между ними и более широким социокультурным контекстом. В результате появляется возможность построения закономерностей изменчивости различных типов институтов и прогнозирования возможных структурных сдвигов как внутри них, так и в отношениях между ними.

В-третьих, интересной областью анализа становится изучение социально- и культурно-антропологических механизмов формирования, поддержания и изменения устойчивых социокультурных функциональных образований (образцов действий и взаимодействий, ценностей, норм). В данной главе это было проиллюстрировано динамическим подходом к изучению моральных норм. Исследования такого рода не только делают очевидной конвенциональность, искусственность подобных образований, но позволяют понять, почему они образуются и как используются людьми.

Наконец, в-четвертых, предметом исследовательского внимания может стать динамика межинституциональных связей. Эта область исследования значима потому, что конфигурация таких связей меняется в историческом времени, и от того, какие институты оказываются в обществе лидирующими, зависит содержание социокультурного контекста существования людей на определенный период времени. Соответственно намечается возможность поставить вопрос о типичных фазах динамики социокультурной жизни или о типичных конфигурациях институциональных связей, что позволит уточнить макродинамический анализ общества и культуры, а также подойти к диагностике их состояний.

Выводы

1. Структурно-функциональное направление в изучении общества и культуры характеризуется особым вниманием к социальной организации человеческих сообществ, способам удовлетворения потребностей, интересов, запросов их членов, структурам процессов такого удовлетворения. Речь идет о социально приемлемых формах этих феноменов.
2. Центральное место в рамках этого направления занимает понятие функции. Оно означает устойчивую совокупность действий, направленных на удовлетворение базовых человеческих потребностей или решение социально значимых проблем и задач. В его содержание включены биологические,

психологические, экологические предпосылки человеческих действий и взаимодействий, направленных на окружение. Культурные переменные представлены здесь концепциями норм и технологий, способствующих формированию и функционированию социальных систем, делающих возможной совместную жизнедеятельность людей.

3. В качестве теоретической основы реализации функций и функционирования социокультурных систем, принимается элементарное понятие социального действия, представленного через цели, средства, условия реализации и результаты. Из этих элементов формируются фундаментальные концепты структурного функционализма. Прежде всего, это функция: ее реализация представляет собой устойчивую совокупность действий. Далее — социальная роль: понятие предполагает объединение классов действий, соответствующих общественному разделению функций. Наконец, социальный институт, который в этом аспекте представляет собой набор действий, обязательных с точки зрения поддержания социальной системы.
4. Организованная целостность, внутри которой и для сохранения которой реализуются функции и составляющие их действия, представлена здесь концепцией социальной системы. Она определяется как устойчивая организация функционирования структурно взаимосвязанных единиц, необходимых для удовлетворения потребностей и решения социально значимых проблем в человеческих сообществах. Выясняются основные модели социальных систем: однофакторная, мультиказуальная, гомеостатическая, стратифицированная.
5. Центральное место в концепции социальной системы как организованной целостности занимает представление об ее структуре. Понятие социальной структуры принято относить к связям между институциональными составляющими таких целостностей как общество, социальный слой, племя, род и т. д., которые устойчиво сохраняют тождественность как особая группа несмотря на изме-

нения в ее составе. Считается, что социальная структура общества складывается из взаимодействия структур его компонент. В силу обусловленности таким взаимодействием она трактуется как динамическая, а не стандартная категория.

6. В качестве устойчивых форм, поддерживающих закономерный характер социальных структур, принимаются социальные институты. Функции каждого из них связываются с решением определенной социально значимой задачи, с удовлетворением конкретной базовой потребности, с осуществлением групповых интересов. Социальные институты, как стандартизированные модели поведения и отношений — это нормативные механизмы, обеспечивающие поддержание и преемственность социальных структур и функциональных автономий. К социальным институтам принято относить нравы, обычаи, ритуалы, обряды, моральные нормы, а также бюрократические единицы.
7. Действие социальных институтов рассматривается на примере моральных норм. Такие нормы в рамках структурного функционализма считаются культурными механизмами поддержания конформности людей к ожиданиям друг друга. Однако Э. Гаулднер показал, что в своей основе они несут динамическое начало, если трактовать их не в смысле взаимодополнительности прав и обязанностей участников взаимодействия, а в свете экономической концепции маргинальной полезности, где в центре внимания оказывается убывание их взаимной лояльности во времени. Отсюда можно вывести механизмы изменчивости как конституциональных образований, так и социальных структур.
8. Из изменений интересов и запросов людей, с одной стороны, и нормативных образований — с другой, выводится концепция социальной дифференциации. Она предполагает процесс передачи функций от одной единицы системы с другой, выполняющей ее эффективнее, или возникновения новой структуры в ответ на изменившиеся массовые социальные

запросы. Так выглядит базовый механизм внутреннего генезиса социальной системы, сохраняющей равновесное состояние.

9. К источникам динамики социальной системы, нарушающим ее равновесие, принято относить: отклонение ее элементов от выполнения предписанных функций, увеличение степени функциональной автономии элементов системы, отношения эксплуатации, социальное неравенство.

Контрольные вопросы

1. Необходимостью каких исследовательских проблем было обусловлено формирование функционализма (предмет, объект функционалистских исследований)?
2. В чем заключается познавательная ценность понятия «функция»? Как связываются между собой категории «функция», «социальное действие», «социальная система»?
3. Какие существуют модели изучения социальных систем; каковы преимущества и недостатки каждой из них?
4. Каковы возможности структурного функционализма в изучении динамики общества и культуры; каковы ограничения этого подхода?
5. Как с помощью функционального анализа можно изучать динамику устойчивых социокультурных образований?
6. Каким образом в рамках структурного функционализма описывается процесс социальной дифференциации?
7. Как в рамках структурно-функционального подхода могут быть представлены источники социокультурной динамики?
8. Какие классы исследовательских задач, связанных с изучением динамики культуры, могут решаться средствами структурно-функционального анализа?
9. Выберите в рамках перечисленных классов задач интересующую вас и постройте модель программы научного исследования.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ.
СТРУКТУРАЛИСТСКИЙ ПОДХОД**

Практика рассмотрения культуры как организации представлений, знаний, упорядочения знаков, значений в символической форме сложилась в культурной антропологии примерно к 60-м гг. XX в. Это теоретическое направление объединяется поиском общих принципов культурного упорядочения человеческого опыта существования, совместной жизни, понимаемого как построение знаковых и символических систем. Оно несет на себе существенный отпечаток идей структурной лингвистики, семиологии (теория знаков) и семантики (теорий значений). Исследования в рамках этого направления связаны с анализом семантических культурных порядков, будь то семейные отношения, мифологические структуры или «естественные» классификации различных областей реальности («этноботаника», «этнозоология» и т. п.). Основные имена, связанные с этим направлением, — К. Леви-Строс, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида.

Представленные таким образом явления культуры объясняются по аналогии с феноменами языка через обнаружение идеациональных кодов, стоящих за воспринимаемыми культурными порядками. При этом язык в лингвистическом понимании рассматривается как один из многих — хотя и имеющий первостепенную важность — кодов культурной информации.

С точки зрения исследования проблемы «общее — специфичное» в культурах следует отметить, что в

рамках этого направления основной теоретический акцент помещен не на уникальность культур, но на поиск универсальных способов их внутренней организации. Этот акцент связан с успехами в лингвистике, где выявление универсальной грамматики, стоящей за поверхностью синтаксического разнообразия, было признано классическим открытием двадцатого столетия.

Интерес к поиску универсалий в сфере языкового поведения распространился на более широкую сферу культурно-антропологических исследований. Вопрос о том, имеются ли в нелингвистических областях культуры образцы универсалий, аналогичные существующим в языке, считается здесь весьма актуальным.

Однако само по себе их обнаружение не представляет сколь бы то ни было существенного интереса для понимания как человеческой природы, так и культурных феноменов. Ибо просто констатация существования таких универсалий не проясняет вопроса о том, в какой степени они отражают генетическую запрограммированность человеческого знакового поведения, с одной стороны, и возможности его структурных изменений — с другой. Поэтому в рамках рассматриваемого подхода методологическим императивом считается постоянная верификация представлений человека о своем окружении путем их сопоставления с данными о человеческой психике.

Культура в рамках структурализма рассматривается как разделяемая система символов, кумулятивное порождение разума. При этом в качестве исходного допущения принимается представление об инвариантности во времени психических принципов, составляющих основу трансформации внешних стимулов и внутрииндивидуальных импульсов в устойчивые символические формы, пригодные для обмена в процессах социального взаимодействия. Это допущение имеет важные познавательные следствия для изучения культурного многообразия, с одной стороны, и культурной динамики — с другой. В отношении первого вопроса в рамках структурализма принято считать, что существующие в настоящее время различные виды культур нельзя упорядочивать с точки зрения единой

шкалы развития. Они представляют собой вариации реализации возможностей, обусловленные наложением различных конфигураций, комбинаций этих психических принципов на неоднородный «природный материал». В отношении второго вопроса структуралисты полагают, что физический мир, в котором живет человек, обеспечивает «сырье», перерабатываемое универсальными психическими трансформационными (преобразующими) механизмами во внешне различные, но принципиально структурно сходные объекты (артефакты). Следовательно, динамика культуры обусловлена постоянной трансформацией внешних и внутриличностных стимулов в единицы восприятия; сортировкой этих единиц по значимости; преобразованием их во внутренние концепты, а затем в символические формы; сравнением их с другими символическими формами, ведущим либо к подтверждению, либо к изменению существующих культурных порядков.

Определение культуры через символическую активность высвечивает в качестве предмета исследования операции, которые придают сложным феноменам человеческой жизнедеятельности свойство коммуницируемости. Считается, что это свойство приобретается ими благодаря способности человека отбирать и связывать друг с другом элементы непосредственного опыта, относящиеся к его различным уровням.

Ниже будут представлены основные схемы трансформаций непосредственных связей человека с окружением, непосредственных переживаний в определенные культурные порядки.

■ Трансформация стимулов во внутренние концепты, представления

Установление любого символического порядка предполагает наличие определенных предпосылок и осуществление конкретных процедур. Предпосылки связаны с побуждением людей преодолеть ситуацию неопределенности, хаоса, трансформировать ее в условия, благоприятные для взаимоприемлемого социаль-

ного взаимодействия или эффективного действия. Прежде всего необходима значимая с этой точки зрения совокупность элементов, или сегментов реальности, внутри которых можно проводить сходства и различия по общим для них основаниям. Далее, устанавливаются типы изменений, которые могут претерпевать такие элементы, и выделяются желательные, нежелательные и нейтральные изменения. Затем определяется порог соотношения элементов ситуации между собой и с элементами других ситуаций, выше которого фиксируется различие, а ниже которого — подобие. Наконец, фиксируются устойчивые связи между элементами, которые объединяют выделенные сходства, различия, изменения в самотождественную целостность, способствующую эффективному действию или взаимодействию.

Согласно структуралистским представлениям, порядок — это то, что задается людьми в вещах и ситуациях как их внутренний закон, как скрытая сеть отношений между ними и человеком, ее устойчивое структурное выражение, представленное в символической форме. Концептуально порядок отождествляется с «пустыми» структурами, которые могут быть абстрагированы из множества культурных явлений и становятся основанием для отнесения их к определенному классу или форме (например, структуры мифа, волшебной сказки, обряда инициации, табуирования и т. п.).

Социокультурный опыт людей кодируется в мимике, жестах, телодвижениях, в интонациях и словах, в формулах, образах, вещах. Областями существования этих проявлений являются вербальная и невербальная межличностная коммуникация, письменные тексты, сфера невербальных эстетических объектов.

Взаимопонимание между людьми обуславливается тем, насколько они владеют как родным языком, так и навыками оперирования кодами других символических областей. Такое владение является значимой характеристикой того, что называется культурной компетенцией.

Процессы порождения символов и оперирования ими описываются с помощью таких категорий, как

коды, трансформации, кодирование, декодирование, вербальные и невербальные знаковые структуры.

Формирование представлений. Предполагается, что все живые существа обладают трансформационными механизмами, переводящими значимые для индивида и рода переживания во внутренние концепты, представления, а затем в знаки и символы, имеющие внешнее выражение и доступные для восприятия другими. Соответственно можно выделить несколько типов таких механизмов. Первый тип связан с преобразованием «объективных» событий в переживания живых существ, в информацию, воспринимаемую ими. Второй тип связан с разделением этой информации на значимую — индивидуально или коллективно — и незначимую, или шум. Третий тип обуславливает разработку элементов значимой информации, связанную с наделением их весом, интерпретацией применительно к ситуации, ценностью в качестве стимула к действию. Четвертый тип активизирует операции построения и реализации программы действий и ситуации.

Таким образом, можно сказать, что каждое живое существо живет в двух параллельных мирах. Один из них составляют «реальные», «объективные», независимо от каждого отдельного индивида происходящие события, составляющие условия, окружение, динамичное поле его существования. Другой состоит из потока восприятия индивидуально и социально значимых событий и их внутреннего упорядочения. При каждом переживании человеку приходится проводить различие между значимыми и незначимыми его компонентами.

На этой основе формируются классификации ситуаций, определяемых пересечением внешних событий и их внутреннего признания в качестве значимых. Эти ситуации расчленяют жизненный поток на дискретные осмысленные целостности, оформляющиеся в определенные представления. Таким образом, складываются внутренние критерии для отнесения событий обоим уровням к установленным классам.

В структуралистской трактовке формирования представлений значительное место занимает концеп-

ция субъективности, исходящая от М. Хайдеггера. Он называет субъективностью ту часть психики, которая фиксирует ощущения и восприятия элементов внешних воздействий и психических состояний как существующих, то есть воспроизводящихся и значимых для того, кто имеет с ними дело. Хайдеггер называет такие феномены экзистенциалами и считает их «не априорными формами разума или безличными формами интенций, оставляющими за скобками (внешний) мир», но «жизненными формами», возникающими с необходимостью «в мировом взаимодействии»¹. Согласно Хайдеггеру, такую конституирующую функцию в мире субъективность может осуществить только благодаря своей «фактичности», проявляющейся перед лицом смерти, где становится видна ее исходная открытость, порождающая способность человека к трансцендированию любого непосредственного опыта. В принципе можно сказать, что эта способность актуализуется в любой пограничной ситуации перехода от одного уровня отношений людей с окружением к другому по цепи: восприятие — переживание — представление — формирование знаков — знаковое выражение.

Сфера представлений порождает свою собственную структуру: она организует составляющие ее следы переживаний и в свою очередь организуется ими, их логикой, их связями с порождающими их импульсами. Она не сводима ни к реальности как таковой, ни к миру символов. Ее можно отнести к промежуточному между ними уровню воображения, где презентируются связи, отношения между реальностью и символом, обозначаемым и обозначающим. Такому уровню соответствуют свои оперативные единицы — образы — и свои механизмы внутренней организации — ассоциация, примыкание, комбинаторика, различение, шкалирование и т. п. Их действие обуславливает отбор и «сортировку» импульсов и переживаний, разделение и соединение «внешнего» и «внутреннего». Именно на этом уровне устанавливаются своеобразные правила

¹ Martin Heidegger in *Europa and America*. The Hague, 1973. P. 106.

перцепции (восприятия) и соответствующих ей оценивания и переоценки. Здесь помещается источник формирования новых или отбора из имеющихся знаков и символов для выражения представлений в интересующей, культурно приемлемой форме.

Соответственно представления работают как механизмы идентификации и оценки переживаний, психических состояний, внешних воздействий с точки зрения индивидуальной, а также социальной значимости. В представлении выделяются следы тех элементов обозначаемого, которые характеризуют его специфические устойчивые черты, его самотождественность. Соотнесение последующих восприятий с подобного рода чертами составляет процедуру установления сходства между воспринимаемыми объектами или психическими состояниями.

В то же время «зазор» между реальностью и ее следами в представлении можно считать тем «местом», где осуществляется работа воображения, связанная с отбором и коррекцией этих следов в качестве компонент представления. И здесь возникают свои проблемы.

«Фантазмы». Любое переживание человека фиксируется в его внутреннем мире как чередование образов. Эти единицы выделяются в качестве основы для формирования представлений и символов. Но их не следует смешивать с символами, поскольку, в отличие от последних, образы проживаются «сами для себя», представляя ощущения и восприятия индивида, порождаемые внешними воздействиями и внутренними состояниями. При порождении внутренними состояниями организма они могут представлять соответствующие переживания, не соотносимые ни с какими внешними стимулами, внешними обозначаемыми. В психоанализе считается, что такие образы представляют собой продукт их бессознательной организации, «фантазмы». Чтобы понять процесс их формирования, нужно обратиться к механизмам функционирования воображения по отношению к бессознательному.

Действия этих механизмов можно представить следующим образом. Индивид переживает некоторое

психическое или соматическое состояние, не находящее выхода в реальной активности или нормализации организма. Такие переживания и составляют оперативное условие порождения фантазмов, которые выражают эти неосознаваемые состояния, представляют их в качестве внутренних концептов. В процесс формирования включаются механизмы памяти, ассоциаций, комбинаторики при отборе «материала» для представления и механизмов вытеснения, замещения, компенсации для придания ему формы. Соответственно понимание смысла фантазма достигается не через поиск «первичной сцены» реальности, внешних воздействий, обусловивших возникновение представления и его символизации. Происходит обращение к ядерной схеме внутриличностного состояния, инициировавшей переживание, которое может найти выражение лишь через фантазию и воображение.

На индивидуальном уровне формирование фантазмов происходит за счет того, что К. Касториadis называет «радикальным воображением», характеризующим область несуществующего, не имеющего соответствия во «внешнем» мире. Такое представление может выполнять две важных для структурирования человеком своей знаковой, символической среды функции. Во-первых, стимулировать комбинаторную активность на уровне «позитивных», соответствующих «внешним обозначаемым» представлений в проблемных ситуациях, когда на уровне воображения следует предварительно «проиграть» альтернативы их определений и подходов к их решению. Фантазмы в этом случае способствуют расшатыванию, а порой и разрушению устойчивых схем связей между обозначающими, представшими отвечать реальным процессам. Во-вторых, дать выход неосуществляемым желаниям, неосознаваемым состояниям, переживаниям, не выразимым в языке имеющихся в культуре привычных символов. В этом случае воображение становится полем формирования индивидуально специфичных представлений, где концентрируются следы самых интимных переживаний индивида, его внутренних состояний, прямо не обусловленных воздействием внешнего окружения.

Такие представления, хотя и не имеют внешних обозначаемых, тем не менее становятся стимулами для порождения обозначающих, знаков для их презентации вовне.

Как отмечает К. Касториадис, эта область фантазмов «проявляется как основа возможности и единства всего того, что делает неповторимость субъекта чем-то гораздо большим, чем чисто комбинаторной неповторимостью, и всего того в жизни субъекта, что указывает за пределы специфики черт его реальности и истории»¹.

Обобщая сказанное выше, можно сформулировать концепцию представления следующим образом.

Представление формируется в том пространстве, которое находится между воспринимаемой частью окружения и воспринимающим и структурируется связями между теми имманентными свойствами элементов, окружения, которые доступны постижению воспринимающего, и теми способностями воспринимающего, которые обеспечивают ему возможность воспринимать и контролировать эти элементы. Представление в этом случае есть выделение части окружения или потока переживаний в качестве объекта, идентифицируемой целостности на основе обращенности определенных их элементов к индивидуальному познавательному усилию. Таким образом, формирование представления имеет двойную обусловленность. С одной стороны, это характеристики компонент окружающего мира, значимые для существования в нем человека. С другой стороны, это особенности трансформаций, преобразований внешних воздействий на человека и его психических состояний в устойчивые, распознаваемые, воспроизводимые внутренние концепты, соответствующие ситуациям его взаимодействия с окружением.

Поскольку ощущения не исчерпываются теми, что укладываются в образы и представления, можно предположить наличие внутрииндивидуального «пространства», области переживаний, которые остаются неор-

ганизованными ни на индивидуальном, ни тем более на культурном уровне. Они составляют своеобразное внекультурное поле психической активности. Восприниматься могут определенные неотрефлексированные психические процессы или состояния. Объектом индивидуальных переживаний могут стать встречи с такими реальными феноменами, которые признаны в культуре как несуществующие или не имеющие значения. В то же время подобные явления не перестают воздействовать на людей и могут иметь для них разрушительные последствия. Поэтому при изучении динамики формирования и существования представлений такие области реальности следует принимать во внимание как источники изменений и сдвигов на этом уровне трансформаций обозначаемого в обозначающее.

■ Трансформация представлений в знаки и символы

Одним из обобщенных признаков, позволяющих относить феномены к классу культурных, является их представленность в символической форме. Сама же способность к формированию символов считается врожденным свойством человека. Рассмотрим более подробно процессы трансформации представлений в знаки и символы.

Формирование знаков. Для установления сходства между вещами, ситуациями, переживаниями людям необходимы приметы. Иначе сходство не может быть замеченным. Каждое замеченное людьми и значимое для них сходство при обмене информацией фиксируется и обозначается, обретая таким образом интерсубъективную форму знака. Знак выполняет функцию указания на внешнее и внутреннее сходство сравниваемых единиц. Внешнее сходство фиксируется в маркировании определенных вещей одним и тем же знаком. Внутреннее сходство устанавливается характерным для знака отношением обозначаемого к обозначающему.

Знак не имеет прямого сходства с обозначаемым. Он выделяется и обобщается с помощью их соотношения по приметам. Каждое соответствие элементарных

стимула и реакции, будучи воспринятым людьми в качестве значимого, наделяется определенной приметой — визуальной, интонационной, чувственной. Когда образуется совокупность фиксированных меток, налагаемых на поле восприятия, считается, что сформировано обозначаемое. Когда во множестве ситуаций сравнений такие приметы складываются в устойчивую совокупность, им придается форма знака.

Знак является значимым в той мере, в какой между ним и тем, на что он указывает, имеется какое-либо подобие (например, дорожные знаки, знаки социальных различий, нотные и т. п. знаки имеют подобие тем восприятиям, которыми порождается необходимость соответствующих обозначений). Однако знак не гомологичен обозначаемому, то есть не состоит с ним в отношениях полного соответствия.

Имея дело со знаками, люди не только порождают их в постоянном столкновении значимых для них сходств и различий, но и оказываются перед лицом необходимости расшифровывать их, распознавать их культурный смысл. Навыки расшифровки знаков приобретаются через освоение культуры, а степень развитости таких навыков характеризует культурную компетентность того, кто пытается оперировать знаками. Искусственное происхождение знаков, отсутствие прямых связей между ними и обозначаемыми феноменами становятся причиной того, что со временем подобные связи могут утрачиваться, и знаки теряют свои первоначальные культурные функции установления сходств, позволяющих идентифицировать обозначаемое. Это происходит в случаях исключения каких-то знаков из массового употребления, ведущего чаще всего к историческому забыванию; а также в случаях «обрастания» знака множеством разнородных значений, результатом чего становится утрата им его выделяющей, идентифицирующей функции. Для того, чтобы определить первоначальное место знака в культуре, в обоих случаях требуется применение особых процедур. Существуют специальные области познания, объединяющие такие процедуры. Семиология представляет собой совокупность знаний и приемов, позво-

ляющих определить область функционирования знаков, логику их формирования и закрепления в культуре, закономерности взаимосвязи. Под герменевтикой понимается совокупность знаний и приемов, позволяющих установить связь между знаком и тем, что он означает, понять значение и смысл знака.

В процессах пользования знаками периодически встают вопросы о том, как узнать, что знак указывает именно на то, что он означает; каким образом знак связан с тем, что он означает. Ответы на эти вопросы можно получить с помощью анализа представлений в первом случае, смыслов и значений — во втором.

Связь знака и представления. В теории формирования знаков и символов, то есть обозначающих, изначально предполагается, что существует обозначаемое и сигнификация, относительно независимая от способа выражения, но детерминирующая его. Такие сигнификации, или представления, могут «располагаться» на уровнях перцепции, воображения или рациональной организации переживания. Представление, как уже говорилось, не есть символ, но оно не есть и часть реальности как таковой. Это нечто иное. Символы, знаки лишь передают его или указывают на него. Оно может трактоваться как центральная сигнификация, которая устанавливает связь между обозначаемым и обозначающим, организует их отношения в систему, функционирование которой расширяет, умножает, модифицирует область родственных представлений и детерминирует порождение знаков.

В классическую эпоху (XVIII в.) произошло осознание связи знаков с представлениями. Предметом интереса стали не столько знаки природного происхождения, сколько произвольно устанавливаемые. Соответственно фокусом внимания стала мыслительная сфера. Правда, в этот период считалось, что знак возникает в любом случае, когда одно представление связывается с другим, и представляет эту связь в себе самом. Так, Кондильяк указывал на то, что абстрактная идея означает конкретное восприятие, исходя из которого она была сформулирована; он разделял с Юмом позицию, что образы суть знаки восприятий, которыми они обус-

ловлены, а с Беркли — что ощущения — это знаки для других ощущений.

Сами по себе восприятия, образы, внутренние концепты не следует рассматривать как знаки, хотя они также замещают обозначаемое. Они становятся знаками, только если зафиксирована процедура установления надежной связи между ними и элементами реальности. Иными словами, выразительная форма, чтобы стать знаком, должна указывать не только на обозначаемое, но и на способ его презентаций, который должен быть представлен в самом знаке доступным для восприятия способом.

Обозначающее используется людьми в отношениях с окружением так, чтобы его содержание, функции, определение наиболее надежным образом представляли выделяемую из этого окружения часть. В этом смысле обозначающее в познавательном и коммуникативном смысле должно полностью подчиняться обозначаемому. С другой стороны, знак, обозначающее только тогда будет выполнять идентифицирующие по отношению к обозначаемому функции, указывать на его тождественность самому себе, когда обозначаемое будет полностью размещено в представлении знака. Соответственно знак должен быть построен из таких элементов восприятия и выражения, которые бы необходимым и достаточным образом указывали на существенные свойства презентуемой части реальности.

Формирование внутренней формы, структуры знака можно описать с помощью трех основных параметров: происхождение, форма и вероятность связи между обозначаемым и обозначающим.

Происхождение связи между обозначаемым и обозначающим. Знак может быть естественным (например, речевая интонация указывает на эмоциональное состояние говорящего) или условным (например, дорожный знак для всех означает уведомление об определенном поведении на данном участке пути). Но вне зависимости от его характера он имеет совершенно определенное познавательное пространство. Он не существует вне процесса коммуникации. Неверно было бы полагать наличие «неизвестного знака», «не-

мой приметы», присущих внешнему миру как таковому. Абсурдно также предполагать, что люди априори владеют всеми знаками. Знаки формируются в процессах взаимодействия людей с предметным окружением и друг с другом в ситуациях, когда непосредственное манипулирование предметами оказывается невозможным или нецелесообразным, и есть основания для формирования их заместителей, признанных сообществом в качестве таковых. Следовательно, формирование таких заместителей, или знаков, происходит лишь в том случае, когда люди заранее представляют себе возможность отношения замещения между двумя уже познанными элементами этой ситуации: объектом внимания и указывающим на него знаком. Соответственно высвечиваются условия конституирования знака в различных ситуациях познания, механизмы, побуждающие людей создавать заместители элементов своего окружения.

Форма связи между обозначаемым и обозначающим. В процессе установления отношений между фактом реальности и его заместителем знак может занимать две позиции. Во-первых, знак может быть элементом, составной частью того, что он обозначает (так, знак «М», обозначающий метро, является первой буквой этого слова). Во-вторых, он может быть полностью отделен от обозначаемого (таковы, например, знаки отличия в армейской иерархии). Однако в обоих случаях речь идет о некоторых аналитических процедурах, механизмах, обуславливающих трансформацию восприятия во внутренние концепты, а этих последних в коммуницируемые единицы — знаки.

Аналитические процедуры можно развернуть следующим образом. Если некоторое восприятие, внутренний образ выделяются индивидом или совокупностью индивидов как заслуживающие внимания, значимые с точки зрения поддержания связей с окружением, можно говорить о наличии предпосылок, побуждений к формированию знака. Процесс начинается с выделения элементов восприятия, которые могли бы представить его как целое. Иными словами, впечатление расчленяется и внимание сосредоточивается на наи-

более характерных для него элементах. Затем из них выбирается тот, который оценивается как наиболее представительный для рассматриваемого впечатления по крайней мере в двух коммуникативно значимых отношениях. С одной стороны, элемент должен указывать на переживаемую связь с фактом, с другой — он должен быть распознаваемым и коммуницируемым в каком-либо воспроизводимом выражении (звуковом, жестовом, предметном, графическом). Наконец, в этом качестве элемент как бы отделяется от впечатления, переживания и начинает представлять его в целом, приобретая в то же время статус самостоятельной целостности.

Таким образом, на уровне знаков люди создают особую культурную среду, состоящую из выразительных единиц, замещающих представления, указывающих на расчленение жизненного мира, представляющих в особой форме его дифференциальные элементы. В этой среде люди получают возможность заниматься экспериментированием с реальностью, с взаимным приспособлением в отношениях с ней не напрямую, а на уровне заместителей ее выделенных элементов. Люди выстраивают из знаков различные композиции, отвечающие их желаниям, интересам, и проверяют их жизнеспособность в соотношении с реальными изменениями, вносимыми в свое окружение. Благодаря знакам люди делают для себя мир различным в его отдельных элементах и объектах: открывают поле для экспериментирования с объединением и разъединением таких единиц на уровне воображения. Таким образом, создавая для себя знаковую среду, люди обеспечивают себя средствами для анализа и комбинаторики по отношению к окружению, для упорядочения своих представлений о мире.

Надежность связи между обозначаемым и обозначающим. Знак может быть постоянно связанным с обозначаемым (являясь, например, его естественным атрибутом, как лист для дерева, клюв для птицы), но эта связь может быть вероятностной (например, повышенная двигательная активность при эмоциональном возбуждении). Знаки первого рода являются пред-

писанными. Они негибки и неудобны для экспериментирования, на уровне воображения они не будут подчиняться произвольной комбинаторике. Знаки второго рода устанавливаются конвенциональным путем, то есть за счет постепенного согласования обозначающего и обозначаемого в процессе коммуникации. Как правило, в ходе такого процесса критериями отбора знака становятся простота восприятия, легкость запоминания, применимость для множества элементов реальности, в которых он должен выделять определенное свойство или качество. Такого рода знаки становятся удобными единицами для построения композиций из заместителей частей реальности, формирования представлений об окружении, которые могут быть верифицированы (проверены на соответствие фактам) или фальсифицированы (опровергнуты как не соответствующие им). Следует, однако, подчеркнуть, что такие проверки нередко вызывают затруднения из-за произвольности знаков этого рода, вероятностной природы их связи с реальностью. Особенно в случаях, когда определенные знаки на длительное время оказываются исключенными из сферы коммуникации. Иными словами, знаковая среда и происходящие в ней процессы имеют известную степень автономии по отношению к реальности, и потому здесь возможно построение композиций и суждений, с трудом поддающихся эмпирической проверке.

■ Формирование символических объектов

Символические области структурируются в культуре с помощью различных антропологических механизмов. Так, всеохватывающая область межличностных коммуникаций приобретает символическую дифференцированность и упорядоченность благодаря таким стереотипизированным формам демонстративного поведения, как лексика (совокупности ключевых слов), интонирование (показательная мелодика речи), мимика (подходящий набор выражений лица), жестикуляция (подчеркиваемые стереотипы телодвижений),

расположение собеседников в пространстве и т. п. Говоря о социальном расслоении, к перечисленным коммуникативным характеристикам, специфичным для различных социокультурных групп, следует добавить особенности внешнего вида (одежда, прическа), используемых личных вещей, территории, объектов интерьера, с которыми идентифицирует себя человек, формы социальной активности, в которых он демонстративно участвует. В художественной культуре символизация осуществляется за счет определенных принципов построения эстетического образа: степень остранения реальности (от подражания до полного несходства с наблюдаемым), композиция, масштабность формы и т. п. Аспект символический научной культуры структурируется с помощью категорий и терминов, используемых знаков (буквы, цифры, геометрические фигуры и т. п.), формул (словесных и знаковых), способов экспликации связей между реальностью и ее рациональным представлением (логика обоснования и доказательства).

Концепция символа возникает при осознании того, что обозначаемое и обозначающее имеют различную природу. Обозначаемое существует в своей имманентности вне зависимости от своего естественного или искусственного происхождения. Обознающее в функциональном отношении не самостоятельно помимо обозначаемого, однако в культурном поле как объект существует в виде выразительной формы (слова, изображения, жеста и т. п.). Категория «смысл» указывает на необходимость установления связи между восприятием и его символическим выражением, на обязательную интерсубъективность в определении структуры этой связи.

Символом называется объект, стереотип поведения, слово, указывающие на некоторую значимую для человека область реальности — природную, созданную людьми, связанную с психическими состояниями или переживаниями — имеющую предметную выраженность, отличную от символической представленности. Наиболее социально значимыми символами в культуре являются лингвистические комбинации артикули-

рованных звуков или письменных знаков. Они могут представлять почти любые значения¹.

Жизненная среда человека — это не просто совокупность природных или созданных людьми объектов, но и мир символов, объединяющих эти объекты и связанные с ними переживания в значимые для людей целостности. Символизации, символический уровень культуры порождаются и существуют в процессах совместной жизни людей в качестве источника интерсубъективно «легитимизированных» (разделяемых, признанных сообществом) объектов, используемых людьми в коммуникативных процессах. Формирование и использование символов является тем социокультурным механизмом, который придает конвенциональность (некоторую негласную договоренность о взаимной приемлемости) культурным ситуациям, то есть делает их понятными, определенными с точки зрения организации социального взаимодействия внутри них. Символы указывают, таким образом, на существование культурных порядков, то есть специально выделенных организованных культурных форм, объединяющих условия, процессы и оценки соответствующих этим формам действий и взаимодействий. Каждая область социокультурной жизни имеет собственную символизацию. Так, в религии — это символы веры, в политике — символы, характеризующие групповые или общегосударственные интересы, в искусстве — художественные образы, в обыденной этнической культуре — мифология, ритуальные обычаи; язык как символическая сфера культуры объединяет все ее дифференциальные области, делая их доступными для восприятия, идентификации всем носителям данной культуры.

Значение символов находится не в них самих, но обусловлено связями человека с окружением. Такого рода связи структурируют специфику ориентации и определяют выбор единиц из существующих символических систем в определенных ситуациях. Они имеют как универсальные для человека, так и культурно

¹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 105.

специфичные компоненты, сочетание которых определяет способы конституирования, восприятия и выражения людьми переживаний своего конкретно-исторического существования. Они порождают значения обозначающих, которые задаются как «истинные», априори заданные, неоспоримые. Ощущение их наличия обеспечивает поддержку для проведения различия между тем, что имеет и не имеет значения для практических, аффективных (эмоциональных) или интеллектуальных целей.

Специфика символической среды по отношению к идеациональной (состоящей из идей и образов) заключается в природе составляющих ее элементов. Символы суть одновременно указание и явления, иными словами, они обнаруживают себя как культурный феномен, лишь выражая свою связь, свое отношение с обозначаемым порядком. Таким образом, символ представляет в фиксированной культурной форме разделяемое людьми, общее для них представление через наиболее устойчивые и характерные для него черты, знаки, доступные для выражения.

На этом уровне особое место принадлежит области воображаемого. Воображаемое представление, как уже отмечалось, это сигнификация, которая не соответствует ничему воспринимаемому (реальному) или мыслимому (рациональному). «Сложность заключается в том, что в случае воображаемого мы с трудом можем обнаружить то обозначаемое, к которому относится обозначающее, поскольку его «способ существования» является, по определению, способом небытия»¹. Однако символ существует вне зависимости от того, обозначает он нечто реальное или воображаемое. Он существует в том смысле, что может быть включен в дискурс в соответствии с некоторыми априорно заданными конструктивными правилами. Но совсем не обязательно, чтобы символические построения имели значение, смысл с точки зрения соответствия реальности.

Языки культуры и культурные порядки

Структуралистские построения базируются на определенной концепции человека. Считается, что у него должна существовать четкая, устойчивая организация связей с окружением, предопределяющая категоризацию и классификацию того, что существует, является значимым для него, что он может конструировать в своем окружении. Человек не может игнорировать или превосходить эту врожденную, устойчивую организацию, не подвергая опасности свою жизнь, поскольку она и составляет его собственную природу, идентифицирует его как часть природы.

«Реальность» для живых существ, в том числе человека, можно трактовать двойственным образом. Во-первых, это реальность собственного организма, его функций, происходящих в нем процессов. Во-вторых, это реальность окружения, жизненной среды, где организм развивается и функционирует. Соответственно на уровне представлений можно обнаружить два их класса: организация следов от повторяющихся событий, характеризующих как внутренние состояния организма, так и действия внешних факторов. Соответственно жизненный мир для организма существует не как нерасчленимое, неопределенное или же четко упорядоченное нечто, непосредственно запечатлевающееся в нем, пассивно отражаемое им. То, что представляется организованным или хаотичным, есть результат процесса взаимодействия между внешним событием и внутренним состоянием организма.

На этих основаниях выстраиваются своеобразные упорядоченные области отношений человека с окружением. Они являют собой организацию многообразия элементов этого окружения, представлений о них, их символических выражений в некоторые ограниченные целостности. Такие области — культурные порядки — составляют своего рода топографическую модель культуры, где человек оказывается в хорошо распознаваемых, символически выделенных зонах устойчивых связей с окружением и где ему заданы коды и правила

оперирования по отношению к знаковым системам, выражающим эти отношения. Можно выделить основные механизмы формирования таких порядков.

Во-первых, организованное различие вещей и их символической представленности — в словах, жестах, формулах, художественных образах и т. п. — определяется как конституирующее начало культуры. Вертикальное расслоение обусловлено наличием «зазора» между обозначаемым и обозначающим. Горизонтальное различие определяется одноуровневой сеткой правил сочетания знаков и их порождения друг из друга.

Упорядоченность различий приобретает свое символическое значение не в силу природной принадлежности к обозначаемому, но благодаря соглашению взаимодействующих людей, которым потребовалось согласовать свои действия и представления и преобразовать их в устойчивые выразительные формы. Именно так внутри определенных областей культуры устанавливаются связи между знаками, символами и природой того, что они обозначают. Антропологическая суть динамического порядка такого рода может быть выражена следующим образом: «Человек получает от природы материал для изготовления знаков, и эти знаки служат ему сначала для того, чтобы договориться с другими людьми в выборе таких знаков, которые будут приняты в дальнейшем, тех значений, которые будут за ними признаны, и правил их употребления; и эти знаки служат затем для образования новых знаков по образцу первых»¹.

Во-вторых, сказанное ранее о контрапункте феноменологического жизненного мира и мира знаков и символов позволяет различать характерные для каждого из них представления. Представление смысла, или реального переживания, чтобы быть выраженным, должно быть соотнесено с представлением обозначаемого. Установление соответствия между ними опирается на те общие закономерности, благодаря которым отношение обозначающего к обозначаемому порождается, верифицируется и конвенционально поддерживается, то есть упорядочивается.

В-третьих, неоднозначность символов и знаков, полифункциональность вещей, относительная автономность вещей и их заместителей от конкретных ситуаций их порождения и применения обуславливают тот факт, что люди используют их относительно произвольно, соединяют в случайные, необязательные, нефункциональные композиции. Если такие композиции выстраиваются на индивидуальном уровне благодаря случайностям опыта или незнанию, они остаются фактом личной биографии и не имеют культурных последствий. Когда же они закрепляются традицией, то становятся культурным фактом и существуют как символические порядки, не имеющие иных эмпирических соответствий, кроме ложных представлений об их реальном существовании и воздействии на людей. Такие символы сохраняются неизменными до тех пор, пока имеют смысл, то есть воспроизводится восприятие или переживание, которое они фиксируют, удерживается представление, которое они транслируют.

В-четвертых, изменения выразительных символических форм детерминируются множеством разнородных факторов, и порядки, образуемые этими формами, являются подвижными, изменчивыми, во многом нестабильными. К внешним факторам изменчивости можно отнести стремление упростить форму представленности, моду, обычаи, внешнее окружение и т. п. В качестве внутренних факторов можно назвать наблюдаемые сходства или различия между обозначаемыми фактами, контекст переживаний, опыт, из которого черпает свои значения данный язык культуры, форма, благодаря которой он сохраняется.

Итак, в каждом наблюдаемом и изучаемом обществе обнаруживаются определенные области упорядоченности, где взаимодействие и коммуникация особым образом организованы и имеют специфичное символическое выражение. Такие области обычно формируются под действием естественных социобиологических закономерностей, с одной стороны, и антропологических ограничений — с другой. Но способность людей к вариативности поведения, технологий, символизации придает этим относительно немногочисленным струк-

турным формам значительное многообразие проявлений. Так, в структурном отношении культура хозяйства строится на переработке природных ресурсов в продукты, пригодные для использования людьми, однако технологии такой переработки столь же многочисленны, как и виды ее продукции; наука структурируется как способ и результат получения достоверного знания о мире, но множественность предметов интереса и стремление повысить степень вероятности предсказаний порождает множество научных дисциплин и теорий. Специфика порядков в культуре проявляется в определенных зафиксированных манерах и стилях формообразования, символизации аффективных и интеллектуальных проявлений в социально значимых ситуациях. Наличие таких порядков предполагает, что на поток совместной жизни людей налагаются определенные расчленения и организационные формы, что здесь устанавливаются правила проведения различий между тем, что является и не является ценностью, формируются нормы, предписывающие и запрещающие определенные формы активности в социально значимых ситуациях.

Символический порядок может быть представлен «однородным и нейтральным пространством, где предметы одновременно обнаруживали бы непрерывность своих тождеств или различий и семантическое поле своих наименований»¹. На символическом уровне культуры можно выделить два основных, значимых для познания и коммуникации способа существования представлений, знаков, символов, два типа порядков.

Один из них — это порядок симультанности, одновременного сосуществования множеств по-разному структурированных представлений. Формирование и поддержание порядка этого рода обусловлено действием врожденных, произвольно действующих психических механизмов, таких как формирование впечатлений и образов, память и способность к воспоминанию, воображение. Соответственно на уровне представления подобная механика делает возможным

то, что называется «картиной мира» и что соответствует положительной способности человека в своем воображении превращать различные формы движения внешней среды и внутренних состояний в одновременное стационарное пространство сосуществующих следов событий.

Другой тип порядка обусловлен способностью человека к соотносению собственных представлений с реальностью, к фиксированию и отслеживанию по ходу такого соотношения изменений, происходящих на обоих уровнях. В представлениях изменения оставляют следы в виде точек, отмечающих наличие изменения, а также интеграции этих точек в виде линий, путей изменений. Таким образом, формируются динамические порядки двух уровней: исходное поле фиксируемых точечных, дискретных изменений и производная от него область непрерывных процессов. Этот тип порядка соответствует анализу реальности, природы с их изменчивыми проблемами, беспорядками, раздробленностью по отношению к установившимся «картинам мира» и последующим динамическим синтезом результатов этого анализа.

Языки культуры. Как уже отмечалось ранее, культурные порядки имеют свои границы, внутреннюю структуру, символические формы выразительности, правила комбинирования соответствующих знаков и символов. Следовательно, можно условно считать, что таким областям соответствуют свои «языки» — языки культуры.

Функции языков культуры. Любой язык культуры — вербальный, жестовый, графический, образный, формализованный — имеет природные предпосылки формирования, но сам не является природным, априори заданным человеку свойством. Он формируется во взаимодействиях и коммуникациях совместно живущих людей, в сети обратимых и доступных для анализа отношений знаков и представлений. Он возникает тогда, когда индивидуальные представления не просто обретают внешнее выражение, но когда такие выражения в коммуникативных процессах приобретают статус разделяемых знаковых единиц, а их использо-

вание перестает быть произвольным и подчиняется определенным установленным, конвенциональным, обязательным правилам. Язык формируется там, где знак осознанно отделяется от представления и начинает функционировать как репрезентант этого представления, выразитель его.

Языки культуры — это системы, которые предназначены не только для того, чтобы выделять устойчивые единицы в жизненном потоке, или представления. Характерная для них возможность разными способами расчленять и объединять такие представления позволяет фиксировать в них не только объекты или имена, но и действия, состояния, интенции. Соответственно языки обозначают не только то, что видят и чувствуют люди, но и то, что они делают или стараются выразить. Языки указывают не только на вещи, но и на те процессы, благодаря которым подобные вещи становятся результатом, объектом, орудием действия.

Таким образом, область расположения языков культуры находится не на стороне «объективного мира», природы и не на стороне «субъекта», его внутреннего, солиптического мира. Она конституируется между человеком и его окружением, природой человека и более широким природным контекстом и существует как область фиксирования значимых для человека представлений об окружении, об отношениях с ним. В сфере социального взаимодействия языки культуры предстают в качестве медиаторов, проводников, средств, позволяющих придавать интерсубъективное, культурное значение интрасубъективному, индивидуальному опыту; транслировать социально значимые представления, придавать таким представлениям общезначимый, разделяемый смысл.

Языки культуры образуют определенные культурные пространства, отличные друг от друга по характеру обозначаемых единиц жизненного мира, связей между ними и представляющими их знаками, форм представлений и знаков, правил связей между ними. Однако как языки они имеют нечто существенно общее, делающее их средством для такого препарирования социально значимой информации, благодаря кото-

рому она становится пригодной для хранения и транслирования. Временным разрывам в представлениях и переживаниях язык придает последовательность и непрерывность включенности в ткань выраженности в системах однородных знаков. Причем благодаря своей знаковой природе он обязательно передает и статику, и динамику вещей. Благодаря языку бесформенная нерасчлененность феноменального, «независимого от человека» окружения трансформируется в дифференцированный и в принципе упорядочиваемый жизненный мир. Язык позволяет людям объединять разнообразные и изменчивые элементы окружения в устойчивые и последовательные целостности. Наличие границ, обусловленных качеством передаваемых представлений и таким образом отделяющих один язык культуры от другого; возможность соответствующих знаков согласно логике анализа представления фиксировать в выразительных формах его ключевые точки и конфигурацию; степени свободы подобных конфигураций объединяться и разъединяться, соседствовать, пересекаться позволяют каждый такой язык рассматривать как определенное пространство, со свойственными ему закономерностями порождения и трансформации соответствующих единиц.

Языки различаются не только формой используемых в них знаков (слово, музыкальная интонация, принцип иконического, графического изображения и т. п.), но прежде всего тем способом, каким эти знаки расчленяют представления.

Знаки, составляющие каждый из языков культуры и предназначенные для выражения представлений и переживаний, различаются по степени подобия тому, что они представляют. Обозначающие, наиболее близкие к обозначаемому, вытесняют из процесса взаимодействия человека с этими элементами окружения рефлексию, то есть реконструкцию структуры связей между ними. Таковы, например, символическое идеографическое письмо, миметические («реалистические») художественные образы и т. п. Более условные знаки, не претендующие на то, чтобы изображать обозначаемое в его «природности», представляют его в

формах, построенных в соответствии с правилами не объекта, но отношений человека к нему, правилами мышления, а не существования. Эти ситуации, подобны тем, когда, по словам Кондильяка, буквы, совершенно не представляя идей, сочетаются друг с другом как идеи, а идеи соединяются и разъединяются как буквы алфавита. Такие аналитические знаки — буквы алфавитных языков, математические, нотные знаки — дают возможность расчленять и собирать в графической форме любые новые единицы представлений (рациональных и чувственных, конкретных или абстрактных), хранить их на определенных материальных носителях сколь угодно долгое время, переводить с языка на язык в лингвистической сфере и передавать переживания реальности в универсальных математических или нотных знаках.

Построение высказывания. Овладение языками культуры означает включение, интеграцию индивида в социокультурный мир. Такое овладение предполагает не только то, что его научают распознавать и пользоваться знаками, символами, характерными для каждого из них. Его учат и тому, что именно следует выражать с помощью этих знаков. Иными словами, предполагается, что в рамках каждого из таких языков существуют нормы построения классов «высказываний», соответствующих определенным наборам условий, которые можно назвать социально значимыми.

И здесь рассмотрение «высказываний» с точки зрения их информационного содержания, то есть соответствия знаков представлениям, наполненности их значениями приобретает дополнительный угол зрения. Истинность высказывания детерминируется общим социокультурным контекстом ситуации, в которой оно появилось. Методом определения культурной релевантности, осмысленности высказывания становится выявление структурного соответствия между культурно нормированными, эталонными образцами высказываний, соответствующих данной ситуации, и множеством реально появляющихся в ней выраженных представлений. Такое сопоставление и анализ «отклонений» от эталонов позволяет выявить основания претензий последних

на истинность. Таким образом, помимо прояснения значений высказываний важно понимать, как осуществляется систематизация знакового материала. В этом случае становится понятным вид порядка, соответствующий рассматриваемой ситуации. Скажем, становится понятным, чем различаются релевантные высказывания в ситуациях церемонии и научного симпозиума.

Таким образом, в коммуникативном процессе подчеркивается значимость не столько истинности высказывания, сколько релевантности стандартной социально значимой ситуации. Такая релевантность проверяется «принадлежностью к системе» тех событий, которые совершаются в данной ситуации и представляются в определенном культурном языке. Соответственно акцент внимания смещается от механизмов контроля над истинностью высказывания к тем, что контролируют продуцирование речевого материала, претендующего на социальную значимость в данной социокультурной ситуации. Иными словами, к тому, насколько хорошо индивид освоил языки культуры, к его культурной компетентности.

Субъект в этом случае рассматривается как локус механизмов идентификации и применения правил контроля по отношению к собственным и чужим высказываниям. Он представляется проводником и приемником культурных схематизмов, вносящих и поддерживающих порядок в социально значимых ситуациях.

Рассмотрим несколько конкретных типов культурного порядка и соответствующих им языков.

Язык телодвижений (мимика, жестикуляция, позы). Он не дан человеку от природы, «даны» лишь предпосылки к формированию такого языка, такого сектора знаковой среды. К одной группе предпосылок можно отнести способность человека к моторным реакциям на различные значимые для организма ситуации. К другой — способность к сопоставлению своих и чужих переживаний (эмпатия) и сопровождающих их телесных проявлений. Третья группа объединяет способности распознавать, отбирать, согласовывать использование таких проявлений в качестве знаков.

Язык телесных проявлений порождается на природных основаниях. Однако он формируется и используется как явление культуры, для трансляции небиологической информации.

Само по себе телодвижение не является знаком, элементом языка. Оно становится таковым в результате сложных процедур использования в процессах взаимодействия и межличностной коммуникации, таких как:

- установление аналоговых отношений между внутренним состоянием и внешним движением и фиксирование, нотация этого движения как знака соответствия (человек фиксирует, что движение, наблюдаемое у другого, он сам делает при таких-то внутренних состояниях);
- разделение во времени движения как знака и переживания, что позволяет употреблять знак для обозначения переживания как такового, вне зависимости от его непосредственного наличия;
- воздействие на другого с целью вызвать у него соответствующее жесту представление о передвижении.

Пространственный порядок. С языком движений тесно связано упорядочение человеком своего физического пространства.

В структурализме большое познавательное значение придается дихотомии «центр—периферия». Это трансформационный механизм, действие которого на социальном уровне способствует выделению и организации определенных горизонтальных пространственных порядков. Каждый из полюсов оппозиции «центр—периферия» характеризуется различной интенсивностью проявления какого-либо социально значимого феномена совместного существования людей. Так, в пространстве поселений в центре располагаются дворцы, храмы, здания, где располагается высшая администрация, а на периферии — кварталы коттеджей собственников, рабочие районы, гетто бедных. Относительно социальных движений разделение центра и периферии проходит по линии их установленности, традиционности, распространенности. В центре нахо-

дятся наиболее установившиеся, признанные и массовые, на периферии — наиболее частные, экзотические нестабильные. К. Леви-Строс выделял в пространственной организации традиционалистских сообществ шкалу «центр — периферия» на основании двух оппозиций «одна между мужским и женским началами и другая — между священным (сакральным) и несвященным (профаническим)»¹. Такое упорядочение относится к представленности власти, могущества, легитимности в организации жизненного пространства людей. Подобные трансформации посредством шкалирования можно обнаружить в вертикальной иерархии, свойственной религиозной онтологии добра и зла, в эстетической дихотомии «прекрасное — безобразное» и т. п.

Центральное место власти в обществе, начиная с М. Фуко, считается той конституирующей силой, которая обозначает связь человека с сетью вне него находящихся закономерностей. Силовые характеристики человеческой реальности, соответствующие им порядки продуцируются именно с помощью власти. Механизмы реализации власти связываются с такими категориями культуры, как знание, принуждение, дисциплина. Эти механизмы формируются и действуют в системе социального взаимодействия, коммуникации. Конституирование индивидов властью, согласно структуралистской концепции, отличается от обучения. В обучении человек осваивает культуру, окружение благодаря осознанной передаче значения знаков от более опытных, компетентных к нуждающимся в знаниях и навыках. Власть относится к бессознательным механизмам контроля, к осуществляемому вне сферы значений тренингу поведения в соответствии с определенной дисциплинарной сеткой. Несмотря на неосознаваемость такого рода процедуры оставляют следы в иерархизации культурного пространства. По этим следам оказывается возможным реконструировать механику власти и ее центральные функции в социокультурной жизни в определенном обществе в определенный промежуток времени.

¹ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 127.

Институциональный порядок. Рассматривая механизм трансформации исходного потока совместной жизни людей в культурно упорядоченные процессы, структуралисты подчеркивают значимость институционализации, разделяемости, конвенционального признания такого рода порядков. Этот механизм основан на способностях человека различать, выбирать, устанавливать, объединять, представлять. Общество как ансамбль устойчивых организационных структур для анонимной и коллективной деятельности, а также обмена информацией в символических формах воспроизводится благодаря действию этого механизма, обеспечивающего сходство в идентификации, принципах объединения, символизации переживаний членов одного и того же общества, носителей одной и той же культуры.

Считается, что институты общества — семья, религия, обычаи и т. п. — уходят корнями в естественный, природный слой существования человека. Но речь отнюдь не идет о том, что институты воспроизводят или отражают этот слой, детерминированы им. Скорее здесь существует совокупность предпосылок для формирования институтов, предпосылок, «работающих» как механизмы стимуляции и поддержки, сдерживания и препятствования по отношению к этому слою на каждой стадии его внутреннего движения. Это механизмы отбора структурных и функциональных составляющих института.

В рамках структурализма социокультурные институты — от нравов, обычаев, ритуалов до крупных организационных структур — рассматриваются в терминах свойственных им символов. Утверждается, что формирование символических структур присуще самой природе институтов они должны быть выделены в культуре, их функции должны быть представлены в обществе в символической, распознаваемой форме. Такая символизация необходима, поскольку придает устойчивую и доступную для массового восприятия форму тем социально значимым функциям, которые выполняют институты в поддержании социокультурных порядков. Соответственно структуралистский

анализ институтов предполагает поиск ответов на ряд вопросов. Какие обозначаемые, сигнификации обозначают символические системы, присущие институту, какую социально значимую информацию они транслируют? Почему для этой цели были выбраны именно такие символы, а не какие-то иные? Почему, при каких обстоятельствах подобные символические системы становятся автономными по отношению к институциональным функциям культурными образованиями?

Познавательный порядок. Структуралистскую трактовку организации порядка, причем динамического, в одной из специализированных областей культуры можно проиллюстрировать на примере теории М. Фуко, относящейся к формированию типа рациональности, характерного для гуманитарного знания. Фуко строит схему научного познания, в рамках которой становится очевидным их культурный смысл. Он показывает, что в гуманитарной области (к которой, кроме филологии, он относит также социологию, психологию, культурную антропологию) используются достижения эмпирических наук о существовании (биология, экономика, лингвистика), каждая из которых имеет свой эмпирически ненаблюдаемый, умопостигаемый предмет (соответственно жизнь, труд, язык). Смысл гуманитарного знания состоит в том, чтобы обратиться к человеку предмет наук о существовании с целью представить специфичные для него способы упорядочения мира. Такая представленность выражается в определенных измерениях, позволяющих описать человеческое существование в необходимой полноте.

Первое измерение «функции — нормы» отвечает эпистеме биологического содержания Человек представлен здесь через те функции, реализация которых позволяет ему приспособиваться к своему окружению, подчиняться его требованиям, развиваться. Благодаря понятию функции связь между побуждениями и действиями получает закономерную интерпретацию. Такая точка зрения на приспособление человека к окружению помогает определить средние нормы этого приспособления, позволяющие ему функционировать в

соответствии со своей природой. Психология имеет дело с этим аспектом человеческого существования.

Второе измерение «конфликт — правила» извлекается из экономической эпистемы. В ее рамках человек рассматривается с точки зрения присущих ему потребностей и желаний и поиска способов их удовлетворения. При таком подходе каждый представляет собой существо, имеющее интересы, добывающееся выгоды и во взаимодействии с другими противопоставляющее в преследовании своих целей себя другим людям. Соответственно предельная ситуация, в которой он проявляется, — это конфликт. Регулирование ситуаций, обуславливающих возникновение конфликта интересов, является существенной составляющей совместной жизни людей. В поисках средств такого регулирования люди устанавливают совокупности правил, которые ограничивают конфликты, способствуют их преодолению. Этот аспект человеческого существования составляет предмет социологии.

Третье измерение «значение — система» является производной эпистемы, свойственной языкознанию. В ее рамках человек рассматривается сквозь призму его способности к формированию внутренних концептов и к их коммуницированию с помощью выразительных средств, доступных для восприятия другими. Благодаря внутреннему переживанию, с одной стороны, и интерсубъективному характеру выразительных знаков — с другой, все представления, выраженные в культурных формах, даже их неотчетливые, скрываемые, неосознаваемые компоненты, приобретают значение. Сами же культурные формы, ритуалы, привычки, слова — все эти следы, оставляемые узловыми моментами совместной жизни людей в виде фиксированных объектов, складываются во внутренние взаимосвязанные ансамбли, системы знаков. Сегодня этим занимаются люди, имеющие отношение к семиотике и семантике, с одной стороны, и искусствоведению — с другой.

Таким образом, целостное представление о существовании человека сегодня можно получить, интегрируя знания, получаемые в соответствии с этими тремя

измерениями «функция — норма», «конфликт — правило», «значение — система».

Письмо как порядок. В настоящее время очень многое известно об устной речи, о таком ее аспекте, как слушание, которое позволяет говорящему понимать себя через фоническую, звуковую субстанцию. Эта субстанция рассматривается как условие, обеспечивающее возможность фиксировать и транслировать неэмпирические, обозначающие элементы. В этом случае письмо — это техническая помощь говорящим, перевод обозначающих элементов из слышимой в видимую форму, то есть из одной знаковой формы в другую. Ж. Деррида полагает, что письмо представляет собой самостоятельную форму культурного порядка. Он не считает фонетические компоненты фундаментальными элементарными составляющими представлений, выражающими феноменальность, реальное присутствие мысли в момент ее полагания, связывания обозначаемого с обозначающим. Согласно логике Деррида, место обозначаемого в коммуникативной среде не совпадает с локусом его данности на уровне восприятия и с позицией обозначающего в символической сфере. Знак не является способом утверждения настоящего; он не фиксирует самого мгновения восприятия, трансформации воспринимаемого в выразительную форму. Знак есть результат отбора, организации, обобщения информации об обозначаемом, многократно предстающим перед людьми в опыте, в восприятии. Только стремление людей объединить содержания такого опыта в целостность, имеющую интерсубъективную, коммуникативную значимость, с целью контроля над устойчивыми и изменчивыми аспектами окружения побуждает их к продуцированию знаков. Соответственно знаки всегда несут в себе гетерогенность содержания обозначаемого.

Ж. Деррида рассматривает проблемы «письма», употребляя этот термин в широком смысле, как любое графическое фиксирование сообщений, передаваемых с помощью знаков. В сопоставлении «фигуративного» прочтения письма и дискурсивной практики социально значимого произнесения он определяет письмо не про-

сто как дополнение к устной речи, но как сильный фактор, конституирующий язык. Изучение письма позволяет наблюдать то начало, пограничное между восприятием и обозначением, произнесением и изображением, которое порождает фиксированный мир знаков, где они существуют, воспроизводятся, вступают друг с другом в различные наблюдаемые отношения.

«Будем называть письмом все то, что содержит описание, и это не обязательно литература». То, что письмо распределяет в пространстве, отделено от голоса и имеет разные знаковые формы: жест, пространственно-художественный образ, музыкальная интонация. В этом смысле под определение письма подходят «кино, танец, картина, музыка, скульптура, атлетика, военное, политическое «письмо»¹. В этих областях культуры «письмо» структурно зафиксировано наличием специфичных для них техник, управляющих соответствующими видами активности (телодвижения, живописная, музыкальная композиция, политический шаг и т. п.). Такие техники прежде всего описывают содержание этих видов активности, но они обязательно включают в себя и описание соответствующих знаковых систем, систем нотации. Соответственно формируются определенные области «идеациональных» (символических) синтезов, передающих значения, смыслы, но не связанных с фонетическими способами выразительности. В этих областях непосредственное восприятие, «интуиция» объекта есть один из важных, но далеко не единственный и, разумеется не конечный механизм формирования значений и тем более знаков. На знаковом уровне можно говорить об относительной автономии по отношению друг к другу областей познания и описания². Такая автономия и отсутствие интуиции представлены в акте письма, где знак соединяет разнорядковые, а не однородные элементы. Подобная гетерогенность письма позволяет пишущему нарушать, прерывать логику познания, формирования значений, базирующихся на структуре установления связи меж-

¹ Derrida J. De la grammatologie. P., 1967. P. 38.

² Derrida J. La voix et le phenomene. P., 1967. P. 109.

ду обозначаемым и обозначающим. Соответственно на уровне выражения, знаковой сферы легко обнаруживается несбалансированность, дополнительность, противоречивость того, что в тексте не высказано, с тем, что в нем присутствует. Вместе с тем это невысказанное может быть реконструировано при использовании правил построения структур связей между обозначаемым и обозначающим.

Реальное и несуществующее. Исходя из представления о человеке как природно организованном существе в его взаимоотношениях с окружением предполагается действие механизма отбора и идентификации внешних стимулов, воздействий, событий. Такой механизм разделяет «внешний мир», включающий в себя также и человека как один из «объектов», на часть, которая существует для человека, и часть, которой не существует для него. Из того же, что существует, этот механизм отделяет значимое от незначимого, информацию от «шума».

Однако относительная автономия сфер обозначаемого и обозначающего делает вопросы «объективного существования» проблематичными. То, что в обществе признается большинством и даже всеми его членами в качестве «существующего», совсем не обязательно соответствует реальным воздействиям внешнего окружения на природном уровне. То же, что «не существует» для членов общества, то есть не зафиксировано в культуре или объявлено несуществующим, совсем не обязательно и не всегда не оказывает никаких воздействий на людей; такие проявления даже замечаются, чтобы быть отвергнутыми. Таким образом, «бытие» и «небытие» всегда существуют в культуре как разделяемые представления. Эти представления на уровне дискурса, культурной коммуникации символизируются как сущности, существование которых следует утвердить или опровергнуть, или как позиции, которые можно установить, чтобы полностью опровергнуть, или, наоборот, отрицать, чтобы в конечном счете утвердить. Таким образом, в обществе, в культуре для любых позитивных элементов всегда имеется возможность быть поставленными под сомнение с точки зрения существования или адекватности.

На наличие иллюзорных порядков в культуре указывал еще Ф. Бэкон. «Человеческий ум склонен предполагать в вещах больше порядка и сходства, чем в них находится; и в то время как природа полна исключений и различий, ум повсюду видит гармонию, согласие и подобие. Отсюда та фикция, что все небесные тела описывают при своем движении совершенные круги»; таковы идолы рода, спонтанные фикции ума; к ним присоединяются — в качестве следствий, а иногда и причин — путаницы в языке: одно и то же имя в равной мере применяется к вещам разной природы. Это идолы рынка¹.

Незначимая информация не существует для членов общества в качестве информации. Она представляет собой ограничитель для значимого. Следовательно, все то, что представляется в обществе значимым, должно быть выделено и составлять особую среду существования людей, которая обычно и называется культурой. В культуре, по определению, все составляющие имеют значение, наделены знаковыми, символическими средствами выражения. Объекты культуры не только означают какие-то социально значимые аспекты бытия, явления, события; они воспринимаются в соответствии с возможностью быть представленными в культурно приемлемой форме. Все, что не имеет сигнификации, то есть социально установленных смыслов и значений, остается за пределами культуры вне зависимости от реального воздействия на человеческое поведение (например, бессознательные процессы, непознанные природные воздействия и т. п.). На этой базе люди выделяют области невозможного, немислимого, абсурдного, незначительного.

Итак, был прослежен весь путь преобразования переживаний человека в представления, выявлены их символические формы выражения и определенные культурные порядки. Важным трансформационным механизмом в отношениях человека с окружением является подтверждение или установление регулярности внешних событий, переживаний, внутренних состояний и т. п. Будучи конвенционально утвержденными и вы-

раженными в символической форме, такие регулярности становятся артефактами (объектами культуры). Чтобы образовать порядки, они должны быть определены как регулярности; их значение в отношении объединяемых ими культурных элементов должно быть установлено; их место в интерпретации социокультурной жизни должно быть определено; должны быть выделены пределы их распространенности.

Существование таких регулярностей как подтверждается, так и опровергается соотношением с естественным уровнем человеческого существования (например, при ощущении холода можно согреться с помощью теплой одежды или внешнего источника тепла; чувство голода побуждает к поиску пищи и т. п.). Организация этого первого естественного уровня считается независимой от культурных процессов и явлений; он изначально приписывается человеку в качестве необходимого условия его существования как природного и культурного существа. Именно поэтому она принимается в качестве конечной критериальной области, санкционирующей утверждения о существовании. Это тем более важно принимать во внимание, что знаки и символы не имеют прямой связи и точного подобия в отношении обозначаемого, и потому составляемый ими слой культуры существует как бы вне уровня естественной организации человека, порождаясь в процессах коммуникации и обслуживая более коммуникационные, нежели биологические процессы.

Следовательно, соответствие суждения, символического сообщения правилам построения, принятым в рамках определенного культурного порядка, отнюдь не достаточно, чтобы считать его истинным, то есть выражающим регулярность, обнаруженную на естественном уровне существования. В то же время воспринимаемая с точки зрения культурных стереотипов несвязность, фрагментарность, абсурдность естественных событий отнюдь не означает не только их неважности для людей, но даже отсутствия стоящей за ними регулярности. Феноменальное движение природного уровня существования человека не совпадает с собственной динамикой символических порядков. Из этого не-

совпадения рождаются изменения как единиц этих порядков — знаков, символов, — и так и структурных связей между ними.

В структурализме исследуется область реальности, расположенная между человеком и элементами его окружения — как вещного, предметного, так и человеческого, социального. Основания этого теоретического направления позволяют интерпретировать, как порождаются знаки, символы, значения и смыслы в рамках символического мира в качестве данного, уже существующего. Процессы становления больших символических порядков, таких как язык, искусство, наука, в структуралистских построениях не анализируются. Эти порядки демонстрируются как данное; устанавливаются связи между элементами реальности и представлениями, специфичными для них.

■ Эвристические возможности структурализма в изучении динамики культуры

Подобно функционализму структурализм принято рассматривать как атемпоральное теоретическое направление. Действительно, временное измерение в явном виде здесь не выделяется. Тем не менее для изучения динамики культуры структурализм располагает богатыми возможностями. Причем в этом случае речь может идти даже о меньших временных масштабах, чем в функционализме. Здесь процессы порождения культурных элементов соизмеримы с жизненным циклом индивида, с отдельными его отрезками.

Из всего, что было сказано, становится очевидным, что в рамках этого направления речь идет о формировании так называемого идеационального, или символического, уровня культуры. Способность к порождению символов природна для человека и обусловлена необходимостью межиндивидуального транслирования жизненного опыта, а также «маркирования» своих физических и социальных «территорий». Врожденными, как доказали исследователи-структуралисты, являются и механизмы трансформации внешних и внутрен-

них для индивида стимулов в коммуницируемые сигналы, распознаваемые другими. В то же время разнообразность стимулов (природные, искусственные, социальные и т. п.), а также условий, в которых они возникают, обуславливает различия в формах и способах выражения того, что должно быть передано вовне. Соответственно динамические аспекты порождения символических структур были представлены в двух аспектах. С одной стороны, был описан процесс трансформации воспринятого значимого для организма стимула во внутренний концепт, представление, а затем в знаковые и символические формы. С другой стороны, были показаны языки культуры и культурные порядки как предпосылки для осуществления коммуникативных процессов.

Основной областью вариаций, многообразия, изменчивости символических языков и порядков, как было показано, можно считать тот внутриличностный «зазор», который существует между обозначаемым, то есть «естественным», непосредственным переживанием человека, и обозначающим, то есть искусственным знаком, символом, передающим информацию об этом переживании другим. Обращение к изучению этой области позволяет не только понять природу изменчивости и многообразия символических структур, но и ясно увидеть их конвенциональное происхождение.

Круг проблем, связанных с изучением динамики культуры с позиций структурализма, оказывается достаточно широким. Во-первых, весьма плодотворным представляется продолжение изучения того, как формируются устойчивые внутриличностные представления. Приведенные здесь схемы суть идеальные теоретические конструкты, скорее выведенные из известных психологических и отчасти нейрофизиологических закономерностей, нежели эмпирически подтвержденные. Соответственно открываются интересные перспективы для экспериментальных исследований динамических трансформационных механизмов формирования представлений.

Во-вторых, для изучения динамики культуры значимым сегодня является понимание того, почему оди-

наковые представления имеют различные выразительные формы (например, гнев может быть выражен словами, мимикой и жестами, в письменной форме и т. п.), а разные представления выражаются в одной и той же форме (например, гнев, радость, восхищение, отвращение и т. п. — средствами письма). Иными словами, понимание причин порождения и взаимозависимости средств выражения позволяет лучше понять механизм их выбора при желании индивида передать другим свои переживания, впечатления, представления. В результате открывается возможность строить теоретические основания для интерпретации внутренних форм и динамики различных языков культуры.

В-третьих, изучение изменения символических объектов культуры возвращает исследователя к необходимости изучить механизмы их формирования. Двойная обусловленность символической формы — представлением, с одной стороны, и культурным контекстом — с другой — позволяет сделать областью анализа сочетание, взаимодействие этих двух классов факторов и соответственно определять динамику культурной значимости символов в зависимости от их близости к каждому из полюсов в типичных социокультурных ситуациях.

В-четвертых, эвристичными для исследования культурной динамики являются категории символических, культурных языков и порядков. Их взаимные наложения, перенесение категорий и принципов построения высказываний из одного в другой, интерференция при формировании символов открывают интересную область исследования. Благодаря этому становятся понятными механизмы примыкания, сцепления, взаимопроникновения разнородных форм выразительности при образовании различного рода культурных текстов и индивидуальных высказываний.

Таким образом, структурализм обеспечивает исследователя хорошо разработанным инструментом для анализа динамики идеациональных, символических артефактов на уровне их порождения и индивидуального использования. Следует подчеркнуть, что в рамках структурализма исследователь имеет дело с культурно установленным, социально разделяемым феномена-

ми такого рода. Процессы, благодаря которым они становятся фактами культуры, не являются здесь предметом изучения.

Выводы

1. Определение культуры через символическую активность высвечивает в качестве предмета повествования операции, которые придают сложным феноменам человеческого существования свойство коммуницируемости. Это свойство обуславливается способностью человека отбирать и связывать друг с другом элементы непосредственного опыта, относящиеся к различным уровням: переживание и выразительность. Предполагается, что все живые существа обладают трансформационными механизмами, переводящими значимые для индивида и рода переживания во внутренние концепты, а затем в знаки и в символы, имеющие внешние выражения и доступные для восприятия другими.
2. Сфера представлений порождает собственную структуру: она организует составляющие ее следы переживаний и, свою очередь, организуется ими, их логикой, связями с порождающими их импульсами. Она не сводима ни к реальности как таковой, ни к миру символов. Ее можно отнести к промежуточному между ними уровню воображения, где проектируются связи между реальностью и символом, отношения между обозначаемым и обозначающим.
3. Для установления связи между вещами, переживаниями, ситуациями, воспринимаемыми людьми, с одной стороны, и их интересубъективным обозначением — с другой, выделяются определенные процедуры. Сходство элементов реальности определяется по предметам, повторяющимся и воспринимаемым каждый раз при встрече с ними. Каждое такое сходство — внешнее или внутреннее — отмечается людьми при обмене информацией и приобретает интересубъективную форму знака.

Внешнее сходство фиксируется в маркировании определенных вещей одним и тем же знаком. Внутреннее сходство устанавливается характерным для знака отношением обозначаемого к обозначающему.

4. Формирование внутренней формы, структуры знака можно описать с помощью трех основных параметров. Первый из них — это происхождение связи между обозначаемым и обозначающим. Знаки формируются в процессах взаимодействия людей с элементами окружения, когда есть основания для формирования их конвенциональных заместителей. Второй — это форма связи между обозначаемым и обозначающим. Процесс ее установления начинается с выделения значимых элементов восприятия. Затем из них выделяется наиболее репрезентативный, т. е. указывающий на факт реальности, с одной стороны, и выразительный — с другой. Наконец он отделяется от исходного восприятия и начинает, в качестве самостоятельного объекта, представлять его в целом. Третий параметр — это надежность связи между обозначаемым и обозначающим, подтверждаемая в процессах коммуникации.
5. Символические области структурируются в культуре несколькими различными способами. Для межличностных коммуникаций используются такие формы демонстративного поведения, как лексика, интонирование, мимика, жестикация, проклемика. Для проведения социальных различий к этим коммуникативным характеристикам добавляются особенности внешнего вида, личных вещей, территории, форм активности, которыми подчеркивается групповая идентичность. В искусстве символизация определяется художественным стилем; в философии и науке — познавательной парадигмой; в религии — доктринальными принципами вероучения.
6. Знаки и символические области формируют языки культуры, представляющие собой организацию многообразия представлений об окружении в от-

дельные социальные целостности, имеющие свои границы, внутреннюю структуру, символические формы выразительности, правила комбинирования соответствующих знаков и символов. Область расположения таких языков находится между людьми и окружением и существует как область зафиксированных значимых для людей позиций в их отношениях с окружением. Соответственно, они образуют определенные культурные пространства, отличные друг от друга по характеру обозначаемых и кодом, трансформирующим их в обозначающие.

7. Языки культуры используются для построения культурных схематизмов, образующих и поддерживающих порядок в определенных классах социально значимых ситуаций. Представлены такие важные для существования культуры порядки, как телодвижения, пространственность, институты, способы познания, письмо, соотношение реального и несуществующего.
8. Основания представленного теоретического направления, называемого структурализмом, позволяет моделировать порождение знаков и символов, значений и смыслов в рамках уже существующего символического мира. Они также позволяют проводить различия между важнейшими для культуры символическими порядками.

Контрольные вопросы

1. Что составляет предмет и каковы объекты структуралистского анализа?
2. Как теоретически описывается связь между «естественным» переживанием человека и представлением? Концепция представления.
3. Как можно теоретически описать связь представления и знака?
4. Каким образом можно теоретически представить формирование символов и какова их функция в культуре?

5. Как происходит построение высказывания?
6. Что представляют собой невербальные языки культуры и каковы их функции в соотнесении с вербальным языком?
7. Для чего существует концепция символических порядков?
8. Какие классы задач, связанных с изучением динамики культуры, можно решать с помощью структурного подхода?
9. Выберите в рамках этих классов задач наиболее интересную для вас и постройте модель программы научного исследования.

ЧАСТЬ III
ДИНАМИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ
ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ

В предыдущем разделе были представлены два основных класса фундаментальных областей порождения культурных феноменов. Во-первых, была выделена необходимость удовлетворения потребностей и запросов, связанная с формированием функциональных единиц и объединяющих их систем социального взаимодействия. Во-вторых, рассматривалась необходимость трансформации социально значимых стимулов и переживаний в идеациональные единицы, объединяющиеся в определенные символические языки и порядки. Однако речь шла лишь о механизмах порождения единиц обоих классов и о представленности в культуре этих систем и порядков. Вопросы о том, как, раз возникнув, такие единицы становятся культурным фактом, затем, как они объединяются в устойчивые культурные образования, каковы механизмы их существования и т. п., не затрагивались.

В данном разделе речь пойдет о том, что составляет основу культурной среды, порождающей, поддерживающей, изменяющей искусственные объекты, о механизмах, с помощью которых они существуют, функционируют, транслируются от поколения к поколению. Короче говоря, будут рассмотрены процессы культурной коммуникации, обмена культурной информацией в ситуациях социального взаимодействия. Культурная коммуникация будет представлена в двух ее важнейших аспектах. Вначале будут рассмотрены структуры и динамика обмена информацией в процессах совместной деятельности людей. Соответственно коммуни-

кативные связи представляются как динамическое поле существования и трансформаций функциональных и символических объектов. Затем будут проанализированы способы освоения индивидом его культурной среды, то есть механизмы трансляции культурной информации, действующие при контактах индивида с другими людьми и объектами культуры. В этой связи центральными категориями, представляющими такого рода процессы, являются понятия социализации и инкультурации.

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА**

Психологическая антропология — это дисциплина, в рамках которой изучается, каким образом индивидуум приобретает культурные навыки, культурную компетентность и как происходит обмен культурной информацией в процессах социального взаимодействия. Эта область познания объединяет элементы биологии, психологии, психиатрии, социологии, лингвистики, на базе которых осуществляется как отбор, так и интерпретация данных.

На протяжении всего XX в. психологическая антропология двигалась по пути формирования эмпирических обобщений высокого уровня, построения общих гипотетико-дедуктивных теорий. Сложилась и требования к подобного рода теориям: они должны объединять индивидуальный и социальный уровни рассмотрения человека и обеспечивать основания для объяснения человеческого поведения в его двойной детерминированности — врожденными и приобретенными в обучении факторами, а также для интерпретации личностных проявлений с точки зрения окружающих ее и освоенных ею культурных форм. При этом можно заметить, что модели объяснения тяготеют к одному из двух полюсов: либо к психологическому с акцентом на связь психических и индивидуальных характеристик с культурными феноменами, либо к социальному, где основное внимание уделяется непосредственным культурным контекстам социального взаимодействия. Со-

отношение этих двух тенденций и будет представлено ниже. Вначале речь пойдет о когнитивистской области психологической антропологии в связи с обсуждением вопроса о том, как функциональный и символический уровни культуры поддерживаются благодаря культурной коммуникации. Соответственно предметом рассмотрения становятся способы, с помощью которых в поведении индивидов выражается то, что можно определить как факты культуры, культурных изменений, культурного разнообразия. Рассмотрение индивидуального поведения в процессах социального взаимодействия как микроуровня, на котором определяются классы явлений, составляющих параметры макрофеноменов, позволяет перейти от описания «психологических коррелятов» культуры к объяснению формирования и существования устойчивых культурных образований.

Будет представлено и другое направление, где решается еще одна центральная задача психологической антропологии: выяснение природы взаимозависимости между личностными характеристиками людей и чертами их культуры, рассмотрение процессов становления личности, социализации.

Вначале речь пойдет о социокультурной среде, создаваемой социальным взаимодействием, условий, в которых люди порождают и используют функциональные символические единицы, условий, которые повышают стабильность социальных и культурных систем и в то же время обеспечивают нововведения в них.

Исследование процессов социокультурного взаимодействия на уровне малых групп, организационных структур, на непосредственном межиндивидуальном уровне продолжалось на протяжении всего XX в. В 30 – 40 гг. XX в. выделилось специальное направление изучения групповой динамики, где основным предметом интереса были формальные аспекты обмена информацией в процессе выработки решения в малых экспериментальных группах. Это направление дало интересные результаты, прояснившие зависимости скорости и точности информационных обменов от количественного состава группы, ее внутренней дифференциации, структуры. С этими же характери-

ками соотносилось качество процессов и результатов выработки решений. Значительный вклад в изучение социального взаимодействия внесли исследования Чикагской школы, обращенные на неформальные группы общения низших классов в условиях крупных городов. В рамках этого направления рассматривались такие вопросы, как поддержание границ группы по отношению к «другим», групповая солидарность, распределение ролей, лидерство, идентификация в группе.

Продолжался также сбор традиционно этнографического материала. Исследователи накапливали результаты наблюдений о коммуникации в различных структурно разных культурах, о содержательных характеристиках поведения людей в различных социально значимых ситуациях, о связи между социальными позициями людей и стилем их поведения по отношению друг к другу. Значимость этого типа исследований продолжала возрастать на протяжении всего XX в. по мере расширения межкультурных контактов с увеличением влияния транснациональных корпораций, изменениями на уровне международной политики, интенсификацией миграционных процессов.

Сильным стимулом в развитии научных представлений о влиянии символических структур на членов общества стали исследования в области массовой коммуникации и массовой культуры. Результаты такого рода исследований позволили установить зависимости между предпочтениями источников информации, характеристиками этих источников и внутренней дифференциацией аудитории; между применяемыми коммуникатором (источником информации) средствами воздействия на аудиторию и изменениями в ее отношениях к освещаемой теме в сообщениях. Многое прояснилось относительно распространения и степени устойчивости символических структур, их влияния на поведение людей. Во всяком случае, работы подобного характера позволили показать наличие глубоких зазоров между тем, что люди говорят, и тем, что они делают, а также между условным миром символов и рутинной областью обыденной жизни.

Постепенно экспериментальный и полевой уровни исследований непосредственных социальных взаимодействий сближались. Это стало особенно очевидным в конце 60 – 70-х гг. XX в. с развитием этнометодологических и феноменологических исследований естественной речевой коммуникации между людьми. Их результаты позволили сформулировать и проверить ряд интересных гипотез о культурных порядках, характерных для повседневной жизни людей, для сетей межличностных отношений, и выделить общие факторы и механизмы, обуславливающие воспроизведение порядков.

Совокупность всех этих и ряда других, смежных (например, изучение общественного мнения, коммуникация в организациях и др.) или более частных (например, социометрия), направлений исследования обусловила формирование особой области исследования, которую можно назвать сферой социальной и культурной коммуникации. Этот уровень исследования постепенно отслоился от концепции социального взаимодействия как ее составляющая. Он связан с изучением социальной активности людей, направленной не столько на жизнеобеспечение или формирование предметной среды, сколько на воспроизведение общественных отношений в процессе обмена информацией и культурных форм такого обмена. Тематика исследований такого рода к настоящему времени приобрела следующие ориентации:

- изучение осознанных, имеющих культурную форму выражения, и неосознаваемых, невольно проявляемых представлений, распространенных у большинства носителей определенной культуры;
- изучение осознанных представлений и неосознанных побуждений, разделяемых членами общества и управляющих их действиями в дифференциальных организованных группах и неорганизованных коллективах (толпа) в определенных социально значимых ситуациях;
- изучение структур социокультурной коммуникации, соответствующих различным социально значимым ситуациям, субкультурам и специфичным культурам.

Общая концепция коммуникации

Процессы и структуры социокультурной коммуникации будут рассмотрены с позиций когнитивной ветви психологической антропологии. Здесь изучаются социально значимые разделяемые представления, идеи, распространенные в определенной группе, общности, культуре. На основе анализа материалов, связанных с различными индивидуальными и групповыми (семья, локальная общность) носителями таких представлений, с различными типами культур («примитивные», «цивилизованные», «бесписьменные», «городские», «индустриальные» и т. п.), выстраиваются модели определенных когнитивных (познавательных) структур, базирующихся на антропологически универсальных принципах, порождающихся и воспроизводящихся в коммуникативных процессах. Следует подчеркнуть, что в отличие от психологии, где объектом изучения является психика как таковая, здесь центральное внимание уделяется личности в среде. Предмет исследования — модели поведения личности в ситуациях социального взаимодействия — позволяет рассматривать личность и ее культурное окружение одновременно. Главная тема исследовательской работы связана с выявлением закономерностей использования индивидами стандартных образцов поведения, отношений, суждений в организации коммуникативных процессов в типичных ситуациях социального взаимодействия.

Такие ситуации рассматриваются в когнитивистских терминах с трех основных точек зрения: условия, взаимосвязи, выразительные средства коммуникации.

Коммуникативные процессы играют в социокультурной жизни ключевую роль. Именно в ходе социального взаимодействия и сопровождающего его информационного обмена порождаются разделяемые представления и их символические объективации. В этих процессах складываются и приобретают видимые устойчивые культурные формы социокультурные функции и их структурное воплощение: образ-

цы взаимодействия и поведения, ценности, нормы, институты. Это среда для поддержания и трансляции разделяемого культурного опыта в закрепляющем его знаковом, поведенческом, организационном выражении. Но это также поле для индивидуального и группового экспериментирования культурными элементами, область порождения и распространения культурных изменений, где культурными фактами становятся те объекты функционального и символического содержания, о которых говорилось в двух предыдущих разделах.

При изучении такого рода феноменов принято различать межличностные и межгрупповые процессы коммуникации. «На одном полюсе... находится взаимодействие двух и более индивидов, полностью детерминированное их межличностными связями и индивидуальными характеристиками и полностью независимое от групп и культурных категорий, к которым они принадлежат. Другому полюсу соответствует взаимодействие между двумя или более индивидами (или группами индивидов), полностью детерминированное их принадлежностью к различным группам и категориям и независимое от межиндивидуальных личностных связей»¹. Разумеется, здесь подразумеваются идеально-типические конструкции, не имеющие полных аналогов в реальности. Однако такая идеализация помогает более четко идентифицировать акцент в организации коммуникативных ситуаций. Хотя следует подчеркнуть, что в обоих случаях речь идет о взаимодействии только между индивидами, ибо помимо него невозможны никакие межгрупповые контакты.

Межиндивидуальная коммуникация любого типа рассматривается как процесс, регулируемый определенными социокультурными закономерностями, с одной стороны, и культурно установленными правилами — с другой. Этот принцип рассмотрения предмета нашел отражение в терминах «транзакция» и «транзак-

¹ *Tajfel H., Turner Y. One integrative theory of intergroup conflict // Austin W., Worchel S. (eds.). The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey, 1979. P. 34.*

циональный». Они используются для обозначения этих двух важных аспектов коммуникации. Во-первых, подразумевается, что отбор и использование информации участниками взаимодействия происходят под влиянием как внешних воздействий (стимулов), так и внутренних состояний. Во-вторых, предполагается, что в ходе коммуникации люди оказывают влияние на поведение друг друга. Таким образом, транзакционный подход к коммуникативным процессам базируется на допущении, что в их ходе люди постоянно предлагают друг другу собственные определения ситуации и своего места в ней, а также реагируют на аналогичные определения партнеров. Преимущество такого подхода к коммуникации состоит в преимущественном внимании к тому, что происходит между участниками, а не их внутренние состояния; механизмы социального взаимодействия. Следует подробнее остановиться на каждом из этих аспектов.

Внешние детерминанты коммуникативных процессов. Принято выделять четыре измерения социальных отношений, которые представляются универсальными, то есть существующими во всех культурах и определяющими социальное взаимодействие:

- ассоциация диссоциация (объединение — разъединение); ассоциирующее поведение включает в себя готовность к помощи поддержке, кооперации; диссоциирующее поведение предполагает борьбу или игнорирование другого;
- господство — подчинение (суперординация — субординация); поведение господства включает в себя критичность, стремление распоряжаться; поведение подчинения предполагает просьбы о помощи, стремление соглашаться и слушаться;
- интимность — формальность; интимное поведение включает в себя стремление раскрыть себя, выразить эмоции, вступить в тактильный контакт; формальное поведение предполагает сведение действий к внешним стереотипным, эмоционально нейтральным проявлениям;

— открытость — скрытность; открытое поведение является видимым, наблюдаемым для других; закрытость (скрытность) предполагает минимизацию внешних проявлений¹.

Исследования свидетельствуют о том, что такие характеристики поведения как афiliation (объединение, ассоциация) и доминирование (господство), представляющие собой социально-структурные универсалии, не претерпели видимых изменений своего места в культуре в течение последних трех тысяч лет. Интимность и открытость, будучи связующими универсалиями, подверглись значительным изменениям как структурного (место в культуре), так и содержательного (способы и интенсивность проявления) характера. В этом пространстве социальных отношений обычно и исследуются коммуникативные процессы.

Теперь следует выделить те функции, которые должны реализоваться, чтобы такие процессы осуществлялись. Чаще всего имеется в виду следующий их набор: трансляция межличностных установок; выражение эмоциональных состояний; регулирование беседы, обмена информацией и ритуалами; регуляция самопрезентации. Все эти функции можно объединить общей категорией, характеризующей ситуацию взаимодействия и отличающей ее от ситуации случайного столкновения людей, — «межличностная синхронизация». Эта категория характеризует постепенное сближение ритмов вербальных и невербальных проявлений у участников взаимодействия. Такая синхронизация становится основой для структурирования процесса, придания ему культурно стереотипизированной формы.

При рассмотрении невербального аспекта стереотипизации выделяются измерения, устанавливающие ее границы: индивидуальность — коммунальность, доступность — недоступность, которые управляют использованием смешанных невербальных сигналов. Динамические характеристики синхронизации поведе-

¹ Triandis H. Interpersonal Behavior. Monterey, 1977. Idem. Some universals of social behavior // Personality and Social Psychology Bulletin, 1978. № 4.

ния в этих измерениях определяются набором допущений, позволяющих систематическим образом подойти к формированию границ ситуаций взаимодействия:

- в процессе взаимодействия намерения и активность его участников разнонаправлены, что подразумевает возникновение различных напряжений, связанных с их рассогласованностью;
- эти разнонаправленные намерения и действия в системе социального взаимодействия помогают определению друг друга и поля возможных согласований;
- связи между актами и намерениями участников взаимодействия носят динамический характер — изменения возникают в зависимости от времени и обстоятельств.

Таким образом, формируются основания для дифференциации коммуникативных процессов, определяющей сложность структуры коммуникативной системы в обществе. Менее дифференцированная система имеет относительно однородную структуру коммуникативных единиц; более дифференцированную систему характеризует многообразие структур и ситуаций социальной коммуникации.

С увеличением степени дифференциации растет специализация типов активности участников коммуникативных процессов и разделение психологических их аспектов, например, познание отделяется от аффектов и поведения. Когнитивная (познавательная) активность, базирующаяся на увеличивающейся дифференциации, характеризуется относительной независимостью от непосредственного опыта, более низким уровням дифференциации соответствует «полевая зависимость» индивидов. В первом случае предполагается дифференцированный и аналитический тип мышления; во втором — диффузные общие представления.

Внутриличностные детерминанты коммуникативных процессов. Культурные факторы, проявляющиеся в ситуациях обмена информацией, влияют на коммуникативные побуждения (интенции) участников взаимодействия и их понимание себя, друг друга и ситуа-

ции. Побуждения определяются как предписания коммуникативного поведения, задаваемые участниками в конкретных ситуациях самим себе. Понимание предполагает способность в этом контексте описать, предсказать и объяснить внешние стимулы, включая поведение других. Понимание находится в отношении обратной связи с культурными когнитивными процессами, то есть приращение знания об элементах ситуации и их зависимостях проясняет для участников значение и смысл того, что в ней происходит.

Итак, основу коммуникации составляют стремление к пониманию того, что происходит, привычки, познавательные или эмоциональные побуждения.

Говоря о дифференциации межличностных и внутриличностных аспектов коммуникативных процессов в культуре, можно выделить некоторые важные определяющие ее факторы. Во-первых, разнородность когнитивных моделей переработки информации: предпочтительных стратегий убеждения, стилей регулирования напряженности, самоощущений, эмоций, привычек. Во-вторых, несходство норм, правил, ролей; использования языка; сред взаимодействия (пространства, включая территориальность, приватность, скученность); коммуникативных затруднений, навыков, облегчающих коммуникацию. В-третьих, разноплановость осознанных и неосознаваемых компонент коммуникации. Осознаваемая их часть связана с построением участниками стратегий поведения, рациональным определением целей и результатов процессов, оценкой их эффективности. Неосознаваемая часть обусловлена стереотипными, автоматическими элементами поведения; бессознательными побуждениями участников; незамечаемыми ситуативными факторами.

Благодаря такому структурному представлению о коммуникативных процессах можно ставить вопрос об изучении формирования культурных образцов, или конфигураций (*patterning, pattern formation*), то есть образования устойчивых форм взаимодействия, включающих соответствующие наборы стереотипов поведения, отношений, действий, суждений и т. п. Начиная с Р. Бенедикт эта тема занимает важное место в куль-

турной антропологии. Такое формирование осуществляется в процессах социального взаимодействия, главным образом на групповом уровне, хотя возможны конфигурации поведения, порождаемые и благодаря множественным случайным столкновениям людей. В таком контексте складываются привычные формы активности, облегчающие людям в определенных ситуациях, требующих совместных действий, вход, выход и адекватные действия; позволяющие им экономить усилия благодаря тому, что они могут пользоваться уже заученными стереотипами. Предполагается, что освоение таких образцов является фактором, формирующим способы чувствования, мышления, действия личности, ее устойчивые структурные составляющие, такие как черты характера, преимущественные эмоциональные состояния, интеллектуальная предрасположенность по отношению к оценке внешних событий и т. п.

Коммуникативное поведение и его культурно установленные образцы, формы имеют символическое выражение. Символ, как уже отмечалось, означает специально используемое выразительное средство, замещающее или представляющее социально значимый реальный феномен. При этом следует особо подчеркнуть его конвенциональную, коммуникативную природу. Не существует естественных связей между символом и референтом — эти связи искусственны, относительны и варьируются от культуры к культуре, от группы к группе.

Далее все эти общие представления о коммуникативных процессах будут развернуты более подробно и в динамическом аспекте. Сейчас же следует сделать одно важное замечание методологического свойства. Интерпретация и объяснение удач и неудач межличностных контактов, предсказание того, приведут ли определенные коммуникативные процессы к изменениям или сохранению социокультурных стереотипов, зависят от исследовательского акцента на социологическом или психологическом видениях ситуации. В обоих случаях принимается во внимание, что социальное взаимодействие и коммуникация протекают по некоторым культурным правилам. Однако социологическая

интерпретация эффективнее тогда, когда исследователь имеет дело с субъектами взаимодействия — представителями одной культуры или социокультурной группы, осведомленными о содержании этих правил. Психологический акцент более уместен там, где речь идет о взаимодействии людей, не разделяющих общих правил, то есть ситуациях, где каждый из участников руководствуется собственными правилами.

■ Субъекты социокультурной коммуникации

«Я-концепция». Рассматривая коммуникативные процессы как динамичную социокультурную среду, благоприятную для порождения и распространения различного рода вариаций, отклонений, изменений образцов поведения, деятельности, взаимодействия, важно принимать во внимание, что единственным источником всех этих порождений являются люди, находящиеся в разного рода отношениях друг с другом. Соответственно необходимо иметь концептуальную представленность индивида в этих процессах, которая теоретически позволила бы дифференцировать их в соответствии с выделением индивидуальных вкладов их участников. Среди таких теоретических конструктов представление людей о себе, или «я-концепция», занимают значимое место. «Я-концепция» предполагает, что у индивида существует некое внутриличностное ядро — «я», — отбирающее и интегрирующее значимую и отбрасывающее незначимую для него информацию.

Под понятием «я» подразумевается системообразующее начало в отношениях индивида с окружением. Оно используется для самообозначения отдельного, индивидуального лица, но не «личности» или набора факторов, составляющих личность. Понятие «я» обычно подразделяется на два значения: номинативное — «я» как субъект и аккузативное — «я» как объект. «Я» как объект включает в себя идеи «я» как социального объекта для других и «я» как социального (и психологического) объекта для себя.

Личностная идентичность. Эти представления формируются у индивида по мере его участия в различных социальных группах.

Социальной группой называется двое или более индивидов, разделяющих общие интересы, культурные ценности и идентификацию, воспринимающих себя носителями сходных отношений к окружению и т. п. Когда к индивидам приходит осознание принадлежности к одной или нескольким социальным группам, начинает формироваться их социальная (культурная) идентичность. Социальная идентичность определяется как та часть индивидуальной «я-концепции», то есть представления человека о себе, которая является производной знания о принадлежности к социальной группе, а также ценностной и эмоциональной значимости такой принадлежности. Часть «я-концепции», не объясняемая социальной идентичностью, называется личной идентичностью. Целесообразно также проводить различие между публичным «я» и приватным «я». Приватное «я» есть часть «я-концепции», известная только самому индивиду, тогда как публичное «я» известно другим.

Когда в коммуникативном процессе доминирует социальная идентификация, можно говорить о межгрупповой коммуникации. Соответственно для межгруппового поведения в отличие от межличностного характерно то, что тип контроля здесь — это социальные нормы, групповые ценности и стереотипы поведения, а не личностные предпочтения и эмоции.

Индивидуалистический взгляд на «я» предполагает, что это самодовлеющее единство, существующее вне зависимости от групп принадлежности. На это, например, обращает внимание К. Гирц, говоря о понимании личности в западной культуре «как имеющей границы, уникальном, более или менее интегрированном мотивационном и когнитивном универсуме, динамическом центре познания, эмоций, суждений и действий, организованных в выделенную целостность, противопоставляющую себя другим подобным целостностям, а также социальным и природным основани-

ям»¹. В индивидуалистических представлениях самоактуализация и самореализация, самоуважение через личные достижения являются значимыми личностными целями. При коллективистских ориентациях этот концепт также существует, однако обозначает иной универсум, где самоощущение индивида базируется на социальной оценке его места в системе межгрупповых и межличностных отношений.

Лицо. В исследовании коммуникативных процессов выделяется еще один концепт, характеризующий индивидуальную специфику человека в его отношениях с другими. Это концепция «лица», которая в том или ином выражении встречается практически в каждой культуре. Она обозначает «публичный я-образ», который стремится утвердить индивид, которым можно наделять, который может быть утерян, за который можно бороться и который может быть дарован. Можно считать его своеобразным культурным знаком «я», размещенным в потоке коммуникации и разделяющим его на адекватные и неадекватные, благоприятные и неблагоприятные для индивида события. Лицо представляет собой проекцию «я» на ситуацию, предполагающую отношения с другими, идентичность, совместно определяемую участниками взаимодействия. Это своеобразный «экран», регулируя «прозрачность» которого, индивид в большей или меньшей степени выражает в коммуникативных процессах свои подлинные черты, мысли, чувства, намерения.

Социальная идентичность. Социальная идентичность определяется как та часть «я-концепции» индивида, которая является производной осознания и оценки им своей принадлежности к социальной группе (или группам). Она базируется на разделяемых социальных представлениях и репрезентациях.

Теоретическая концепция социальной идентичности основывается на допущении о том, что индивиды ищут подтверждения относительно своей групповой принадлежности во взаимодействии с другими. Они

сравнивают свою группу с другими группами и взаимодействуют с их членами таким образом, чтобы представить свою группу в благоприятном свете с точки зрения ценных в обществе параметров (например, экономическая позиция, власть и т. п.). Когда групповая принадлежность воспринимается как социально более ценная, чем пребывание вне группы, у ее членов формируется позитивная социальная идентичность.

Существуют эмпирические свидетельства того, что групповая принадлежность важна для определения «я-концепции» более при коллективистских, чем при индивидуалистических культурных ориентациях. Исследования также указывают на то, что акцентирование собственной этнической идентичности скорее свойственно группам меньшинств, нежели основному населению. То же относится и к другим типам групповых идентификаций. Есть также основание полагать, что социальная идентичность значительно важнее для самих членов сообщества, чем для их социального окружения.

Существенное влияние на характер коммуникативного процесса оказывает предрасположенность человека уделять больше внимания своим переживаниям или же ситуации и происходящим в ней событиям. Этот механизм информационного обмена определяет три возможных типа личностных состояний в таком процессе. Во-первых, приватность сходная с концепцией интраверсии. К. Юнга, связанная с повышенным вниманием к внутренним мыслям и чувствам. Во-вторых, публичность, которая, напротив, предполагает представление о себе в связи с другими и аналогично отношению к «я» как к социальному объекту (Дж. Г. Мид). В-третьих, социальная тревожность, обозначающая дискомфорт в присутствии других. Публичность и приватность относятся к процессу самоопределения в процессах социального взаимодействия, тогда как социальная тревожность предполагает ориентацию индивида на коммуникативный процесс как на средство снижения ощущения неопределенности ситуации и своего места в ней.

Механизм регулирования коммуникативного процесса, состоящий в самонаблюдении и самоконтролировании индивида в ответ на сигналы о соответствии поведения социальным нормам и правилам называется «я-мониторингом». Его действие связано с уменьшением неопределенности ситуации.

Представления о других. Социальное познание относится к тому, «как люди думают о людях» и базируется на таких когнитивных процессах, как построение абстракций, выводов, категоризаций относительно будущих партнеров по коммуникации. Для различных культур характерны свои основания переработки информации «о других», которые базируются на антропологических принципах познания, но варьируются в зависимости от принятых стандартов.

Они определяют, как отбирается информация о других, как она обобщается и организуется, как комбинируются ее противоречивые фрагменты.

В этом отношении значительная роль принадлежит стереотипным представлениям о других. Стереотипы возникают благодаря процессу типологизации и относятся к разделению людей на категории в соответствии с индивидуализирующими элементами (раса, этническая группа, конфессиональная принадлежность, возраст, пол). Они формируются в процессах коммуникации в качестве символических обобщений и становятся социальными тогда, когда конвенционально разделяются большинством членов сообщества. Как показывают исследования, необходимость в таких символах возникает при столкновении с посторонними в гораздо большей степени, чем с хорошо знакомыми. Стереотипные представления о других группах детерминированы, во-первых, степенью знакомства, во-вторых, количеством и качеством контактов с ними. На этой базе складываются предубеждения и этноцентризм, определяющие дискриминационное поведение по отношению к членам других групп.

В коммуникативных процессах стереотипы выполняют ряд специфичных функций:

- стереотипизация предполагает когнитивные ограничения, обусловленные иллюзорной кор-

- реляцией между членством в группе и психологическими атрибутами;
- стереотипы влияют на переработку информации в том смысле, что о своей группе более запоминается позитивная информация, а о чужой — негативная;
 - стереотипы порождают ожидания (гипотезы) относительно других, и люди стараются найти им подтверждение;
 - стереотипы ограничивают коммуникативное поведение других тем, что подтверждает стереотипные представления о них.

Коммуникация как средство снижения уровня неопределенности ситуации

Порождение и функции коммуникативных процессов связаны со стремлением людей к уменьшению неопределенности в ситуации взаимодействия. Обычно люди, вступая в коммуникацию, строят прогнозы о результатах, или «выходах», своего коммуникативного поведения, то есть о реакциях других на выбранную ими стратегию поведения. Основное допущение концепции уменьшения неопределенности состоит в том, что индивиды пытаются более точно знать в отношении других, когда от них можно ожидать вознаграждения или наказания, отклонений в поведении, окончания и возобновления ситуаций взаимодействия.

Неопределенность предполагает неспособность индивидов к предсказанию по поводу себя и других в отношении, во-первых, представлений и оценок (когнитивная неопределенность), во-вторых поведения (поведенческая неопределенность). Уменьшение неопределенности, соответственно, предполагает построение индивидом предсказаний (до начала действий) и объяснений (после их совершения) этих аспектов коммуникации.

Организация коммуникативных процессов в значительной степени детерминирована таким побуждени-

ем. Наличие этого культурообразующего фактора как универсального подтверждено сравнительно-культурными исследованиями. Они помогли установить взаимосвязи между степенью неопределенности ситуации, с одной стороны, и интенсивностью коммуникации, поиска информации, сходством между участниками — с другой. Все три фактора способствуют уменьшению неопределенности в ситуации. Обнаружена закономерность, согласно которой количество вопросов, задаваемых друг другу незнакомыми людьми, уменьшается во времени, что также свидетельствует о снижении степени неопределенности.

При высоком уровне неопределенности ситуации реакции собеседников на прямые вопросы, связанные с поиском информации, обнаруживают низкий уровень интимности, а значимость межличностной привлекательности уменьшается. Неопределенность, однако, порождает высокие степени побуждений к взаимности, увеличивается тенденция к самораскрытию, то есть в ответ на то, что другие доверяют им, люди начинают давать больше информации о себе.

В своих работах К. Бергер выделяет три стратегии, используемые индивидами для уменьшения неопределенности:

- пассивная — наблюдение за другими без вмешательства в процесс взаимодействия (сравнение, выявление реакций на различные стимулы и пр.);
- активная — усилия, направленные на получение информации (вопросы к другим, касающиеся предмета интереса и структурирования ситуации);
- интерактивная — непосредственное взаимодействие с теми, о ком собирается информация (выспрашивания, попытки раскрыть себя, обнаружение обманов)¹.

¹ Berger C. Beyond initial interactions: Uncertainty, understanding and the development of interpersonal relationship // Giles H. St., Clair R. (eds.). Language and Social Psychology. Oxford, 1979.

Уменьшение неопределенности делает возможным понимание ситуации. Как уже говорилось, термином «понимание» обозначается восприятие значений, знание, обобщение, интерпретация и получение информации. Выделяются три уровня понимания: описание, предсказание и объяснение¹. Описание подразумевает представление наблюдаемого в терминах физических характеристик (например, передать картину словами). Предсказание означает построение будущего состояния ситуации. Объяснение предполагает ответ на вопрос, почему нечто произошло. Таким образом, понимание означает способность людей делать точные описания, предсказания и объяснения. Последовательные снятия неопределенности в коммуникативных ситуациях обуславливают формирование культурных факторов, определяющих типичные условия социального взаимодействия. Их можно распределить по следующим категориям: цели и их структуры; формы и правила; роли, репертуар или элементы поведения, их последовательность; характер коммуникативных сетей.

Нормы, правила, роли и коммуникативные сети влияют на то, как кодируются и декодируются вербальные и невербальные сообщения.

Коммуникативные нормы. Они представляют собой предписывающие принципы обмена информацией, которым подчиняются представители определенной культуры. Нормы характеризуются следующими атрибутами: коллективная оценка коммуникативного поведения с позиции должного; коллективная интерпретация того, каким должно быть поведение в конкретной ситуации взаимодействия; особые реакции на поведение человека, включая санкции, побуждающие его к определенным действиям в такой ситуации.

Правила. Нормы существуют как моральные и этические обязательства, налагаемые на человека. В отличие от них правила носят инструментальный характер; они ситуативны, непринудительны и служат

¹ Berger C., Gardner R., Parks M., Schulman L., Miller G. Interpersonal epistemology and interpersonal understanding // Ruben B. (ed.). Communication Year book 2. New Brunswick, 1976.

для координации действий людей в типичных ситуациях. Правила обозначают ожидаемое или преднамеренное поведение и его результаты, очерчивают набор взаимосвязанных функций, предназначенных для упорядочения и наделения значением социального взаимодействия. Они устанавливают наборы взаимных ожиданий, делая таким образом поведение каждой личности предсказуемым и понятным для других, взаимозаменяемым в обстоятельствах, к которым они относятся. В то же время правила могут нарушаться и в отличие от отклонения от норм это не влечет за собой применения жестких негативных санкций.

Чтобы определить, что поведение обусловлено правилами, следует обнаружить показатели того, что: поведение контролируется; носит регулярный характер; предписано и стереотипизировано. Правила, таким образом, оформляют уровень ожиданий в ситуации взаимодействия, позволяя отделять соответствующее ей поведение от несоответствующего.

Правила варьируются по четырем измерениям: уровень понятности; четкость; ранг; однозначность правил или консенсус (согласие) относительно их значения. Чем больше у людей надобность в координации совместной активности, тем выше степень точности и понятности правил. Четкость правил означает степень спецификации действий, требуемых или разрешаемых в ситуации. Ранг правил указывает на широту охвата качественно различных ситуаций, где определенные действия разрешены или требуются. Правила варьируются также и по степени консенсуса. Однозначность системы правил характеризует точное понимание и стандартное использование их участниками коммуникативной системы.

Роли. Ролью называется набор функционально обусловленных действий и поведенческих ожиданий, связанных с конкретной позицией в группе. Роли включают в себя определенные социокультурные нормы и правила.

Характер ролевых отношений определяется следующими взаимосвязанными переменными: степень личностной включенности в отношения; степень формальности поведения, ожидаемая от участников взаи-

модействия; степень допускаемого отклонения от «идеального» ролевого поведения.

В контексте ролевого поведения важное место принадлежит локусу его контроля. Это важный механизм формирования сообщений и упорядочения процесса обмена информацией. Когда ролевое поведение определяется как функция собственной активности индивида, можно говорить о внутреннем локусе контроля. Когда такое поведение в основном не зависит от индивидуальных решений, речь идет о внешнем локусе контроля.

Коммуникативные сети. Социальными, или коммуникативными, сетями называются конфигурации личностных связей, благодаря которым осуществляется обмен информацией. Более конкретно определяются как наборы перекрывающихся межиндивидуальных диадических связей, фокусирующихся на определенном лице или лицах.

Принято выделять четыре структурных элемента, характеризующих социальную сеть:

- размер — число тех включенных в сеть индивидов, с которыми центральное лицо находится в контакте;
- взаимная симметричность — степень, до которой обмен между двумя лицами осуществляется на базе равенства;
- многозначность — степень содержательного разнообразия сообщений, которыми обмениваются люди, находящиеся в связи;
- плотность (интеграция) — степень интенсивности и частота взаимодействий участников сети.

Изучение коммуникативных сетей открывает большие возможности для понимания процессов диффузии, распространения культурных инноваций и изменений. Коммуникация является значимым, но отнюдь не достаточным фактором изменения. Необходимы лидеры мнений, связывающие части социальной системы в сети непосредственных связей, нормы которых благоприятствуют изменениям. Необходимо, чтобы внешняя по отношению к сети информация поступала через лидеров мнения в сообщество и была воспринята. Только тогда изменение может быть инициировано.

Важной чертой коммуникационных сетей является их оценка по шкале «гомофильность — гетерофильность», то есть оценка того, насколько они открыты к признанию правомерности существования иных моделей культуры, иных норм и ценностей, нравов и обычаев. И хотя одной гетерофильности (склонности принимать другие культуры с интересом) недостаточно для того, чтобы породить изменение в сообществе, она помогает изменению, становится его важным условием, если лидеры мнений сообщества активны в трансляции внешней информации внутрь него. Если же нормы сообщества препятствуют изменению и его лидеры мнений поддерживают эти нормы, попытки навязать изменения извне не будут успешными.

Неопределенность и концепция времени. Культуры, субкультуры и даже отдельные культурные ситуации различаются характерными для них представлениями о времени. Степень неопределенности ситуаций социального взаимодействия, культурная среда коммуникации существенным образом характеризуются временными параметрами (Дж. Джонс, Р. Ле Вин, И. Т. Холл). Сравнительно-культурные исследования позволили выделить две типичных временных модели: монохронную и полихронную, которые представляют собой совершенно различные представления о времени, схемы его восприятия.

Для полихронной модели вовлеченность людей и полнота транзакций важнее, чем следование предустановленной схеме. Люди, следующие монохронной схеме, обычно занимаются в определенное время лишь чем-то одним, разделяют время на промежутки, соответствующие удовлетворению своих нужд, проводят различие между временем, отводимым для дела и для посторонних разговоров. Люди, следующие полихронной схеме, имеют тенденцию одновременно заниматься несколькими делами, не устанавливать жестких расписаний, объединять функциональные и межличностные отношения. Индивидуалистические культурные ориентации более характеризуются тяготением к монохронным схемам, а коллективистские — к полихронным.

В индивидуалистических, М-ориентированных культурах и субкультурах время рассматривается в линейной перспективе: прошлое — настоящее — будущее. В рамках П-временных схем время воспринимается как пересекающиеся спиральные траектории. При индивидуалистических ориентациях существует представление о том, что время расходуется индивидами. При коллективистских считается, что время восстанавливается независимо от индивидуального вмешательства. Короче, в первом случае люди постоянно наблюдают за временной переменной ситуации социального взаимодействия, тогда как во втором определенность в использовании времени отсутствует.

Речь в структуре социокультурной коммуникации

Социальное взаимодействие и речевое поведение.

В психоантропологических исследованиях коммуникативных процессов подчеркивается важная конструктивная роль языка в осознании и моделировании ситуаций социального взаимодействия, его первостепенная значимость в кодификации и трансляции всех перечисленных ранее их составляющих.

Необходимость найти психические и социальные корреляты построения речи в таких ситуациях всегда признавалась как важная задача психологической антропологии, этнологии речи. Как отмечал Э. Сэпир, «если мы хотим, чтобы грамматика внесла существенный вклад в наше понимание человеческого поведения, то необходимо, чтобы ее определения, категории и классификации могли быть переформулированы в терминах социальной психологии, где... предпринимается смелая попытка вернуть все модели культуры в живой контекст, от которого они абстрагировались, прежде всего в их социальную матрицу»¹. Таким образом, признается значимость соотнесения речевого обмена с социокультурным контекстом коммуникативной ситуации.

¹ Sapir E. The emergence of the concept of personality in a study of Culture // Journal of Social Psychology. 1934. Vol. 5. P. 410.

Не менее важная задача возникает в связи с оценкой способности индивидов к передаче и восприятию в языковых формах информации, необходимой для осуществления взаимодействия. Для обозначения адекватности индивида в коммуникативной ситуации, его готовности к четкому и понятному выражению в языке того, что он хочет сообщить, применяются понятия, предложенные Н. Хомским, «компетенция» и «исполнение». «В то время как понятие «компетенция» включает в себя способность говорящего порождать грамматически правильные предложения, коммуникативная компетентность означает его способность выбирать из доступных ему совокупностей грамматически правильных выражений те формы, которые соответствуют нормам поведения в конкретных актах взаимодействия»¹.

Начиная с Б. Малиновского, языку в рамках культурной антропологии придавалось важнейшее значение порождающего культурную реальность фактора. Он рассматривается как главная форма человеческого взаимодействия. При разделении понятий «язык» и «речь» язык рассматривается как обобщенная, абстрагированная из реальности норма речевой практики человека. В то же время изучение коммуникативных процессов предполагает тщательный анализ самой этой практики, рассматриваемой в контексте реальных ситуаций социокультурного взаимодействия.

Структура коммуникаций в системе социокультурного взаимодействия. Концепция такого контекста как ключа к пониманию культурных функций языка была разработана известными лингвистами Д. Хаймсом, Р. Ферсом, Э. Сэпиром, Р. Якобсоном и др. Согласно этой концепции, отправным пунктом анализа вербальной коммуникации должны быть не структура или система языка, языковой код, а речевой коллектив, речевая субкультура или другая категория, выделяющая социокультурный контекст. Дж. Хаймс, утверждая

примат речи над языком, функции над структурой, контекста над сообщением, изучал взаимосвязи между этими категориями, обозначающими коммуникативные ситуации¹. Структура дискурса (речевой коммуникации) рассматривается как обусловленная ситуацией социокультурного взаимодействия; прослеживается ее связь с культурными стереотипами и межличностными отношениями, придающими дискурсу смысл и структуру.

В отличие от Н. Хомского, считавшего компетенцию врожденной способностью человека, Д. Хаймс и ряд его последователей рассматривают ее как навык, формирующийся во взаимодействии индивида с другими. Такое формирование обусловлено коммуникативным опытом индивида, с одной стороны, и побуждениями, порождающими обмен информацией, — с другой.

Согласно Д. Хаймсу, лингвистическая компетентность определяется четырьмя параметрами: грамматическая правильность (по Н. Хомскому), реализуемость, приемлемость, встречаемость. Правильность означает способность порождать предложения, соответствующие признанным в культуре грамматическим правилам. Реализуемость указывает на психологические факторы, ограничивающие размер и смысловую глубину грамматически правильных высказываний (память, понимание, восприимчивость и др.). Приемлемость определяется соответствием высказывания конкретной ситуации социокультурного взаимодействия. Встречаемость означает частоту, вероятность употребления языковой единицы.

Таким образом, компетенция, с одной стороны, определяется способностями человека, а с другой — обусловлена приобретенными знаниями, навыками и даже ценностными ориентациями.

При анализе речевых событий или коммуникативных актов в типичных ситуациях социального взаимодействия важно обращать внимание на такой значи-

¹ Hymes D. The ethnography of speaking // Anthropology and Human Behavior. Washington (D.C.), 1962.

мый конструктивный фактор, как смысловая доминанта при организации обмена информацией. Принято выделять следующие факторы такого рода: экспрессивный (ориентация на коммуникатора), директивный (ориентация на адресата), контактный (ориентация на канал), металингвистический (ориентация на код), контекстуальный (ориентация на обстановку), стилистический (ориентация на форму сообщения), референциальный (ориентация на содержание сообщения), метакоммуникативный (ориентация на ситуацию в целом)¹.

Основания культурно-антропологического подхода к изучению речевой коммуникации можно выделять из теоретических работ на эту тему. Отправной точкой для изучения существующих в культуре коммуникативных вербальных форм являются показательные для нее социокультурные общности или группы, чья коммуникативная активность имеет особую социальную значимость. Считается, что культурный контекст этой общности обуславливает функции речевого общения в ней. Стандартные ситуации группового взаимодействия, как было показано ранее, определяют конкретные структуры и функции соответствующих коммуникативных процессов. Речевые модели, отвечающие таким ситуациям, построены на множестве коммуникативных функций употребляемых языковых единиц, каждая из которых характеризуется особым ракурсом и особой системной организацией в отношении ситуативно значимой информации. Такие устойчивые функциональные связи между «обозначаемым» и «обозначающим», сложившиеся в структурах социального взаимодействия данной группы, делают используемые языковые элементы и сообщения приемлемыми для ее членов в стандартных социокультурных ситуациях. Вариативность используемых здесь речевых образцов обусловлена как функциональными характеристиками взаимо-

¹ *Jacobson R.* Concluding statement: linguistics and poetics // *Style in Language*. Cambridge (Mass.), 1960; *Hymes D.* The ethnography of speaking // *Anthropology and Human Behavior*.

действия, так и особенностями речевой коммуникации как таковой.

Эмпирические исследования социальной обусловленности вербальной коммуникации посвящены изучению функционального использования языка в типовых ситуациях социокультурного взаимодействия¹.

Как уже отмечалось, они определяются нормами, ценностями, представлениями, типами контактов и совместных действий определенной социокультурной группы, а также ролевыми предписаниями характерных для нее социальных позиций.

В этих случаях можно фиксировать определенные коммуникативные сети и соответствующие им речевые ресурсы, которые актуализуются участниками взаимодействия благодаря использованию отдельных информационных каналов и кодов для трансляции взаимоприемлемых и понятных им сообщений. Таким образом, в рамках психологической антропологии речи в отличие от лингвистики акцент помещается на обмен информацией, а не на язык.

Влияние культурного контекста на коммуникативные акты и модели определяется через установление зависимости между характером социокультурных институтов, их ролевой структуры; ценностей и верований; представлений, специфичных для изучаемой общности людей, с одной стороны, и совокупностями выразительных средств, применяемых ее членами в процессах коммуникации — с другой. При этом принимается во внимание то, что одни и те же языковые средства могут использоваться для достижения различных коммуникативных результатов, а один и тот же результат достигается различными языковыми средствами. Соответственно то, что в лингвистике трактуется как отклонение от норм языка, в культурной антропологии изучается как вариации или изменения речевых образцов, обусловленные внелингвистическими, социокультурными ситуативными факторами.

¹ См.: Пачев А.Т. Теория «этнографии речи» в американской социолингвистике. М., 1982.

■ Структура построения дискурса в ситуации социального взаимодействия

Код. Организация всех компонент речевого события и акта коммуникации в целом определяется избранным для этого кодом.

Понятие «код» в изучении коммуникативного аспекта культуры обозначает систему трансформационных механизмов, свойственных определенным областям культуры (например, право, наука, искусство) или типовым ситуациям социального взаимодействия (например, игра, ритуал), благодаря которым специфичным для них образом выделяются, организуются, приобретают надлежащую форму и транслируются знаки и символы, полагаемые в качестве ключевых. Код позволяет выразить особенности связи с окружением, взгляда на реальность, значимые для людей и потому специально зафиксированные. Это искусственные, конвенциональные образования, базирующиеся, однако, на природных коммуникативных предпосылках, свойственных человеку. Емкость кодов характеризует их выразительный потенциал, то есть возможность полно, точно и достоверно передавать информацию об определенных аспектах реальности.

На этой основе можно проследивать динамику речевых коммуникативных процессов в изучаемых социокультурных группах или субкультурах. Однако программа такого исследования должна быть построена таким образом, чтобы понять, что, как и почему изменяется. В этой связи следует обратиться к уже выделенным в работах Р. Якобсона и Д. Хаймса компонентам коммуникативных событий и на их основе попытаться понять природу изменений в коммуникативных процессах, происходящих в определенной социокультурной группе.

Нормы взаимодействия. Выделяются стандартные ситуации группового взаимодействия и типологизируются на основании соответствующих им моделей речевой коммуникации. Каждая модель определяется совокупностью речевых норм и правил, организующих обмен вербальной информацией в соответствующей

ситуации (например, очередность реплик, право прерывать собеседника, повышать голос и т. п.).

Речевые жанры. Считается, что различным ситуациям социокультурного взаимодействия соответствующим своим жанрам, придающим специфичную выразительность вербальной коммуникации. Понятие жанра означает определенную устойчивую выразительную форму, где особым структурным образом организуется речевой материал (стихи, пословица, загадка, ораторское выступление, лекция и т. п.) и применяются особые формы символизации (миф, сказка, поэтическая речь и т. п.). Один и тот же жанр может сопутствовать нескольким речевым событиям или ситуациям; но в одной и той же ситуации могут использоваться различные речевые жанры.

Формы речи. Они рассматриваются как важные системообразующие компоненты вербальной коммуникации. Это понятнее обозначает определенные коды — особенности организации и знакового выражения культурно специализированной информации, — которые используются в специфичных социокультурных ситуациях, в том числе языки, диалекты, функциональные варианты речи (например, литературный язык, просторечие, сленг).

Нормы интерпретации. Считается, что каждое сообщение, каждое речевое событие не является коммуникативно однозначным и самодовлеющим, но становится объектом интерпретации, то есть определенным образом истолковывается участниками коммуникации. В стандартных ситуациях социокультурного взаимодействия складываются нормы интерпретации, то есть разделяемые конвенциональные представления о ситуативно ограниченных связях обозначаемого и обозначающего. Ограничения налагаются приведением во взаимно-однозначное соответствие норм функционального взаимодействия в ситуации, с одной стороны, кодов и жанров речи — с другой.

Каналы передачи информации. Определенным социокультурным ситуациям соответствуют особые наборы коммуникационных каналов. Для одних ситуаций характерен непосредственный межличностный

обмен информацией, прямой обмен репликами; для других — обмен письменными документами; в третьих используются технологические медиаторы (телефон, радио-, телеканалы) и т. п.; в ряде ситуаций могут использоваться несколько каналов. Выбор трансляционных средств и их соподчинение обусловлены функциональными особенностями ситуации, используемыми в ней кодами, соображениями оптимальной организации обмена информацией.

Все перечисленные выше переменные характеризуют социально установленные коммуникативные ситуации с точки зрения необходимых предпосылок их реализации. Они относятся к наиболее устойчивым культурным характеристикам организации информационного обмена в стандартных или типичных для культуры ситуациях социального взаимодействия.

Следующая группа переменных относится к организации информационного содержания коммуникативных процессов. Она может быть представлена в разном порядке в зависимости от того, ставится акцент на культурно-стереотипном содержании сообщения или же на намерениях (интенциях) высказывающейся личности (говорящего, коммуникатора). В данном случае за исходный движущий механизм, инициирующий процесс информационного обмена, принимается побуждение говорящего.

Говорящий. Это лицо, которое под влиянием ситуационно значимых побуждений становится инициатором коммуникативного процесса. Побуждения могут быть внешними, например, ситуации лекции в лекционном зале, речи в суде, проповеди в церкви и т. п. Но они могут быть и внутриличностными, например, вопросы к выступающему оратору, высказывания в свободной дискуссии, приглашение к разговору и т. п.

Адресат. Это лицо — реальное или воображаемое, — к которому в основном обращается говорящий. Адресат становится центральным объектом коммуникативного воздействия говорящего, самым важным собеседником в данной ситуации.

Слушатель или аудитория. В конкретной ситуации социального взаимодействия это те ее участники,

которые присутствуют или вовлекаются в диалог коммуникатора и адресата. Аудитория может быть пассивной, то есть не исполнять роль третьего собеседника. Тогда ее функции сводятся к неспециальному, спонтанному выражению одобрения, недовольства, интереса или безразличия к сообщениям говорящего. Но она может быть и активной, то есть сама ситуация предписывает членам аудитории вносить свой информационный вклад в коммуникативный процесс, занимать определенную позицию в нем, влиять на его структуру.

Эти три позиции обозначают участников коммуникативных процессов, культурные характеристики которых — социальные позиции, статусы, роли, культурные идентичности, индивидуальные особенности, коммуникативная компетентность — обуславливают вариативность процессов информационного обмена в стандартных социокультурных ситуациях. Его структуру и содержание можно описать набором следующих переменных.

Цели коммуникации. Эти цели имеют двойную природу. Во-первых, в каждой культурно установленной ситуации действия коммуникатора побуждаются необходимостью выполнять определенную соответствующую ситуации функцию. В этом случае целью становится достижение (или вклад в достижение) определенного результата, предусмотренного данной ситуацией социального взаимодействия (передать определенные знания и навыки в ситуации обучения, мобилизовать к принятию определенной ценностной позиции в ситуации митинга, выработать определенное решение в ситуации совещания и т. п.). Соответственно структурные и содержательные элементы ситуации складываются в интегрированный процесс, организуемый под влиянием необходимости достичь предусмотренного результата. Во-вторых, в каждой такой ситуации ее участники преследуют также и какие-то свои цели. Поэтому они используют информацию таким образом, чтобы найти компромисс между функциональной ролью и индивидуальными интересами. Поиски подобных компромиссов влияют на струк-

туру и содержание коммуникативных процессов, на форму речевых событий в ситуации.

Формы сообщений. Целями коммуникации обуславливаются формы сообщений, выявление которых позволяет определить не только то, что говорится, но и как это говорится. Помимо оценки коммуникативной компетентности участников обмена информацией, выявляются выбираемые и применяемые ими формы и жанры речи. Последние оцениваются по ряду основных параметров эффективности применения. Во-первых, с точки зрения соответствия речевым культурным нормам, характерным для ситуации. Во-вторых, с точки зрения вклада в реализацию функций, предусмотренных ею. В-третьих, с позиции успешности в преследовании индивидуальных интересов ее участников.

Содержание сообщения. В этом случае выявляется культурная тема, вокруг которой в данной ситуации организуется коммуникативный процесс, и пределы ее варьирования в рамках этого процесса (различные точки зрения, оценки, повороты, отступления). Значимыми критериями адекватности содержания высказываний данной ситуации можно считать его информативность, то есть соответствие избранного кода максимально четкому выражению передаваемых представлений, и эффективность воздействия, то есть убедительность высказываемых суждений для собеседников.

Обстановка коммуникации. Речь идет о месте, времени коммуникативного процесса, о внешнем окружении, среде, в которой он протекает (природное окружение или интерьер, тип и качество интерьера), о физических параметрах этой среды (освещение, температура, влажность, чистота воздуха, уровень шума и т. п.).

Сцена речевого акта. Значение этой переменной определяется местом, которое речевой акт занимает в коммуникативном процессе: в его начале или конце; в удачный или неудачный для говорящего момент; по теме, ее вариации или не по теме; с высказыванием общего или особого мнения и т. п.

«Ключ» коммуникативного процесса. Под этой переменной понимается экспрессивная окраска, то-

нальность коммуникативных процессов, реализующихся в определенной социокультурной ситуации, и их отдельных эпизодов. Ключ является ее интегральным показателем, объединяющим элементы таких коммуникативных параметров, как сцена, код, жанр, участник. С некоторыми социокультурными ситуациями этот показатель ассоциирован однозначно, например, серьезность ситуаций оглашения приговора в суде, приведения к присяге, похорон и т. п. Для других он оказывается переменным, например, неформальная беседа может быть шутливой, серьезной, задушевной и т. п. Ключ коммуникативного процесса позволяет людям различать ситуации взаимодействия по их функциональной направленности, а также варьировать экспрессивную окраску в однотипных функциональных ситуациях.

■ Стиль речи (или вербальной коммуникации)

Как и иные стилистические особенности культуры, речевой стиль является важным показателем культурных различий и динамики.

Его составляют такие признаки, как стереотипы применения семантических — прагматических схем (например, феномен вежливости, ролевые инструкции, насмешки, проявления желания устыдить, обидеть, языковые поправки), число собеседников (диада, триада, многостороннее взаимодействие), социальные связи собеседников (например, покровители, равные, посторонние), обстоятельства (например, внутри или вне домашней обстановки, приватная или публичная, формальная или неформальная обстановка), продолжительность повторяющихся стереотипных эпизодов (например, число эпизодов, временная продолжительность), частота, с какой событие происходит в опыте людей.

Стилистическая модальность речи относится к тональной окраске, придаваемой речевому исполнению, насыщенности его определенными чувствами. В свою очередь такая окрашенность обусловлена культурным этосом системы, то есть специфичными для нее формами выразительности, образцами поведения, мо-

ральным и эстетическим содержанием. Стили речи отражают и воплощают эти культурные характеристики.

Таким образом, стиль — это метасообщение, определяющее контекст, в котором индивидам следует принимать и интерпретировать вербальное сообщение. Он несет в себе тональную окраску сообщения и проявляется через оттенки выразительности, в том числе, невербальной, последовательность разработок темы в дискурсивном процессе.

Прямой и непрямой речевые стили. Это измерение речевого стиля выявляет, до какой степени открыто говорящие выражают свои намерения. Прямой речевой стиль относится к вербальным сообщениям, которые воплощают и представляют в дискурсивном процессе истинные намерения говорящих с точки зрения их желаний, потребностей, устремлений. Непрямой стиль относится к такому характеру сообщений, когда говорящий скрывает или камуфлирует свои истинные намерения.

Выразительность стиля. Это измерение относится к качеству речи и включает в себя три возможных варианта. Развитый стиль характеризует культуры с богатым, экспрессивным обыденным языком. Точный стиль предполагает, чтобы информационные вклады собеседников были ни больше ни меньше, чем этого требует характер ситуации. Скупой стиль включает в повседневную речь использование недоговоренностей, пауз, молчания.

Инструментальный и экспрессивный (аффективный) стили. Инструментальный речевой стиль предполагает использование языка с ориентацией на говорящего (коммуникатора), а аффективный — на слушающего (реципиента). Инструментальный стиль придает сообщению ориентацию на цель, а аффективный — на поддержание отношений. Инструментальный стиль опирается на уровень точных знаков, чтобы скорее достичь цели взаимодействия; аффективный стиль базируется на аналогиях, чтобы достичь определенности и одобрения партнера.

Пользующиеся инструментальным стилем стараются утвердить себя или сделаться понятными через

говорение. Они стремятся достичь убедительности с помощью последовательного, шаг за шагом разворачивания аргументации, независимо от приятия их слушателями.

Аффективный стиль имеет следующие характерные черты:

- человек должен быть в своей речи осторожным, чтобы снизить вероятность рискованного положения для себя и собеседника. Это предполагает постоянное размывание значений, то есть неточности и избежание прямых высказываний;
- подразумевается постоянная проблема интерпретаций, проверок, проб, разгадываний и исследований, проводимых, однако, косвенным образом;
- истинная ценность индивида, и таким образом надежность его слов определяется тем, что он делает, а не что говорит;
- информация поступает не дискретными «битами», но в виде сложных индикаторов подвижных связей между собеседниками, в контексте которых «биты» оказываются невычленимыми из постоянного имплицитного изменения значений. Информация отыскивается в речевом потоке, обмене сигналами, установлении зон согласий, соотнесений.

Стиль коммуникатора. Характер коммуникативной ситуации в значительной степени определяется стилем поведения коммуникатора. Ведь люди воспринимают не только содержание вербальных и невербальных сигналов, но и способ их передачи. Такой способ, называемый стилем коммуникатора, выполняет важную функцию при интерпретации сообщений. С его помощью в ходе вербального экстралингвистического взаимодействия человек «сигнализирует», как следует принимать, интерпретировать, фильтровать и понимать «буквальные значения» того, что он говорит.

Концепция стиля коммуникатора, согласно Нортону, включает десять типичных способов обращения к другим в процессе коммуникации: (1) доминантный —

стратегии, умаляющие роль других; (2) драматичный — преувеличение или «эмоциональный накал»; (3) соперничающий — негативные аспекты взаимодействия вызывают агрессивность, стремление спорить; (4) расслабленный — спокойная, собранная, не тревожная стратегия; (5) производящий впечатление — желание коммуникатора остаться в памяти тех, с кем он взаимодействует; (6) оживленный — частое и интенсивное использование таких поведенческих приемов, как контакт взглядов, телодвижения и т. п.; (7) точный — стремление к точности и доказательности в дискурсе; (8) внимательный — культурные проявления сензитивности, такие, как слушание, выказывание интереса к тому, что говорят другие; (9) дружественный — тенденция подбадривать других, признавать их вклад во взаимодействие; (10) открытый — тенденция выражать мнения, чувства и проявлять личностные особенности. Из такого рода проявлений складывается и выводится образ коммуникатора, или общая оценка личностного стиля коммуницирования.

Формирование стиля коммуникатора происходит под влиянием двух типов ожиданий: культурного и индивидуально-специфичного (идиосинкратичного). Культурные ожидания обусловлены принятыми нормами или общими тенденциями, определяющими стиль коммуникации в данной ситуации, тогда как идиосинкратические ожидания относятся к индивидуальным предпочтениям способов передачи сообщений.

■ Невербальные аспекты социокультурной коммуникации

Термин «коммуникация» обозначает обмен сообщениями, передаваемыми не только в лингвистической, но и в других выразительных формах.

В процессах коммуникации существенное место отводится невербальным измерениям, которые рассматриваются как важные регуляторы взаимодействия. Невербальный контекст составляет фон для кодирования и декодирования того, что говорится. Вербальные сообщения разворачиваются в контексте дра-

матических или сдержанных движений, оживленных или контролируемых выражений лица, близкого или дистантного проксемического (пространственного) взаимодействия.

Под регулированием контекста понимается контроль над невербальными аспектами окружения, пространства, времени. Невербальная коммуникация определяется как симультанный (одновременно происходящий) процесс многомодальной, многоуровневой передачи и интерпретации сообщений. Ее культурный аспект в этом случае определяется через нормативные рамки, в которых ожидания относительно подходящих или компетентных невербальных проявлений поведения конвенционально определены и проинтерпретированы в данном речевом сообществе.

Различия невербальных проявлений наблюдаются не только в различных культурах. Существует их значительная внутрикультурная вариабельность, зависящая от неоднородности групповых и ситуативных норм. Они обуславливаются такими факторами, как пол, возраст, социокультурный статус, раса, а также ситуативными, контекстуальными факторами: рабочая обстановка, средовые ограничения. В свое время еще Курт Левин (1936) отмечал, что поведение определяется характеристиками как взаимодействующих индивидов, так и окружения, в котором они находятся.

В то время как вербальная коммуникация связана с достаточно четкими сигналами, невербальная представляет собой многослойный, многомодальный, многомерный, аналоговый процесс. Например, использование пространства взаимодействия может сигнализировать об индивидуальной приватности или дистанции в позициях, в то время как жесты и выражение лица указывают на открытость и доступность, направленные на минимизацию дистанции в отношениях или различия в статусах.

Межличностная дистанция в процессе коммуникации. Межличностная дистанция выполняет в ситуациях социального взаимодействия важную организующую функцию, указывая на степень официальности, формальности ситуаций. Дистанция определяется вза-

имосвязью измерений индивидуальности — коллективности и доступности — недоступности. Она контролируется механизмами регулирования приватности, проксемики и аптики (тактильных контактов).

Регулирование приватности определяется как селективный контроль индивида или группы над своей доступностью для других. Оно достигается физическими средствами (например, закрытые двери, звуконепроницаемые стены и окна, изгороди из кустарников и заборы и т. п.) и через поведение (жесты, выражение лица и т. п., указывающие на дистанцию).

Проксемика означает использование межличностного пространства или дистанции при регулировании индивидами степени близости, интимности отношений за счет контролирования проявлений эмоций. Она выражает также утверждение личностной территории, заключающееся в присвоении или маркировании места или объекта, и демонстрации права собственности на них. Во всех культурах можно обнаружить стремление людей утвердить пространство для индивидуальной и групповой жизни. В то же время восприятия простора и скученности, отношение к нарушению или соблюдению границ персонального и группового пространства варьируются от культуры к культуре. Ключевой переменной здесь скорее всего является степень стремления к контактам и выражению чувств.

Аптика, или тактильные контакты (прикосновения), тесно связаны с контролированием измерения «интимность — формальность» физической и психологической дистанции между людьми в процессах коммуникации. Индивидуалистичные, низкоконтактные, слабоэмоциональные культуры и ситуации, как показывают исследования, характеризуются стремлением людей удерживать значительную дистанцию по отношению друг к другу. Тогда как в коллективистских и эмоциональных культурах и ситуациях поведение является менее дистантным.

В культурах, где тактильные контакты приняты, люди часто касаются друг друга, близко стоят друг к другу, располагаются так, чтобы находиться лицом к лицу, смотрят друг другу в глаза, амплитуда их эмоци-

ональных проявлений велика. В не-тактильных, не-контактных культурах эти проявления сведены к минимуму, например редкие прикосновения, значительные пространственные дистанции между участниками коммуникации, подавляемые эмоции.

Стили невербального поведения. Как свидетельствуют результаты сравнительно-культурных исследований, характер коммуникации существенным образом определяется оппозицией индивидуальной и коммунальной идентичности. Она проявляется в пространственной организации поведения и среды взаимодействия во всех культурах, хотя по степени тяготения к одному из полюсов в обустройстве внешнего окружения и проявлений поведения культуры отличаются друг от друга.

Тема индивидуализма пространственно воплощается в ограничениях, выделении личностного пространства, монокронности. Тогда как коммунальность проявляется в интеграции, коллективном пространстве и полихронном времяпрепровождении. Измерение индивидуальности — коммунальности отражает степень уникальности и индивидуализованности человека по отношению к социокультурной ситуации, в которую он включен. Доступность — недоступность обозначает меру открытости человека по отношению к другим участникам ситуации. Континуум индивидуальности — коммунальности указывает на использование контекста (окружение, пространство, время) в целях утверждения индивидуальной или групповой идентичности. Континуум доступности — недоступности относится к открытому или скрытому использованию специфичных невербальных стереотипов поведения с целью регулирования социальной дистанции: степень интенсивности и демонстративности оценок происходящего, проявлений личностного статуса, активности, реакции на коммуникативные события.

Соответственно можно построить следующие идеальные модели стилей невербального поведения:

- уникальный открытый, где невербальное поведение используется для регулирования индивидуальной приватности с использованием эк-

- спрессивных жестов с целью сигнализирования оценок, статуса и готовности к реакциям;
- уникальный неявный, где невербальное поведение используется для охраны индивидуальной приватности при одновременном использовании неявных жестов и движений, указывающих на отношение к партнерам и дистанцию позиций;
- групповой открытый, где невербальное поведение используется для утверждения групповых норм и публичного лица с использованием экспрессивных жестов, выражающих оценки, статус, готовность к реакциям;
- групповой неявный, где невербальное поведение используется для поддержания групповых норм и публичного лица с подспудным невербальным выражением отношения к процессу и дистанции позиций.

Объекты обмена в процессах коммуникации. Наконец, изучение универсальных измерений поведения в ситуациях социального взаимодействия связано с концепцией обмена. Здесь выделяется шкала из шести типов предметов обмена: любовь, услуги, блага, деньги, информация, статус. В каждой культурной ситуации они имеют свой ценностный порядок. Эти ресурсы варьируются по двум измерениям: шкала партикулятизма — значимость идентичности индивида (дающего и получающего) в ситуациях обмена; шкала конкретности — степень, в какой каждый из ресурсов имеет истинную или символическую цену. Чем ближе ресурсы друг к другу на шкале ценностей, тем более они воспринимаются как сходные и тем большее удовлетворение испытывается при обмене этими ресурсами.

Культурные различия показателей этих универсалий определяются действием других культурных переменных, таких как сложность — простота, официальность — интимность, устойчивость — неустойчивость ситуации социального взаимодействия.

Из сказанного становится очевидным, что в терминах этих переменных коммуникационные процессы в типичных ситуациях социального взаимодействия описываются как системы. Иными словами, культурная

стереотипизированность, конвенциональность коммуникации определяется стандартами социального взаимодействия, а композиция этих переменных обуславливает их культурную представленность, специальную обозначенность. Сопоставление аналогичных ситуаций в различных культурах и группах позволяет выявить не только специфичные для каждой из них соотношения компонент коммуникации, но и объяснить или хотя бы теоретически проинтерпретировать истоки и характер этих различий. В результате становится возможным анализ того, как функциональное действие или представление в ходе изменений систем социального взаимодействия становятся фактами культуры.

Подчеркивая еще раз значимость коммуникативного аспекта социального взаимодействия, хотелось бы также отметить его функцию в формировании культурных порядков, которые, как уже было показано, являются intersubъективными, искусственными и условными. Здесь уместно привести высказывание Б. Уорфа, принимая во внимание то, что его можно отнести ко всем языкам культуры. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскоп, поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение и закрепляется в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы — участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением»¹.

¹ См. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 5.

■ Концепция коммуникации в изучении динамики культуры

Обобщая все сказанное выше, следует еще раз подчеркнуть значимость изучения коммуникативных процессов как динамической социокультурной среды порождения, существования и изменения символических структур. Речь идет об организации порядков взаимодействия между людьми, их объединения для выполнения конкретных функций или решения определенных задач с помощью коммуникативных связей, образующих каналы распространения информации, которой люди находят целесообразным обмениваться в таких ситуациях.

Выделение структурных компонент организации коммуникативных процессов в системе социального взаимодействия позволяет обратиться к построению социокультурной единицы анализа таких процессов — коммуникативной ситуации. Это своего рода элементарная единица динамического анализа культуры в символической, знаковой, смысловой представленности. Форма ее организации определяет характер обмена информацией и действиями между людьми. От того, насколько эффективна организация подобных ситуаций во временные последовательные ряды по отношению к какой-либо культурной теме, зависят скорость и качество функциональных единиц, структурирующих совместное целедостижение, а также отчетливость и информативность используемых здесь символов.

В процессах взаимодействия и коммуникации происходят порождения и апробации новых функциональных и символических единиц — комбинаций целенаправленных действий и знаков, — которые люди предъявляют друг другу, демонстрируя их эффективность. Участники таких обменов конвенционально решают, продолжать использовать эти комбинации в качестве интерактивных и коммуникативных единиц или же отказаться от них.

Таким образом, коммуникативные процессы, их организация составляют существенную основу формирования, поддержания и изменения культурных

объектов: физических вещей, идей и образов, технологий, нормативных и ценностных образований. Понять динамику существования культурных объектов (артефактов) невозможно, не изучая их в процессах социального взаимодействия и коммуникации. Только зная, что делают люди с ними, почему поддерживают, за что ценят и т. п., возможно понять природу культурных ценностей, механизм традиции, критерии отбора так называемого культурного наследия. Коротче говоря, об артефактах нельзя говорить как о существующих сами по себе; вне процессов человеческой коммуникации они перестают быть культурными.

Обращение к изучению коммуникативных процессов позволяет решать широкий круг задач, связанных с исследованием динамики культуры. Прежде всего следует отметить значимость выявления и классификации структур информационного обмена применительно к типичным ситуациям социального взаимодействия (например, ситуации труда, обучения, рекреации, ритуальных действий и т. п.). Каждый такой тип ситуаций, как известно, предполагает свой коммуникативный порядок и свой символический язык (код). Причем эти параметры в их содержательном и выразительном аспекте отнюдь не универсальны, но имеют этническую, субкультурную, групповую специфику. Соответственно существует возможность выявить типичные для них культурные единицы способы и средства коммуникации. Это позволит осуществлять их сравнение, а также наглядно представлять и интерпретировать различия и сходства в типичных случаях.

Далее, анализ коммуникации в проблемных ситуациях обеспечивает возможность проследить процессы формирования культурных изменений, а также выявить обуславливающие их факторы и механизмы. Известно, что в таких ситуациях обмена информацией между людьми интенсифицируются. Люди охотно общаются друг другу свое определение проблемы, делятся соображениями о возможных путях и способах ее преодоления. Так образуется поле выбора, обуславливающее формирование определенных культурных образов, конфигураций, форм. Понимание механизмов по-

рождения и начального становления таких культурных образований является ключевым для изучения динамики культуры.

Кроме того, рассмотрение «судьбы» такого рода образцов в коммуникативном контексте проблемных ситуаций открывает широкие перспективы для исследования генезиса культурных ценностей и норм, привычек без необходимости апелляции к историческим прецедентам. Именно в процессах обмена информацией люди шкалируют однородные образцы решения проблемы, придавая им таким образом статус ценностей, а из ценностей отбирают социально обязательные, наделяя их благодаря этому нормативными функциями. Соответственно становятся совершенно очевидными механизмы того, что принято называть конвенционализмом.

Наконец, значительные эвристические возможности открываются при разведении понятий «межличностная» и «межгрупповая» коммуникация. В этом случае высвечивается такая тема, как влияние личностных характеристик на формы, структуры, содержание обмена информацией при взаимодействии членов одной и той же группы, представителей различных субкультур одной культуры, носителей различных культур. Рассмотрение этой темы применительно к типичным ситуациям социального взаимодействия позволит выявить информационные факторы, способствующие и препятствующие его эффективной реализации.

Из сказанного становится совершенно очевидным, что изучение динамики культуры, культурных изменений вне изучения контекста социального взаимодействия (функциональный уровень культуры) и коммуникации (символический, информационный уровень культуры) просто невозможно.

Выводы

1. Изучение того, каким образом индивиды приобретают культурную компетентность, т. е. навыки функциональных действий и оперирования символами в рамках существующих институциональных

- порядков, и как происходит обмен культурной информацией в процессах социального взаимодействия, осуществляется в рамках психологической антропологии, той ее ветви, которая носит название социальной и культурной коммуникации.
2. Коммуникативные процессы занимают в социокультурной жизни ключевое место. Именно в ходе социального взаимодействия и сопровождающего его информационного обмена порождаются разделяемые представления и их символические объективации. Это среда для поддержания и трансляции общего культурного опыта, но это также поле для индивидуального и группового экспериментирования культурными элементами, область порождения и распространения функциональных и символических изменений. Коммуникативные процессы характеризуются как средовыми, так и личностными детерминантами.
 3. В отношении межличностных детерминант социокультурной коммуникации выделяются такие значимые составляющие представлений о личности как «я-концепция», личностная идентичность, лицо, социальная идентичность, социальные стереотипы.
 4. Внешние детерминанты коммуникативных процессов рассматриваются в связи с необходимостью снижения уровня неопределенности ситуации. Здесь выделяются такие факторы, организующие обмен информацией и определение ситуации, как нормы и правила информационного обмена, коммуникативные сети, представления о времени.
 5. Особое внимание уделяется речевому поведению в структуре социокультурной коммуникации и их связи с социальным взаимодействием. Изучение коммуникативных процессов в контексте ситуаций социального взаимодействия позволяет проследить формирование соответствующих им дискурсов и речевых практик. Адекватность таких практик стандартным ситуациям взаимодействия определяется понятием «лингвистическая компетентность».

6. Лингвистическая компетентность определяется четырьмя основными параметрами. Во-первых, правильность, т. е. способность порождать грамматически правильные предложения. Во-вторых, реализуемость, характеризующая смысловую глубину грамматически правильных высказываний. В-третьих, преимственность, или соответствие высказывания конкретной ситуации социального взаимодействия. В-четвертых, встречаемость, означающая частоту употребления языковой единицы.
7. Ситуации социального взаимодействия характеризуются определенными структурными компонентами построения дискурса. К ним относятся: коммуникативный код, норма взаимодействия, речевые жанры и формы, нормы интерпретации, каналы передачи информации, стороны коммуникации, цели, формы, содержание сообщений, обстановка коммуникации, смена речевого акта, «ключ» коммуникативного процесса.
8. Динамические характеристики обмена информацией в ситуациях социального взаимодействия определяются вариациями стилей вербальной и невербальной коммуникации. Вербальный стиль представляет собой мегасообщение, определяющее контекст, в котором следует принимать и интерпретировать сообщения. Он несет в себе тональную окраску сообщения и проявляется через оттенки выразительности, последовательность разработок темы в дискурсивном процессе. Невербальный стиль определяет фон для кодирования и декодирования того, что говорится. Вербальные сообщения разворачиваются в нормативных рамках, устанавливающих в каждой культуре ожидания дистантных отношений, мимики, жестикюляции, соответствующих стандартным социально значимым обстоятельствам.
9. Это направление анализа позволяет выявить динамику процессов, благодаря которым в коммуникативном контексте функциональное действие или представление, выраженное в символической форме, становится фактом культуры.

Контрольные вопросы

1. Каковы детерминанты культурной коммуникации, какого рода факторами она определяется?
2. Как можно в теоретической форме представить субъектов культурной коммуникации?
3. Благодаря каким упорядочивающим, структурирующим аспектам коммуникации снижается степень неопределенности в ситуации социального взаимодействия?
4. Какими структурными компонентами определяется построение дискурса (последовательного обмена сообщениями)?
5. Каковы функции нормативных компонент (коды, нормы взаимодействия, речевые жанры и формы) в построении дискурса?
6. Каковы роли субъектов коммуникации в построении и динамике дискурса?
7. Каким образом структурируется содержание дискурса?
8. Чем определяется значимость категории речевого (коммуникативного) стиля в изучении динамики культуры?
9. Каковы относительные функции вербального и невербального аспектов коммуникации в построении дискурса?
10. Какие классы задач, связанных с изучением динамики культуры, можно решать с помощью концепции коммуникаций?
11. Выберите одну из таких задач и постройте для нее модель исследовательской программы.

Процессы освоения культуры, формирования личности, отклонений индивидуального поведения от норм и их коррекции рассматриваются в той ветви психологической антропологии, которая связана с изучением корреляции между психическими и социокультурными закономерностями, и носят специальное название «культура и личность». Истоки этого направления прослеживаются в этнопсихологии, начавшей формироваться в Европе со второй половины XIX в. Этому периоду дисциплина обязана такими понятиями, как «национальный характер», «национальная психология», и обозначением «этнопсихология». В развитие исследовательского направления значительный вклад внесли такие мыслители, как Г. Тард, В. Вундт и др.

В США значимость психологии в изучении культуры одним из первых утверждал Ф. Боас, переносивший европейский опыт на американскую научную почву. Значительное влияние на формирование направления оказали психоаналитические концепции как З. Фрейда, так и постфрейдистов — К. Юнга, К. Хорни, Э. Фромма, а также А. Маслоу. В его концептуальный состав вошли идеи бихевиоризма, гештальтизма. Его философские начала тесно связаны с именами В. Дильтея, О. Шпенглера, Ф. Ницше.

Первоначально (конец 20-х — начало 30-х гг. XX в.) направление «культура и личность» было связано с изучением процессов освоения культуры человеком. В этот период были созданы классические модели М. Мид, Р. Бенедикт, А. Кардинера и др. В рамках на-

правления шла активная разработка категорий и понятий, соответствующих изучению темы, таких как «личность», «социализация», «инкультурация», «стереотипные культурные формы, культурные образцы, конфигурации» («культурные паттерны») и т. п. Определелись и основные фокусы исследовательского интереса: социализация, инкультурация ребенка и ее последствия во взрослой жизни. Им соответствовали темы культурной обусловленности базовой структуры личности («национального характера»), психических отклонений и заболеваний, значения раннего опыта детства для формирования личности, исследуемые на протяжении 30-х — 40-х гг. XX в.

Основной задачей, решаемой в этих рамках, стало изучение жизненного пути, судьбы индивида в специфичном социокультурном окружении. Считается, что таким образом открывается возможность понять явления культуры на уровне представлений, чувств и действий людей. Особое значение придается тщательно отделению индивидуально специфичных от социально типичных черт и проявлений личности.

Дж. Хонигман, обобщая сложившиеся за первую половину XX в. представления о личности в рамках исследовательского направления «культура и личность», связывал их со стандартизированными моделями действия, мышления, чувствования, характерными для членов устойчивой группы людей¹. Для изучения психической базы формирования индивидов как субъектов, создающих и поддерживающих культуру и социальную структуру, используются понятия и теории, характерные для психологии (включая психиатрию). В то же время здесь изучается влияние культуры и социальной структуры на жизнь индивидов, в том числе на их поведение и душевное здоровье.

Исследования «национального характера» привели к уточнению терминологии. Было сформулировано понятие «базовой», или «модальной», личности, которое означало устойчивую совокупность личностных

¹ Honigman Y.Y. Culture and Personality. N.Y., 1954. P. 171.

черт, характерную для большинства членов сообщества и сложившуюся под влиянием общих для них моделей социализации и элементов условий существования. Например, А. Кардинер относил к базовым личностным чертам технику мышления; чувства, обеспечивающие конформность к ожиданиям и требованиям других; отношение к трансцендентному, сверхъестественному¹.

Однако идея базовой структуры личности, бывшая центральной в рамках направления «культура и личность» в 30-х — 40-х гг. XX в., постепенно сходилась на нет и сегодня не играет заметной концептуальной роли. Тогда как антропология детства, нормы и патологии продолжают оставаться устойчивыми темами изучения.

К этому времени складывается определение личности как совокупности освоенных культурных форм переживаний, суждений, поведения. В такого рода определениях подчеркивалась культурная детерминированность как внутриличностных процессов — восприятия, мышления, переживаний — так внешних индивидуальных проявлений — речевых суждений, поведения. Значительная роль в изучении процессов освоения культуры принадлежит понятию «культурные паттерны». Ими называются устойчивые совокупности технологий мышления, поведения, взаимодействия, последовательности действий, построения суждений, различного рода культурные формулы и символы, выделяющие определенные представления о реальности. Именно они рассматриваются как «объекты» освоения в процессах инкультурации и как регуляторы информационного обмена в процессах культурной коммуникации.

Большое внимание исследователи уделяют эмоциональной сфере личности. Эмоции определяются как сфера переживаний индивида, детерминирующая понимание им ситуации, в которой он находится, и мотивы его поведения в этой ситуации. Эмоции в своем «операциональном», «инструментальном» значении социализуются, то есть в процессе освоения своего

окружения индивид научается структурировать свои чувствования и их внешние проявления в соответствии с культурно установленными формами. В этом качестве эмоции считаются существенным мотивационным фактором, моделирующим поведение личности в стандартных социокультурных ситуациях (Дж. Хонигман, С. Эш, Г. Марри и др.).

После Второй мировой войны в рамках направления происходит сдвиг в сторону обобщения эмпирического материала, полученного в предыдущие годы, рефлексии к теоретическим и методологическим основаниям дисциплины. В конце 1940-х — начале 50-х гг. появляется целый ряд работ, среди которых следует выделить монографию Дж. Хонигмана «Культура и личность» (1954), где направление представлено в обобщенном систематизированном виде, как особая теоретическая ориентация.

К началу 1960-х гг. происходит внутреннее структурное переопределение направления. Активизировалось обсуждение его исходных теоретических и методологических оснований с выделением уже определившейся специфики, принципов подхода к изучению человеческой реальности, проблемных областей. Стал обсуждаться вопрос об изменении названия дисциплины. Этому способствовал выход в свет работы под редакцией Ф. Хью, озаглавленной «Психологическая антропология», что дало новое имя всему направлению. Соответственно определилась специфика линии «культура и личность» в этих рамках. В общем виде ее можно определить следующим образом: «С тех пор как подтвердилась гипотеза о том, что социокультурная вариабельность осуществляется через процессы функционирования и развития отдельных личностей, в рамках психологической антропологии настало время принять в качестве фундаментального положение о том, что функционирование и база культур и социальных систем зависят от того, насколько характерные для них ценности освоены их отдельными представителями»¹.

¹ Spiro M. An overview and a suggested reorientation // Psychological Anthropology. Hsu T.J.K. (ed.). Cambridge (Mass.), 1972. P. 583.

■ Тема «культура и личность»: основные направления исследования

За период 1960-х — 80-х гг. структура направления существенно усложнилась. Она включает в себя несколько общетеоретических ориентаций — психоаналитическую, бихевиористскую, когнитивистскую — и совокупностей соответствующих исследовательских областей, различающихся по предмету и методу. В отношении предмета можно выделить акценты на индивидуальные или общие характеристики связи личности со средой, эндогенные или экзогенные факторы формирования личности, врожденные или приобретенные свойства человека, детерминирующие его отношение с окружением. При этом следует указать на распространенное до сих пор представление о том, что можно изучить филогенез человека или же понять, что такое человек в его «естественном» состоянии, через антропологию детства или исследование «примитивных» сообществ. Считается, что в этих случаях, в отличие от взрослых людей или развитых сложных обществ, исследователь имеет дело не со столь резкими контрастами между «природным» и «культурным», врожденным и заученным.

Такой подход базируется на ряде исходных допущений. Во-первых, начиная с Г. Спенсера через К. Леви-Стросса в культурной антропологии, в том числе в ее психологической ветви, утвердилось противопоставление индивидуального организма обществу, природных свойств человека культурным. Соответственно правомерной считается постановка вопроса о том, какой же человек вне общества и культуры. Во-вторых, биологические характеристики человека полагаются стабильными настолько, что их можно рассматривать как инвариантные по сравнению с изменениями социальных структур и культурных образований. Это позволяет строить объяснения генезиса и существования социокультурных феноменов с помощью процедуры антропологической редукции. В-третьих, существует исходное допущение, которое, пользуясь словами К. Ло-

ренца, можно выразить так: «Человек отнюдь не плох от рождения, но он не отвечает требованиям им же созданного общества»¹.

Из этого делается вывод, разумеется, сомнительный, что изучение процессов социализации, инкультурации людей, освоения ими своей культурной среды позволит понять механизмы их перехода из «примитивного» в «цивилизованное» состояние, а также увидеть природные, антропологические предпосылки, на которых базируется порождение общества и культуры. И хотя подобные гипотетические допущения вряд ли помогут понять генезис человеческой культуры, они акцентируют соотношение врожденных и приобретенных, биологических и культурных детерминант в формировании личности.

Сама такая постановка вопроса подразумевает, что речь не идет об абсолютизации врожденных факторов. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что общие психобиологические человеческие свойства, антропологические универсалии, равно как и врожденные особенности людей оказывают существенное влияние на формирование личности. Однако они не определяют не только жизненных стратегий, образа жизни личности, но даже ее характерологической структуры. Эти факторы следует рассматривать как исходные предпосылки личностного становления, чрезвычайно пластичные с точки зрения порождаемых на их основе интрасубъективных (внутриличностных), интерсубъективных (межличностных), разделяемых культурных форм. О такой пластичности свидетельствует многообразие индивидуальных личностных проявлений, наблюдаемое в любой культуре.

В то же время возможности взаимопонимания и взаимодействия представителей различных культур, социокультурных групп, незнакомых друг с другом индивидов, понимания культурных текстов прошлого указывают на то, что люди обращаются к более глубинным общим для них основаниям, обеспечивающим взаимность. Соответственно встает вопрос о природе

¹ Лоренц К. Человек находит друга. М., 1977. С. 152.

таких оснований, о шкале перехода от общечеловеческих, антропологических свойств через типологические характеристики, присущие определенным группам людей, к индивидуальным личностным чертам. В этой связи определяется область исследования, где рассматривается соотношение биологических и культурных, эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних), индивидуальных и антропологически универсальных факторов в формировании человека как «субъекта» культуры и личности, как культурно сформированного индивида.

Разработка названной темы ведется в двух основных направлениях. С одной стороны, акцент помещается на уникальных чертах личности и индивидуального поведения. Демонстрируется, что в одних и тех же ситуациях разные люди ведут себя неодинаково и отыскиваются причины и факторы, определяющие такое несходство. Соответственно динамика и многообразие культурных явлений интерпретируется через разнообразие личностных типов, черт, особенностей. С другой стороны, предметом интереса становятся антропологические универсалии, то есть свойства, присущие человеку как виду. В этом случае разнообразие внешних культурных проявлений считается сводимым к универсалиям, к базирующемуся на них конечному, относительно немногочисленному набору прототипических структур или форм. Динамика и многообразие культурных феноменов интерпретируются как вариации таких прототипов, возникающие в результате различий жизненных условий людей.

В обоих случаях результаты исследований показывают, что в культуре существуют стандартные ситуации, характеризующиеся тем, что они одинаково определяются членами общества, что вне зависимости от индивидуальных предпочтений люди ведут себя в них одинаково. В то же время есть свидетельства и того, что люди разрушают, заменяют, забывают культурные образования нормативного, ценностного, то есть массово разделяемого характера, которые они ранее считали непреложными, составляющими «природу» их культуры.

Сегодня направление «культура и личность» сконцентрировано на сравнительно-культурных исследованиях таких тем, как:

- соотношение социально-структурных, а также ценностных устойчивых элементов культуры и стереотипных, модальных образцов социализации, особенно первичной (детский опыт);
- соотношение культурных стереотипов социализации с характеристиками модальной, базовой структуры личности, проявляемыми в поведении, в социальном взаимодействии;
- связь базовых черт личности с реализацией социально необходимых функций, с содержанием социокультурных ролей, с прожективными аспектами культуры;
- соотношение базовых черт личности и культурных образцов с отклонениями поведения от социально приемлемых норм (в любой их трактовке) и психическими нарушениями.

■ **Формирование личности: общие представления о социализации и инкультурации**

Характерной темой для психологической антропологии является изучение процесса формирования личности, становления ее важнейших черт, базирующееся на психоантропологии детства. Некоторые ее приверженцы порой заходят столь далеко, что пытаются на этой основе делать далеко идущие выводы о становлении свойств и способностей человека как вида.

Роль детского опыта в формировании личности.

С самого начала такого рода исследований кумулируется обширный сравнительно-культурный материал о телесной социализации ребенка — длительность и регулярность кормления, купания, способ пеленания, гигиенические навыки и т. п. Полученные результаты дают основания для установления функциональных зависимостей характерологических личностных свойств от физических стереотипных воздействий в раннем детстве. И уже стало общим местом представление о

том, что более репрессивное физическое воспитание ведет к формированию менее самостоятельной личности. Имеющийся эмпирический материал свидетельствует, что культурно стереотипные формы, осваиваемые в жизни впервые, навязываемые ребенку при удовлетворении его потребностей без возможного выбора, оставляют след на всю жизнь и определяют некоторые личностные характеристики.

В классическом психоанализе детский опыт также рассматривался как фундаментальная основа формирования личности и индивидуального образа жизни на протяжении всего жизненного цикла. Более того, он считался прототипичным для филогенеза если не человека в его видовой определенности, то человеческой культуры. Об этом свидетельствуют психоаналитическая трактовка таких, например, мифологических ситуаций, как судьба Эдипа или Электры, а также акцент на культуропорождающей силе отношений главы семейного клана с его мужскими отпрысками. Высокая степень зависимости культурных феноменов от типичных ситуаций детства до сих пор обуславливает значимость изучения формирования личности ребенка в контексте «первичных», семейных отношений (мать, отец, братья, сестры).

Изучение детского опыта закладывает основания для анализа освоения культуры личностью вообще. Поэтому ниже речь пойдет только об исследованиях этого рода. Сегодня можно выделить две базовые ориентации в изучении детского опыта. Во-первых, анализ влияния характерных для культуры или субкультуры образцов социализации и инкультурации на характеристики личности и поведения, разделяемые большинством членов сообщества. Во-вторых, установление связей между элементами раннего индивидуального опыта и спецификой черт личности и поведения взрослого индивида. Благодаря этому расширяется круг возможностей при интерпретации и объяснении устойчивости и изменчивости внутрикультурных и межкультурных различий в поведении индивидов.

Согласно точке зрения, господствующей в психологической антропологии, личность как культурная

форма индивида определяется следующими группами факторов: органические, биологические, врожденные поведенческие предпосылки; стереотипы активности и нормы групп, к которым принадлежит индивид; правила поведения, характерные для ролей, исполняемых индивидом в различных социокультурных ситуациях. Следует подчеркнуть, что влияние этих факторов отнюдь не абсолютизируется; считается, что вещи и технологии, с которыми индивиду приходится иметь дело, оказывают не меньшее формирующее воздействие. Значимое влияние приписывается также случайным обстоятельствам.

Понятия «социализация» и «инкультурация». Процессы вхождения индивида в общество и культуру обозначаются понятиями «социализация» и «инкультурация». Эти понятия перекрывают друг друга по содержанию, поскольку оба означают освоение людьми элементов их социокультурного окружения: культурного пространства и времени, функциональных объектов, технологий деятельности, взаимодействия, коммуникации, символических структур, нормативных образований.

Наличие таких близких по содержанию терминов обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что освоение биологически ненаследуемого опыта является предметом анализа и в социологии, и в культурной антропологии. Как уже говорилось ранее, между дисциплинами существуют определенные различия в точке зрения на освоение культуры: внимание к массовым процессам в социологии, к первичным группам и индивидам в психологической антропологии. Этим можно объяснить желание исследователей терминологически обозначить различие в подходах. Во-вторых, различием представлений о культуре в рамках самой культурной антропологии. Те, кто относит понятие «культура» ко всем животным и обозначают им биологически ненаследуемые последствия существования популяций в жизненной среде, склонны употреблять термины практически как синонимы. Те же, кто относит понятие «культура» к содержанию общественной жизни только человека, считают целесообразным про-

водить терминологическое различие. С этой точки зрения в процессе инкультурации индивид «осваивает традиционные способы мышления и действий, составляющие культуру и отличающие его общество от других человеческих групп». Этот сложный процесс начинается в раннем детстве приобретением навыков овладения своим телом и элементами непосредственной жизненной среды и продолжается всю жизнь. «Каждый человек проходит через процесс инкультурации..., поскольку без него не может существовать как член общества»¹. Понятие же «социализация» связывается с освоением социальных норм.

В социализации и инкультурации принято выделять две основных стадии: первичную, или детскую (обычно включая подростковый возраст) и вторичную, или социализацию взрослых (включая процессы ресоциализации в психиатрических клиниках и пенитенциарных учреждениях). На первом этапе дети впервые осваивают самые общераспространенные, жизненно необходимые элементы своей культуры. Задача взрослых здесь — сформировать у нового поколения навыки, необходимые для нормальной социокультурной жизни. Задача детей — максимально полно овладеть «азбукой» культуры. Для этого периода в любой культуре существуют специальные приспособления, которые минимизируют степень риска при использовании детьми полученных знаний и навыков в их повседневной практике. Ярким и показательным примером такого рода может служить феномен игры. Ранняя социализация характеризуется превалированием роли взрослого в отношениях, связанных с трансляцией культурного опыта, вплоть до использования механизмов принуждения ребенка к постоянному выполнению определенных стереотипных форм активности. Эта ступень социализации рассматривается как один из ключевых механизмов, обеспечивающих стабильность культуры.

Основные черты второй стадии инкультурации обусловлены правом индивида на самостоятельность в

пределах, установленных в данном обществе. Он начинает комбинировать полученные знания и навыки для решения жизненно важных задач: расширяются его возможности принимать решения, которые могут иметь значимые последствия для него и для других; он получает право участвовать во взаимодействиях, результатами которых могут быть культурные изменения. Причем индивид во всех этих ситуациях сам должен контролировать степень индивидуального риска при выборе решений и действий.

Таким образом, первый уровень инкультурации способствует сохранению стабильности культуры, поскольку трансляция старшим и воспроизведение новым поколением уже имеющихся культурных образцов контролируют беспрепятственное проникновение в совместную жизнь людей случайных и новых элементов. Второй уровень социализации обеспечивает членам общества возможность принять на себя ответственность за экспериментирование в культуре, за внесение в нее изменений различного масштаба. Взаимодействие процессов инкультурации на этих двух уровнях и обеспечивает нормальное функционирование как личности, так и культурной среды.

Социализация, инкультурация ребенка, предпосылка трансформации его во взрослую, способную к адекватному участию в социокультурной жизни личность составляют одну из центральных проблемных областей психологической антропологии. Этим определяется специфика теоретических оснований и предмета исследования по отношению к другим областям социальной и культурной антропологии. Речь идет об изучении процессов освоения ребенком знаний и навыков, необходимых для существования его в ближайшей среде, в социокультурной жизни, характерной для общества, к которому он принадлежит. Детский опыт формируется на первоначальной для каждого индивида стадии взаимодействия его врожденных предпосылок (свойств и потенций) с культурными образцами, нормами, правилами. Подобный опыт передается с помощью механизма традиции, то есть путем не-

посредственной межличностной трансляции (от старшего к младшему, от знающего и умеющего к невежественному).

Детство понимается главным образом не как самодостаточная стадия индивидуального существования, но как период культурного приготовления человека к полноценной жизни. Взрослым индивид считается в случае приобретения им определенной совокупности врожденных и приобретенных характеристик; как то:

- достижение необходимой степени зрелости организма, как правило, несколько превышающей наступившую способность к воспроизведению потомства;
- овладение навыками собственного жизнеобеспечения на уровнях домашнего хозяйства и общественного разделения труда;
- овладение достаточными культурными знаниями и социальным опытом через участие в различных социокультурных группах и знакомство с различными культурными кодами (наука, искусство, право, политика, религия);
- принадлежность к одной из социальных позиций, характерных для взрослых представителями системы стратификации.

Обычно достижение такого состояния отмечается в любой культуре обрядом инициации или его аналогами, с помощью которых специально выделенные институциональные структуры в лице исполнителей особых ролей как бы наделяют индивида сертификатом «взрослости», то есть полноправием не только осваивать социокультурное окружение, не только пребывать в социокультурной жизни, но и менять их. Как правило, во всех культурах от взрослого индивида ожидаются проявления способностей, возможностей и эффективной активности, направленных на воспроизведение социокультурной жизни в ее ключевых измерениях (социокультурное взаимодействие, создание вещей, идей, образов, воспроизведение потомства).

Первичная социализация (ранний этап)

В изучении детства можно выделить три основных акцента: ребенок как «объект» социализации и инкультурации; ребенок как «субъект» в отношениях с другими; культура с позиции детского опыта. Последний аспект исследования является достаточно новым и познавательным интересным, поскольку открывает дополнительные возможности познания культуры на более общем уровне, в частности микроизменений культурных образцов при их освоении в детстве и дальнейшем использовании во взрослом возрасте, а также формирования личностных предпосылок и предрасположенности к инновативным поискам.

С этих трех точек зрения речь идет о решении таких проблем, как определение механизмов приобретения «раннего опыта»; способностей человека к научению; соотношения врожденного и заученного в онтогенетическом процессе; структуры процессов социализации и инкультурации от момента рождения до вхождения во взрослую жизнь. Этому соответствуют такие предметные области, как межличностная коммуникация, процессы научения, детская культурная активность.

Предпосылки формирования коммуникативных навыков (контакты с родителями). В 80-х гг. XX в. на передний план выдвигаются коммуникативные аспекты первичной социализации, в первую очередь проблемы отношений детей с родителями, начиная с раннего возраста и до момента овладения членораздельной речью. В качестве показательных рассматриваются такие коммуникативные ситуации, как «мать — ребенок», «родители — ребенок», «незнакомые — ребенок». Выяснено, что недостаток внимания к ребенку в раннем возрасте может стать причиной ряда заболеваний, в том числе психических. Тогда как тесный контакт младенца с матерью обуславливает более высокие показатели интеллектуального коэффициента. Такие дети решают задачи лучше тех, на чью долю досталось меньше внимания. Выяснилось также, что кормления и гигиенического ухода недоста-

точно, чтобы сформировались важные предпосылки для дальнейшей инкультурации ребенка. Необходимо, чтобы родители разговаривали, играли с ним, создавали эмоционально насыщенные отношения. Особое значение имеет в этот период умение родителей транслировать ребенку желаемый образ поведения. По результатам исследований подобные культурные ожидания ребенок начинает воспринимать с трехмесячного возраста.

Опыт глобальных сравнительно-культурных исследований, создание мирового этнографического атласа, начавшееся в 40-х гг. XX в. под руководством Г. Мердока, подтвердили научную и практическую значимость изучения процессов ранней социализации. Сравнения позволили исследователям систематическим образом осмыслить различия в проявлениях отношений между родителями и детьми, наблюдаемых в различных культурах и субкультурах. На базе данных атласа была построена теория социализации, связанная с родительским разрешением — запрещением. Вариации этих переменных по определенной формальной схеме позволяют интерпретировать, объяснять и предсказывать поведение, интеллектуальные, эмоциональные реакции ребенка и будущего взрослого в определенных социокультурных ситуациях. Схема строится на оценке одновременного влияния на тип поведения ребенка двух параметров: теснота и характер родительского отношения, с одной стороны, и частота применения определенного типа отношения — с другой. По первому параметру выделяются четыре типа отношения родителей к ребенку: понимание, теплота, любовь; враждебность и агрессивность; индифферентность; контроль. По второму параметру устанавливается четырехбалльная шкала оценки соответствующих проявлений: редко (в исключительных случаях); иногда; часто; всегда (по большей части). В свою очередь переменная родительского контроля имеет следующие значения: отсутствие контроля, слабый, твердый, следящий, ограничивающий автономию контроль. Анализ данных в соответствии с такой схемой позволяет не только выявить распреде-

ление в обществе типов семейной первичной социализации и определить доминирующий здесь тип, но и проинтерпретировать или предсказать поведение взрослых индивидов в определенных устойчивых социокультурных ситуациях.

Основные предпосылки научения. Относительно процессов научения у исследователей до сих пор существуют серьезные расхождения в понимании соотношения врожденных свойств и воздействий среды при трактовке успешности этих процессов. Одни считают, что способности человека и базирующиеся на них навыки — особенно в раннем детстве — формируются в соответствии с естественным созреванием генетически предопределенных механизмов. Другие утверждают, что ребенок обучается во взаимодействии с окружением, и в этом процессе у него формируются не только навыки, но и способности. Проверка гипотез, базирующихся на каждой из названных позиций, осуществляется, на обширном и разнообразном сравнительно-культурном материале. Изучается развитие способностей к овладению интеллектуальными, образными, абстрактными, предметно-наглядными, двигательными-стереотипными формами оперирования элементами окружения. Рассматриваются и интерпретируются различия в сенсомоторных реакциях, особенностях памяти, внимания, других психических функций у детей из различных культур. Выявляется и интерпретируется межкультурная специфика восприятия цвета, звука, пространства. Исследуется влияние культурных особенностей на развитие эмоциональной сферы ребенка, в особенности таких чувств, как любовь, ненависть, страх, удивление, радость, горе.

Результаты эмпирических исследований, проведенных М. Мид и Ж. Пиаже, позволили им поставить под сомнение тезис Леви-Брюля об уподоблении мышления ребенка и «дикаря». Согласно их независимым друг от друга выводам, мышление ребенка в «примитивных» культурах реалистичнее, чем у взрослых; дети не приписывают случайным событиям сверхъестественного значения; им не свойственно анимистическое

мышление и т. п. Все это, говоря словами М. Мид, «оказывается детерминированным культурой, потенцией человеческого ума», но не является ранней стадией индивидуального развития или существования человеческой культуры. Что касается овладения родным языком, то исследования показали, что дети не учат язык как таковой, но осваивают разные стереотипные схемы и стили речевого поведения, которые позволяют им функционировать в качестве компетентных коммуникаторов в контексте различных ситуаций. В процессе социализации они осваивают необходимый набор точек зрения на мир, «картин мира» и представлений, которые удостоверяют их чувство культурной идентичности и поддерживают их ролевые идентичности.

Научение невербальному поведению является предметом исследований этологического направления. Они тяготеют к одному из двух основных полюсов интереса. С одной стороны, делается акцент на выявление биологических предпосылок, значимость наследственных факторов в формировании этих навыков. С другой стороны, заметно тяготение к тщательному анализу его социокультурных детерминант. Следует подчеркнуть, что обе ориентации не находятся в оппозиции или в конфликте друг с другом. Двойная детерминация невербального поведения сегодня общепризнана. Речь идет о доминанте исследовательского интереса.

Внимание исследователей к невербальным аспектам человеческой коммуникации, к их генезису в раннем детстве, в период от рождения до овладения членораздельной речью вполне объяснимо. Поскольку в этот период отношения ребенка с окружением отливаются в невербальные формы, механизмы формирования и выражения эмоциональных переживаний и состояний через жесты, мимику, позы более очевидны, чем у взрослых. Сравнительно-культурные исследования обеспечивают дополнительную информацию для понимания общих и специфических структурных, функциональных, символических особенностей невербальной коммуникации в процессах ранней социализации в различных культурах.

В качестве важных коммуникативных средств, являющихся проводниками для выражения отношения ребенка к отдельным элементам окружения, выделяются общая мимика, выражение глаз, улыбка; довербальное интонирование; жест. Сейчас постепенно складывается своеобразный «словарь» такого невербального «языка». Так, например, выделено 136 терминов и их сочетаний, применяемых для описания различных эмоциональных состояний детей; только улыбок перечисляется 10 видов¹.

Особой темой в изучении детского опыта является формирование избирательности ребенка по отношению к окружению. Ее показателями на довербальном уровне являются комплексные реакции оживления и страха, проявляемые по отношению к различным людям, предметам, ситуациям. Выяснено, что избирательное поведение начинается у ребенка в двухмесячном возрасте. Причем способность узнавания, отделения знакомого от незнакомого проявляется намного раньше, чем страх перед незнакомым².

Вопрос о причинах страха перед посторонними и одновременного любопытства к ним остается пока нерешенным, а ответы на него носят гипотетический характер. Одни исследователи считают страх такого рода врожденным антропологическим свойством, аргументируя это тем, что он проявляется у детей, не имевших негативного опыта общения с «чужими». Предполагается, что существуют какие-то исходящие от людей сигналы, одни из которых вызывают настороженность, а другие настраивают человека на дружеский лад. Личное знакомство в значительной степени блокирует механизмы тревожности. Поскольку при постоянных контактах человек принимает уже знакомые сигналы, люди, живущие среди родственников и друзей, не

¹ *Brannigan Ch. R., Humpers D.A. Human non-verbal behavior // Ethological Studies of Child Behavior. Blurton J.N. (ed.). Cambridge, 1972.*

² *Salzen E.A. Social attachment and a sense of security // Human Ethology. Von Cranach et al. (eds.). Cambridge (Mass.), 1979. P. 603.*

испытывают напряжения¹. Но это лишь предположение, поскольку пока неизвестно, в соответствии с какими признаками осуществляется дифференциальная избирательность людей по отношению друг к другу, тем более, что дети боятся не всех незнакомых, а выборочно.

Культурная активность ребенка. Среди культурных форм, оказывающих существенное влияние на социализацию ребенка, на выход его в область самостоятельных решений и действий, важнейшее место принадлежит игре. Игра является такой культурной формой, внутри которой самостоятельность ребенка поощряется, однако ее последствия не связаны для него с серьезным риском. В то же время определенные правила, свойственные даже ролевым играм, обеспечивают детям образцы для подражания в процессе освоения определенных культурных навыков. В зависимости от их характера игры могут быть разделены на следующие типы:

- физические игры, в которых тренируется и развивается моторная активность;
- стратегические игры, тренирующие и развивающие способность прогнозировать возможные результаты и оценивать их личностную вероятность;
- стохастические игры, где решающая роль принадлежит случаю, удаче, приучающие ребенка к тому, что он может встретиться с неконтролируемыми обстоятельствами, к представлению о риске;
- ролевые игры, предназначенные для того, чтобы ребенок осваивал технологии перехода из одних стандартных социальных ситуаций в другие².

По другому социализующему основанию классифицировал игры Э.Г. Эриксон: «аутокосмическая игра, направленная на собственное тело, микросферическая игра, имеющая предметом игрушки, и макросферичес-

¹ Эйбл-Эйбесфельдт И. Общественное пространство и его социальная роль // Культуры. 1983. № 1. С. 119.

² Roberts M., Sutton-Smith B. Child training and game involvement // Ethnology. 1962. Vol. № 2. P. 166.

кая, направленная в мир играющего»¹. В играх развиваются такие личностные свойства, как интеллект, способность к обучению, фантазия, воображение. Эриксон придавал большое значение игре в процессе инкультурации, рассматривая ее как процесс, в котором ребенок учится проверять и воспроизводить реальность через модели ситуаций, копирующих непосредственную повседневную жизнь².

Значимое место в период первичной социализации принадлежит освоению трудовых навыков и формированию ценностного отношения к труду. Культуры различаются с точки зрения возраста, в котором ребенок вовлекается в полезную активность, и соответственно по конфигурации детского образа жизни (соотношения в нем игры, труда и праздности).

В современной ситуации этот аспект социализации представляется исследователям особенно важным. Современные технологии, переменчивость экономической конъюнктуры в развитых обществах обуславливают существенные изменения в содержании трудовой социализации. Сегодня из системы общественного разделения труда исключаются целые классы традиционных профессий, а на их месте возникают совершенно новые. Меняется технологическая среда повседневной жизни. И необходимы новые схемы ранней социализации, адаптирующие детей к этим условиям.

Многочисленные сравнительные исследования доказывают правомерность утверждения о влиянии детского опыта на формирование личности, стереотипных элементов социализации на воспроизведение культурных стереотипов. Тем не менее сегодня исследователи не склонны, как, скажем, в 20-х – 40-х гг. XX в., преувеличивать значимость этого влияния. Изучение жизненного цикла индивида, психобиологических и культурных особенностей его различных стадий все более становится фокусом исследовательского интереса. И уже сегодня есть данные, хотя и не особенно

¹ *Honigman J.J.* Culture and Personality. 1954. P. 255 – 256.

² *Ibid.* P. 257.

многочисленные, о том, что личность претерпевает существенные структурные изменения на протяжении всего жизненного цикла и что приобретенные в детстве черты могут быть полностью вытеснены или трансформированы в более зрелом возрасте.

Значительное внимание в этой связи уделяется такому нормативному аспекту культуры, как «эталонная» личность. Сравнительные исследования обнаруживают наличие подобного феномена во всех культурах. Соответственно предметом исследования становятся место, роль и функции, которые принадлежат в процессах социализации и на ранних стадиях жизненного цикла такого рода эталонам. Исследования показывают, что в культурной общности может быть несколько типов идеальной личности, соответствующих различным социальным позициям, статусам, ролям, различным стандартным типам социально значимых ситуаций. Они в наглядной форме задают ценностный план действия в определенных условиях. В то же время исследуется, в каком возрасте и почему реальные правила результативной активности в этих условиях расходятся с эталонными.

Из всего сказанного выше следует, что изучению детского опыта в рамках психоантропологического подхода к культуре уделяется очень большое внимание, поскольку с самого раннего детства ребенок попадает в структуры социального взаимодействия, и это его первый и, возможно, сильнее всего запечатлевающийся культурный опыт. Динамика становления личности, ее жизненного пути, как свидетельствуют результаты исследований, сложным образом, и отнюдь не напрямую, как считалось раньше, связана с опытом раннего детства. Тем не менее в этот период закладываются важные предпосылки дальнейшей специализации. Как отмечала Дж. Данн, «мы лишь тогда начали понимать развитие человека, когда стали изучать детей в их реальном социальном мире»¹.

¹ *Dunn J. Understanding human development: Limitation and possibilities of an ethological approach. Human Ethnology. M. von Cranach et al. (eds.). Cambridge (Mass.), 1979. P. 639.*

Социализация после раннего детства

Освоение социально значимых элементов окружения не ограничивается опытом раннего детства. Такое освоение с различной степенью интенсивности происходит несколько раз в течение жизненного цикла человека и тоже называется социализацией.

В самом общем виде под социализацией после раннего детства понимается совокупность культурно оформленных и социально установленных процессов приобретения людьми знаний и навыков, необходимых для адекватного, в частности, бесконфликтного совместного существования, то есть взаимодействия и коммуникации в социально значимых ситуациях; выражения личностно значимых переживаний и побуждений в культурно приемлемых формах; определения границ социально и культурно санкционированных действий и поведения и степени индивидуальной ответственности за соблюдение или нарушение этих границ. Социализация — это непреложная часть социокультурной жизни и универсальный фактор динамики личности как субъекта общества и культуры.

Уровни освоения окружения. Ранняя социализация обеспечивает основные предпосылки для дальнейшего освоения сложной социокультурной среды, социальной структуры, представленных в культуре в виде стереотипов и образцов действий, поведения, взаимодействий, нормативных предписаний и запретов, ценностных суждений, которые либо кодифицируются, либо специально демонстрируются в поведении как социально значимые. В процессе социализации происходит структурирование фундаментальных видовых способностей и задатков человека.

Уровню практических действий соответствуют навыки поискового и стереотипного оперирования предметами и научение такому оперированию. Операциональными единицами здесь являются отдельные действия, или акты поведения, а суть процесса заключается в построении цепей таких единиц, соответствующих достижению определенного практического результата. Социализация в этом случае основывается на

природной способности человека к организации собственной активности так, чтобы взаимодействовать с вещами, окружающими его.

Уровню образного освоения окружения соответствуют навыки выделения сложных целостностей, начиная от самого общего «фона» («картина мира», «определение ситуаций») и кончая неустойчивыми продуктами восприятия на выделенном «фоне». За операциональную единицу можно принять образ, который позволяет людям воспринимать свое окружение с различной степенью обобщенности и устойчивости. Социализация на этом уровне основывается на природной способности человека к формированию и распознаванию образов.

Уровню мыслительных процессов соответствуют навыки доэмпирического оперирования знаками и символами, а также навыки обобщения количественных и качественных характеристик элементов окружения. Операциональными единицами такой деятельности являются знаки и символы, а ее суть заключается в распознавании или установлении связей, организующих их в стабильные или нестабильные целостности, имеющие значение для практической деятельности, для адаптации человека в социокультурном окружении. Возможность социализации обеспечивается природной интеллектуальной способностью человека.

Эмоциональному уровню соответствуют навыки дифференциальной оценки своих переживаний, а также элементов и состояний социокультурного окружения, собственных способов их освоения и использования. В качестве операциональных единиц выделяются чувства удовлетворенности или неудовлетворенности. Первое из них побуждает человека поддерживать сложившиеся отношения с окружением и их эмоциональные эквиваленты, а второе стимулирует к их изменению. Социализации подлежит природная способность человека строить свои отношения со средой выборочно.

На каждой стадии индивидуального жизненного цикла и в различных сферах культуры эти уровни организуются по-своему. Социализацию можно считать адекватной, если они формируются в соответствии

с состоянием социокультурного окружения, его структурой и динамикой.

Культурно-пространственное измерение социализации. Рассматривая процессы социализации в определенном обществе в конкретный исторический период, необходимо принимать во внимание, что социально значимые элементы культуры имеют здесь свою пространственно-временную и социально-структурную распределенность, границы которой важно знать, чтобы выявить локусы социализации (институты, группы, информационные блоки) и их дифференциальную доступность для членов общества в разные возрастные периоды. Выделение в культуре ее специализированного и обыденного уровней позволяет отличать процессы и институты, связанные с приобретением профессиональных знаний и навыков, от тех, что характерны для общего образования и культурных форм повседневной жизни.

Конкретизировать содержание социализации можно, обратившись к концепции образа жизни членов общества. В качестве его структурных составляющих выделяются модусы социокультурной жизнедеятельности людей, то есть культурно установленные «поля» самореализации людей как представителей общества и культуры. Если рассматривать их с точки зрения содержания приобретаемых и используемых знаний и навыков, можно выделить следующие:

- жизнеобеспечение: профессиональная деятельность, домашний труд, приобретение и потребление товаров и услуг;
- личностное развитие: приобретение общего и профессионального образования, общественная активность, любительские занятия;
- социальная коммуникация: формальные и неформальные отношения, путешествия, физические передвижения;
- восстановление энергетических затрат: потребление пищи, соблюдение личной гигиены, пассивный отдых, сон.

Каждый из перечисленных модусов обладает культурно-пространственным измерением, то есть предпола-

гает освоение связанных с ним способов действий, побуждений, ценностных представлений, правильного поведения в соответствующих зонах институциональной и повседневной реальности. Рассмотрение социализации с этой точки зрения позволяет фиксировать те области социокультурной жизни, где осваиваются ее стереотипные массовые формы и те, освоение которых становится отличительным признаком принадлежности к определенным субкультурам или социокультурным слоям.

Временное измерение социализации после раннего детства. Помимо культурно-пространственного измерения процесс социализации имеет и временное. В этом процессе можно выделить несколько периодов. Исключительное место, как уже отмечалось, принадлежит раннему, когда младенец впервые попадает в мир искусственных объектов, технологий и символизированных отношений. Здесь формируются предпосылки для остальных стадий, периодизация которых может определяться тем, какие из модусов социокультурной жизни являются ведущими на каждой из них и, следовательно, какие знания и навыки предполагается осваивать и развивать.

Первый период можно назвать первичной социализацией. Она связана с приобретением на базе раннего детского опыта социально обязательных общекультурных знаний и навыков, носящих неспецифичный (в профессиональном отношении) характер. Здесь их практическое освоение становится ведущим модусом в образе жизни личности. Соответствующими институтами являются детские дошкольные и школьные учреждения. Личность отдает пребыванию в них значительную часть времени и усилий. Приобщение к профессиональным субкультурам осуществляется в специализированных начальных учебных заведениях, сочетающих общее образование с обучением профессии. Начальное представление о существовании определенных субкультур приобретает через семью, общение с детьми из других социокультурных слоев, с воспитателями и преподавателями. В подростковом возрасте начинается осознанное приобщение к специфично молодежной субкультуре.

Второй период — это профессиональная социализация. Она состоит в овладении специализированными трудовыми знаниями и навыками, в приобщении к соответствующей профессиональной культуре. В образе жизни людей на этом этапе такая подготовка становится ведущим модусом, нормативно предполагающим значительные затраты индивидуальных усилий и времени. Институтами, обеспечивающими соответствующие знания и навыки, являются специальные учебные заведения — высшие и средние. Здесь культурная дифференциация молодых людей усиливается, поскольку они приобщаются к различным областям разделения труда со специфичными взглядами на мир, ценностными представлениями, обусловленными их историей и традициями. Социализация общекультурного характера в период профессиональной подготовки осуществляется, во-первых, как освоение молодым человеком нового, уже не детского статуса в семье; во-вторых, как приобретение новых социокультурных знаний и навыков за счет значительного расширения круга социальных контактов; в-третьих, путем обсуждения и интерпретации своего нового статуса и нового опыта в рамках молодежной субкультуры. В это время также развиваются навыки пользования признаками социокультурной дифференциации и существования в неоднородной культурной среде.

Третий период характеризуется включением личности в систему общественного разделения труда. Здесь социализация состоит в овладении профессиональными знаниями и навыками на рабочем месте, в попытках соединить с ними полученный ранее опыт, а также в адаптации в профессиональной субкультуре. Профессиональная деятельность теперь становится на долгие годы ведущим модусом в образе жизни индивида. Он приобретает статус полноправного члена общества, и его профессиональная и гражданская адаптация происходит уже не на базе специальных институтов социализации, а в непосредственных контактах — формальных и неформальных — в широком круге социокультурных ситуаций.

В профессиональной социализации в этот период целесообразно проводить различие между первоначальной адаптацией на рабочем месте и повышением квалификации. В первом случае социализация осуществляется в непосредственной трудовой среде. Для второго случая существуют институциональные формы, которые отличаются от первых двух этапов обучения фокусированностью на узкой профессионализации. Временные затраты, связанные с повышением квалификации, влияют на структуру образа жизни индивида до тех пор, пока это переобучение происходит. В период полной включенности людей в трудовую и гражданскую жизнь закрепляется их социокультурная дифференциация по профессионально-квалификационным, демографическим признакам, по степени социально-политической активности. При этом, чем меньше социально значимых контактов с другими видами занятий предполагает профессия, чем ограниченнее цели группы политической принадлежности индивида, тем беднее эти субкультуры, тем менее они способствуют общей социализации личности.

Общая социализация человека в период полной включенности в систему общественного разделения труда и полноправную гражданскую жизнь происходит как за счет субкультурных, так и за счет общесоциальных механизмов. Адаптируясь в обеих областях, личность под влиянием позитивных и негативных санкций (поощрений и наказаний, одобрений и осуждений) со стороны окружающих осваивает принятые здесь образцы деятельности, взаимодействия, поведения, коммуникации, ценностные и нормативные представления. Далее, жизнь взрослого человека подразумевает его включенность в целый ряд других субкультур: семью, дружеские группы, группы по общим культурным интересам и т. п. Вхождение в каждую из них или перемена группы принадлежности обязательно предполагает дополнительную социализацию. Ведь в таких ситуациях возникает необходимость осваивать и применять иные по сравнению с имеющимся опытом социокультурные образцы, ценности, нормы. Но наряду с этим члены общества используют и общекуль-

турные средства: массовую информацию, учреждения культуры и т. п. Профессиональная деятельность и участие в группах принадлежности характеризуют структуру и содержание образа жизни людей. Здесь социокультурная дифференциация поддерживается за счет различий в образе и стиле жизни, характерных для различных социокультурных групп.

Четвертый этап социализации связан с пенсионным возрастом. В этот период человек выходит из системы общественного разделения труда. У него высвобождается время, ранее занятое профессиональной деятельностью, и ему приходится заново структурировать свой образ жизни так, чтобы не потерять свое лицо как члена общества. В различных культурах этот период социализации институционально обеспечен не одинаково. Однако его значимость как в индивидуальном образе жизни, так и на социальном уровне неоспорима. Если люди при резкой смене жизненных обстоятельств остаются за пределами активной социокультурной жизни, и не существует специальных институциональных структур, позволяющих пожилым адаптироваться в условиях поиска новой социальной и культурной идентичности, начинается «сползание» личности к более примитивному состоянию, ее деградация.

Таковы основные периоды социализации и связанные с каждым из них навыки и знания, которые необходимо осваивать при переходе из одного социально-возрастного статуса в другой. В дополнение к этому следует особое внимание обратить на различие между тремя типами социализации: первичная ранняя (младенчество), первичная (первый этап) и вторичная (второй, третий, четвертый этапы). О младенчестве, как уже отмечалось, можно сказать, что здесь формируются предпосылки для дальнейшего освоения личностью социокультурного окружения. В период первичной социализации происходит обучение, то есть овладение исходными практическими навыками и знаниями, а также навыками научения — и это цель обучения. Вторичная социализация в отличие от этого характеризуется применением навыков научения как средства для получения лично и социально значимых результатов, в том числе для более широкого

освоения культуры. На этапах ранней и первичной социализации человек с необходимостью является объектом воспитания, когда в него «вкладываются» социально обязательные элементы культуры. Основу воспитания составляет подражание ребенка действиям и поведению взрослых, с одной стороны, и директивные предписания взрослых — с другой. В период вторичной социализации изменения в поведении человека происходят за счет самостоятельного выбора новых знаний и навыков для освоения, а также за счет применения к нему отрицательных санкций со стороны окружающих в различных ситуациях взаимодействия.

Описание процессов социализации будет неполным, если не упомянуть о так называемой ресоциализации. Это понятие относится к таким институтам, как пениitenciарные и психиатрические учреждения, и к таким категориям людей, как делинквенты (люди с отклоняющимся поведением), правонарушители, душевнобольные. В этом случае подростки и взрослые подвергаются специальным принудительным воздействиям, способствующим разрушению прежних, социально неприемлемых схем поведения и представлений, и формированию других, не вступающих в конфликт с образцами и нормами, установленными в обществе и культуре.

■ Этологические основания идентичности

Проблема социализации на этологическом уровне основывается на идее границ, которые люди проводят между собой и своим социальным окружением. Она трактуется через дихотомии «я — другие» на индивидуальном уровне и «мы — они» на групповом уровне, то есть через анализ факторов и механизмов, обуславливающих установление границ в совместном существовании людей в процессах социального взаимодействия, культурной коммуникации. Такого рода исследования направлены на то, чтобы объяснить, каким образом происходит установление и прерывание контактов между людьми, при каких условиях возникает необходимость укреплять личностные и групповые границы, а при каких они становятся более проницаемыми.

Регулирование отношений «я — другие» на индивидуальном уровне составляет один из важнейших принципов в формировании межличностных отношений. Соответственно культурные выражения и закрепления их форм и структур занимают важное место в процессе социализации. Антропологический механизм такого регулирования формируется на всех уровнях существования человека: на органическом — это способность организма отличать внутренние для него сигналы от внешних; на телесном — это ощущение границ личного пространства; на социально-психологическом — это чувство эмоциональной дистанции (близость — отчуждение); на культурном — это способность выражать и понимать сигналы индивидуальной дистанции. Нарушение адекватного функционирования механизмов такой регуляции имеет негативные последствия как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. В первом случае это ведет к потере идентичности — психическому состоянию или заболеванию, при котором человек теряет способность к различению внутреннего и внешнего мира, «я» и «не-я». Во втором — нарушение межличностных дистанций порождает конфликтные и агрессивные реакции.

Регуляция приватности культурными средствами осуществляется с помощью вербальных сигналов, знаков экспрессивного и проксемического (пространственного) поведения, характера одежды, средствами организации предметно-пространственной среды. Это непрерывный процесс, осуществляемый различными «я», составляющими общество, вступающими во взаимодействие друг с другом и выходящими из него. Таким образом, соотношение совместности и приватности представляет собой механизм избирательного контроля над доступом людей друг к другу, основание индивидуального права выборочно открывать или закрывать себя для социального или физического воздействия со стороны других. Фундаментальность этого механизма для формирования культурных элементов и конфигураций обуславливает важность для психологической антропологии ответа на вопрос, «как в культуре используется вариативность уровней поведения для регуляции отношений

«я — другие»¹. Степень приватности в различных культурах, субкультурах, социокультурных ситуациях варьируется от максимальной открытости к максимальной закрытости. Тем не менее даже в предельных случаях, как показывают сравнительно-культурные исследования, всегда сохраняется их определенное соотношение, всегда имеется культурная выделенность приватности в публичных ситуациях².

Развитие урбанизации и возникновение мегаполисов породили социокультурные проблемы высокой плотности и скученности расселения. Жителям таких городов приходится часто попадать в ситуации вынужденных контактов с незнакомыми людьми — на улицах, в учреждениях обслуживания, в городском транспорте. Скученность обуславливает постоянную угрозу нарушения «персонального пространства». В связи с этим в культуре мегаполиса усиливаются в массовом масштабе тенденции к обособлению, приватности и формируются соответствующие образцы поведения и культурные конфигурации. Так, общество здесь является «анонимным»: люди не просто могут быть не знакомыми друг с другом будучи жителями одного квартала, но они не хотят этого и имеют на это право. Городские жители законом ограждаются от вмешательства в их приватную жизнь даже ближайших соседей. Закон в мегаполисах как механизм регулирования социального взаимодействия существенно преобладает над моралью (локальными нравами и обычаями). Основной способ адаптации в этих условиях связан с развитием индивидуальных механизмов регуляции коммуникативных и информационных процессов, навыков возведения барьеров на пути обмена информацией, защитных реакций в сфере эмоционального обмена (маскировка, гашение эмоций). Именно культура крупнейших городов породила феномен «ролевого, поведения», сводя-

¹ *Allman I. Privacy as an interpersonal boundary process // Human Ethology. Ed. M. von Cranach et al. Cambridge etc., 1979. P. 121.*

² См.: *Эйбл-Эйбесфельдт И. Общественное пространство и его социальная роль // Культуры. 1983. № 1. С. 118–119.*

щего контакты между людьми в институционализованных ситуациях к максимально возможной рационализованной и функциональной форме. В современной модернизированной, урбанизированной культуре такие эмоциональные и поведенческие барьеры стали устойчивыми стереотипами поведения.

Однако, как всегда в культуре, такая тенденция на первоначальных стадиях формирования оказывается далекой от оптимума в своем проявлении. Люди ищут благоприятных пространственных условий, ограждающих приватность. Массовое стремление горожан к этому состоянию обусловлено усталостью от множественности, изменчивости и интенсивности воздействий окружения. Обе тенденции находятся в резонансе с культурной ценностью приватности. Привычка к поддержанию эмоциональной дистанции с «чужими» распространяется на ближайшее окружение личности — родственников, друзей, знакомых. Обособление приобретает патологические формы ощущения безвыходности, изоляции, одиночества, непреодолимости психологических барьеров в сфере межличностных контактов, неумения выразить себя адекватным (примемлемым для себя и для других) образом. В результате в крупнейших городах возникают соответствующие формы как психических, так и поведенческих патологий, нормализация которых является одной из важнейших задач специалистов в области социализации (образования, психиатрии, пенитенциарной системы, адаптационного консультирования, социальной помощи)¹.

Норма и отклонение

Важной темой психологической антропологии в связи с концепцией социализации была и остается относительность грани между психической нормой и патологией. Сама тема и базовая точка зрения на нее

¹ *Altman I.* The environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory and Crowding. Montrey, 1975. Idem. Privacy: A conceptual analysis. Environment and Behavior. 1976. Vol. 8. P. 7–29.

была задана статьей Р. Бенедикт «Антропология и патология»¹. Развивая идеи З. Фрейда, она выдвинула гипотезу о том, что каждая культура содержит особые, характерные для нее черты, которые вызывают специфичные психопатологические реакции. Она поставила также проблемы нормы здоровья, высказав допущение о том, что нормальными считаются поведение и состояния, находящиеся в соответствии с установлениями данного общества, оправданные в нем. Таким образом, проблема культурной нормы приобрела релятивистскую окраску.

При обсуждении нормы следует принимать во внимание неоднозначность самого термина. С одной стороны, в науках о культуре нормой считается такое устойчивое регулятивное или референтное (обязательное для соотнесения с ним) образование, которое в этом качестве утверждено, признано и оправдано членами сообщества, а часто даже кодифицировано, то есть облечено в устную или письменную формулу, составляющую часть морального кодекса. С другой стороны, этим же термином обозначается норма в статистическом смысле, то есть часто даже неотрефлектированные формы поведения, предпочтений, которые оказываются общими для статистически значимого большинства членов группы и проявляются только на уровне социальной активности. Из этого следует, что далеко не все виды общераспространенного поведения могут оправдываться на уровне принятого в сообществе морального кодекса. В то же время моральное оправдание некоторых нормативных предписаний отнюдь не означает обязательного массового следования им.

Трактовка и объяснение отклонений от культурных норм, выявление порождающих их факторов, их последствий для личности и ее культурного окружения, механизмов их социальной и культурной институционализации осуществляются на базе культурно-антропологической интерпретации данных психиатрии и анализа правонарушений. Изучение народной медици-

ны и этнопсихиатрии позволило выявить не только разнообразные виды терапии по отношению к душевным заболеваниям. Стало очевидным, что значение и смысл таких заболеваний неодинаковы в различных культурах. Варьируются оценка социокультурного статуса больного, его самовосприятие, граница, отделяющая психическую болезнь от здоровья, и т. п. Соответственно расширились аналитические рамки для изучения устойчивости социокультурных структур по отношению к индивидуальным девиациям (отклонениям), а также последствий такой устойчивости для социальной идентификации личности.

В этнопсихиатрических исследованиях многообразии психических отклонений и порождающих их факторов рассматриваются в двух основных аспектах. С одной стороны, изучается специфика девиантного поведения, особенности психозов и их истоков в зависимости от особенностей различных культур. С другой стороны, анализируются психические последствия перехода общества из традиционалистской в модернизованную форму: сравниваются особенности дисфункций психики в обоих типах обществ, место и роль в них наркотических культур (алкоголизм, наркомания, токсикомания).

Самостоятельную тему исследований этой ориентации составляет изучение психических отклонений, пограничных состояний личности как источников культурных инноваций (творчества). Интересный материал для изучения закономерностей индивидуальной обусловленности формирования культурных знаков и символов, культурной семантики обеспечивается сравнительно-культурным анализом сновидений.

Релятивизация концепции культурной нормы, проблематизация ее неизменности позволили исследователям более тонко изучить темы нормы и отклонения, здоровья и заболевания. Нестандартное поведение перестало однозначно трактоваться как патология органического или психического происхождения. Общесоциальные кодифицированные и статистические нормы больше не рассматриваются как безоговорочно и навсегда связанные с адаптацией людей к своему

окружению и к сохранению личностного благополучия. В результате модель изучения «отклонений» может выглядеть сегодня следующим образом. В социокультурной реальности выделяются три уровня функционирования нормативных образований: норма для индивидуального организма задается видовой обусловленностью, наследственностью, физическими и психическими ресурсами человека как вида и т. п.; норма для группы обусловлена ее функциональной и структурной спецификой, особенностями свойственных ей нравов и обычаев по сравнению с другими группами; общесоциальная норма отражает общие принципы социального взаимодействия и регулирования конфликтов для всех членов общества.

Соответственно необычные проявления не следует сразу диагностировать как аномалию, но подвергнуть анализу с точки зрения адаптационных социокультурных процессов. Например, нарушение групповых или общесоциальных стереотипов может отнюдь не быть свидетельством психического заболевания или «отклоняющегося поведения». Может оказаться, что найденная человеком позиция в отношении к окружению более отвечает критериям личностного или группового благополучия, чем общепринятые. Хотя отклонение может носить и разрушительный для индивида и группы характер. Но поскольку социальная значимость инновации часто становится заметной лишь с течением времени, члены группы склонны не принимать ее сразу, продолжать придерживаться установившихся стереотипов и считать новое отклонением, нарушением, а иногда и патологией.

Подобным же образом не следует без проверки относить к преступным группам те, что отклоняются в своих действиях не только от социально санкционированного морального кодекса, но даже и от некоторых правовых норм. Может оказаться, что конкретные законы, имеющиеся в определенной культуре, перестали соответствовать изменившейся социальной ситуации, способствовать решению текущих социокультурных проблем. А на групповом уровне в определенном сообществе найдены адекватные формы существования в изменившихся услови-

ях, причем такие, что могут быть социально приемлемыми. В то же время стереотипы поведения и действий, найденные в рамках определенной группы и способствующие приращению благополучия ее членов, могут не только противоречить правовым установлениям, но и угрожать адекватному функционированию других групп, механизмов поддержания порядка, удовлетворяющего большинство членов общества. В этом случае общесоциальные нормы оказываются более действенными не только по традиции, но и по существу.

Проявления отклонений на одном из названных уровней не обязательно ведет к нарушениям на других. Так, психическое заболевание или индивидуальное преступление даже при условии их определенной статистической вероятности не разрушают социокультурных групп и общества. Институционализация такого рода событий позволяет локализовать их, «выгородить» из более широкого культурного контекста с его рутинными установившимися процессами. Клиники для душевнобольных, пенитенциарные учреждения (места для содержания и ресоциализации правонарушителей), монастыри и т. п. суть те институциональные структуры, в которые помещаются несоциализованные или больные индивиды. Аналогичным образом противоречия и конфликты на уровне общественной идеологии могут никак не повлиять на образ жизни конкретных индивидов. Люди будут продолжать зарабатывать на жизнь, воспитывать детей, строить отношения друг с другом в соответствии с теми же стереотипами, что были им свойственны раньше.

Эмпирические критерии индивидуальной, социальной, культурной аномалии, патологии, по свидетельству многочисленных исторических и сравнительно-культурных исследований, меняются от эпохи к эпохе и от общества к обществу. Эти различия становятся важным показателем, характеризующим относительное своеобразие каждой отдельной культуры, каждого исторического периода. Такая показательность определяется той социальной значимостью, которой люди наделяют их при поддержании порядков в социокультурных процессах при организации своего жизненного мира. Соответ-

ственно поддержание и изменение в обществе представлений о норме и патологии определяет «логику» и философию истории, зафиксированные в культуре¹.

■ Парадигмы взаимодействия в напряженных ситуациях

В периоды интенсификации культурной динамики, как уже отмечалось ранее, отклонения от установленных в обществе норм учащаются, механизмы социализации ослабевают, а ее содержание становится более неопределенным. В таких условиях межличностные и межгрупповые взаимодействия делаются более напряженными, и людям приходится выбирать, как организовывать совместную активность в таких ситуациях. В самом общем виде можно предложить основные, фундаментальные принципы такой организации; прослеживая в соотношении с ними реальные реакции людей на возникающие в группе трения, на недостаточную социализованность поведения, на отклонения от принятых здесь стандартов, определить, насколько избранный путь взаимодействия будет эффективным в данной ситуации.

Они объединяются категорией «парадигма взаимодействия», которая относится прежде всего к форме, стратегии, тактике взаимодействия. Однако выделяются также и обуславливающие их факторы социокультурного и психологического порядка².

Форма и структура процесса определяются следующими парадигматическими основаниями:

- нормативные ориентации участников по отношению друг к другу; они могут быть осознанными и бессознательными, рациональными и аффективными и т. п.;

¹ Herskowitz M. Cultural Anthropology. N. Y., 1955. P. 273 (см. также работы М. Фуко).

² Подробнее об этом см.: Орлова Э.А. Социокультурные проблемы и формы их решения. Парадигмы социального взаимодействия. М., 2001; Конфликты и переговоры. Парадигмы социального взаимодействия. М., 2001.

- общие намерения, относящиеся к цели взаимодействия; они задают критерии для оценки эффективности процесса;
- ожидания участников по отношению друг к другу и к результатам взаимодействия; они задают критерии для регулирования хода процесса;
- особенности организации информационного обмена, обуславливающие степень напряженности взаимодействия.

На этих основаниях выделяются три общих парадигмы взаимодействия, определяющих доминирующую направленность участников: на сохранение системы взаимодействия (консолидация); на индивидуальное достижение без учета интересов других (конфликт); на решение задачи или проблемы (переговоры).

Консолидация. Ведущая нормативная ориентация — на полное согласие участвующих сторон относительно организации взаимодействия. Основное намерение партнеров — достижение цели без разрушения согласия. Их базовые ожидания по отношению друг к другу — взаимопонимание, общность позиций, касающихся предмета и нормативных рамок взаимодействия. Структура информационного обмена порождается свойственной парадигме стремлением к накоплению согласий и избеганию обсуждения вопросов, которые могут нарушить достигнутое единство мнений. Таким образом, в напряженной ситуации парадигма консолидации выбирается для снижения уровня напряжения.

Ориентация на полное согласие связана с отвержением любой информации, которая может вызвать расхождение во мнениях участников взаимодействия. Из-за этого вне сферы их внимания оказываются все те аспекты ситуации, которые могут усилить напряжение. Следовательно, этому процессу свойственна односторонность в определении ситуации, в отборе информации, в принятии решения.

Парадокс парадигмы консолидации вытекает из нормативной ориентации на полное согласие. С одной стороны, реальные расхождения участников взаимодействия в отношении к нему и друг к другу подавляются. Но они могут подспудно накапливаться и добавлять напряженности в ситуации настолько, что это может

привести к внезапному конфликту. С другой стороны, парадигма ориентирована на установление и поддержание межличностных отношений партнеров и поэтому не будет эффективной при необходимости решения проблемы, вызывающей напряжение.

Конфликт. Основной нормативной ориентацией взаимодействия в этом случае становится несогласие участников ситуации относительно ее определения. В динамике процесса доминирует намерение каждого из них достичь собственных целей и помешать другим в этом. Соответственно их взаимные ожидания определяются как противоположность интересов, несовместимость позиций внутри ситуации. Вступив в конфликтные отношения, обе стороны обрекают себя на максимальную затрату усилий. Во-первых, напряженным является процесс обмена информацией: участники взаимодействия стараются скрыть свои намерения и позиции, либо дезинформировать о них друг друга. Во-вторых, известно, что враждебные чувства сами по себе требуют больших эмоциональных затрат. Иными словами, выбор конфликтной парадигмы доводит напряженную ситуацию до предельного уровня и делает ее безвыходной.

Напряженность ситуации, затрудненность информационного обмена и убежденность партнеров во взаимной несовместимости позиций создают условия, благоприятные для поддержания у них состояния агрессивности. Хорошо известно, что такое психическое состояние делает человека менее восприимчивым к элементам ситуации, даже благоприятным для него, и менее способным к рациональному поведению. Любое принятое решение в таких условиях ограничено и неустойчиво, поскольку становится объектом посягательств другой стороны. Совершенно очевидно, что это ситуация с высокой степенью неопределенности, характеризующаяся противонаправленностью действий ее участников.

Парадоксом такой парадигмы является свойственная ей тенденция превращать конфликт в перманентное отношение между сторонами. Обе стремятся достичь успеха за счет ослабления противника, и каждый успех одной побуждает другую к соперничеству. Таким образом, в напряженной ситуации парадигма конфликта ока-

зывается неадекватной для решения породившей ее проблемы. Во-первых, ориентация участников на взаимное неприятие мешает воспринимать зоны пересечения интересов. Во-вторых, парадигма побуждает каждого из них преследовать собственные интересы, а не решать существующую проблему. И эти факторы ведут к стабилизации и эскалации конфликтного состояния ситуации.

Переговоры. Основная нормативная ориентация — исходное признание участниками взаимных расхождений в оценке ситуации и возможностей выхода из нее, однако без наделения этих расхождений качеством несовместимости. Ход процесса детерминируется преобладающим намерением сторон преодолеть напряженность ситуации вне зависимости от имеющихся несовпадений во мнениях. При переговорах партнеры не ожидают полного взаимного согласия в процессе взаимодействия. Каждый готов к компромиссу. Парадигма связана с известными затратами усилий: партнеры должны постоянно соотносить позиции, зоны согласия и расхождений. Они должны также контролировать собственные эмоциональные состояния и проявлять терпимость при разногласиях. Активность такого рода носит конструктивный характер и способствует уменьшению неопределенности в отношениях сторон, делает их более организованными, а взаимодействие — более результативным для обеих. Таким образом, при этой парадигме можно ожидать постепенного и заметного снижения напряженности ситуации.

Парадигма переговоров связана с конструированием функционального порядка, с дифференциацией ролевого поведения участников, с рационализацией отношений между ними. Анализ ситуации в этом случае становится многосторонним, интегративным и открытым: он не только позволяет продолжать конструктивное взаимодействие, но и делает возможным пересмотр его ориентиров. Парадокс парадигмы заключается в том, что она ориентирована на решение только той части проблемы, которая выделяется пересечением интересов участников. Поэтому оно не будет полным, что означает обязательное сохранение проблемности. В то же время переговоры обеспечивают эффективность процесса, способствуют многосторонней и доступной для пере-

смотря оценке ситуации и способов взаимодействия в ней, допускает изменение не только содержательных, но и структурных его аспектов; открывает перспективы для преднамеренного регулирования динамики ситуации.

В условиях социокультурной неопределенности и высокого динамизма, когда аномическое (ненормативное, вненормативное) поведение становится широко распространенным, когда утрачиваются однозначные основания для четкой культурной идентичности и возникает необходимость в построении новых социализационных моделей, люди пользуются всеми тремя парадигмами. Их адекватное применение дает положительные результаты. Так, парадигма консолидации позволяет сохранить те традиционные культурные образцы и ценности, которые не утрачивают своей функциональной значимости в меняющихся условиях. Использование конфликтной парадигмы позволяет увидеть бесполезность, нецелесообразность и бесперспективность удержания в культуре дисфункциональных паттернов. Парадигма переговоров способствует формированию новых образцов действий, взаимодействий, поведения в меняющихся условиях, новых оснований нормативных образований и социализационных моделей, ориентированных на перспективные тенденции динамики общества и культуры.

■ Проблемы социализации и инкультурации в изучении динамики культуры

Тема освоения культуры занимает особое место в концепции социального взаимодействия и информационных обменов. О значимости, фундаментальности процессов обучения в поддержании контекста совместного существования индивидов свидетельствуют, как это было показано ранее, результаты социобиологических исследований. Именно освоение жизненной среды, трансляция культурного опыта от старших поколений к младшим и от более культурно компетентных членов общества к менее компетентным является тем механизмом, благодаря которому изучение культуры с совершенной очевидностью приобретает временное измерение. Если в пре-

дыдущей главе речь шла о том, как порождаются артефакты, и о среде, в которой они становятся предметами обмена в процессах социального взаимодействия, то в данном случае были рассмотрены процессы и механизмы освоения того, что люди при рождении или при вхождении в определенную социокультурную ситуацию заставляют как «объективную реальность».

Детский опыт такого рода был выделен в связи с его значимостью в структуре жизненного цикла человека. По сути дела в ранний период социализации и инкультурации ребенок на довербальном нерелексивном уровне осваивает первые навыки отношения с окружением. Они устойчиво сохраняются и с трудом поддаются изменению у взрослых благодаря их адаптационным свойствам, с одной стороны, и нерелексивности — с другой.

Однако было бы неверным считать приобретенный в раннем детстве опыт единственной основой формирования личности, а последующие знания и навыки лишь развитием того, что было освоено в детстве. В ходе жизненного цикла индивиду приходится иметь дело с различными ситуациями социального взаимодействия, с разными культурными кодами, с необходимостью решать разноплановые задачи. Поэтому на каждой стадии личностного становления индивиду приходится осваивать новый опыт, соотносить его с тем, что был приобретен до этого. И отнюдь не всегда прежние знания и навыки органично сочетаются с более поздним обучением; оно даже может стать их отрицанием. Соответственно личность в культурном плане претерпевает не только содержательные, но и структурные изменения, причем те, что не находятся в прямой зависимости от смены биологических состояний организма в ходе жизненного цикла. Такие изменения вызываются столкновениями индивида с элементами многомерного, подвижного окружения, которые при первом знакомстве не открываются перед ним как принадлежность к определенному культурному порядку, в их внутренних последовательностях, культурных значениях и смыслах. Соответственно приходится затрачивать усилия на их осмысление, освоение и упорядочение и быть инструментом в этих процессах. Разнородность же осваиваемого пред-

полагает формирование различных структур взаимодействия с ним у одного и того же человека. Причем такие структуры могут быть полностью несопоставимыми друг с другом и даже взаимоисключающими. Все это способствует модификациям его культурной компетентности.

Сказанного достаточно, чтобы поставить под сомнение упрощенную концепцию развития личности. Благодаря рассмотрению личностных изменений сквозь призму концепций социализации и инкультурации становится понятным, что по форме своей они сложнее, чем развитие, поскольку не являются непрерывной кумуляцией опыта, дифференциацией внутренних качеств с повышающимся уровнем их организации. Скорее здесь речь может идти о дискретных событиях и о сменных уровнях организации культурного опыта. Приведенная в главе концепция парадигм взаимодействия в напряженных ситуациях, каждой из которых в той или иной степени овладевает любой индивид, является показательным примером сосуществования в его репертуаре взаимоисключающих форм поведения.

Изучение способов освоения людьми своего культурного окружения обеспечивает подходы к решению нескольких классов задач, связанных с изучением динамики культуры. Одной из наименее исследованных проблем до сих пор остается установление взаимосвязи между стадиями индивидуального жизненного цикла и культурными средами, структурами социального взаимодействия, характером информационных обменов, необходимыми для каждой из них с точки зрения личностной адаптации в сложном и динамичном окружении. Решение этого круга задач чрезвычайно важно для изучения динамики культуры, поскольку наборы адаптационных механизмов меняются по ходу жизненного цикла, а, следовательно, трансформируется не только отношение, но и характер практических связей индивида с окружением. Соответственно формируется дополнительная концептуальная область изучения порождений культурных изменений.

Другой интересный класс задач связан с действием механизма традиции. Обычно принято считать, что традиционно передаваемый культурный опыт остается сохранным и относительно неизменным в течение

жизни многих поколений. Однако известно, — и это было показано в предыдущих главах, — что любая культурная информация, заключенная как в действиях, так и в символах, при передаче претерпевает определенные трансформации. Поэтому традиционно транслируемый культурный опыт модифицируется в процессе восприятия и воспроизведения новым поколением. И можно с уверенностью утверждать, что внешне тождественные формы действий и символические структуры меняют свои функции, значения и смыслы благодаря все увеличивающимся расхождениям между их местом в культурном локусе порождения и в изменяющемся с течением времени социокультурном контексте. Изучение таких микроизменений позволяет лучше понять механизмы непрерывности и дискретности в динамике культуры.

Еще один класс задач предполагает изучение жизненных путей индивидов в обществе как концептуальной области, открывающей возможность наблюдать траектории движения людей в широком социокультурном контексте и в пределах отдельных культурных порядков. Такие категории, выделяющие личностную представленность индивидов в культуре, как статусы, роли, культурные идентичности, позволяют выйти на концепцию культурных состояний личности в ее функциональном и символическом выражении. Такие категории, как образ, качество и стиль жизни, дают возможность интегрировать смену подобных состояний в интегральную совокупность процессов личностного движения в социокультурном пространстве на протяжении индивидуального жизненного цикла. Типология подобных траекторий по основанию «тяготение к устойчивости или к изменениям» позволяет структурировать социокультурный контекст с точки зрения выделения в нем более и менее стабильных областей, стационарных и нестационарных структурных образований.

Таким образом, изучение процессов социализации, инкультурации, освоения культуры людьми по ходу жизненного цикла имеет отнюдь не только самодовлеющую ценность в связи с темой становления личности. Оно позволяет многое понять относительно динамики более широкого спектра социокультурных процессов.

Выводы

1. Процессы освоения культуры, формирования личности, отклонений индивидуального поведения от норм и их коррекции рассматриваются в той ветви психологической антропологии, которая связана с изучением корреляции между психическими и социокультурными феноменами и носит название «культура и личность». Разработка этой тематики ведется в двух основных направлениях. Во-первых, акцентируются индивидуальные различия личностных проявлений в сходных ситуациях. Во-вторых, выявляются антропологические универсалии, т. е. свойства, присущие человеку как виду.
2. Значимой для поддержания социальных систем культурно-антропологической универсалией считаются процессы социализации и инкультурации. Оба понятия означают освоение людьми социокультурного опыта на протяжении жизненного цикла, с той разницей, что социализация больше относится к освоению нормативных, а инкультурация — символических аспектов такого опыта. В этих процессах принято выделять две основные стадии: первичную (естество) и социализацию после детства.
3. Обычно подчеркивается роль детского опыта в дальнейшем становлении личности. Поэтому в рамках направления «культура и личность» существенное место занимает изучение процессов первичной социализации. На этом этапе дети впервые осваивают общепространные, жизненно необходимые элементы своей культуры. Задача взрослых здесь — сформировать у нового поколения навыки, необходимые для нормальной социокультурной жизни. Задача детей — максимально полно овладеть «азбукой» культуры. Эта ступень социализации рассматривается как один из ключевых механизмов, обеспечивающих стабильность культуры, поскольку взрослые ограждают детей от рисков, связанных с освоением и использованием социокультурного опыта.
4. Основные черты социализации (инкультурации) после детства обусловлены правом индивида на самостоятельность в пределах нормативов, принятых в данном обществе. Речь идет о расширении возмож-

- ностей комбинировать получения знания и навыки в различных ситуациях; принимать решения, имеющие социально значимые последствия, участвовать в инициировании социальных и культурных изменений. Динамические аспекты этой стадии социализации обусловлены тем, что индивид должен сам контролировать степень риска в ситуациях выбора.
5. Содержание процессов социализации (инкультурации) определяется уровнями освоения окружения. Среди них принято выделять следующие. Уровень практических действий, которому соответствует научение поисковому и стереотипному поведению. Уровень образного освоения окружения, связанный с приобретением навыков оперировать представлениями. Уровень мыслительных операций, характеризующийся овладением навыками доэмпирического оперирования, знаками и символами, количественными и качественными категориями. Эмоциональный уровень, подразумевающий приобретение навыков регулирования переживаний и оценки окружения. На каждой стадии социализации и в различных сферах культуры эти уровни организуются и, соответственно, осваиваются по-своему.
 6. Конкретизировать таким образом определяемое содержание процессов социализации можно, распределяя их в концептуальном пространстве категории «образ жизни» и времени индивидуального жизненного цикла.
 7. Регулятивные механизмы, осваиваемые в процессах социализации (инкультурации), рассматриваются в контексте концептуальных моделей идентичности и социальных норм. Идентичность предполагает навыки индивидуального регулирования отношений людей с окружением. Освоение норм подразумевает социальный аспект такого регулирования. Изменение идентификаций и отклонения от нормы рассматриваются как источники динамики в культуре.
 8. Освоение таких идентичностей и норм происходит в процессах социального взаимодействия и коммуникации. Оно может быть сведено к общим структурным формам, если рассматривать процессы подобного рода в их идеально-технических харак-

теристиках. Соответственно, выделяются парадигмы социального взаимодействия и коммуникации в напряженных ситуациях, где освоение знаний и навыков происходит особенно интенсивно. Рассматриваются три фундаментальные парадигмы такого рода: консолидация, конфликт, переговоры.

9. Изучение процессов социализации (инкультурации) позволяет понять динамические характеристики не только личностного становления, но и более широкого социокультурного контекста, во-первых, за счет внимания к вариациям освоения культуры, а во-вторых, благодаря акценту на изменениях социокультурного опыта при межпоколенной трансляции.

Контрольные вопросы

1. Какие основные задачи решаются в рамках психологической антропологии?
2. Почему исследователи уделяют такое большое внимание изучению раннего детского опыта?
3. В чем состоит познавательная значимость категорий «социализация» и «инкультурация»; какова концептуальная связь между ними?
4. Как можно представить периодизацию процессов социализации и инкультурации после раннего детства, и чем определяется такая периодизация?
5. Каковы пространственно-временные измерения социализации и инкультурации и почему их важно выделять?
6. На каких основаниях формулируются представления о норме и отклонении в психике, соматическом здоровье, поведении, и какова познавательная значимость такого разделения?
7. Каковы исходные формы, парадигмы взаимодействия людей в напряженных ситуациях; каковы социокультурные последствия реализации каждой из них?
8. Какие классы задач, связанные с изучением динамики культуры, можно решать, используя концепцию социализации, инкультурации, освоения культуры?
9. Выберите среди этих задач ту, что представляется вам наиболее интересной, и постройте модель исследовательской программы ее решения.

ЧАСТЬ IV
ИДЕИ НЕОБРАТИМОСТИ
И ОБРАТИМОСТИ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

В области социальной и культурной антропологии существуют направления, которые специально ориентированы на изучение динамики общества и культуры. Речь идет об эволюционизме и концепции волнообразных социокультурных изменений. Эволюционизм исторически представляет собой одно из самых ранних научных направлений в социальной и культурной антропологии и имеет концептуальную базу для европейской культуры. Его сторонники опирались на прогрессивистские идеи эпохи Просвещения, которые, в свою очередь, были непосредственно связаны с той линией христианской онтологии, в которой утверждался путь человечества к спасению через совершенствование. Эта линия противостояла другой, где апофеоз человечества рассматривался как невозвратное прошлое и в удел ему оставалась безнадежная деградация.

Эволюционизм развивался как опровержение и противопоставление идеям деградации и поначалу имел сильную ценностную окраску. Позже идеологическое противостояние угасло, тогда как исследовательские интенции эволюционистов приводили к накоплению все большего количества эмпирических данных и теоретических разработок, указывающих если не на улучшение, то по крайней мере на усложнение таких аспектов совместной жизни людей, как социальная организация, технологии жизнеобеспечения, способы управления и т. п.

Становлению направления способствовал и другой сильный интеллектуальный импульс: оно противостояло господствовавшему тогда взгляду на человеческую историю как на цепь уникальных, не повторяющихся событий. Историки и философы истории полагали, что динамика общества и культуры не могут быть описаны языком закономерностей, что они представляемы лишь в виде хроник. Эволюционисты же, напротив, исходя из идеи о человеке как о части природы, считали, что его история столь же закономерна, сколь и широко распространенная в те времена естественная история. И они интенсивно собирали свидетельства и доказательства таких закономерностей. Соответственно эволюционизм формировался как теория необратимых социокультурных изменений, повышающих уровень адаптированности людей к своему окружению.

По мере развития этого направления и роста претензий его сторонников на универсальность их теорий постепенно стали накапливаться факты, которые невозможно было объяснить на основании эволюционных моделей.

Сформировалось иное, так называемое циклистское направление, в рамках которого акцентировались не природные, но культурные, в основном связанные с идеями и образами начала человека. В его основе была заложена также традиционная идея о периодическом повторении жизненных событий, подобном природным циклам. Подобные концепции истории были, как и эволюционизм, образцом номотетического (законообразного) подхода к социокультурной динамике и противопоставлялись ее идиографическому (утверждающему неповторимость исторических событий) толкованию. Однако в их рамках утверждалась иная форма исторического процесса: не непрерывность, но дискретность культурной динамики в историческом времени; не необратимость, но обратимость культурных процессов; не панкультура, но совокупность различных по своим основаниям культур и цивилизаций как модус существования человеческой популяции. И эти характеристики утверждались в качестве универсальных.

Сегодня становится совершенно очевидным, что динамика социокультурной жизни не может быть удовлетворительным образом представлена ни эволюционной, ни циклической теориями, ни их сочетаниями. За пределами интерпретации остается множество динамических событий, которые не описываются ими. Тем не менее оба подхода имеют значительный эвристический потенциал, если четко определить границы их применимости и пределы интерпретативных возможностей.

**КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ.
ИДЕИ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА**

В предыдущих главах речь шла о так называемых микродинамических процессах, происходящих в обществе и культуре, то есть той изменчивости событий, переживаний, представлений, действий, отношений, которую можно проследить в пределах жизненного цикла одного-трех поколений. Это временной период, равный примерно столетию, где с помощью предложенных ранее теоретических моделей оказывается вполне возможным проследить некоторые динамические тенденции на уровне как отдельных культур, так и в глобальном масштабе и объяснить их происхождение, существование, направленность движения.

Однако, чтобы дать оценку таким тенденциям с точки зрения их вклада в общее благополучие человека, этих временных рамок оказывается недостаточно. Исследователи обращаются к историческим масштабам времени, чтобы, проводя сравнения современного состояния культуры определенного общества или конкретных общераспространенных культурных черт с теоретически организованными представлениями о прошлом, дать ему оценку в исторической цепи смены событий.

Вплоть до настоящего времени наиболее влиятельной научной моделью исторического процесса в культурной антропологии является эволюционизм. Он задает систематическую схему необратимых культурных изменений, называемую эволюцией, или развитием, применение которой позволяет оценить рассматрива-

емую культуру или культурную черту в соответствии с установленными критериями. О том, что собой представляет такая модель и как с ее помощью описываются и сравниваются тенденции социокультурной динамики, и пойдет речь в этой главе.

Концепция эволюции была предложена еще Г. Спенсером. Утверждалось, что необратимые изменения культурных феноменов осуществляются в направлении от относительно неопределенной, бессвязной гомогенности к относительно более определенной согласованной гетерогенности. Это происходит благодаря постепенной дифференциации и интеграции¹.

Человеческая культура рассматривается как совокупность процессов адаптации людей, организованных в общества, к их природному окружению. Понятие «адаптация» устойчиво сохраняется на протяжении всего существования эволюционизма и особенно активно используется в настоящее время в эколого-антропологических, «культурно-материалистических» исследованиях.

Интерес к эволюционным идеям в мировой науке об обществе и культуре не оставался неизменным. После широкого их распространения в конце XIX — начале XX в. это теоретическое направление стало считаться чуть ли не единственным универсальным для объяснения социокультурных явлений и процессов. Однако в начале XX в. оказалось, что существуют многочисленные факты, не поддающиеся эволюционной интерпретации. И по мере продолжения исследований общества и культуры их становилось все больше. Теория начала утрачивать научный авторитет и постепенно была вытеснена функционалистскими идеями.

Однако, поскольку оба направления базировались на одних и тех же, эволюционных, допущениях о генезисе и существовании общества и культуры, функционализм в своем становлении с неизбежностью вышел

¹ *Carneiro R. Four faces of evolution unilinear, universal multilinear, and differential // Handbook of Social and Cultural Anthropology* Уомгман J. (ed.). Chicago, 1973.

на концепцию динамики социокультурных процессов и именно в эволюционном ключе.

Интерес к идеям эволюционизма начал возрождаться в 50-е гг. XX в. Появляются и все шире распространяются работы, посвященные установлению аналогий и связей между биологической и культурной эволюцией. Немаловажным катализатором этого процесса стало празднование столетия со дня выхода в свет работы Ч. Дарвина «Происхождение видов», ознаменовавшееся юбилейной дискуссией, посвященной проблемам эволюции, в Антропологическом обществе США и выходом в свет трехтомника «Эволюция после Дарвина» (1968) и «Эволюция и антропология: оценка за столетие» (1958).

Характеризуя ситуацию конца 1950-х — начала 60-х гг., Т. Парсонс писал: «Медленно и почти незаметно акцент в социологии и антропологии смещается от явного отсутствия интереса к проблемам социальной и культурной эволюции к эволюционистским рамкам»¹. Этот поворот был обозначен термином «неоэволюционизм» и объединяет весь спектр теоретических ориентаций, связанных с изучением необратимых социокультурных изменений, обусловленных отношениями человека как вида с его природным и искусственным окружением. За время существования неоэволюционизма были получены значимые познавательные обобщения и выводы, относящиеся к закономерностям глобальных социокультурных процессов, поиску элементарных единиц социокультурного развития, обоснованию правомерности проведения различий между общей и специфичной, микро- и макроэволюцией.

Считается, что эволюционный процесс обусловлен действием механизмов адаптации человека к окружению двух типов — биологические и культурные. Они относительно независимы друг от друга как по функционированию, так и по последствиям, но совместно контролируют параметры отношений людей с их окружением. С их помощью регулируются значе-

ния соответствующих переменных (например, обмен ресурсами, информацией, антропогенное давление на среду и т. п.), которые меняются как под влиянием человеческих интенций, так и под давлением средовых факторов. Изменения подразделяются на два основных типа. Во-первых, вариации, под которыми понимается тип динамических процессов, не выходящих за границы установившихся параметров системы и не меняющих конфигурации. Таким образом, они находятся под контролем механизмов поддержания системы. Во-вторых, структурные изменения, предполагающие смену конфигурации параметров или порождение новых переменных, определяющих установившиеся связи социальной системы с окружением. Такие динамические процессы находятся под контролем механизмов, регулирующих изменчивость системы. Когда изменения параметров выходят из под контроля обоих типов механизмов, система может разрушиться или трансформироваться во что-то другое. Однако этот случай не отождествляется с концепцией биологической мутации из-за того, что, по определению, биологические и социокультурные эволюционные механизмы не тождественны¹.

Обычно принято выделять три типа эволюционных концепций: однолинейная, универсальная и многолинейная. Концепция однолинейной эволюции базируется на допущении наличия универсальных стадий последовательного развития социальных систем (например, классические «дикость — варварство — цивилизация»). Соответственно считается, что на базе широко-масштабных сравнений различных культур можно выделить такие стадии. Идея универсальной эволюции является продолжением традиции Л. Моргана, где последовательность в развитии культуры выводится на самый высокий уровень обобщения с отвлечением от разнообразия условий и черт совместного существования людей. Концептуализация ограничивается лишь универсалиями, не вызывающими возражений харак-

¹ Alland A. *Evolution and Human Behavior*. N. Y., 1969. P. 196—197.

теристиками. Теория многолинейной эволюции связана с допущением возможности множества примерно равноценных путей социокультурного развития. Сторонники этой позиции не стремятся к установлению всеобщих законов эволюции. Они ограничиваются изучением отдельных регионов и построением эмпирических обобщений относительно наблюдаемых исторических повторов и параллелизмов¹.

Большое внимание уделяется исследованию связи человеческих популяций и отдельных сообществ с природным окружением. Эта ветвь неозволюционизма называется по-разному: экологической антропологией, человеческой адаптацией, культурной географией. Известные культурные антропологи Э. Вайда и Р. Раппопорт назвали это направление культурной экологией, и первый этап его развития отнесли к появлению работы Дж. Стюарта «Теория изменения культур: методология многолинейной эволюции» (1955). Исследования такого рода связаны с изучением процессов адаптации социокультурной системы к природному окружению. Главной задачей является выяснение того, дают ли они начало внутренним социальным изменениям эволюционного характера. Культурная адаптация понимается не как состояние социальной системы, но как перманентный процесс, поскольку ни одна культура не считается столь совершенно приспособленной к среде, чтобы достичь полного равновесия с ней. В ходе этого процесса происходят дифференциация, усложнение культуры, возникают новые феномены.

Считается, что основные механизмы такого приспособления социальной системы к окружению заложены в ее культурном ядре, то есть институтах, технологиях, социокультурных формах производства и распределения средств существования. Обычно к ним относят экономику, политику, нормативные системы (в том числе религию). Основным инструментом адаптации считается «технологический базис». Его изме-

нения влияют на сдвиги в социокультурных запросах, что в свою очередь порождает переориентации культурного ядра в отношениях с другими группами элементов окружения. Таким образом, процессы культурно-экологической адаптации носят конструктивный по отношению к социальной системе (но не всегда по отношению к окружению) характер.

Выделяются также элементы культуры, не входящие в ее ядро (например, эстетические, идентификационные, стилевые и т. п.) и не участвующие в процессах адаптации социальной системы к внешним изменениям. Они не находятся в жестких причинно-следственных зависимостях друг от друга и потому могут варьироваться в относительно широких пределах. Эти вариации определяют культурные конфигурации, отличающие общества друг от друга, и их следует объяснять с помощью особых закономерностей, характеризующих «специфическую эволюцию» каждого конкретного общества.

Важной ветвью неэволюционизма стала концепция модернизации, выделяющая современные развитые общества в качестве такой совокупности необратимых социокультурных изменений, которая обеспечивает имеющим ее социальным системам определенные гарантии развития, поступательного движения. К культурным чертам, отличающим традиционалистские (расположенные ниже на шкале эволюции) общества от модернизованных (занимающих высшую позицию на эволюционной шкале), относятся: современные, базирующиеся на научном знании технологии и производство, сменившие традиционный ручной труд и природные материалы; демократический политический режим, сменивший авторитарные и олигархические; универсалистская система законов, сменившая обычное право; социальный статус, достигаемый путем личных усилий, сменивший статус предписанный по рождению; рационализация социокультурной жизни, сменившая ее мифологизацию; универсалистская философия человека, общества, культуры, сменившая партикуляристскую, узко локалистскую, националистическую. Все эти черты считаются важными факторами общей эволюции. Они распространялись через

такие пути и средства, как миграция, колонизация, завоевания, торговля, индустриальная экспансия, финансовый контроль, культурное влияние более развитых стран. Постепенно ориентации на массовое повышение качества жизни собственными силами, на расширение зоны контроля над условиями и процессами собственного существования, на демократизацию внутреннего устройства охватили большинство стран мира.

Однако модернизационные процессы не распространяются беспрепятственно. Дело в том, что механизмы регулирования динамических процессов в социальных системах воплощены не только в их социальных институтах, экономических и политических организациях. Они концентрируются прежде всего на уровне привычек, нравов, стереотипов поведения. На первом уровне механизмы являются относительно гибкими, поскольку связаны с рационализированным контролем над социокультурными процессами, а в условиях модернизации — с ускорением обновления технологий и рынка благ и услуг. Второй уровень обычно не рефлексируется и соответствующие ему механизмы носят жесткий характер и действуют автоматически вне зависимости от их эффективности. Сегодня сложилась ситуация, когда люди оказались неспособными на втором уровне приспособиться к изменениям, которые сами же создали благодаря взаимодействиям в соответствии с механизмами первого уровня. Соответственно эволюционистские исследования ориентированы на поиск средств преодоления подобных затруднений.

■ Основания классического эволюционизма¹

Понятие «эволюции» начало использоваться в Англии в XVII в. для обозначения упорядоченной последовательности событий, причем такой, в которой

¹ Раздел написан на основе: Gruber J. Forerunners; Carneiro R.I. Classical evolution; Kennedy K.A.R. Race and culture // Main Currents in Cultural Anthropology. Naroll R., Naroll F. (eds.). N. Y., 1973.

выход каким-то образом содержится внутри нее с самого начала. Такое употребление понятия отражало преобладающий философский взгляд на природу изменения. Начиная с Аристотеля в философской среде была распространена вера в то, что вещи изменяются в соответствии с внутренним принципом развития, который считался воплощенным в «семени», или «герме». Эту точку зрения разделяли Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель. Она была ключевой в рациональном объяснении динамики форм жизни, начиная с XVIII в., а в XIX в. укоренилась в изучении человеческого общества и культуры. Базу социокультурного классического эволюционизма заложили такие мыслители, как Г. Спенсер, Э. Тайлор, Л. Морган.

Во-первых, была обоснована возможность социальной науки. Основоположники эволюционизма стремились объяснять феномены культуры человечества в терминах научных законов, поскольку считали ее производной естественных причин. Это отличало их от предшественников, которые считали историю человечества последовательностью уникальных событий, не поддающихся объединению в регулярные последовательности. Порождение же этих событий одни объясняли свободой воли, случайностью, а другие — божьим промыслом. К 40-м гг. XIX в. научный метод, столь успешно применявшийся в естественных науках и лингвистике, распространился на изучение человеческого общества и культуры. О. Конт, Дж.С. Милль, Г. Бекль начали, а классические эволюционисты успешно продолжили работу в этом направлении.

Во-вторых, определились источники данных, на которых до сих пор базируется реконструкция культурной эволюции. Можно выделить три основных типа таких источников:

- Археологические данные. Они были относительно малочисленными и могли обеспечить материал лишь для предположений об условиях жизни преисторического человека. На их основе были разработаны общие гипотезы, став-

шие затем исходными допущениями о том, что динамика человеческой культуры характеризуется движением от простоты к сложности с точки зрения как социальной организации, так и технологий. Обеспечивая представления о направленности социокультурной эволюции, археологические данные оказались явно недостаточными для понимания деталей исторического развития человечества.

- Письменные исторические источники. В распоряжении исследователей в это время находились богатые документы об изменениях общественной и культурной жизни, происшедших примерно в течение трех тысячелетий. Свидетельства истории позволили обнаружить некоторые общие тенденции культурного развития. Однако пробел, существовавший между представлениями о предысторическом и историческом этапами человеческой эволюции, оставался незаполненным.
- Непосредственные наблюдения «примитивных» обществ. Существовало (и доныне существует) не доказанное, принимаемое на веру допущение, что дописьменные, племенные сообщества аналогичны тем, что стали в глубоком прошлом переходным звеном от предыстории к истории человечества. Соответственно на основании их изучения исследователи пытались выстроить концептуальные модели самых ранних стадий социокультурной эволюции.

Названные источники данных использовались произвольно, не в равной мере и не систематически.

В-третьих, к этому времени в исследовании общества и культуры утвердился сравнительный метод. К моменту появления антропологии он уже существовал в биологии и филологии. И хотя в рамках эволюционизма он еще не был систематическим образом сформулирован, в исследовательской практике сравнения использовались постоянно.

Характеристики культурной эволюции

Анализ классических работ позволяет выявить то общее представление об эволюционном процессе, которое сложилось как парадигма для рационального отбора и обобщения данных о человеческой истории и во многом сохраняется до сих пор. Вначале следует выделить общие исходные допущения, на которых базируется сама идея эволюции.

Психическое единство человека. Практически все классические эволюционисты придерживались концепции видового психического единства человечества. Из нее выводилось наличие культурных параллелей, обнаруживаемых в истории. Э. Тайлор, Л. Морган, Д. Фрейзер и др. полагали, что психика человека как такового одинакова во все времена и повсюду. Этот принцип остается фундаментальным и для современных антропологических исследований.

Однако из него отнюдь не следует представление о культурной эволюции как о разворачивании имманентных психических свойств человека. В классических работах она в основном интерпретировалась как реакция человеческого сообщества на внешние условия существования. Отнесение причин развития к неуловимому «герму», как это было раньше, оставляло их недоступными для понимания. Поэтому охотно была принята модель естественного отбора Ч. Дарвина, связавшая изменения, происходящие в организмах их взаимодействием с окружением. Соответственно у Л. Моргана и Э. Тайлора можно найти объяснение сходства культурных черт в различных обществах подобием жизненных условий.

Движение от простоты к сложности. Этот принцип является логической необходимостью эволюционного процесса. В идеях «семени», или «герма», негласно присутствующих в эволюционизме, содержится представление о том, что из простого нерасчлененного элемента при определенных условиях начинает «разворачиваться» процесс имманентной дифференциации, последовательного усложнения заложенных в нем потенциалов. На поддержку этой идеологии были ориен-

тированы археологические и исторические исследования, результатами которых подтверждалось, что предшествующие эпохи были более простыми, чем последующие. Как писал Л. Морган «Все факты человеческого познания и опыта свидетельствуют о том, что человеческая раса как целое последовательно прогрессировала от низшего к высшему состоянию»¹.

Соответственно считалось, что существуют объективные критерии для подтверждения этой направленности процесса. Среди них назывались такие культурные черты, как ремесла, переработка природных ресурсов, агрокультура, строительство, рациональное познание, моральный кодекс, религия, социальная и политическая организация и т. п. Г. Спенсер, Э. Тайлор, полагали, что в соответствии со степенью их развитости можно объективно и точно упорядочить весь ход культурного развития от более простых к более сложным формам.

Закономерность культурного развития. Эволюция человеческой культуры в целом и отдельных культур рассматривалась изначально как закономерный процесс. Считалось, что социальные и культурные институты развиваются одинаковым образом, то есть последовательно сменяют друг друга, у всех людей, по всему земному шару. Соответственно задачей антропологов становилось «открыть» эту закономерность, выявить ее форму.

Из идеи закономерности логически следует представление о непрерывности исторического процесса развития человечества. Допущение о том, что настоящее вырастает из прошлого, позволяло сегодняшнее состояние человеческой культуры выводить из прошлого последовательным образом. Считалось, что в общей истории человеческой культуры не было разрывов и непоследовательности. Так, Э. Тайлор, выражая общую для эволюционистов точку зрения, утверждал: «Ни одна из стадий цивилизации не возникала спонтанно, но вырастала или развивалась из предше-

ствующей стадии. Это великий принцип, которого положено придерживаться каждому ученому, если он намеревается понять либо мир, в котором живет, либо историю прошлого»¹.

В то же время ранние эволюционисты полагали, что конкретные человеческие сообщества в своей реальной истории могут пропускать некоторые стадии общего развития. Это важное допущение сохраняло эволюционную модель в качестве общей теории при наличии фактов, не укладывающихся в предлагаемую концепцию последовательности. Оно, в частности, позволило решить спор об обязательности предшествования пастушеской стадии социокультурного развития по отношению к агрокультурной путем компромиссного вывода о том, что ее отсутствие в истории конкретных сообществ не мешает их эволюционному движению.

Другой способ сохранить идею непрерывности связан с концепцией пережитков, принадлежащей Э. Тайлору, который ввел ее в научный оборот и дал ей четкую формулировку. Согласно его определению, пережитки — «это процессы, обычаи, мнения и т. п., которые были насильно или по привычке перенесены в общество в его новом состоянии, отличном от того, в котором они родились, и они, таким образом, сохраняются как свидетельства и примеры прежнего состояния культуры, из которых развилось новое»². Соответственно, рассматривая такого рода явления, исследователь может по ним реконструировать прошлые состояния общества, понять смысл и значение тех культурных явлений, объектов и образований, существование которых иначе оставалось бы в современных обществах необъяснимым. К этому концепту широко обращались Э. Тайлор, Л. Морган, Дж. Макленнан, Дж. Фрейзер.

Форма культурного развития. В рамках классического эволюционизма развитие человеческой культуры

¹ Tylor E. B. *Anthropology*. N. Y., 1916. P. 20.

² Tylor E. *Primitive Culture*. L., 1871. P. 14–15.

не рассматривалось в прогрессивистском духе как неизменно линейный процесс, направленный лишь вперед и вверх. Так, Г. Спенсер писал: «Современная теория деградации неприемлема, но теория прогресса в ее первоначальной форме также представляется неверной... Возможно, и я полагаю, вероятно, что ретрессия (возвратное движение) было столь же частым, как и прогрессия (поступательное движение)»¹. Такого же мнения придерживался Э. Тайлор, отмечая ошибочность мнения о том, «что цивилизация всегда находится в движении и это движение всегда прогрессивно». «Напротив, — писал он, — история учит, что она надолго остается неизменной и даже возвращается назад»².

Однако их конечным заключением было представление о том, что эволюция доминирует над регрессией. Так, Э. Тайлор подчеркивал, что «история низших, как и высших рас не есть история деградации и даже равномерного раскачивания вперед и назад, но движения, которое несмотря на частые остановки и возвраты в целом было поступательным»³.

Утверждения такого рода были весьма значимыми для эволюционистов. Они противопоставлялись влиятельной в то время точке зрения «деградационизма», утверждавшей общую тенденцию снижения по сравнению с «высокой» культурой «золотого века». И хотя к 70-м гг. XIX в. эта идея утратила влияние, она еще продолжает быть точкой отсчета в научных и философских дискуссиях.

Более того, развитие не рассматривалось как униформный, однолинейный процесс. Хотя часто подчеркивалась его закономерность, тем не менее не считалось, что каждое общество проходит через одни и те же последовательные ступени эволюции. Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрейзер, Дж. Макленнан, Л. Морган — все они полагали, что социальный и культурный про-

¹ Syenser H. The Principles of Sociology. Vol. 3. N. Y., 1897. P. 93.

² Tylor E. Anthropology. P. 18.

³ Tylor E. Researches Into the Early History of Mankind. L., 1870. P. 193.

гресс не является однозначно линейным, но представляет собой постоянно, вновь и вновь расходящиеся и дробящиеся множественные процессы. Каждая из его единиц порождает новые, в зависимости от внешних условий, ускоряющих или замедляющих такую дифференциацию. Из этого следовало, что общества, находящиеся в несходных условиях, меняются по-разному. Соответственно в каждый данный период времени состояние человечества можно представить как совокупность единиц, находящихся на разной ступени эволюции и развивающихся с различной скоростью. Это представление получило название дифференциальной эволюции и применялось не только к человеческой истории «в целом», но и к изучению отдельных культур. Как отмечал Макленнан, «различные секторы каждого общества должны представлять неравномерность развития»¹.

Для реконструкции эволюционного процесса представление о дифференциальной эволюции было очень важным, так как позволяло делать выводы исторического характера на основании синхронных сравнений. Дж. Фик, последователь Г. Спенсера, так сформулировал эту позицию: «Существует путь социального развития, на котором в зависимости от обстоятельств одни народы продвигаются больше, другие меньше, третьи совсем немного... изучая существующие дикие и варварские народы, мы получаем ценный ключ для интерпретации преисторических времен»².

Однако в некотором специфичном смысле все же утверждалась известная векторность, однонаправленность культурного развития. Последовательность «дикость — варварство — цивилизация» считалась необходимой, закономерной для всех человеческих племен, хотя пути движения от стадии к стадии предполагались различными.

Таким образом, существовала некоторая идеальная модель эволюционного процесса, которая не описыва-

¹ *McC. Lennan J. F. Studies in Ancient History. L., 1896. P. 13.*

² *Fiske J. The Doctrine of evolution: its scape and influence // The Popular Science Monthhly, 1891. № 39. P. 586.*

ла, как в реальности происходили изменения на общем и локальном уровнях, но обеспечивала концептуальную систему соотнесения при сравнении и обобщении эмпирических данных.

Скорость эволюции. Классический как и современный эволюционизм предполагает, что культурное развитие постепенно ускоряется в ходе исторического времени. Считалось, что на ранних стадиях социокультурной эволюции прогрессивные изменения осуществлялись крайне медленно. Так, Л. Морган писал: «Первые искусственные приспособления и социальные организации, конечно, были труднодостижимы и соответственно отделены друг от друга длительными временными промежутками». Однако по мере поступательного движения человечества его скорость возрастала «не строго, но в общем в геометрической прогрессии»¹. Согласно Г. Спенсеру, такая закономерная форма ускорения объясняется «умножением результатов» эволюционного процесса и «ростом гетерогенности» социокультурных систем².

К этому следует добавить, что, согласно классическим идеям, общества различаются мерой своих возможностей к продолжению развития. Так, Г. Спенсер полагал, что более простая организация может оказаться лучшей предпосылкой для нового эволюционного шага, чем более сложная, но и более жесткая структура. Жесткость может стать сильным препятствием к дальнейшему усложнению системы: уже существующие паттерны приспособления могут мешать выработке или заимствованию новых, более адаптивных, и это становится тормозом для развития. В этом смысле менее организованные, более простые системы могут иметь определенные преимущества в заимствовании социокультурных образцов, позволяющих увеличить меру их адаптивных возможностей, что ускорит их эволюцию.

Представления о доисторическом обществе. Реконструкция процесса социокультурной эволюции

¹ *Morgan L.* Ancient Society. White L. A. (ed.). Cambridge (Mass.), 1964. P. 39.

² *Spencer H.* First Principles. N. Y., 1896. P. 452.

считалась в рамках классического эволюционизма основной задачей. В этой связи концепция доисторического общества становилось отправной точкой такой реконструкции и нижним полюсом эволюционной шкалы. Но классики эволюционизма понимали принципиальную невозможность такой процедуры. Они признавали, что никогда не будет получено достаточных эмпирических доказательств, позволяющих решить проблемы, связанные с возникновением и первыми стадиями существования человеческого общества и культуры. Разумеется, некоторые антропологи, особенно Л. Морган, Дж. Фрейзер, Дж. Макленнан строили гипотезы относительно ранних форм человеческой культуры. Однако в противоположность существующим сегодня представлениям такие спекуляции отнюдь не были общей отличительной чертой классического эволюционизма.

Разумеется, концепция дифференциальной эволюции подразумевала, что (хотя в общих чертах и весьма приблизительно) современные «примитивные» общества можно приравнивать к ранним стадиям развитых сложных ныне существующих культур. На этом базировалось использование сравнительного метода как адекватного средства реконструкции исторического процесса. Дж. Фрейзер, отмечая, что в изучении культурной эволюции существует множество пробелов, полагал, что их можно заполнить, руководствуясь принципом непрерывности «с помощью сравнительного метода, который позволяет нам заимствовать звенья из одной цепи доказательств, чтобы заполнить разрывы в другой»¹.

Считалось также, что градация известных обществ по сложности тоже является надежным основанием для реконструкции хода культурной эволюция в деталях. По мнению Э. Тайлора, например, «состояния человека на низшем и высшем из известных уровней культуры разделены обширным интервалом; однако этот интервал так заполнен известными проме-

¹ *Frazer J.G. Psyche's Task. L., 1913. P. 172.*

жуточными стадиями, что непрерывная линия между самой низкой дикостью и самой высокой цивилизованностью остается ненарушенной в любой критической точке»¹.

Несмотря на общее согласие относительно справедливости этого принципа, все же признавалась его ограниченность в объяснении деталей эволюционного процесса. Так, отмечая обоснованность общих выводов, полученных с помощью сравнительного метода, Г. Спенсер писал, «что более специальные (выводы — Э. О.) следует считать лишь вероятными»². При построении представлений о доисторических обществах на основе наблюдения за современными «примитивными» классические эволюционисты были весьма осторожны в проведении аналогий. Так, Г. Спенсер, Л. Морган и Э. Тайлор полагали, что первобытный человек по своему развитию был существенно ниже, чем представители самого неразвитого из современных «примитивных» обществ.

■ Детерминанты культурной эволюции

В классических работах не обнаруживается последовательно сформулированных теорий детерминации культурной эволюции. Здесь можно встретить множество каузальных (причинных) объяснений. Ранние авторы полагали, что именно конкретные локальные факторы порождают те культурные образцы, которые впоследствии приобретают эволюционную значимость. Так, Дж.С. Миль писал: «Обстоятельства... которые влияют на состояние и прогресс общества, неисчислимы и бесконечно изменчивы; и хотя все они меняются согласно причинам и, следовательно, законам, множественность причин столь велика, что превосходит наши ограниченные способности к подсчету»³. Соответствен-

¹ *Tylor E.B. Anthropology // Encyclopedia Britannica. 1910. Vol. 2. P. 116.*

² *Spenser H. The Principles of Sociology. Vol. 2. N. Y., 1899. P. 243.*

³ *Mill J.S. A system of Logic. N. Y., 1846. P. 549.*

но сама возможность построения какой-либо общей теории, обеспечивающей единое причинное объяснение культурной эволюции, оставалась за рамками решаемых проблем. Тем не менее можно попытаться выделить основные факторы, которые назывались в качестве причин эволюционных изменений. Эти факторы можно отнести к двум основным классам: имманентные антропологические и внешние средовые.

Теории имманентной причинности изображают культурную эволюцию как процесс разворачивающихся человеческих потенций. Здесь роль причинных факторов обычно отводится человеческой психике и ее носителям (расам и индивидам). Другой тип теорий подчеркивает роль факторов, внешних по отношению к человеческому организму. Соответственно детерминанты культурного развития отыскиваются на уровне природного или социального окружения и воплощаются в таких типах реакций на него, как системы жизнеобеспечения, технологии, завоевания, заимствования.

В настоящее время признается одновременное действие обоих классов факторов, однако и в современных теориях можно обнаружить приверженность либо «антропологическим», либо «средовым» моделям объяснения социокультурной динамики.

■ Антропологические, имманентные детерминанты

Идеи как побудители культурной эволюции. Эту позицию эволюционисты заимствовали у французских рационалистов и просветителей. Отказавшись считать промысл божий детерминантой человеческой истории, просветители стали рассматривать эволюцию общества и культуры как продукт человеческого разума. В XIX в. эти идеи были развиты О. Контом и Дж.С. Миллем. Как отмечал Дж.С. Милль, интеллектуальные способности человечества — это повсеместно и во все времена постоянно действующий причинный фактор эволюционных изменений в обществе и культуре. «Любое значительное продвижение по пути материальной цивилизации предварялось продвижением в познании;

когда происходило каждое великое социальное изменение, ему непосредственно предшествовало изменение общественного мнения и способов мышления»¹.

Здесь значительная роль отводилась таким феноменам, как «архетипические идеи» (Г. Майн), «элементарные идеи» (А. Бастиан), «гермы мысли» (Л. Морган). Исходя из представления об антропологически инвариантной конструкции человеческого мозга и психики, сторонники этих концептов полагали, что такого рода образования свойственны человеческой природе и являются исходными пунктами порождения множества сложных культурных институтов. Для того чтобы реализоваться на уровне идей и действий, эти «гермы мышления» должны стать специальными интеллектуальными средствами, развивающимися в результате разнообразных отношений людей с окружением. Такое развитие, по мнению Э. Тайлора, осуществляется в движении познания от магии к науке. Ему способствовало изобретение письменности.

Согласно классическому эволюционизму, человек имеет определенные предпосылки для совершенствования своего менталитета и поведения. Так, Г. Спенсер полагал, что с ранних стадий предьстории продолжается медленная адаптация человеческой природы к результатам социокультурных процессов. Модификации человеческих качеств постепенно аккумулируются в популяции, передаваясь от поколения к поколению как наследственно, так и через традицию. В силу различных условий и обстоятельств существования людей эти качества оказываются у них неодинаково развитыми. Однако различия не являются абсолютными и могут быть преодолены благодаря тому, что врожденные способности человека имеют свойство совершенствоваться.

И все же не следует считать классических эволюционистов безоглядными идеалистами. Признавалось, что хотя идеи и играют значимую роль в развитии цивилизации, сам этот процесс отнюдь не является рациональным. «Состояние общества в любой момент его

существования есть результирующая всех амбиций, эгоистических интересов, страхов, отвержений, негодований, симпатий и т. п. современных граждан и их предков. Ходовые идеи при этом состоянии общества должны в среднем соответствовать чувствам граждан и, следовательно, производимому этими чувствами состоянию. Идеи, полностью чуждые этому состоянию, не смогут развиваться; будучи интродуцированными извне, они окажутся невоспринятыми, а если и будут приняты, умрут тотчас же, как пройдет короткая фаза чувств, обусловивших их признание»¹. Соответственно идеи оформляют представления о существующем состоянии общества и являются стимулами для изменения этого состояния лишь тогда, когда для этого есть соответствующие предпосылки на уровне чувств и активности.

К началу XX в. «идеациональный детерминизм» потерял популярность настолько, что даже стал отрицаться как самостоятельное объяснение культурной эволюции. Тем не менее его вспомогательная интерпретативная роль оставалась более или менее неизменной вплоть до настоящего времени, хотя сами характеристики имманентных антропологических познавательных свойств претерпели существенную трансформацию в результате обобщения многочисленных эмпирических данных.

В качестве носителей «врожденных идей» в классическом эволюционизме использовались два типа единиц: расы и индивиды.

Расовый (этнический) детерминизм. Представления о «коллективном субъекте», воплощающем «врожденные идеи», в эволюционном процессе нашли отражение в теориях расового детерминизма. В отличие от концепции психического единства, применяемой для объяснения общих черт в культурах разных обществ, расовые теории использовались для объяснения культурных различий.

Идея эволюционного неравенства рас была доминирующей в рамках классического эволюционизма. Так,

¹ *Spenser H. Reasons of dissenting from the philosophy of A. Comte // Essays Scientific Political and Speculative. L., 1891. P. 128.*

Г. Спенсер часто употреблял понятия «высшая» и «низшая» раса. Правда, и он, и ряд других последователей эволюционизма, таких как Э. Тайлор, Л. Морган, Дж. Фрейзер, не считали, что психические различия носят базовый, низменный характер, и не приписывали «примитивным» народам «дологический менталитет». Следует отметить также, что, говоря о расах, классические эволюционисты имели в виду не особую эволюционную единицу, как это было в более поздних и идеологизированных расистских теориях, но отдельное племя или народ, этнос, как сказали бы сегодня. Л. Морган и Э. Тайлор, например, хотя и предполагали расовые интеллектуальные различия, не прибегали к этому как к объяснению положения соответствующих культур на эволюционной шкале. Таким образом, в рамках классического эволюционизма расовые различия признавались и рассматривались следующим образом:

- они считались количественными, а не качественными;
- они использовались в качестве признака, а не объяснения культурных различий.

Индивиды как детерминанты культурной эволюции. Другим проводником «врожденных идей» считались действия индивидов, рассматривавшиеся как причины эволюционных изменений. Так, Дж.С. Милль утверждал, что «законы общественных явлений представляют собой, и не могут быть ничем иным, как законами действий и страстей человеческих существ, объединенных в их социальном состоянии»¹. Разумеется, объяснение эволюции не ограничивалось терминами индивидуального поведения. Предполагалось обращение к культурной матрице и природным условиям, составляющим внешнее окружение сообществ. Однако индивидуальная обусловленность эволюционных изменений стала важным допущением при объяснении как культурных различий, так и порождения изобретений.

Это особенно ярко проявилось в концепции «великих людей». Конечно, не сами по себе фигуры гениев рассматривались как причины эволюционных изменений в сообществах и тем более на уровне человечества в целом. Логика объяснения была такой. Значимые для социокультурного развития изобретения и открытия рассматривались как результаты предсказуемого, неизбежного синтеза ранее накопленного опыта. Такой синтез с необходимостью периодически происходил в проблемных областях потока культурной эволюции. Считалось, что гений благодаря своему интеллектуальному потенциалу способен обобщить имеющийся опыт, придать ему культурно приемлемую форму.

В среде классического эволюционизма были и противники этой романтической концепции. И наиболее категоричный из них — Г. Спенсер. Он связывал такой объяснительный акцент с типом культуры, который сегодня можно было бы назвать авторитарным. Соответственно, по его мнению, приписывание конкретной личности определенной эволюционно значимой инновации есть культурно обусловленный, а не «естественноисторический» факт. Он повторял, что великие люди не создают социальных и политических институтов, и это вообще не вопрос преднамеренного выбора: «Общество — это процесс роста, а не мануфактура»¹. Он считал, что социальные изменения, «привносятся силой, значительно превосходящей индивидуальную волю. Люди, кажущиеся перводвигателями, суть просто ее инструменты; там, где такие люди отсутствуют, быстро находят другие»².

Внешние детерминанты

Факторы окружения. Влияние физического окружения на форму человеческих обществ признавалось по крайней мере с Ш. Монтескье и Д. Вико. Классические эволюционисты весьма осторожно относились

¹ *Spenser H. The Principles of Sociology. Vol. 3. N. Y., 1897. P. 321.*

² *Spenser H. Social Statics. L., 1851. P. 433.*

к идеям географического детерминизма. Они считали, что сами по себе географические условия не создавали позитивных импульсов для возникновения и развития цивилизаций. Взаимодействие культурных и природных факторов, а не просто воздействие последних, определяет ход эволюции.

Жизнеобеспечение. Классические эволюционисты большое значение в развитии культуры придавали способам жизнеобеспечения. Они выделяли такие эволюционно значимые формы жизнеобеспечения, как обработка земли и агрокультура, скотоводство, охота и рыболовство, ремесла. Эти формы имели важнейшее значение для наиболее интенсивного взаимодействия человеческих сообществ с окружением, порождения адаптационных образований, изменений, связанных с улучшением качества жизни, а также для развития технологий.

Экономические факторы. Экономическим факторам социокультурного развития классические эволюционисты отводили важную роль, хотя они и не были экономическими детерминистами. Тем не менее обращение к таким экономическим факторам, как развитие промышленности и торговая экспансия оказалось плодотворным при объяснении структурного усложнения человеческих сообществ, изменений во властных и политических структурах. Особый интерес в этом отношении вызывают работы Г. Спенсера, посвященные греческой демократии.

Большое значение придавалось институту собственности. Так, Л. Морган подчеркивал: «Трудно переоценить влияние собственности на цивилизацию человечества. Она была гермом и остается свидетельством его прогресса по сравнению с варварством; основой его претензий на цивилизацию. Высшая страсть цивилизованного разума — это ее приобретение и наслаждение ею. В самом деле, правительства, институты, законы порождают множество агентов, предназначенных для создания и охраны собственности»¹.

¹ *Morgan L. Systems of consanguinity and affinity of the human family. Smithsonian Contributions to Knowledge. 17. Washington (D. C.), 1871. P. 492.*

Социальные факторы. Социальную детерминацию эволюционных процессов можно определить как объяснение определенных социокультурных черт наличием или отсутствием других черт такого же класса. Одной из значимых социокультурных систем, рассматриваемых в рамках классического эволюционизма в качестве объяснительных моделей, была система родства, семейных отношений. Из этой структуры выводились системы расселения, определенные отношения собственности, некоторые принципы социальной организации. Другой важной социальной переменной, определяющей характер социокультурной эволюции, считалась социальная структура. Такие элементы культуры, как ценности, обычаи, правила владения и наследования собственности, рассматривались в качестве функций социальной структуры, степени развитости социальной организации.

Завоевания. Важность войн в культурной эволюции, особенно в возникновении государства, была признана задолго до формирования эволюционизма как концептуальной системы. В его рамках эта идея получила более строгий и систематизированный вид. Считалось, что война стимулирует возникновение и развитие целого ряда эволюционных характеристик в сообществе:

- более четкая организация социального взаимодействия в период войн и после них, в особенности в отношении завоеванных соседей, стимулировала процессы социальной дифференциации и стратификации в обществе-завоевателе;
- завоевания и объединения человеческих сообществ с целью экспансии или защиты вели к интеграции их в большие разнородные социокультурные единицы, то есть способствовали увеличению степени сложности социальных образований;
- такого рода объединения предполагали изменение в структуре социального управления, что вело к эволюции механизмов управления от обычаев предков к специальным политическим системам и к институту государства.

Однако не следует считать, что война рассматривалась как эволюционная универсалия. Позитивная значимость приписывалась ей только на ранних этапах становления культуры. По мере исторического развития ее эволюционные функции считались убывающими, а деградиционные, разрушительные — возрастающими. Так, Дж. Макленнан писал: «На низших стадиях общества мы признаем войну как условие возвышения государства и субординации классов... на высших — это просто порок человечества, деформирующий и нарушающий, если не разрушающий, драгоценные результаты и накопления долгих периодов мира и созидания»¹. Даже Г. Спенсер, который в наибольшей степени подчеркивал роль войны в социальной эволюции, считал, что на ранних ее стадиях «из войны было извлечено все полезное, что она могла дать»².

Диффузия и эволюция. Исследователи часто обнаруживали в различных системах одинаковые образования, увеличивающие их адаптационные возможности. Задача, связанная с объяснением их происхождения, в классическом эволюционизме не нашла однозначного решения. Здесь были сторонники идеи независимого изобретения, которые считали сходство институтов, технологий, организационных структур, обнаруживаемое в разных обществах, производной антропологического единства человечества. Общность психики порождает, соответственно, одинаковые структуры представлений, отношений, технологий и т. п. Но эту точку зрения разделяли второстепенные эволюционисты.

Ведущие же фигуры придавали первостепенное значение в процессе поступательно человеческой культуры механизмам диффузии. И это было логическим следствием исходных допущений о непрерывности и последовательности эволюционного процесса. Механизмы диффузии соответствовали обоим принципам. Принципу последовательности отвечала разделяемая Л. Морганом, Э. Тайлором, Дж. Фрейзером идея о том, что относительно немногочисленные и возникающие в

¹ *Mc. Lennan J. Studies in Ancient History. L., 1876. P. 106—107.*

² *Spenser H. The Principles of Sociology. Vol. 3. P. 665.*

разных человеческих сообществах эволюционно целесообразные изобретения после возникновения и успешного применения начинали распространяться благодаря тем адаптационным преимуществам, которые они обеспечивали тем, кто их заимствовал. Следует, однако, подчеркнуть, что классических эволюционистов более интересовала реконструкция культурной эволюции вообще, а не механизмы приобретения отдельными народами определенных черт развития. Поэтому действие диффузионных механизмов здесь постулировалось, но отнюдь не анализировалось, а сами процессы диффузии не прослеживались.

Естественный отбор. Концепция естественного отбора применялась для объяснения эволюции культуры в той ветви классического эволюционизма, которая носит название «социальный дарвинизм». Здесь акцент помещается на борьбе обществ за место в истории. Согласно этой точке зрения, те из них, что лучше оснащены, сохраняются и процветают, а более слабые — угасают или исчезают. Сегодня ясно, что это всего лишь теоретическая гипотеза, которую следует проверять, а не исходное допущение, принимаемое без доказательства.

Принцип естественного отбора был предложен Ч. Дарвином и первоначально относился только к органической, но отнюдь не к культурной эволюции. Первым к социокультурному развитию эту концепцию применил У. Бэйджот (1867). Позже сам Дарвин со ссылкой на него повторил то же самое, утверждая, что современное состояние человеческой социальности развилось из «инстинктивных» предпосылок благодаря действию естественного отбора. В эволюции общества он склонен был подчеркивать значимость личностных качеств людей, а не содержания культуры. Такие качества он считал передающимися по наследству. В то же время он отдавал дань таким культурным факторам, как технологические усовершенствования, признавая их важность в борьбе обществ за существование. Состязание и естественный отбор, согласно Дарвину, продолжают действовать и в современном мире, хотя здесь при прогрессивном движении общества им принадлежит подчиненное место.

Спенсер принял концепцию, однако отказался от термина «естественный отбор», считая, что предполагается сознательный процесс и негласная субъективизация природы. Он предпочитал говорить о «выживании наиболее приспособленных». По его мнению, это понятие было свободным от телеологической тональности, и широко использовалось им при объяснении роста размера и организованности политических единиц.

Понятие «естественный отбор» применялось для объяснения развития большинством классических эволюционистов. Действием этого принципа объяснялись эволюция семьи, технологий и новых идей; в его терминах интерпретировались социокультурные процессы в целом и отдельные их элементы. Как писал Э. Тайлор: «История и этнография совместно подтверждают, что институты, которые действуют наилучшим образом, постепенно вытесняют менее приспособленные, и что этот непрекращающийся конфликт определяет общий результирующий курс движения культуры»¹.

Концепция случайных вариаций и естественного отбора как общая идея не утратила свою силу и сегодня. Механизмам отбора устойчивых культурных феноменов посвящено множество современных исследований эволюционистского плана.

■ Общие направления современных эволюционистских исследований

Перечисленные выше исходные допущения и представления о детерминантах эволюции составляют общую концептуальную базу неозволюционизма. Его сторонники не стали заниматься основательным пересмотром и рефлексией к теоретическим основаниям классических идей. Они направили свои усилия на поиски эмпирических свидетельств развития, на повышение степени достоверности и обоснованности таких свидетельств, на изучение механизмов и факторов,

обуславливающих изменения локального и глобального характера.

Эволюция культуры при этом рассматривается как результирующий концепт, объединяющий в последовательный процесс необратимые изменения, удерживающиеся в мировом масштабе и связанные с организационным усложнением социокультурной жизни. Однако считается, что составляющие этого процесса, изменения, ведущие к порождению эволюционных универсалий, совсем не обязательно сами обуславливают развитие.

Культурная единица (система) как объект эволюционного анализа. Более детальный анализ связи между биологической и социокультурной эволюцией обусловил поиск таксономических социокультурных единиц, сопоставимых с концептами популяции, вида, подвида. Благодаря этому становится возможным на специально выделенных целостностях проследить основные источники локальных изменений и многообразие культурной жизни. Ими сегодня являются человечество в целом, этносы, социокультурные группы. Работа с ними открывает концептуальные возможности определить закономерности отношений между человеческими объединениями и их окружением через изучение фундаментальных связей между наблюдаемыми здесь биологическими и культурными изменениями. Этим единицам соответствуют концепции панкультуры (культуры человечества в целом), локальных, региональных (этнических) культур, субкультур (групповых культур). Обобщенно их принято обозначать «экосоциокультурная система», или «культурная единица».

В принципе все сторонники культурной антропологии разделяли системный взгляд на взаимодействие популяции с природным окружением. Однако впервые последовательно понятие экосистемы здесь начал применять К. Гиртц¹. С этого времени терминология из общей теории систем распространилась на неозволюционизм, что было характерно в 1960-х гг. для всех социальных наук.

¹ *Gieertz C. Agricultural Involution: The Process of Ecological Change in Indonesia. Berkeley, 1963.*

Социокультурная система стала рассматриваться как состоящая из трех «подсистем»: популяция, окружение, культура. Основной акцент исследования помещался на механизмах, обуславливающих их взаимодействие. Концепции позитивной и негативной обратной связи стали рассматриваться как поддерживающие ее границы и усиливающие распространение адаптивных изменений. Следует отметить, что теперь при исследовании существования популяций в среде принималось во внимание не только «чисто» природное окружение, но и те его элементы, которые модифицировались под влиянием антропогенных воздействий. Подчеркивалось, что «в процессе адаптации культура трансформирует ландшафт и соответственно люди вынуждены приспосабливаться уже к тем постоянным изменениям окружения, которым сами положили начало».¹

Была также признана необходимость включить в понятие «окружение» социокультурные параметры, то есть другие популяции, находящиеся в контакте с изучаемой. На этом, в частности, настаивали Дж. Стюарт и М. Салинс.

Наконец, стало отмечаться несовпадение «реального» и «воспринимаемого» окружения. Выяснилось, что знание о существующей в представлениях людей концепции их жизненной среды необходимо для того, чтобы понимать, почему одним ее элементам уделяется повышенное внимание, другие игнорируются, почему и в каких случаях обращаются к воображаемым, а не реальным культурным феноменам для объяснения адаптационных успехов и неудач. Разумеется, действительные причины изменений в связях популяции с другими подсистемами экосистемы интерпретировались только на основе изучения реальных отношений, существующих между ними². Однако анализ представлений людей о своем окружении увеличил объясни-

¹ *Sahlins M.* Culture and environment: The study of cultural ecology // Horizons of anthropology. Tax S. (ed.). L., — Chicago, 1965. P. 133.

² *Rappaport R.A.* Some suggestions concerning concept and method in ecological anthropology // National Museum of Canada Bulletin. 1969. № 230.

тельный потенциал неозволюционизма по отношению к накапливающимся в культурной антропологии эмпирическим фактам, особенно связанным с культурными вариациями.

Механизмы эволюции культурной единицы (системы). Концептуализация социокультурной системы, являющейся одной из центральных обобщенных единиц анализа эволюции культуры, предполагает возможность структурно-функциональных модификаций, одни из которых связаны, а другие не связаны с ее развитием. Считается, что структурная устойчивость или изменчивость системы зависит от условий ее существования и характера ее связей с окружением. Соответствующие процессы описываются по аналогии, с термодинамической интерпретацией изменения величины энтропии в зависимости от поступления энергии.

В самом общем случае можно выделить три характеристических, или идеально-типических динамических состояния системы, определяемых качеством происходящих в ней процессов. Во-первых, процессы ассоциации, объединения, интенсификации связей между компонентами системы, присоединения к ним элементов извне, возникновение новых функциональных единиц за счет внутренней дифференциации. Это состояние обычно называют ростом, если наблюдается приращение однокачественных элементов, и развитием, если наблюдается умножение их качественного многообразия с последующей интеграцией на более высоком уровне. Во-вторых, установившиеся, стабильные внутренние и внешние отношения. Такое состояние называется равновесным, и оно характеризуется сбалансированными связями системы с окружением. В-третьих, процессы дезинтеграции и дедифференциации, приводящие систему из более сложного в более простое состояние. Дезинтеграция предполагает разбалансировку ранее установленных связей, разрушение их упорядоченности. Дедифференциация означает нарушение границ между элементами, возрастание неопределенности и синкретичности, то есть нерасчлененной внутренней однородности системы. В этом случае можно говорить о ее деградации.

Изучение динамики социокультурных систем базируется на выделении механизмов, обеспечивающих их самосохранение, с одной стороны, и изменение без разрушения — с другой. Речь идет о механизмах «отрицательной» и «положительной» обратной связи. Концепция заимствована из технических наук и означает стабилизирующее или усиливающее влияние дополнительной энергии, поступающей в систему, на ее реакцию, то есть может быть уподоблена эволюционному механизму отбора.

В применении к социокультурной системе отрицательная обратная связь предполагает, что в ответ на внешние воздействия, угрожающие нарушению равновесного состояния, включаются механизмы, ограничивающие — в пределе блокирующие — ее контакты с окружением. В результате их свертывания удается сохранить статус кво. Однако чрезмерное и длительное уменьшение внешних обменов лишает систему необходимого объема поступающих извне ресурсов (информация, технологии, блага и услуги и т. п.), что ведет к ее постепенной деградации.

Ключевым конструктивным механизмом, поддерживающим внутрисистемные изменчивость и многообразие, является положительная обратная связь. Действие этого механизма основано на усилении тех внешних или внутренних воздействий, которые увеличивают адаптационный потенциал системы или ее отдельных, — в особенности ключевых — составляющих. Оно повышает степень сложности, неопределенности, стохастичности системы, что порождает поле возможностей при выборе будущего направления и альтернатив движения. Однако высокий уровень резонанса импульсов, передаваемых с помощью такого механизма, может породить изменения, которые окажутся разрушительными для функционирования, структуры и границ системы.

С действием этих механизмов связывается формирование эволюционного процесса, состоящего, как уже было сказано, в организованном усложнении социокультурной единицы.

Другой комплекс механизмов, обеспечивающий эволюцию системы, базируется на действии принципа

минимума диссипации энергии, или минимизации энтропии (И. Пригожин). Применительно к социокультурным исследованиям действие этого принципа можно представить следующим образом. Если в определенных условиях возможны несколько типов организации взаимодействия, согласующихся с требованиями сохранения или увеличения его адаптационного потенциала, то наиболее вероятной оказывается та структура, которой отвечает минимальный рост (или максимальное убывание) неопределенности и неупорядоченности (энтропии). Поскольку уменьшение неопределенности связано с использованием внешних ресурсов, реализуются те из возможных (виртуальных) форм организации, которые могут в максимальной степени поглотить и перерабатывать эти ресурсы.

При оценке эволюционного потенциала системных изменений Н. Моисеев предлагает адекватным образом выбирать масштабы времени. Определенная серия процессов (в том числе социокультурных) может быть проинтерпретирована совершенно по-разному в зависимости от того, в каком временном промежутке они рассматриваются. То, что в одних временных пределах видится как функциональные параметры, в других может оказаться элементами организации¹.

Столь же относительным может быть суждение о структурных антиэнтропийных процессах организации социального взаимодействия. Во-первых, рост адаптационного потенциала отдельных элементов может отнюдь не вести к улучшению адаптации системы в целом в ее данном состоянии. Более того, эти элементы могут стать катализаторами смены ее состояния — вплоть до разрушения — или формирования новой целостности. Во-вторых, при оценке адаптационных социокультурных процессов не следует руководствоваться моральными критериями. Так, организационные изменения, обеспечивающие повышение вознаграждений отдельным группам в динамичных, неопределенных условиях, могут противоречить моральным требованиям, традиционным для установившегося состояния системы.

¹ См.: Моисеев Н.Н. Алгоритм развития. М., 1987. С. 41 — 42.

Экологическая антропология

Все эти представления нашли максимально полное выражение в культурно-экологическом направлении исследований, для которого характерно комплексное, системное изучение механизмов, структур, результатов и последствий взаимодействий людей с их природным и искусственным окружением, закономерных связей между физическими и социокультурными переменными. Акценты при рассмотрении таких связей различны, но основные из них: адаптационные механизмы в отношениях людей с их природным окружением; энергетический обмен между обществом и средой; сравнительно-культурный анализ эволюционных универсалий.

Предшествующие теории подобного рода упрощали суть дела. Так, в рамках географического детерминизма предполагалось прямое одностороннее воздействие природных условий на культуру. Сторонники же поппулизма признавали лишь ограничивающее влияние природных факторов на формирование культуры, но не на ее развитие.

Для экологической антропологии центральной задачей «стало изучение экономических и экологических факторов и систем, обуславливающих жизнеобеспечение»¹. В рамках этой ориентации уже в 70-х гг. XX в. появились многочисленные монографии, учебные пособия, обзорные статьи. С 1972 г. начал выходить специализированный журнал «Human Ecology». Основоположниками этой области познания можно считать М. Салинса, работающего в области экономической антропологии, М. Харриса, разработавшего концепцию культурного материализма, Дж. Стюарта, создателя теории многолинейной культурной эволюции.

Экологическая антропология сформировалась как теоретическая ориентация с акцентом на изучение механизмов взаимодействий различных социокультур-

¹ Hatch E. The growth of economic, subsistence and ecological studies in American anthropology // Journal of Anthropological Research. Vol. 29. 1973. P. 221 – 222.

ных систем с природным окружением; факторов, определяющих различия; их сравнительной эволюционной значимости. Для обозначения последней здесь используется термин «адаптация». Он указывает на динамические связи членов сообщества с жизненной средой, обуславливающие его выживание и благополучие как целого в меняющихся условиях. Понятие отнюдь не предполагает пассивного подчинения людей давлениям среды. Для этого существует специальный термин — приспособление. Адаптация подразумевает взаимодействие людей с элементами окружения, в процессе которого формируются как устойчивые реакции людей на повторяющиеся внешние давления, так и стереотипные способы воздействия на окружение, приводящие к достижению определенных прагматических целей (удовлетворение потребностей, снижение уровня неопределенности, извлечение ресурсов и пр.).

Общая и специфичная эволюция. Дж. Стюарт и М. Салинс полагают, что функции приспособления к конкретной среде являются источником порождения и поддержания особенностей каждой отдельной культуры. Стюарт также связывает специфичные характеристики культур с особенностями адаптации членов данного общества, с конкретной средой их существования, принимая во внимание сходство ситуаций в сходных географических условиях¹. Эти процессы составляют закономерности так называемой специфичной эволюции, то есть развития отдельных культур. В результате межкультурных взаимодействий и обменов происходит отбор широко распространяющихся адаптационных культурных черт, на базе которых складывается глобальный процесс так называемой общей эволюции².

Свои рассуждения Стюарт базирует на выделении двух фундаментальных компонент биологической эволюции. Во-первых, это филогенез, заключающийся в адаптивных изменениях и возникновении различных

¹ *Steward J. Theory of Cultural Change: The methodology of Multilinear Evolution.* Urbana, 1955.

² *Sahlins M. Evolution: specific and general // Theory in anthropology.* Manners R., Paplan D. (eds.). Chicago, 1968.

биологических форм в результате приспособления организмов к конкретным условиям окружения. Во-вторых, общая эволюция, состоящая в переходе от более низкого к более высокому уровню организации жизни вообще и не совпадающая ни с одной из линий филогенеза.

Культурная эволюция рассматривается как процесс, продолжающий развитие видов другими средствами: разработка образцов совместного существования и воздействия на среду, знаковых систем, моделей социализации и пр. Поскольку эти средства не являются врожденными и обусловлены неодинаковостью жизненных условий и прошлого опыта популяций, культуры приобретают специфические черты. Тем не менее и здесь можно выделить два типа изменений. Первый из них вызывается адаптацией популяций к локальным условиям существования, что порождает различие обусловленных ею культурных форм. Второй связан с последовательной сменой стадий перехода от более простого к более сложному состоянию, которая считается панкультурным процессом. В первом случае речь идет о специфичной культурной эволюции; во втором — об общей¹. Изучения и сравнения различных форм адаптации социальных систем к окружению, выделение из них эволюционных универсалий и привело к такому разграничению, помогающему интерпретировать устойчивое многообразие культурных явлений и процессов.

Адаптация и эволюция. Эти идеи нашли дальнейшее развитие. Так, стало понятным, что не все специфичные изменения, процессы, служащие для приспособления людей к среде и принимающие культурные формы, можно считать эволюционными. К последним принято относить лишь те, что связаны с усложнением социокультурной системы, порождаемым дифференциацией ее функций и структуры и переходом на новый организационный уровень. В то же время дедифферен-

¹ *Sahlins M. Evolution: specific and general // Theory in Anthropology. Manners R., Kaplan D. (eds.). Theory in Anthropology. Chicago, 1968.*

циация, дезинтеграция, дезорганизация могут оказаться адаптивно целесообразными для системы, но отнюдь не ведут к ее эволюции.

Таким образом, концепции общей и специфичной эволюции увеличили интерпретативный потенциал эволюционной теории. Появилась точка отсчета для анализа культурных форм в их непосредственной зависимости от окружения, а также возможность придать самодовлеющую значимость культурной изменчивости и многообразию и не считать множественность культурных форм «отклонениями» или «пережитками» по отношению к эволюционным эталонам. Идеи культурного релятивизма и культурного прогресса нашли здесь примирение.

Исходя из концепции многолинейной эволюции, сторонники этого подхода стремились к тому, чтобы понять, чем обусловлено многообразие культурных форм отношений человека с окружением. С одной стороны, они строили эмпирические обобщения, касающиеся параллелизмов в истории культур, имеющих сходные географические условия. С другой стороны, изучались зависимости типов культур от характера человеческих объединений (семейных, племенных, национальных, государственных), на чем базируется идея уровней культурной интеграции. В результате произошел значимый сдвиг в трактовке адаптационных процессов. Стало очевидным, что их нельзя рассматривать как действующие на надорганизационном уровне, то есть как относящиеся к популяции в целом.

Активизировались исследования исторических изменений во взаимосвязях общества с окружением. При этом особое внимание уделялось социокультурным институтам как средствам и результатам адаптации. Соответственно расширилась сфера изучения реального поведения и процессов принятия решений, вызывающих социально значимые последствия, их обусловленности факторами окружения и культурными нормами, ценностями, стандартами. В этом отношении подход сделался более дифференцированным, поскольку стало очевидным, что разные культурные единицы, составляющие общество, ориентированы на различные ас-

пекты окружения и придерживаются неодинаковых культурных образцов. Таким образом, на смену подходу, где популяция во взаимодействии с окружением априорно рассматривалась как системная целостность, приходит другой, где центром системообразования становится индивидуальное поведение, из которого выводятся образцы взаимодействий, свойственные отдельным социокультурным группам и организационным единицам. Оценка воздействия популяции, общества на окружение складывается из рассмотрения дифференциального влияния каждого из активно действующих элементов.

■ Культурная единица в исследовании специфичной эволюции. Этнос

Важное место в изучении общей и специфичной эволюции занимает тема отношений между традиционалистскими и модернизационными тенденциями в современном мире. Этнос будет рассматриваться как пример построения социокультурной единицы, являющейся удобным объектом анализа при изучении этой темы в аспекте специфичной эволюции. Исследования можно разделить на две основных категории. Первый тип связан с изучением того, как культурные единицы, не находящиеся в центре модернизационных процессов, адаптируются к модернизационным изменениям, происходящим в обществе. Здесь основными категориями анализа становятся адаптация, аккультурация, интеграция, и анализируются те социокультурные группы, где обнаруживаются заметные попытки включиться в модернизационные процессы. Предмет второго типа исследований составляют процессы дифференциации, обусловленные модернизационными изменениями.

Этническая группа. «Модернизация стимулирует не только классовое сознание, но и новое групповое сознание всех видов — в племени, регионе, клане и касте, а также в классе, профессиональной общности, любом социальном объединении. Модернизация озна-

чает, что все группы — старые и новые, традиционные и современные — все больше осознают себя в качестве группы и свои интересы и требования по отношению к другим группам»¹.

Соответственно особый интерес вызывает формирование этнических групп в контексте модернизирующегося общества. В таких исследованиях рассматриваются мобилизационные факторы, интенсифицирующие процессы этнической идентификации и формирования этнических движений и групп, отставляющих свое особое место в условиях модернизации. Важное место в этой связи занимает выявление механизмов интеграции разрозненных носителей этнических характеристик в социокультурную группу или движение. В частности, исследуются процессы формирования и функционирования политических элит, харизматического лидерства и знаковых выражений этноидеологии — символов, ритуалов, стереотипов и т. п. Рассматриваются механизмы ускорения или торможения освоения в обществе новых социокультурных элементов. Так, эмпирически подтвердилось, что значимым механизмом, стимулирующим распространения инноваций в обществе или социокультурной группе, является добровольное заимствование. Это механизм, обуславливающий в основном общую эволюцию, в данном случае распространение модернизационных процессов.

Механизмы, препятствующие такому распространению, связаны с конфликтами между традиционалистскими и реформистскими группами, этноцентристскими и демократически ориентированными объединениями и организациями. В случае значительного разрыва между обществами или социокультурными группами в уровне развития, когда его преодоление представляется затруднительным или невозможным, этническая единица остается неинтегрированной в преобразования глобального масштаба. В этом случае особый исследовательский интерес вызывает специ-

¹ Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968. P. 37.

фика процессов превращения таких сообществ либо в изолятов, либо в ресурсные придатки более развитых частей общества или мировых сообществ. В частности, изучаются факторы и механизмы, обуславливающие развитие одних и деградацию других этнических регионов и групп.

Реальные исторические процессы опровергли идеологию ранних теоретиков эволюции (и модернизации как одной из модификаций эволюционизма) о неизбежности стирания национально-культурных различий и формирования транснационального мирового сообщества, господствовавшие вплоть до 60-х гг. XX в. В 1970-е гг. стало очевидным, что не только в модернизирующихся, но и в модернизованных странах этническая идентификация отнюдь не уменьшается, но увеличивается, а этномобилизация является важным фактором политической жизни. Более того, эти факторы стимулировали тенденции этнического самоопределения и роста социальных напряжений и конфликтов. Сегодня этническую группу можно считать значимой динамической социокультурной единицей¹ и проследить ее генезис и развитие по крайней мере в пределах одного-двух веков.

Принято считать, что класс и этничность являются двумя основными измерениями социального порядка, не сводимыми друг к другу. «Этничность — узы, сравнимые с родственными, основывающиеся на предположении об общем происхождении и связывающие сеть традиций людей, стоящих на различных уровнях социальной иерархии. Класс означают горизонтальную солидарность среди людей, которые безотносительно к происхождению предков разделяют общие отношения к власти и привилегиям... Для историков этничности основной вопрос — противоречие между ассимиляцией и обособлением. Для историков класса сущность дихотомии — не между «внутри» и «вне», но между «вверх» и «вниз»².

¹ *Glazer N., Moynihan D. P. (eds.). Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975. P. 213.*

² *Higham J. Ethnicity in America // Report at a conference «Ethnicity in Modern American Society». Princeton, 1983.*

Обнаруживается также некоторое сходство между этнической группой и группами интересов (такого мнения придерживаются, например, Н. Глейзер, Д. Мойнихэн, Р. Джексон). Однако в отличие от других групп интересов, например, экономических, этнические группы отличаются рядом особенностей. Во-первых, их члены руководствуются интересами общего прошлого и будущего и поэтому выражают долговременные социокультурные устремления, сохраняя традиционные черты культуры.

Во-вторых, такая группа является значительно более полифункциональной, удовлетворяющей многообразные чаяния ее представителей, из разных классов и поколений. В-третьих, принадлежность к ней подразумевает широкие возможности для социальной и культурной самореализации личности, значительно более широкие, чем к любой иной группе. Отсюда, видимо, можно вывести высокую культурную ценность этничности. Т. Парсонс считает ее аскриптивной категорией, то есть это качество приобретается не путем личных усилий или заслуг, но «по рождению» или благодаря действию ассимиляционных механизмов.

Этническая идентификация. Этническая идентичность в рамках каждой культуры — величина переменная и ситуативная. Так, в деревне человек ощущает себя ее жителем и воспринимается как таковой другими. В городе же его считают представителем определенной местности, для которой характерны свой диалект, нравы, обычаи. В ситуации войны с другим государством он прежде всего — гражданин своей страны. Иными словами, границы этнической идентичности подвижны, динамичны и культурно обусловлены.

Этническая идентичность, подобно классовой, часто становится основой идеологии, а группы, порождающие и придерживающиеся ее, возглавляют этноцентристские движения.

Этнос, следовательно, является сегодня одной из центральных категорий, обозначающих культурную единицу, которая может рассматриваться как целостность во взаимодействии с окружением и с другими единицами, в структурно-функциональном и динами-

ческом, синхронном и диахронном планах. Эта категория относится к людям, обладающим определенными идентификационными признаками, традиционно передаваемыми от поколения к поколению. «Обычно к таким признакам относят расовую принадлежность, цвет кожи, географическое происхождение, язык, обычаи, религию. Они имеют идентификационное значение, даже если не признаются носителями, и в этом смысле носят объективный характер. Можно считать, что лица, разделяющие определенный набор подобных черт, составляют группу, разделяющую общую этническую базу, подобно тому как социальный класс представляет собой группу лиц, занимающих общую позицию в системе материального неравенства»¹.

Этническая группа как культурная единица определяется совокупностью обязательных характеристик. Во-первых, выраженностью этноспецифичных черт. Во-вторых, присутствием феномена идентификации: люди осознают и ценят обладание набором таких черт, то есть причастностью к этнической категории. В-третьих, наличием определенной организационной структуры, то есть речь идет об ассоциации устойчиво взаимодействующих лиц с общей этнической самоидентификацией.

Особенностью такого рода характеристик, как уже отмечалось, считается то, что они приобретаются не с помощью личного выбора, но через культурное наследование или приписывание. В то же время речь идет об общности не кровнородственных связей, но социокультурных характеристик, которые нередко весьма трудно выделить. Этническая идентификация, или, как принято называть, «этническая категория» является весьма устойчивой культурной чертой. «Этнические группы могут подвергаться преобразованиям, регуляции и даже разрушению, тогда как этнические категории весьма устойчивы к политическому нажиму. Одной из самых впечатляющих исторических ошибок в контроле над этничностью была политика ассимили-

рования социологически устойчивых этнических категорий в более широкие культуры»¹.

Таким образом, можно считать, что в дополнение к демографическим и классовым признакам этнические черты составляют важную базу для «естественной» и для научной дифференциации человеческих обществ.

Формирование этнической группы. Четкая, доказанная концепция этногенеза в культурной антропологии отсутствует. Поэтому относительно ранних стадий формирования этнических групп и этнической категории существуют многочисленные точки зрения. В принципе все это многообразие может быть сведено к двум основным ориентациям: примординальной и культурно-детерминистской. В первом случае этнос считается примординальным (первозданным) социокультурным образованием, основанным на общих предках, принадлежности к одной расе и эволюционирующим на этих эндогенных (внутренних, присущих исходному популяционному ядру) предпосылках. Сторонники культурного детерминизма считают этносы ситуационными экокультурными образованиями, организационными конструктами, сложившимися для совместного решения определенного набора социально значимых проблем, вокруг чего и складываются характерные для общности «культурные темы» и соответствующие им институты.

Спор ведется также и относительно будущего этнической формы дифференциации человечества. Те, кто склонны считать приверженцев этноидентификации носителями пережитков более ранних стадий эволюционного процесса, полагают, что со временем такие формы будут исчезать как анахронизм. Те же, кто рассматривают этносы как субстанциональную социокультурную единицу, полагают, что в процессе культурной эволюции они будут претерпевать модификации, но сохраняют свою функцию дифференциации человеческой популяции.

¹ Jaskson R.H. Ethnicity — Social Science Concepts: A Systematic Analysis. P. 207.

Концепция культурного этногенеза может быть проверена и уточнена при изучении современных требований права этнического самоопределения. На стадии отчетливой идентификации и в условиях напряженных отношений с окружением члены этнических групп начинают считать, что, выделившись в самостоятельную экономическую, политическую, государственную единицу, они получают больший выигрыш, чем в состоянии зависимости от той крупномасштабной социально-политической системы, к которой они принадлежат. Для ряда групп, особенно немногочисленных, характерно стремление не столько к политическому или экономическому, сколько к культурному самоопределению. В то же время некоторые этнические группы объединяются на основе тенденции к более полной интеграции в контекст «основной» культуры (это особенно характерно для иммигрантских групп). Таким образом, в определенных условиях можно ожидать активизации этнической идентификации, усиления культурной значимости основанных на ней групп, интенсификации тенденций таких групп к самоопределению в различных формах.

Важным социокультурным фактором, катализирующим такого рода процессы, является этническая мобилизация, то есть целенаправленная деятельность, связанная с активизацией этноидентификации, формированием и распространением идеологии с этноцентристскими обертонами, институционализацией действий, направленных на самоопределение. В этом процессе значительная роль принадлежит этнолингвистической жизнеспособности (витальности). Речь идет о тщательном сохранении родного языка в атмосфере общераспространенного государственного, а его носители составляют целостность во внутригрупповых, а не только во внешних отношениях.

Механизмы сохранения этнической единицы. Они становятся особенно заметными в контексте концепции культурного плюрализма, которая допускает правомерность сосуществования сразу нескольких идентичностей: религиозной, лингвистической, классовой, региональной, этнической и т. п. Сегодня этот термин

указывает на то, что в любой культуре обнаруживаются не только различные основания для идентификации, но и реальные объединения людей, использующие эти основания для группового самоопределения. Соответственно признается также наличие в каждой культуре плюрализма нормативных и ценностных систем, а это означает, что в отношении социокультурных образцов, ценностей, норм, образа и стиля жизни в любом обществе следует с большой осторожностью относиться к употреблению выражений «общество в целом», «культура в целом».

В этой связи важно выявить те механизмы специфичной эволюции, которые в условиях культурного плюрализма выполняют для этнических групп те же селективные, стабилизирующие, и направляющие функции, какие в ходе биологической эволюции выполняет естественный отбор.

В некоторых случаях это может быть ситуация напряженности и конфликта «...возникновение социальной солидарности в ответ на ситуацию стресса превращает членов этнической категории в этническую группу»¹.

Однако важнейшая роль в поддержании этнической единицы принадлежит традиции как процессу трансляции и освоения специфичного культурного опыта. Культурная традиция представляет собой один из важнейших механизмов воспроизведения норм, ценностей, паттернов этнической культуры. Этим термином обозначается непосредственная трансляция специфичных культурных форм от поколения к поколению и соблюдение строгого следования таким формам. Благодаря действию механизма традиции структурируется опыт социокультурной идентификации, упорядочиваются взаимодействия с представителями других групп в стандартных ситуациях. Это происходит благодаря тому, что под действием традиции в процессе социализации индивид осваивает стандартный этнически специфичный опыт.

¹ Kasfir N. Explaining ethnic political participation // World Politics. 1979. Vol. 31. № 3. P. 373.

Традиция выполняет также функцию селективного механизма по отношению к инновациям. Благодаря ее действию из них отбираются только те, что не оказывают разрушительного воздействия на этноспецифичные черты, и отвергаются те, что грозят им серьезными структурными изменениями. Известно, что источником культурных инноваций всегда является индивидуальный опыт людей. Следовательно, интеграция нового в культуру этнической группы предполагает наделение такого опыта с помощью механизма традиции статусом культурно специфичной черты. Из сказанного следует, что действие этого механизма в этнической единице в известной мере уподобляется биологическому естественному отбору¹.

■ **Культурная черта в изучении общей эволюции. Эволюционная универсалия**

Важной проблемой современного эволюционизма является разграничение макро- и микроэволюционного уровней социокультурных процессов и поиск закономерных связей между неустойчивыми и устойчивыми культурными феноменами. Начиная с М. Мид, термин «микроэволюция» относится к процессам, происходящим на уровне непосредственного взаимодействия индивидов и социокультурных групп; сегодня он связывается с концепцией специфичной эволюции. Макроэволюция определяется как тот уровень процессов, который является интегральным результатом активности больших человеческих популяций и на котором спецификация деятельности отдельных культурных единиц может не приниматься во внимание, то есть речь идет об общей эволюции. Рассмотрение в современных условиях такой культурной единицы, как этнос, хорошо иллюстрирует подход к изу-

¹ Lazlo E. Evolution: The Grans Synthesis. Boston, 1987; Csanyi V. The replicative model of evolution: a general theory // World Futures. Journal of General Evolution. 1987. Vol. 23. № 1–2. P. 31–65.

чению специфичной эволюции и микроэволюционных процессов.

Макропроцессы общей эволюции будут представлены через другую аналитическую единицу культурной антропологии — черту, — означающую устойчивую совокупность представлений, отношений, действий, предметных характеристик, традиционно существующую в культуре.

Концепция эволюционной универсалии. Работа Т. Парсонса «Эволюционные универсалии в обществе» представляет собой концептуальный образец неэволюционистского подхода к изучению механизмов общей социокультурной эволюции. Эволюционными универсалиями он называет «структурные инновации», «наделяющие их обладателей существенным улучшением общей адаптивной способности», настолько существенным, что виды, не обладающие ими, теряют преимущества в основных областях, где действует естественный отбор, но не в смысле выживания, а с «точки зрения возможностей инициировать дальнейшее ключевое развитие»¹. Таким образом выявляется общая социокультурная черта, узловой центр, вокруг которого образуется область адаптационных видов активности, механизмов, институтов, то есть специфичных эволюционных черт, стимулирующих процесс общей эволюции. Правда, Т. Парсонс не объясняет, каким образом и при каких конкретных условиях формируются такие черты. Скорее всего, он считает их примерным аналогом случайных мутаций в биологической эволюции. Соответственно они закрепляются в обществе и культуре благодаря их возможностям в увеличении общей адаптивной способности социокультурной системы. Это позволяет им сохраняться в качестве определенных организационных структур или институтов независимо от первоначальных причин возникновения.

Концепция Т. Парсонса базируется на более или менее общераспространенной двухстадийной эволю-

¹ *Parsons T. Evolutionary universals in society // American Sociological Review. XXIX. № 3. 1964. P. 356.*

ционной модели, разделяющей «доисторические» и «исторические» формы развития человечества. Первая, стартовая стадия соответствует примитивному обществу, структура которого ограничивается семейными связями. Парсонс не анализирует ее, но принимает в качестве начальной точки отсчета последующего развития, или эволюции. Вторая стадия, как принято считать, возникает тогда, когда на смену обществам, основанным на семейных связях, приходят сложноорганизованные ассоциации людей, не связанных родственными отношениями. Парсонс полагает, что переход от одного типа социальной организации к другой происходит с того момента, когда начинают формироваться социальные универсалии.

Согласно Т. Парсонсу, две из них стали побудителями разрушения структуры социальных связей, на которых базировалась «примитивная» стадия социокультурной эволюции. Во-первых, это система социального признания и культурной легитимности дифференциации социально значимых функций (по Э. Дюркгейму — «разделение общественного труда»), независимая от структур родства. Иными словами, речь идет о предпосылках для формирования системы социального расслоения. Во-вторых, сама система социальной стратификации, то есть культурно маркированного (обозначенного) закрепления устойчивых границ между иерархически упорядоченными социокультурными группами, составляющими общество. Парсонс склонен считать, что «стратификация появляется первой и служит условием легитимизации политических функций»¹.

Появление остальных эволюционных универсалий относится уже ко второй стадии социокультурного развития человечества. Это система рынка и денег, бюрократия, универсалистская правовая система, демократическая ассоциация.

Формирование такого рода черт происходит на определенной социокультурной базе, которую Т. Парсонс называет «предпосылками социокультурного развития». К ним он относит родство, технологию, язык,

религию. Эти четыре необходимых условия совместного существования людей предопределяют: исходные социальные связи через структуры родства; жизнеобеспечение через использование технологий; коммуникацию через использование языка; символическую интеграцию через систему разделяемых религиозных верований. Они «маркируют» общество как человеческое, позволяя отличать его от социальных сообществ, свойственных другим видам.

Эволюционные универсалии и технология. Т. Парсонс проводит концептуальное различие между эволюционными универсалиями и технологией на основе их функциональной специфичности. Эволюционная универсалия в качестве культурной черты определяется как инновация, обеспечивающая увеличение адаптивного потенциала социокультурной системы, а технология рассматривается как обобщенный инструмент, продуцирующий его актуализации. Это позволяет трактовать технологию как имеющую относительную функциональную автономию от других и потому проявляющую высокую мобильность как внутри системы, так и между системами. Это одна из причин того, что диффузия технологических культурных черт осуществляется достаточно свободно в контексте социокультурных систем с различными типами экономической, политической, социальной, символической организации.

В рамках эволюционизма технологии (в любой их трактовке) рассматриваются как существенный фактор развития социокультурной системы, то есть повышения ее адаптационного потенциала. Они обуславливают преимущества общества двумя способами. Во-первых, в «игре с природой» их применение обеспечивает членам общества «не-нулевую» сумму выигрыша. Люди используют технологии по отношению к природным ресурсам, чтобы увеличить объем благ, которые они могли бы распределить между собой. С их помощью для каждого облегчается возможность получить большее вознаграждение без сокращения его величины для других. Этим способом использующим их социокультурным группам удастся уменьшить давление со стороны тех, кто стремится к реорганизации имеющейся системы

стратификации, а также повысить степень лояльности других к существующему социокультурному порядку. Иными словами, развитие технологий способствует поддержанию социальной стабильности. Во-вторых, такое развитие является основным источником власти над окружением. Те, кто хорошо владеет технологиями, могут контролировать изменения в использовании ресурсов, в количестве, качестве, вариабельности благ и услуг, предлагаемых другим членам общества в обмен на их лояльность. Соответственно социокультурные системы с более высоким уровнем технологического развития могут эффективно конкурировать с системами менее развитыми в этом отношении и навязывать им свои условия в ситуациях взаимодействия. Вообще говоря, повышение уровня такого развития способствует расширению сферы адаптационных возможностей социальной системы, то есть повышает ее шансы на специфичную, а, возможно, и общую эволюцию.

Технологии рассматриваются прежде всего как способ извлечения и переработки ресурсов, обеспечиваемых окружением и используемых людьми для поддержания жизнеспособности социокультурной системы. Соответственно существование каждой культуры определяется не просто фактом физического существования в определенных условиях, но и особенностями знаний, навыков, способов действия, применяемых популяцией для их использования.

С этой точки зрения важным показателем культурной эволюции, начиная с Л. Уайта, считается качество используемой энергии. В рамках неозволюционизма демонстрируется последовательное возрастание и качественная модификация используемой обществом энергии, изменение ее источника: мускульная сила человека, домашние животные, энергия воды и ветра, ископаемое топливо, электрическая, а сегодня и атомная энергия. Здесь разработан индекс оценки уровня адаптации, связывающей характеристики энергетической системы общества и его социальной организации¹. Раз-

витие технологий в этом отношении обеспечивает устойчивые характеристики связи общества с окружением через интегральные процессы использования людьми энергетических ресурсов. Иными словами, человеческая культура характеризуется уникальной и сложной системой извлечения из окружения, хранения и использования энергии, необходимой для снижения энтропии в процессах социальной жизни людей, то есть для ее эволюции.

■ Пределы роста

С неозволюционистской точки зрения различия культур определяются в терминах совместной оценки следующих параметров: подчиненность окружению (от слабой до сильной); организационная структура (от простой к сложной); организация совместной жизни популяции (от сельской до городской); специализация в системе общественного разделения труда (от нерасчлененной к узкоспецифичной); модели руководства (от основанных на консенсусе до авторитарных); распределение благ (от уравнительного до жестко дифференциального); поведение элит (от ответственного до эксплуататорского); функция войны (от мести к политическим интересам)¹.

Считается, что современное модернизированное общество, являющееся образцом для заимствования тех культурных черт, которые обеспечивают ему оптимум адаптированности к природному и искусственному окружению, то есть эволюционно наиболее «продвинутое», обладает следующими характеристиками. Оно в наименьшей степени зависит от окружения; обладает сложной и подвижной организационной структурой; имеет широко разветвленную систему общественного разделения (специализации) труда; в нем преобладает демократическая система управления; ему свойственно дифференциальное распределение благ; поведение

¹ Naroll R., Narrol F. (eds.) *Main Currents of Cultural Anthropology*. N. Y., 1970.

его элит ответственно; оно ориентировано на предотвращение войн. Через эти характеристики осуществляется сравнительная оценка современных обществ в контексте глобализации.

Кризис роста. В то же время изучение социокультурных процессов, происходящих в постиндустриальных обществах, свидетельствует о том, что их рост и экспансия не беспредельны. Этой теме посвящена научная и экспертная деятельность Римского клуба. С одной стороны, эти динамические характеристики ограничены социобиологическими предпосылками, антропологическими инвариантами, устанавливающими внутренние пределы физическим, психическим, познавательным возможностям человека. С другой стороны, конечность размеров планеты, ограниченность жизнеобеспечивающих средств, невозможность некоторых существенных для человека природных ресурсов делают очевидными внешние пределы сегодняшней стадии социокультурной эволюции.

Современный кризис, связанный с существованием человечества, обусловлен нерациональным использованием ресурсов и технологий, приверженностью к росту и экспансии, отсрочкой в принятии и реализации социально значимых решений, краткосрочными и плохо обоснованными политическими стратегиями. Иными словами, сегодня «проблема пределов человеческого роста и человеческого развития является по сути своей проблемой главным образом культурной»¹. Сегодня ясно, что необходимо ограничить человеческую активность по отношению к окружению, поскольку она может и уже начинает приносить вред самим людям, животным и растениям, планете как таковой. Однако пока неизвестно, как установить эти пределы.

Наряду с эволюционными процессами в каждом обществе, равно как и в глобальном масштабе, происходят иные социокультурные события, которые можно считать не имеющими отношения к повышению адаптационного потенциала человечества в классическом понимании этого концепта. Простое наблюдение сви-

детельствует о том, что люди тратят значительную часть времени и энергии на бессмысленную, неэффективную работу, на необязательные напряжения и конфликты. Они бездумно расходуют невозполнимые природные ресурсы. Люди продолжают не задумываясь воспроизводить многочисленное потомство, не имея возможности обеспечить ему благоприятных условий существования, а сегодня возрастает степень риска появления на свет высокого процента физически и психически неполноценных детей. Даже использование научного знания и технологий люди способны лишить рациональности. Так, наука сначала начинает фетишизироваться и рассматриваться как панацея от всех человеческих проблем, что ведет к массовому распространению научной идеологии. Затем оказывается, что научное познание имеет ограничение, требует серьезной работы и не ведет к непосредственному изменению реальности. И это вызывает мощную волну антициентизма, что оправдывает массовое невежество и обскурантизм. Что касается технологий, то их разработка и использование в тех областях активности, которые наносят вред самим же людям — войны, разрушение природной среды, средства массового воздействия — представляют собой обычное явление в истории культуры и в сегодняшней жизни.

Рационализация адаптационных процессов как черта общей эволюции. Сторонники идеологии «пределов роста» полагают, что природа современного глобального кризиса культуры связана с неадекватной организацией человеческой активности в условиях, когда созданная людьми жизненная среда по крайней мере выровнялась, если не возоблала по своей значимости, по своей действенности в соотношении с естественной. Такое положение дел порождает проблемы, обусловленные особенностями искусственного окружения. Во-первых, оно, в отличие от природного, не обладает свойством самовоспроизводства, но для его поддержания в пригодном для жизни людей состоянии необходима постоянная затрата усилий. И чем оно объемнее и сложнее, тем больше усилий и времени нужно для его обслуживания и поддержания. Во-вто-

рых, культурная среда является результатом не спонтанного возникновения, но конструктивной активности людей. Соответственно использование и поддержание артефактов предполагает понимание того, что они собой представляют и как с ними следует обращаться.

Следовательно, эволюция культуры предполагает увеличение меры рациональности в отношениях человека не только к окружению, но и к самому себе. Об этом, в частности, свидетельствует рационализация в XX в. тех областей человеческого существования, которые прежде не находились под постоянным и жестким преднамеренным контролем: бессознательные процессы, пограничные психические состояния и отклонения, мистические переживания и т. п.

По отношению к окружению нерациональность человеческого поведения сегодня стала очевидной. В хозяйственной сфере она проявляется в случайном размещении и структуре производства, в несвязанности их ни с распределением населения, ни с размещением дефицитных ресурсов, ни с необходимостью обеспечения занятости людей, ни с программами социально-экономического развития конкретных регионов. В отношении к ресурсам доминирует склонность к расточительству: идеология потребительства; нерациональные в глобальном масштабе способы производства и распределения; затраты на военные программы, которые не только не способствуют улучшению условий жизни человека, но связаны с постоянной угрозой массового разрушения и уничтожения. В отношении людей к самим себе доминирует попустительство безотлагательному удовлетворению собственных побуждений, невежеству, вульгарному гедонизму, социальной безответственности и т. п., которое ведет к тому, что люди в социокультурном пространстве начинают мешать друг другу проявлениями личной свободы.

«По мере того как возрастало могущество современного человека, все тяжелее и ощутимее становилось отсутствие в нем чувства ответственности, созвучного его новому статусу в мире. Могущество без мудрости сделало его современным варваром, обладающим

громадной силой, но не имеющим ни малейшего представления о том, как применить ее»¹.

С точки зрения самовоспроизведения человеческой популяции ее рост, по-видимому, достиг критических пределов. «В любом случае нынешние поколения не имеют права вести себя так, будто им дана привилегия размножаться, как заблагорассудится, лишая тем самым прав на это своих же собственных потомков, которым волей-неволей придется ввести в будущем еще более жесткий контроль над рождаемостью»². Представители Римского клуба вообще считают рациональный контроль над ростом численности человечества одним из важнейших механизмов современной стадии общей эволюции культуры.

Однако, по мнению сторонников концепции пределов роста, сегодняшние негативные явления не означают движения человечества к закату, заложенного в самой человеческой природе. Это кризис цивилизации или культуры, причина которого кроется в несоответствии массовых стереотипов социального поведения изменившимся условиям существования человечества. А поскольку модификации этих условий зависели от рациональной и практической деятельности самих людей, они же в принципе могут исправить ситуацию, поскольку уже сейчас люди знают не только об истоках многих негативных культурных тенденций, но и о возможных путях и средствах их смягчения. Соответственно речь идет о выработке новых схем использования людьми собственного социокультурного потенциала, позволяющих найти новые модальности в их отношениях с природным и ими самими созданным окружением, то есть о формировании новых эволюционных универсалий.

Использование эволюционистских идей в исследовании динамики культуры

Как было показано выше, в настоящее время совершенно очевидным является то, что динамика социокультурной жизни не исчерпывается эволюционными

¹ Печчеи А. Человеческие качества. С. 72–73.

² Там же. С. 279.

процессами, или процессами развития в их строгом научном определении. В то же время все исследования XX в. подтверждают, что таким процессам принадлежит важная роль в историческом движении человечества. Поэтому идеи эволюционизма продолжают занимать ведущее место в изучении динамики общества и культуры. По сути дела пока это единственная «большая теория», или парадигма, специально ориентированная на изучение закономерностей социальной и культурной изменчивости.

Из содержания главы видно, что принятые в рамках этого направления классические исходные основания и допущения не утратили своего эвристического потенциала. Они вполне применимы к моделированию как макро-, так и микроисторических процессов. Соответственно вопрос относительно эволюционистской парадигмы заключается не в правомерности ее использования, но в границах ее применимости. Если эти границы будут логически обоснованными и достаточно четко установленными, использование концепции развития может дать интересные и вполне достоверные результаты.

Можно выделить классы задач, разрешимых с помощью эволюционистского подхода к обществу и культуре. Один из них связан с продолжением традиционной для него темой необратимости исторических изменений на уровне панккультуры. Причем, изменений эволюционного характера, то есть имеющих форму дифференциации культурных систем с их последующей интеграцией на более высоком уровне организации (усложнения). В этом отношении весьма плодотворным оказывается определение эволюционных универсалий и последовательности их возникновения и взаимосвязанности.

Важный круг проблем связан с выявлением факторов, обуславливающих вероятность возникновения таких универсалий, а также механизмов их формирования и трансформации в исторических масштабах времени. Подобные исследования позволяют понять, благодаря каким движущим силам происходит повышение уровня социокультурной организации.

Значительный эвристический потенциал, как видно из сказанного ранее, заключен в изучении соотношения процессов специфичной и общей эволюции. Это позволяет отделить процессы развития от других форм и сделать последние специальным предметом анализа. Таким образом, иначе начинает выглядеть контекст социокультурной динамики в глобальном масштабе. Он становится более дифференцированным и концептуально упорядоченным. Соответственно увеличивается достоверность суждений о факторах, способствующих и препятствующих распространению эволюционных изменений.

Наконец, важная роль в изучении макроисторических процессов принадлежит определению и типологии социокультурных единиц, на которых могут быть достаточно детально прослежены процессы развития. Исследования показывают, что понятие эволюции не может быть отнесено к отдельной культуре или панкультуре в целом. Всегда, на любом уровне анализа, наряду с развивающимися единицами обнаруживаются области социокультурной жизни, изменяющиеся в каких-то иных формах или не изменяющиеся в течение относительно длительных промежутков времени. Соответственно стоит вопрос о том, каковыми должны быть свойства социокультурных единиц, меняющихся в эволюционной форме.

Из сказанного следует, что определенные положения классического эволюционизма и неозволюционизма продолжают оставаться важным инструментом изучения динамики общества и культуры. Причем сегодня совершенно очевидно, что процессы развития имеют свои границы и не исчерпывают всех исторически значимых типов социокультурных процессов.

Выводы

1. Концепция эволюции представляет собой классическую модель осмысления макроисторических процессов. Эволюция, или развитие, обозначает форму процесса, характеризующегося количе-

ственным приращением разнокачественных элементов с их последующей интеграцией и повышением уровня организации; при этом предполагается наличие исходного «герма», в котором содержится весь динамический потенциал. Следует подчеркнуть, что это одна из возможных форм социокультурных процессов, но не единственная, как было принято считать до недавнего времени.

2. Можно выделить основания классического эволюционизма, которые и сегодня применимы к изучению процессов, имеющих форму развития. К ним относятся допущения о предпосылках эволюции: видовое единство человечества, движение некоторых культурных феноменов от простоты к сложности, закономерный характер такого движения, формы и скорости развития культуры в зависимости от условий. Речь идет также о детерминантах развития культуры. Выделяются антропологические и внешние факторы, обуславливающие именно такую форму динамики культурных феноменов.
3. Совокупность этих оснований и теперь составляет базу современных неозволюционистских теоретических построений. В этих рамках эволюция культуры рассматривается как результирующий концепт, объединяющий в последовательный процесс необратимые изменения, удерживающиеся в мировом масштабе и связанные с организационным усложнением социокультурной жизни. Объектом изучения эволюционных процессов является культурная единица или эволюциокультурная система.
4. Механизмы динамики такой системы наиболее полно были изучены в рамках экологической антропологии. Широкая эмпирическая проверка классических эволюционных гипотез привела к формированию концептов общей и специфичной эволюции. К специфичной эволюции относятся адаптационные образования, характерные для динамики локальных культур. В результате межкультурных взаимодействий и обменов происходит отбор наиболее эффективных адаптационных черт,

- которые в силу этого находят широкое распространение. На этой базе складывается глобальный процесс так называемой общей эволюции.
5. Выделяются единицы анализа эволюционных изменений. Для изучения специфичной эволюции обычно применяется категория «этнос». Общая эволюция рассматривается в терминах эволюционных универсалий.
 6. С неозволюционистской точки зрения различия культур определяются по интегральной оценке следующих параметров: подчиненность окружению (от слабой к сильной), организационная структура (от простой к сложной), организация жизни популяции (от сельской к городской), специализация в общественном разделении труда (от нерасчлененной к узкоспецифичной), модели руководства (от авторитарного к консенсусу), распределение благ (от уравнительного к четко дифференцированному), поведение элит (от эксплуататорского к ответственному), функция войны (от мести к политическим интересам). Через эти характеристики осуществляется сравнительная оценка обществ в контексте глобализации.
 7. В то же время подчеркивается, что движение от левого к правому полюсу по каждой из названных шкал не может быть беспредельным. И дело не в том, что у людей исчерпан потенциал возможностей двигаться в направлении роста и экспансии искусственного мира. Сегодня стали очевидными все более нарастающие негативные последствия этих процессов и для природного окружения человека, и для него самого. Поэтому речь идет о пределах роста антропогенных воздействий на природу. Но это не означает окончания эволюционных процессов. Они должны переместиться в область выработки новых схем использования людьми собственного социокультурного потенциала, позволяющих найти новые модальности в их отношениях с окружением, приемлемые для обеих сторон. Иными словами, подразумевается формирование новых эволюционных универсалий.

Контрольные вопросы

1. Как определялись основные характеристики эволюции в рамках классического эволюционизма?
2. Что считалось имманентными и внешними для человека детерминантами эволюции в классическом эволюционизме?
3. Каковы общие направления неозволюционизма; в чем их сходство и различие с классическими теориями?
4. В чем заключается познавательный смысл выделения понятий «общая» и «специфическая» эволюция?
5. Как на примере категории этноса можно раскрыть познавательный смысл понятия «культурная единица» и построить теоретическую модель ее эволюции?
6. Как на примере понятия «эволюционная универсалия» можно показать познавательную значимость категории «культурная черта»?
7. Каким образом концепция пределов роста способствует развитию современного эволюционизма?
8. Какие классы задач помогают решать использование эволюционистских допущений и теоретических построений?
9. Выберите наиболее важную, с вашей точки зрения, задачу, связанную с аболиционистским анализом динамики культуры, и постройте модель исследовательской программы.

**ВОЛНООБРАЗНЫЕ (ЦИКЛИЧЕСКИЕ) КОНЦЕПЦИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ**

Представления о циклическом характере, обратимости социокультурных процессов имеют длительную историю. Идеи чередования света и тьмы, времен года, жизненных циклов, реинкарнаций и т. п. с незапамятных времен являются ходовыми, базирующимися на непосредственных наблюдениях и выделении сходных, повторяющихся явлений в природе и культуре.

Попытки выделения циклических процессов в истории предпринимались неоднократно. Изучались политические, хозяйственные волны, отыскивались ритмы в динамике искусства, науки, рассматривались циркулярные закономерности повседневной реальности. Значительное внимание уделялось изучению жизненного пути индивида, результаты которого все больше осознаются как надежная мера для оценки социокультурной динамики на микроисторической школе времени (порядка ста лет).

Понятие «цикл» применительно к социокультурной динамике носит весьма условный характер, если иметь в виду его словарное определение. В словаре С.И. Ожегова этот термин определяется так: «Цикл (греч. *kuklos* — круг) — 1. Совокупность явлений, процессов, составляющая кругооборот в течение определенного промежутка времени. Годовой цикл вращения Земли. Производственный цикл. 2. Тот или иной круг наук. Исторический цикл. 3. Законченный ряд каких-нибудь произведений, чего-нибудь излагаемого, испол-

няемого. Цикл стихотворений. Цикл лекций»¹. В энциклопедическом словаре к этому добавляются циклические формы в музыке². В словаре Уэбстера понятие цикла представлено как «орбита небесного тела; круговорот лет или повторяющийся период времени, в течение которого некоторые события или феномены следуют в одном и том же порядке и с одинаковыми интервалами; период определенной длительности, эпоха; круг операций или событий; серия событий, которая возвращается в первоначальное состояние; определенный законченный курс или серия...»³. По-видимому, более уместным для обозначения идеи обратимости явлений социокультурной жизни можно считать представление о волнообразных (повторяющихся или обратимых) процессах, относящееся к изменениям, «которые в каждый данный момент имеют свое направление и следовательно, постоянно меняют его, при которых явление, находясь в данный момент в одном состоянии и затем меняя его, рано или поздно может вновь вернуться к исходному состоянию»⁴.

В исследованиях общества и культуры волновые, циклические концепции можно разделить на два типа. Во-первых, гуманитарные, где под циклом подразумевается всего лишь констатация того, что определенные социокультурные крупномасштабные единицы имеют фиксированную последовательность стадий или состояний. При этом не устанавливаются ни временное измерение происходящих здесь процессов, ни обязательность повторения этой последовательности после ее завершения. Во-вторых, социально-научное направление, где волнообразная форма применяется для описания смены общих подъемов и спадов активности в экономической, технологической сфере, ускорений и замедлений темпов социальной мобильности, усложнения и упрощения социальной структуры и т. п.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 714.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1486.

³ New Webster's Dictionary of the English Language. New Delhi, 1988. P. 393.

⁴ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 59.

Существуют несколько типов классификации динамических ритмов, позволяющих определить формы социокультурных процессов в качестве фазовых, волновых, ритмических. Простейшей формой можно считать двухфазовую. Она выделяет два возможных состояния рассматриваемой социокультурной переменной: возрастание и убывание. Таким образом оцениваются, например, на первой стадии анализа динамические статистические ряды, представляющие, скажем, валовый национальный продукт и доход, заболеваемость, преступность, членство в партиях, религиозных общинах и т. п. В результате динамика представляется как смена возрастаний и убываний величины рассматриваемой переменной (или набора переменных) и выявляется их ритмический рисунок (частота) во времени. Такая оценка социокультурной динамики имеет значение при построении общей картины изменений, происходящих в обществе и культуре в относительно длительные промежутки времени, но не превышающие нескольких десятилетий. Другая ритмическая форма для социокультурных систем предполагает выделение трех фазовых состояний. Такой подход связан с определением начала, перелома и окончания каждой фазы. Так, О. Вульф говорил о трех стадиях динамики изобразительного искусства: техническое — пластическое — декоративное¹. Трехфазная концептуализация динамики рассматриваемых социокультурных переменных не просто фиксирует подъемы и спады их значений, но обозначает форму движения от подъема к спаду. Таким образом, подобная модель позволяет формулировать содержательные гипотезы о характере качественных преобразований, происходящих в рамках рассматриваемой области культуры.

Следует отметить, что трехфазная ритмическая форма является прототипичной для построения более сложных моделей. Можно с уверенностью предполагать, что выделение дополнительных фаз в рамках цикла представляет собой уточнение характера движе-

¹ Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics N. Y. — L., 1962. Vol. 4. P. 411.

ния рассматриваемого процесса, заполняет промежутки между тремя основными точками, характеризующими его направленность и форму. Так, четырехфазная модель эволюции нации и национальной культуры О. Шпенглера — «детство — юность — зрелость — старость» — представляет собой уточнение трех основных стадий существования системы: формирование — установившееся состояние — кризис.

■ Общая характеристика волновых процессов

Изменение таких составляющих социокультурной жизни, как характер производства и потребления, социального расслоения, технологии, культурные или художественные стили и т. п. можно оценивать по двум измерениям. Во-первых, общая последовательность смены соответствующих событий (хронология), во-вторых, форма этой последовательности. Хронология движения может быть представлена как необратимый процесс, который прерывается или меняет траекторию под влиянием разного рода возмущающих факторов. Формы же этого движения, такие, как ритмы, подъемы и спады, большая или меньшая интенсивность, могут быть описаны с помощью волнообразной кривой и считаться обратимыми процессами.

Концепция ритмичности изменений. При исследовании волновых процессов, происходящих в социокультурных системах, предметом наблюдения обычно становятся ритмические смены таких их параметров, как открытость — закрытость, структурное усложнение — упрощение, большая или меньшая степень динамизма. Однако следует подчеркнуть, что для системы в целом фиксация ритмичности — это всего лишь описание, но никак не объяснение происходящих изменений. Дело в том, что различные ее компоненты характеризуются специфичными «собственными» темпами динамизма. Поэтому, например, в политике или науке события сменяют друг друга быстрее, чем в сфере права. В то же время возможны состояния общества, когда ускорение или замедление смены со-

бытий характеризует все его основные области: экономическую, социально-организационную, познавательную.

Сходные явления можно наблюдать и в образе жизни людей. Эта комплексная категория объединяет в общий процесс различные культурные формы жизнедеятельности, в которых «участвует» индивид. В динамике этого процесса можно выделить установившиеся, структурно стабильные, и проблемные, структурно нестабильные ситуации, чередование которых может быть представлено как его ритмическая форма. Наконец, в социокультурной системе любого уровня можно выделить состояния, характеризующиеся либо схождением (конвергенцией), либо расхождением (дивергенцией), либо параллельным движением тех процессов, которые являются социально значимыми, то есть оказывают влияние на изменение форм поведения и взаимодействия большинства его членов. Все названные параметры последовательных и периодичных изменений, происходящих в отдельных областях социокультурной жизни, могут рассматриваться как показатели их фазовых состояний. Следовательно, выделение таких показателей послужит основанием для вывода о том, что динамика рассматриваемой системы имеет волнообразную (в пределе циклическую) форму.

Изменчивость социокультурных единиц, таким образом, может быть описана по крайней мере двумя способами. Во-первых, в форме эволюционного процесса, суть которого состоит в последовательном необратимом повышении уровня сложности и организованности рассматриваемой системы. Во-вторых, в форме волнообразного процесса, который складывается как повторяющаяся последовательность набора определенных фаз или состояний. Внутренняя структура такого процесса обусловлена тем, что значения определенных его переменных то возрастают, то снижаются до некоторой фиксированной величины относительно определенного среднего уровня. Если у таких колебаний значений переменной обнаруживаются периодичность с определенной частотой и амплитуда, можно говорить о ритме процесса и характеризовать

его как волнообразный. Наличие колебаний и ритмов свидетельствует о том, что система имеет механизмы самоорганизации.

Общий характер таких процессов описывается теорией колебаний, имеющей столь же абстрактную форму, как общая теория систем и потому так же, как она, применимой к любому объекту, проявляющему соответствующие характеристики.

Изучение различных областей жизни дает основания говорить о своего рода эталонных ритмах, характеризующих определенные классы природных и социокультурных явлений. Для социальной и культурной антропологии это обстоятельство приобретает возрастающую значимость по мере того как происходит накопление эмпирических свидетельств относительно смены фаз индивидуального жизненного цикла не только как о физиологической, но и психической антропологической универсалии. Иными словами, помимо того, что организм всех людей меняется от детства через зрелость к старости, все люди в ходе жизненного цикла переживают одинаковые так называемые психические кризисы, относительно независимые по времени возникновения от внешних обстоятельств.

Классификация некоторых социокультурных процессов по ритмичности, то есть времени одного полного колебания была проведена Н.К. Серовым¹.

Таблица

Величина модуля продолжительности	Типичные процессы
Микромодульные процессы «мгновение ока» и т. п.	
до 0,1 сек.	
Мезомодульные процессы	
от долей 1 сек. до 10 сек.	биение сердца, вдох—выдох, музыкальные звуки и паузы, трудовые движения;

¹ См.: Серов Н.К. Личность и время. Л., 1989. С. 156 – 157.

от 10 до 100 сек. (до 1 – 1,5 мин.)	трудовой прием, творческая импровизация, экспромт;
от 1 до 100 мин. (около 1,5 час.)	сеанс (время непрерывного выполнения какого-либо дела), урок, лекция, «быстрый сон», обеденный перерыв, беседа;
от 1 до 10 час. (в среднем 5–6 час.)	ежесуточный сон, рабочий день, ежедневный досуг, вдохновение;
от 10 до 24 час.	смена труда и отдыха, циркадный ритм и его фазы;
от 1 до 10 сут. (в среднем около 5–7 сут.)	недельные ритмы труда и отдыха, затяжное настроение, обострение болезни;
от 10 до 30 сут.	эмоциональный ритм и его фазы, время отпуска, курс лечения, менструальный цикл;
от 30 до 100 сут.	краткосрочное обучение, курсы переподготовки, сезонная мода, внутриутробное развитие, сезонный ритм работоспособности и его фазы;

Макромодульные процессы

от 1 до 5 лет (в среднем 3 года)	обучение ребенка ходьбе, речи, начальное школьное обучение;
от 5 до 10 лет (в среднем около 7–8 лет)	периоды ритма возрастной перестройки психики, выборные компании, короткие циклы деловой активности;
от 10 до 25 лет (в среднем около 15–18 лет)	взросление, социальное созревание, половое созревание, политические перемены, средние экономические волны;
от 25 до 50 лет (в среднем около 35–40 лет)	период трудоспособности, период фертильности, время смены поколений, политические режимы;
от 50 до 100 лет (в среднем около 70–80 лет)	формирование семьи из 3–4 поколений, продолжительность жизни индивида, длинные экономические волны, художественные культуры (стили);

Мегамодульные процессы	
100 – 1000 лет	относительная стабильность языка, традиций, обычаев, царские династии, общественные формации;
1 – 10 тыс. лет	коллективная память о выдающихся событиях и личностях, древние культуры, памятники письменности;
10 – 100 тыс. лет	мифы в народной памяти, древнейшие культуры и рукотворные мемориалы;
более 100 тыс. лет	за пределами «живой» памяти человечества.

Выявление формы изменений. Выявление формы изменчивости изучаемых социокультурных переменных, определение того, периодична она или нет, предполагает обязательные эмпирические наблюдения. Чаще всего при изучении социокультурной динамики применяется построение временных статистических рядов, характеризующих движение переменной (социальное расслоение, политические движения, социальная итерация и т. п.) в терминах специально построенных количественных показателей, отслеживаемых в фиксированный промежуток времени. Установление достоверного динамического ряда определяется теоретически обоснованной организацией исследовательской ситуации. Во-первых, время наблюдения следует выбрать так, чтобы можно было выявить по крайней мере одно полное колебание. Во-вторых, внутренняя разбивка этого временного промежутка на более мелкие интервалы должна быть такой, чтобы с необходимой степенью подробности описать последовательность изменений рассматриваемой переменной.

Все эти параметры исследовательской ситуации обуславливаются основными задачами динамического анализа: выявление общего направления движения переменной и внутренней формы ее значения, в частности, периодических изменений. Соответственно в пределах выбранного промежутка времени определяются:

- общее направление и форма движения переменной (тренд);

- более или менее регулярные колебания значений переменной относительно тренда;
- случайные (непериодичные) отклонения значений переменной относительно тренда.

В этом случае тренд описывает систематическое изменение одних и тех же показателей в течение длительного периода времени. В социальных науках в зависимости от объекта, от его собственной внутренней «склонности» к изменчивости этот период, как, скажем, видно из таблицы, может измеряться неделями, месяцами, годами и даже десятилетиями. Если в динамическом ряду обнаруживается регулярность изменений, можно говорить о закономерном процессе движения переменной. Если такая регулярность отсутствует, то следует вывод, что либо изменчивость носит случайный характер, либо выбран слишком малый для объекта, не соответствующий внутренним ритмам его колебаний промежутков времени.

Выявление формы изменчивости переменной подразумевает рассмотрение колебаний ее значений относительно тренда. В результате динамический ряд оказывается разделенным на части с однородными изменениями значений переменной. Например, вверх или вниз по отношению к тренду. Затем определяется периодичность этих колебаний. Если они не носят регулярного характера, процесс не является волнообразным, а имеет какую-то иную форму (например, эволюционную или линейную). Если же они периодичны, то есть полностью или в основном повторяют свои параметры, свою форму через определенные, более или менее одинаковые промежутки времени, можно говорить о волновом характере процесса. В пределе этот процесс может быть описан с помощью математической модели периодической функции.

Изучение отклонений в значениях переменной по отношению к тренду проводится с целью выделения пиков, по которым можно судить о периодах ритмических колебаний. Для математического описания такого рода ситуаций существует специальный инструмент — спектральный анализ. Он обеспечивает возможность систематическим образом обобщить амплитуды и час-

тоты колебаний и представить форму исследуемого процесса.

Однако это лишь одна сторона вопроса. Дело в том, что каждая из рассматриваемых социокультурных переменных существует не сама по себе, но в определенном контексте. Ее изменения, следовательно, обусловлены не только внутренними (эндогенными) факторами, но и взаимодействием с элементами окружения (экзогенными причинами). Скажем, уровень преступности в обществе связан с такими его характеристиками, как степень устойчивости социальной структуры, скорость миграционных процессов, темпы урбанизации, мера эффективности существующих нормативных систем и т. п. Поэтому для каждого тренда необходимо в статистическом выражении выстроить соответствующую ему социокультурную «среду», где его взаимодействие с окружающими факторами оказывается наиболее значимым. Более того, следует установить внутренние колебания этого фона с тем, чтобы проследить соответствия и расхождения в интенсивности изменчивости между ним и рассматриваемой переменной. В рамках статистического анализа причинные зависимости этих параллельных динамических рядов, разумеется, не выявляются. Но определенные гипотезы сформулировать вполне возможно.

Имеющийся опыт исследований позволяет выделить следующие основные принципы анализа связей между внешними и внутренними ритмами динамики изучаемой ситуации:

- Периодические изменения тренда и внешнего фона рассматриваются как параллельные процессы, между которыми выявляются зависимости с помощью корреляционного, регрессионного и фазово-пространственного анализа.
- Внутренний ритм процесса описывается на основе анализа отдельных событий, связанных с рассматриваемой переменной. Внешний фон представляется через общие тренды той совокупности переменных, от которых предположительно зависит форма изучаемого процесса.

- В рассматриваемых параллельных процессах выделяются наиболее показательные точки соответствия (максимумы, минимумы, пересечения). На основании их выделения можно строить гипотезы относительно характера внешней обусловленности изменений в рамках изучаемого тренда.

Из сказанного следует, что волновые концепции социокультурной динамики представляют собой удобные абстракции, позволяющие оценить динамику тех переменных системы, которые могут без потери познавательной значимости сводиться к дихотомии «больше — меньше». В таком случае значимой характеристикой этой переменной в основном являются такие колебания ее величины относительно какого-то установленного уровня, которые описываются с помощью последовательных закономерных связей. При исследовании социокультурной жизни можно говорить не об абсолютном, но только относительно обратимых процессах. С идеей обратимости здесь связывается представление о возможности повторения во времени определенного состояния системы или ее элементов. Однако совершенно очевидно, что каждая новая «волна» реализуется в новых социокультурных условиях, и потому отнюдь не является простым повторением предыдущей.

Таким образом, процесс может быть назван обратимым лишь в некотором условном, абстрактном смысле.

Гуманитарная трактовка социокультурных циклов

В попытках осмыслить закономерности исторических процессов, особенно тех, что имеют сходные характеристики в различные временные периоды, так называемая циклическая модель занимает заметное место. В таком контексте под циклом понимается обобщенное представление об универсальной форме внутренней динамики макросоциокультурного объекта (этнос, общество, цивилизация) в период его существования от возникновения до распада.

Вот некоторые вехи в истории социально-философской мысли, связанные с концепцией «циклизма».

Идеи циклизма в концепции истории. Еще древнегреческий историк Полибий (201 – 120 гг. до н. э.) выделил (вслед за Аристотелем) цикл из шести основных фаз в смене политических режимов: монархия, тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия (власть толпы). В Новое время ключевой фигурой, выдвинувшей теорию исторического круговорота, был Дж. Вико (1668 – 1744 гг.). Он считал, что все нации развиваются по циклам, состоящим из трех эпох (стадий). Первая стадия — «век богов» — характеризуется отсутствием государства, символическим фиксированием представлений людей о себе, своем обществе и мире в теогонических мифах, доминированием религиозных (священных) структур в управлении социокультурными процессами. Вторая стадия — «век героев» — отмечена господством аристократического государства и символизацией социокультурных представлений в формах героического эпоса. Третьей стадии — «веку людей» — соответствует демократическая республика или монархия и историографическая форма осмысления социокультурных процессов. После завершения третьей стадии наступает постепенный распад данного общества¹. И.Г. Гердер уподоблял историю определенного народа периоду жизненного цикла человека².

Образцом более поздней циклической трактовки исторического процесса может служить Ф. Корнелиус, предлагавший гипотезу, согласно которой динамика каждой культуры может быть описана в терминах пяти основных фраз:

- период, характеризуемый религией в качестве основного интегративного механизма;
- промежуточный период, когда интеграцию в сообществе начинают осуществлять нерелигиозные социальные лидеры; это обусловлено ранней стадией социальной дифференциации, когда функциональные лидеры выделяются из

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. Л., 1940.

² Гердер И.Г. Идеи к философии историй человечества. М., 1977.

среды «исполнителей», но полностью от нее не отделены;

- период героев, становящихся интеграционными центрами отдельных областей культуры (соответственно процессы общей социальной интеграции усложняются; возникают области дезинтеграции и беспорядка);
- период доминирования ценности личности, индивидуализма, эгоизма, когда упорядочение связей человека с окружением центрируется вокруг личности;
- период копирования, характеризующийся дезинтеграцией социокультурной среды, когда собственные организационные критерии общества теряют функциональность и люди начинают заимствовать их у других культур. Корнелиус считает этот период последней стадией в существовании данной культуры¹.

В XX в. гуманитарные циклические концепции социокультурной динамики связываются главным образом с именами Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П.А. Сорокина. Их точка зрения на человеческую историю стала реакцией на невозможность в рамках классического эволюционизма систематическим образом интерпретировать многочисленные исторические и этнографические данные, не укладывающиеся в его существующие модели. Особенно спорным оказался вопрос о культурном многообразии в связи с тем, что имеющиеся факты не подтверждали универсальной обязательности для каждого общества необратимости развития. В связи с этим О. Шпенглер писал: «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории... я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал — человечество — свою собственную форму, и у каждой своя собственная идея,

¹ Cornelius F. Die Weltgeschichte und ihre Rhythmus. München, 1925.

собственные страсти, собственная жизнь, желания, чувствования и, наконец, своя собственная смерть»¹.

Концепции цивилизационных циклов. Шпенглер выдвинул предположение о том, что история человеческой культуры представляет собой смену несходных между собой цивилизаций. Каждая из них проходит через последовательный набор обязательных стадий — от зарождения до распада — составляющих законченный цикл продолжительностью около тысячи лет. Он выделял восемь таких цивилизаций, основанных на совершенно различных принципах: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоническая» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская), «фаустовская» (западноевропейская), культура майя и предполагал возможность формирования русско-сибирской культуры.

Идеи О. Шпенглера нашли продолжение в работах А. Тойнби. Как и Шпенглер, Тойнби рассматривал исторический процесс как совокупность не связанных друг с другом и существенным образом различающихся цивилизаций. Цикл существования цивилизации, согласно А. Тойнби, предполагает пять последовательных стадий: зарождение, становление, кризис, разложение, гибель. Каждая цивилизация представляет собой совокупность устойчивых территориальных, политических, религиозных характеристик. Технология не включается в число этих основных переменных, поскольку, согласно Тойнби, состояние технологии не коррелирует с состоянием цивилизации.

Обязательность в соблюдении последовательного прохождения через стадии существования стала для Тойнби основным критерием для включения их в свой реестр цивилизаций. Из него исключались все те, что не прошли полного цикла или не проявили его признаки с достаточной интенсивностью. Соответственно в историческом процессе он выделяет цивилизации: западная христианская, российская христианская, ближневосточная христианская ортодоксальная, иранская ортодоксальная, арабская, индийская, дальневосточная,

эллинская, сирийская буддийская, синитская, миноанская (бронзовый век на Крите), шумерская, ассирийская, вавилонская, аляскаская, мексиканская, юкотекская, майя, египетская, полинезийская, эскимосская, номадическая, оттоманская, спартанская, скандинавская¹.

К середине 50-х гг. XX в., согласно Тойнби, можно было наблюдать семь так или иначе сохранившихся цивилизаций:

- Западная христианская (страны Западной Европы, Америки, Австралии, где исповедуется христианство в католической или протестантской форме).
- Православная христианская с русской ветвью (страны Юго-Восточной Европы и Россия, где распространено православие).
- Исламская (Северная Африка и Ближний Восток, территории, расположенные между Атлантикой и границей Китая).
- Индуистская (территория субконтинента Индии).
- Дальневосточная, с японской ветвью (Тихоокеанский регион).
- Система, включающая христиан-монофизитов в Армении, Месопотамии, Египте, Эфиопии, христиан-несториан Курдистана, экспесториан Малабарского побережья, иудистов и парсов — последователей зороастризма в Индии.
- Система, включающая буддистов ламаистско-махаянистского направления на Цейлоне, в Бирме, Камбодже, а также членов индуистской религиозной секты джайана.

Последние две системы представляют собой своеобразные реликты ныне вымерших цивилизаций².

Оценивая состояние цивилизации, Тойнби считал критерием ее подъема «развивающуюся индивидуальность, что в свою очередь свидетельствует о движении цивилизации по пути превращения в самодовле-

¹ *Toynbee A.D. Study of History. L., 1934 – 1961.*

² *Toynbee A.D. A Study of History. Abridgement by Sommerel D. C. 1956 – 1957. Vol. 1 – 2. P. 8.*

ющую среду... самодовлеющее поле действия»¹. Критерий ее упадка он определял как «разрушение управления, означающее утрату гармонии между частями, некогда составлявшими единое общество. Утрата гармонии между частями влечет за собой потерю обществом самоопределения, что и является критерием упадка»².

Цикл социокультурной системы. В циклической модели П.А. Сорокина, исторический процесс представлен как последовательная смена типов культур, которые строятся на основе выделения характерных для каждого представлений о природе реальности и метода ее познания. Эти типы представляют собой три фазы единого цикла; через них проходят четырнадцать основных сфер, совокупность которых характеризует социокультурную систему, культуру в целом. Эти сферы таковы: живопись, скульптура, архитектура; музыка, театр, литература, искусствоведение; религия, философия, наука; естественно-научные и технологические изобретения; этика и право; политика; семейные отношения; экономика; политические конфликты; религиозная активность; тип исторической личности; формы свободы; государственное управление; мировоззрение. В динамике каждой из них можно наблюдать три типичных стадии, после которых цикл начинается вновь: идеациональная с доминированием процессов познания, идеальная с доминированием идеологии, сенсуальная с доминированием чувственного переживания.

В тех сферах культуры, которые связаны с социально значимым знанием и нормативными кодексами, эти фазы проявляются более или менее однозначно. На первой стадии происходит активное осмысление окружения, поиск организационных принципов, позволяющих связать динамичные и многообразные культурные события в устойчивые, имеющие социальную значимость целостности: предметно-пространственные, лингвистические, познавательные, техноло-

¹ Toynbee A. D. A Study of History. L., 1934. Vol. 1. P. 208.

² Там же. P. 279.

гические, нормативно-регулятивные. На второй стадии сложившиеся формы порядков конвенциональным путем устанавливаются, фиксируются и легитимизируются в качестве социокультурных норм, ограничивающих индивидуальные и групповые действия в этих сферах (например, стиль в искусстве, научная парадигма, религиозная доктрина, свод законов и т. п.). Третья стадия характеризуется тем, что нормативные рамки оказываются слишком узкими для социализации нового опыта, и люди обращаются за подтверждением адекватности своих действий и суждений к уровню чувственных переживаний.

В сферах социальных связей и отношений названные фазы имеют специфичные формы проявления. В сфере семейных связей происходит движение от договорно-принудительных к более свободным отношениям. Сфера экономики характеризуется ритмом роста и спада активности, связанной с производством, распределением, потреблением благ и услуг. Социальные напряжения и конфликты, будучи нормативно связанными в рациональной и идеологической фазах существования культуры, усиливаются в третьей, сенсуалистичной фазе и особенно остро проявляются между циклами. Религиозная нормативность особенно сильна на первой фазе и минимально действенна на третьей. Каждой стадии динамики цикла соответствует свой тип личности, появление которого составляет определенную ритмическую структуру. Аналогичную структуру можно обнаружить и в смене форм свободы, характерных для каждой фазы: от контролируемой «осознанной необходимости» на первой фазе до произвола и анархии на последней. Соответственно меняется и тип государственной активности: на первой стадии нормативно-регулирующая роль государства высока; на третьей государственное вмешательство в хозяйственную жизнь и область гражданских свобод минимально. На уровне мировоззрения в концептуализации «устройства» мира, таких определяющих его категорий, как пространство, время, причинность в рамках цикла происходит движение между полюсами идеализма —

материализма, непрерывности — дискретности, реализма — номинализма¹.

Гуманитарная интерпретация социокультурных циклов представляет собой попытку построить модель макроисторических процессов, свободную от эволюционизма и линейного прогрессивизма. Она базируется на признании правомерности и самодостаточности эмпирически существующего многообразия социокультурных систем. В этом смысле такой подход тесно связан с утверждением культурного плюрализма. В то же время теоретики циклизма принимают в качестве исходного допущения представление о видовом единстве человечества. И свою задачу они видят в том, чтобы найти проявления этого единства в структурных основаниях динамики социокультурных систем.

Работы «классических циклистов» изобилуют конкретными историческими примерами, иллюстрирующими **их** концепции. И часто такие картины выглядят весьма убедительно. Однако подобные модели следует весьма осторожно использовать для интерпретации и объяснения социокультурных изменений на «микровременном» уровне. Необходимо помнить, что они представляют собой не более чем идеализации процессов исторического масштаба, происходящих в макрообъектах, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Скорее всего, представления такого рода целесообразно рассматривать как некоторый гипотетический социокультурный динамический фон, на котором уже более доказательно и обоснованно можно проследивать отдельные доступные для наблюдения процессы, происходящие в изучаемых обществе и культуре.

■ Концепция длинных экономических волн

Лучше всего модели волнообразных динамических процессов разработаны в экономике. Колебательные процессы длиной 7–11 лет, периодические кризисы в

хозяйственной жизни были зафиксированы в науке еще в 20-х гг. XIX в. и получили название «торгово-промышленных циклов». В середине XIX в. в этих циклах были выделены различные уровни глубины соответствующих изменений. Как отмечал, например, К. Маркс, динамика капиталистического хозяйства может быть представлена через «поверхностные (в пределах торгово-промышленного цикла) колебания, собственно торгово-промышленные циклы, завершающиеся кризисом перепроизводства, а также имеющие с последними общую природу колебания со сравнительно большим периодом развития, которые завершают процесс восстановления пропорций капиталистического воспроизводства»¹. Такой же точки зрения придерживались Родбердус, Жуглар и др.

В России в конце XIX — начале XX в. концепцию долговременных колебаний разрабатывали М.И. Туган-Барановский, Парвус (псевдоним русского марксиста А.И. Гельфанда); в Голландии ее сторонниками были Ван Гельдерн и его последователь С. де Вольф. Они выделили такие детерминанты колебаний в экономике, как открытие новых рынков, введение новых технологий, межотраслевые связи, соотношение спроса и предложения, накопление и перераспределение капитала.

Это направление исследований позже продолжил Н.Д. Кондратьев, разработавший теорию длинных экономических волн с периодом 48 — 55 лет. Теория описывала полный набор фаз цикла — спада, подъема, перехода между ними — и позволяла дать им содержательную интерпретацию. Последнее оказывалось возможным потому, что при построении модели была предпринята попытка соотнести экономические процессы с некоторыми социальными и политическими факторами. Иными словами, речь шла об анализе экономических изменений в определенном социокультурном контексте.

Кондратьев объединяет экономические изменения в два типа процессов: необратимые, и те, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 544.

наряду с необратимыми включают в себя значительное количество повторяющихся элементов. Иными словами, он выделил и разграничил направленные и колебательные процессы. Такое разграничение помогло лучше понять механизмы экономической динамики. Изучение взаимосвязи этих типов процессов привело его к построению закономерностей соотношения их обратимости и необратимости, равновесности и неравновесности.

Основной задачей своей работы Н.Д. Кондратьев считал выявление закономерностей основных тенденций (трендов) в динамике экономической конъюнктуры¹. Для отслеживания этих трендов он выделил десять основных переменных, наиболее представительным образом характеризующих состояние экономической системы в количественном выражении: национальный капитал; количество самодеятельного населения; производство средств производства; производство предметов потребления, общие размеры производства; валовый национальный доход; заработная плата, процент на капитал; сумма земельной ренты, размеры накопления капитала.

Эти переменные он разбил на две группы. Одна из них характеризуется тем, что здесь величины переменных кумулируются, накапливаются и в каждый данный момент образуют известный фонд (количество самодеятельного населения, национальный капитал, уровень технологического развития). Другая включает в себя те экономические элементы, которые не подчиняются принципу кумуляции и динамика которых может быть представлена как «поток» (заработная плата, процент на капитал, количественные характеристики производства и т. п.).

На основе анализа статистических материалов, описывающих динамические ряды изменений вели-

¹ «Под экономической конъюнктурой каждого данного момента мы понимаем направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом» (Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М, 1989. С. 199–208).

чин этих переменных, Н.Д. Кондратьев пришел к выводу, что долговременные колебания в экономике носят регулярный, волнообразный характер. Он выделил совокупность взаимосвязанных социально-экономических процессов, составляющую эти долговременные волны. Речь идет о неравномерности изменений технологий и технологической структуры производства, накопления капитала, условий денежного обращения, социально-политических процессов, вовлечения новых стран в систему мирового капиталистического хозяйства.

В самом общем виде Кондратьев так описывал форму изменений экономической системы: «Материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и распространение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего и являются большие волны конъюнктуры. Период усиления строительства этих основных капитальных благ является периодом подъема, периодом отклонения реального уровня экономических элементов вверх от существующего уровня равновесия... является периодом длительного повышения конъюнктуры, хотя бы и прерываемого колебаниями более кратковременными. Период затишья в их строительстве является, наоборот, периодом движения реального уровня экономических элементов к уровню равновесия и ниже него». При этом «в процессе развития цикла самый уровень равновесия, изменяясь, переходит на иную, как правило, на более высокую ступень»¹.

Из приведенного высказывания видно, что колебательные процессы носят не циклический характер, но ведут к изменению угла наклона той оси, «уровня равновесия», относительно которой они прослеживаются.

¹ Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Проблемы экономической динамики. С. 172.

² См. там же.

■ Модель «длинной» экономической волны

Согласно Н. Кондратьеву, полный цикл динамики экономической системы может быть описан с помощью четырех фаз: повышение, перелом, понижение, переход.

Фаза подъема («повышательная» волна¹). В этот период происходит обновление и расширение основных капитальных благ; радикальным образом изменяются и перегруппировываются производственные силы, чему должно предшествовать значительное накопление капитала, концентрация его в мощных предпринимательских центрах. Такая предварительная концентрация является необходимым условием повышения экономической конъюнктуры, поскольку распыление капитала в разных слоях общества не может обеспечить необходимые для этого преобразования.

Кроме того, важным фактором экономического подъема является обилие «свободного» капитала и его дешевизна. При таких условиях наступает время, когда выгодным, рентабельным становится крупное инвестирование в производстве. Начинается новое капитальное строительство, широко внедряются новые технологии, создаются новые производительные силы. Все это ведет к структурной перестройке условий производства, вызывающей рост эффективности функционирования экономической системы.

Фаза подъема характеризует высоко динамичное состояние экономической системы, связанное с ее ростом. В этот период на фоне расширения мирового рынка, вовлечения в него новых стран происходит экспансия внешних экономических контактов; внутри системы наблюдается свободное переливание капитала. На уровне «средних» волн конъюнктуры депрессии ослабляются, зато подъемы направлены круто вверх. Возникают новые точки роста: новые отрасли производства, предприятия, структуры хозяйственных связей, субъекты экономической деятельности. Однако в определенный момент подобные изменения при-

водят к такой степени структурной неоднородности, что система становится неустойчивой, поскольку интенсивность динамики социально-экономических процессов возрастает. Вместе с тем повышение степени активности экономических субъектов ведет к росту социальных напряжений и конфликтов между группами интересов как на внутрисоциальном, так и на международном уровне. Обостряются отношения между новыми и традиционными элементами хозяйственной жизни, начинается жесткая рыночная конкуренция. Вероятными становятся смены режимов с выходом в сферы влияния новых социальных сил.

Переломная фаза. Она характеризуется тем, что инерционное движение экономических процессов достигает границы, за пределами которой система перестает быть эффективной. Крупные инвестиции в промышленность превышают спрос на капитал, который в результате этого дорожает. Внешнеполитическая и внутрисоциальная социально-экономическая и политическая нестабильность, возникающая из-за непроизводительных затрат, ослабляет темпы накопления и соответственно повышает спрос на капитал. Дорожание капитала влечет за собой его дефицит. В результате замедляется темп инвестирования в капитальные сооружения, понижаются рыночные цены. Начинается падение активности экономической жизни.

Фаза депрессии («понижительная» волна). Ее характеризует состояние спада экономической активности. В этот период начинается поиск путей удешевления производства, в том числе за счет технологических инноваций. Это порождает возрастание спроса на инновативные идеи и изобретения. Постепенно тормозится рост процента на капитал. Его понижение связано с аккумуляцией капитала в банках и торгово-промышленных предприятиях. Оно происходит за счет социальных групп с фиксированными доходами, которые выигрывают на понижении цен, и за счет сельского хозяйства.

При депрессии положение в сельском хозяйстве оказывается значительно хуже, чем в промышленности. В этих условиях большая подвижность промышленности способствует лучшей ее приспособляемости к

изменениям конъюнктуры. Рыночное же положение сельского хозяйства ухудшается (падение цен, покупательной способности), что способствует перетеканию капиталов отсюда в промышленные центры.

Стадия депрессии характеризуется инерционностью старой структуры экономики, которая проявляется как сопротивление модернизации производства, замедление общих темпов роста основных экономических показателей, затягивание неблагоприятных условий конъюнктуры. В этот период и следует ожидать «структурного кризиса». Этим понятием обозначаются те изменения, происходящие в нижней точке спада, где переход движения от депрессии к подъему обуславливается радикальным технологическим изменением производства, вложениями в принципиально новую технику. Итак, кумуляция разрозненных инноваций на фазе спада при низкой эффективности экономической системы является важной предпосылкой для ускорения разрушения этой, системы. Соответственно из разрушающегося старого порядка и рядом с ним формируются начала другого порядка, отвечающего новым экономическим возможностям, которые появляются благодаря смене технологической «парадигмы».

Фаза перехода. Она характеризуется тем, что прежняя структура экономики — совокупность отраслей производства и связей между ними, международное разделение труда, доминирующие формы организации производства, технологии — перестает быть эффективной. Новые хозяйственные формы, даже весьма успешные, не будучи на стадии своего порождения «стянутыми» в прочные структурные образования, оказываются недостаточно сильными для того, чтобы переломить ситуацию. Чтобы утвердиться в качестве элементов нового порядка, эти формы должны «победить» в конкуренции с существующей, хотя и разрушающейся хозяйственной структурой. Период конфликтов элементов обоих типов обычно составляет 7–10 лет, но может продолжаться и дольше. В это время формируются новые отрасли производства, складываются более адекватные изменившимся условиям формы экономической организации и регулирования.

По мере того как направление новых упорядочивающих процессов начинает определяться, а поддерживающие его силы легитимизируются, происходит внутренняя перестройка системы. В этот период депрессия не ослабляется возникающими всплесками хозяйственной активности. Тем не менее постепенно продолжается структурное упорядочение; определяются будущие «точки роста»; в них стягивается капитал. Стабилизируется социальная структура, поскольку низкие темпы экономического развития приостанавливают как миграционные процессы, так и вертикальную социальную мобильность. Технические инновации в этот период ориентированы не на структурные изменения производства, но на усовершенствование существующих производственных процессов. Иными словами, даже технологические изменения ориентированы на поддержание имеющегося положения дел. Соответственно формируются определенные предпосылки для стабилизации социально-экономической жизни.

Сложившийся новый структурный порядок обуславливает накопление потенциала для дальнейшего роста. В его рамках очевидной становится внутренняя неравномерность развития различных элементов социально-экономической системы. По этим линиям неравенства активизируется хозяйственная деятельность как внутри системы, так и на уровне ее внешних связей. Перелом волны намечается, когда капитал начинает дешеветь, что создает предпосылки для новых крупных инвестиций в капитальное строительство, то есть для новой фазы подъема экономической активности.

■ Направления изменений социальной структуры на разных фазах длинных экономических волн

Экономические изменения связаны с определенными социальными переменами.

Интенсификация социокультурных процессов. Для фазы подъема характерно так называемое динамическое неравенство, благодаря которому наиболее слабые перегородки в социокультурном расслоении

разрушаются под напором социальной мобильности. Раздвижение границ и увеличение многообразия форм экономической активности обуславливают расширение возможностей обогащения, создания новых экономических единиц как крупного масштаба с новейшей технологической оснащенностью, так и более мелких с меньшей степенью модернизованности. Соответственно появляется широкий спектр новых рабочих мест — от ручного неквалифицированного труда до самых современных профессий. Интенсивность экономической активности и расширение возможностей обогащения ведут к расширению объема среднего класса в обществе. Причем в этот период наиболее устойчивые межслоевые границы сохраняются, например, между высшим и средним классами, средними слоями и низшими уровнями низшего класса. Соответственно новые представители среднего класса формируют свои многочисленные объединения и группировки, что ведет к росту социокультурной дифференциации, ценностному плюрализму.

В этот период у государства расширяются возможности за счет налоговой политики увеличивать финансирование социальных программ. Подобные инвестиции также становятся фактором интенсификации социальной динамики. Можно сказать, что начинаются изменения в структуре социального неравенства; имущественное неравенство как бы сглаживается. Что же касается социокультурных различий, то здесь происходят изменения значительно более сложного характера, которые пока еще слабо изучены. По крайней мере межгрупповые напряжения в условиях культурного плюрализма достаточно сильны из-за постоянного столкновения разнонаправленных интересов и ценностных ориентаций.

Фазе подъема соответствует оживление политических процессов, связанных с переделом сфер влияния внутри страны и реструктурированием внешних связей. Различные группы интересов активизируются в политическом отношении, среди них идет состязание за поддержку избирателей, необходимую для того, чтобы занять места в верхних эшелонах государственной

власти. Расширяется сфера социального участия и соответственно большее значение приобретает нижний уровень представительной власти.

Все это ведет к постепенному возрастанию объема стохастических процессов в зонах общественной жизни, близких к экономическим преобразованиям и соответственно к социальным напряжениям. Последние связаны, во-первых, с конкуренцией за сферы влияния между старыми и новыми экономическими элитами, между новыми экономическими субъектами в сфере рынка. Во-вторых, с сопротивлением традиционных «высших» слоев общества претензиям «нуворишей» на высокое социальное положение. В-третьих, с нежеланием традиционных политических элит уступать свои позиции представителям новых групп интересов. В совокупности все эти процессы ведут к накоплению нестабильности, разнонаправленности возможных социокультурных изменений.

Укрепление социальной структуры. Фаза спада характеризуется тенденцией к статическому неравенству, закрепленному в социальной структуре. Уменьшается степень проницаемости межслоевых границ. Вертикальная мобильность существенно сокращается. Более заметными становятся знаковые границы между представителями различных слоев общества. Особенно это относится к тем социокультурным группам, которые в наибольшей степени находились в центре экономических преобразований предыдущего периода. Усиливается влияние консервативных настроений и ценностей. Сокращается возможность и вероятность быстрых индивидуальных достижений.

При экономических спадах увеличивается число бедных в обществе. В городе возрастает безработица; депрессия в сельском хозяйстве обуславливает свертывание производства. Миграция сельских жителей в города ведет к накоплению здесь дешевой неквалифицированной рабочей силы. В низших слоях общества нарастает недовольство своим социальным положением, агрессивность по отношению к более обеспеченным, что проявляется в распространении здесь идеологии уравнилельной справедливости. При условии, что

поляризация бедных и богатых усиливается, а количество бедных существенно возрастает, можно говорить о повышении степени вероятности социальных конфликтов. Если в обществе существуют сильные экономические и властные элиты, они ставят низшие классы под жесткий политический и правовой контроль. При слабых элитах популистские ориентации публичных политиков усугубляют депрессию. Победа низших классов ведет к появлению того, что принято называть обществом, или культурой, бедности.

Такие зависимости внешне наблюдаются при сопоставлении экономических динамических волн с происходящими вокруг них социокультурными изменениями. Однако, чтобы такое сопоставление было эвристичным, следует помнить, что характер связей между этими типами процессов не установлен и потому ни один из рядов не обеспечивает объяснений для другого. Пока не ставился вопрос о зонах социокультурной жизни, которые подвергаются структурным обратимым и необратимым преобразованиям под влиянием экономических колебаний. Теоретически не интерпретированными остаются роли и функции различных социокультурных слоев и тенденций в процессах, происходящих в обществе и культуре под влиянием экономических волн в различных их фазах.

■ Закономерности длинных волн

Анализ динамики больших циклов позволил Н.Д. Кондратьеву вывести четыре эмпирических регулярности, значимые с точки зрения не только их описания, но и понимания их природы.

Во-первых, перед началом или в самом начале фазы подъема большого экономического цикла наблюдаются значительные перемены основных условий хозяйственной жизни общества: изменения технологий производства и обмена, условий денежного обращения, усиление роли новых стран в сфере мирового хозяйства и т. п. Разумеется, такого рода изменения происходят постоянно, однако в этот период они заметно интенсифицируют-

ся. По наблюдениям, в течение примерно двух десятилетий перед началом «большой» волны подъема наступает заметное оживление в области технологических инноваций. В самом ее начале эти инновации распространяются и обуславливают структурные изменения в сфере производства. Этот период характеризуется расширением орбиты мировых экономических связей. И, наконец, он совпадает с серьезными изменениями в добыче драгоценных металлов и в денежном обращении.

Во-вторых, в периоды подъёмов больших волн социальные напряжения и конфликты (вплоть до войн) проявляются значительно интенсивнее, чем в периоды спадов.

В-третьих, спады длинных волн сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства. Разумеется, в эти периоды снижаются цены на промышленные товары, однако цены на важнейшие сельскохозяйственные товары падают значительно ниже и покупательная сила этих товаров уменьшается.

В-четвертых, если рассматривать соотношение длинных и средних волн в едином процессе экономической конъюнктуры, то обнаруживается влияние первых на вторые. При спаде длинной волны тенденции подъёмов средних волн будут ослабляться, а спадов — усиливаться. При движении вверх наблюдается обратная картина. Соответственно в период спада преобладают годы депрессий, а при подъеме — годы экономического оживления¹.

При этом Н.Д. Кондратьев подчеркивает эмпирический характер сделанных обобщений и отсутствие какой-либо претензии на объяснение причин длинных экономических волн (больших циклов).

Исследования последних десятилетий показали, что неустойчивость социально-экономических систем возникает в результате отклонения величин переменных, определяющих относительно эффективное их функционирование, от параметров, обеспечивающих эту эффективность. Накопление таких отклонений может

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 199 – 208.

привести к колебаниям с возрастающей амплитудой, в пределе ведущим к разрушению системы. Подобного рода отклонения можно разделить на два основных типа: статический и динамический. Статическая бифуркация возникает при длительном накоплении отклонений значений переменной от спектра ее «нормальных» вариаций. Динамическая бифуркация характеризуется быстрым накоплением таких отклонений. Оба состояния влекут за собой катастрофические последствия для целостности системы. Однако особую опасность представляет динамическая бифуркация, вызывающая высокие темпы разрушения системы или неорганизованные попытки ее сохранения. Наблюдающееся в этом случае резкое усиление противоположных динамических тенденций в системе может привести к ее полному структурному преобразованию.

Согласно обобщениям Л.М. Григорьева¹, относительно волновых моделей экономических изменений можно сказать следующее:

- Волны представляют собой определенную последовательность фазовых состояний экономики: подъем, кризис, депрессия, оживление. Эти фазы повторяются, однако не со строгой математической периодичностью.
- Переходы от одной фазы к другой носят плавный характер, то есть внутри каждой предыдущей фазы нарастают процессы, которые начинают доминировать в последующей. Соответственно о границах фазовых состояний можно говорить условно.
- Эмпирические данные представляют фазы и переходы между ними в многообразии форм проявления.
- В историческом плане изменились некоторые общие характеристики экономических волн: сократилась частота кризисов; возросла средняя продолжительность цикла; фаза подъема по времени увеличилась, а фазы депрессий и оживления в сумме стали короче; намечается

стадия предкризисного зстоя, где сочетаются признаки и подъема, и кризиса.

- Кризис начинается в период, когда основные экономические единицы не находятся в критическом состоянии; он обусловлен процессами разрушения экономической ткани как таковой, носящими лавинообразный характер.
- Форма кризисных фаз такова: взрывной характер начальной стадии; чередование пологих и острых изменений в период свертывания производства; расширение сферы снижения выпуска продукции по отраслям производства.
- Кризис и депрессия ведут к тому, что из экономической системы вытесняются ее слабейшие элементы; определяются наиболее перспективные рынки; стимулируется рационализация производства.

Волновые процессы технологических инноваций

Говоря о механизмах самоорганизации экономической системы, следует обратить особое внимание на то, что в периоды экономических спадов хозяйственная активность оживляется поиском новых технологий. Благодаря этому на уровне средств производства складываются предпосылки для перехода системы в новое качественное состояние.

Известный исследователь экономических циклов И. Шумпетер считал механизмом, позволяющим объяснить волновую смену нестабильности и накопления капитала, колебания технологических нововведений. Он полагал, что нововведения, изменяя факторы производства, обуславливают расширяющуюся кумуляцию денежной массы на базе кредита. Этот процесс предполагает также распространение в сфере производства структурно новых технологий производства и коммерческих операций, а также товаров. В совокупности такого рода изменения способствуют смене фаз циклов. Интенсивность же протекания самих циклов зависит от того, насколько значимым для структурной перестройки системы является изменение.

И. Шумпетер выделил три волны нововведений¹.

А. Клейнкнехт дополнил эту таблицу следующей, четвертой, длинной волной: 1940 – 1970 — период подъема; 1970 – 1980-е гг. — период спада. Он установил, что циклическая инновационная активность, начавшаяся в 1930-е гг., привела к значительному экономическому подъему в послевоенный период, который длился до 1970-х гг.

Механизмы связи между экономическими и технологическими изменениями. А. Клейнкнехт изучил вопрос о связи длинных волн с технологическими нововведениями. Обобщая исторические данные и их осмысление в научной литературе, он установил, что все исследователи отмечают всплески таких нововведений в 80-х гг. XIX в. и 30-х гг. XX в., то есть в периоды экономического спада.

Механизм связи между экономическими и технологическими изменениями он объясняет таким образом. В период экономического подъема, когда имеющиеся технологии обеспечивают высокие прибыли, нет смысла заменять их новыми. Они подвергаются лишь не принципиальным усовершенствованиям; для появления рискованных исследовательских проектов недостаточно оснований и стимулов. Наоборот, в период спада рынок затоварен, оборудование простаивает и совершенно очевидно, что улучшение качества невостребованных товаров и существующих технических устройств не приведет к изменению ситуации. Соответственно появляется место и побуждение для рискованных исследовательских работ, связанных с изменением производственного цикла в целом.

Изучая динамику экономических процессов в Западной Германии, он установил корреляцию между технологическими инновациями в различных секторах производства и неодинаковостью темпов роста этих секторов. Посекторное и региональное изучение зависимостей такого рода позволяет понять их причинную обусловленность.

У. Лоу, сотрудник Массачусеттского технологического института (США) построил теоретическую модель, уточняющую форму связей между пиками инновативной активности, определенными периодами экономического цикла и фазами длинной волны экономических колебаний. Он пришел к следующим основным выводам¹:

- форма пиков нововведений или изобретений отличается от характеристик фаз депрессии и восстановления в экономическом (кондратьевском) цикле и графически выражена более четко;
- период между фундаментальным изобретением и его внедрением в производство сокращается от XVIII к XX в.;
- наблюдается тенденция к концентрации научных открытий и изобретений в определенные моменты времени.

Форма влияния экономических факторов на изобретения и нововведения не является однозначной и линейной. И те, и другие лишь с одной стороны зависят от экономической ситуации, с другой — они во многом определяются эндогенными для науки факторами, в частности, частотой научных открытий.

Более того, изобретения и нововведения имеют пики совсем в иные периоды, чем научные открытия. Пики научных открытий совпадают примерно с концом периода относительного благополучия первой, второй и третьей кондратьевских волн. В эти периоды экономический рост, социальный динамизм, расширение международных контактов создают благоприятную ситуацию для научной деятельности.

Последователи И. Шумпетера продолжают искать соответствия между колебаниями технических нововведений и долгосрочными колебаниями экономических показателей. Эти поиски еще далеки от завершения. Так, пока неизвестно, существует ли закономерное постоянство интервала между научными открытиями

¹ Лоу У. Открытия, нововведения и экономические циклы // Науковедение. 1986. № 2. С. 215.

и базовыми нововведениями и какова их функциональная связь. Неясна роль таких нововведений по отношению к динамическим характеристикам экономического цикла.

Г. Менш, например, полагает, что радикальные технологические сдвиги приходятся на низшую стадию депрессии и определяют характер будущего подъема. Соответственно выходу из кризиса может помочь рациональная активная научная и техническая политика, ориентированная на модернизацию производства. К. Фримен, однако, подвергает сомнению вывод Г. Менша о ключевой значимости фундаментальных технических нововведений в преодолении депрессии. Так, он показывает, что в 30–40-е гг. XX в. важными стимулами нововведений были подготовка и ведение войны, а также независимое от экономической конъюнктуры развитие фундаментальных наук.

Концепция технологической парадигмы. Чтобы понять форму и динамику связей между технологическими нововведениями и экономическими изменениями, соответствующими различным фазам «длинных» экономических волн, необходимо соотнести стадии зарождения роста, насыщения и упадка промышленных и технологических процессов. К. Фримен и его коллеги предлагают обратиться к изучению «технологических систем». Согласно его концепции, «новые технологические системы» образуются благодаря тому, что определенные нововведения объединяются между собой устойчивыми связями и в такой совокупности работают как механизм формирования новых структур производственных единиц. Связи между ними обусловлены не временем возникновения инноваций, но организационно-технологическими решениями относительно характера производства, то есть таких последствий внедрения инновации, как возможные масштабы ее применения, скорость распространения, трансформация организационных структур, спрос на труд и капитал.

В своих исследованиях К. Перец также пришел к заключению о том, что развитие различных технологических унифицируется благодаря действию некоторых

ключевых факторов, различных в каждый конкретный период, но определяемых необходимостью понижения издержек на труд и капитал. Воздействие этих факторов начинается с момента массового использования нововведений, что в свою очередь меняет технологическую систему, существовавшую ранее, выводя из структуры производства ряд устаревших элементов. Соответственно технико-экономическая система в целом интегрируется, ее элементы унифицируются и она приближается к границам своей производительности. Согласно концепции Дж. Дози, роль такой технологической парадигмы как движущей силы экономического роста в этот момент начинает снижаться. Это происходит, с одной стороны, по внутренним причинам, таким, например, как истощение составляющих «технологических траекторий», а с другой, — по экономическим, например, ужесточение конкуренции, насыщение рынка, рост неопределенности экономической ситуации и т. п. Обнаруживается разрыв во взаимодополнительности связей между технологией и экономикой; нарушается соответствие между формами динамики этих двух социально-институциональных систем. Такие «сбои» способствуют усилению депрессивных тенденций в фазе спада, ослабляя структурные связи между названными системами.

Напротив, фаза длительного экономического подъема стимулируется установлением новых связей между технической, экономической и социальной системами. В этот период усиливается инновативная активность в научной и технологической сферах, ведущая к трудосберегающим изменениям внутри данной технологической парадигмы. Появляются изобретения, ориентированные на реализацию в будущем, где они могут стать ключевыми технологическими факторами в начале следующей экономической волны. Но уже в момент своего возникновения они начинают оказывать влияние на существующую производственную ситуацию.

Такая стимуляция определяет влияние некоторых изобретений или их совокупности на темпы экономической динамики. Разумеется, особую важность такое

влияние приобретает при переходе от спада к подъему. Однако научные открытия и технические изобретения распространяются в экономике в любое время, хотя экономическая конъюнктура может стимулировать или сдерживать такое распространение.

Таким образом, не существует односторонних и жестко детерминированных связей между экономическими и технологическими изменениями. Связи между ними сложны и неоднозначны благодаря их взаимной относительной функциональной автономии. Например, экономическая система воздействует на развитие науки в разных фазах по-разному. В фазе подъема складываются благоприятные условия для развития фундаментальных исследований. В экономической сфере спросом начинают пользоваться прикладные разработки и технические изобретения; они внедряются в промышленность с целью преодоления кризиса.

■ Эвристический смысл обращения к волнообразным процессам

В заключение следует остановиться на оценке перспективности работы с обратимыми и ритмическими процессами в обществе и культуре. Самоорганизующиеся системы, изменчивость которых может быть представлена в волнообразной форме, характеризуются периодичностью повторяющихся состояний, детерминированной инерционностью системы и регулируемой с помощью механизма обратной связи. Такими саморегулирующимися системами, определенные процессы которых могут быть представлены в волновых терминах, принято считать биологические организмы. Биологи выявили и изучают регулярные волновые процессы (ритмы) у одноклеточных растений, беспозвоночных, рыб, птиц, млекопитающих, человека; в изолированных организмах, культурах тканей, отдельных клетках. Они пытаются перенести полученные теоретические модели на сообщества организмов и экосистемы.

Основываясь на уже существующих в науке аналогиях (в основном метафорического свойства) между

организмом и обществом, механизмом и обществом, сторонники этого подхода стремятся перенести часть научного аппарата, отражающего сходство наблюдаемых процессов, в изучение общества и культуры. Соответственно предпринимаются попытки объединить в общую теоретическую модель элементы физической теории колебаний, теорий биологических ритмов и кибернетической концепции поведения систем большой степени сложности.

В отличие от физических колебаний и волн и даже биологических ритмов социальные системы характеризуются значительно более высокой степенью стохастичности, изменчивости, что делает весьма затруднительным параметризовать их в терминах «амплитуды», «фазы», «периоды». По сравнению с биологическими системами, социальные имеют несравненно более длительные периоды флуктуации. Их-то и принято называть циклами.

Следует отметить, что исследование ритмических процессов в организмах и тем более социокультурных системах только начинается. В какой-то степени изучен околосуточный период колебаний; значительно меньше данных существует о месячных и годовых интервалах. Совсем немного известно о более длинных волнах — от пяти лет и выше.

Структуры и темпы социокультурных процессов разнообразны и не могут быть описаны формулами гармонических колебаний. Однако сама попытка поиному, чем в эволюционизме, взглянуть на динамику общества и культуры, может оказаться плодотворной, а применение биологических и механических метафор, связанных с волновыми процессами — эвристичным. Тем более, что такое перенесение часто происходит в истории развития социальных наук и имеет положительные результаты. Разумеется, ни в одной социокультурной системе невозможно найти устойчивые точку или ось равновесия. Однако, как видно из структурно-функциональных исследований, установившееся состояние системы означает, что разброс вариаций поведения ее отдельных элементов не превышает границ, которые можно выявить в соотношении с каким-то

общим средним уровнем. Тогда динамика этой системы в пределах ее равновесного состояния может быть описана в терминах волнообразных колебаний около этого уровня.

Построение ритмических моделей для социальных систем предполагает логическое движение от гипотезы о волнообразности определенных процессов и установления приблизительной формы изменений в долгосрочной перспективе к построению волн средней и малой длины. Если речь идет о ритмических структурных изменениях, предметом анализа становится смена процессов дифференциации и интеграции; если рассматриваются ритмы ускорения и замедления процессов, происходящих в системе, предмет изучения — частота смены событий в ней.

Следует подчеркнуть, что волнообразные процессы не могут быть отнесены к обществу, культуре «в целом». То, что принято называть обществом и культурой, суть обобщающие категории для обозначения множества объектов, процессов, событий и т. п. Одни из них образуют устойчивые системы связей; другие складываются в нестабильные, быстро разрушающиеся образования, которые вряд ли можно назвать системами в строгом смысле слова.

Социокультурные процессы формируются на различных уровнях каждой области социокультурной жизни. Они имеют неодинаковые формы, находятся в многообразных взаимоотношениях. Одни усиливают, поддерживают друг друга, вступая в резонанс; другие при столкновении ведут к взаимному ослаблению и даже аннигиляции (уничтожению); одни могут подчинять и поглощать другие. В этой ситуации любая попытка построить интегральную общую модель движения общества и культуры «в целом» обречена на неудачу. Построение волновых моделей социокультурных процессов суть не более чем теоретические абстракции, разработанные на материале какой-то одной или нескольких близких областей культуры: экономики, философии и религии, искусства, науки и т. п.

Бывает, что исследователи универсализуют свои выводы, переносят их с одного класса событий на всю

социокультурную жизнь. Хорошо известный пример — отождествление культуры с религиозными доктринами. Соответственно при построении ритмических моделей социокультурных процессов следует четко определять их место и зоны влияния в более широком культурном контексте.

Познавательные возможности изучения волнообразных процессов в обществе и культуре

Все сказанное выше свидетельствует о том, что изучение волнообразных процессов в обществе и культуре находится в стадии, далекой от завершения. Пока даже в экономике нет теории, объясняющей причины волнообразных изменений конъюнктуры, и ни одна из предлагаемых версий таких объяснений еще не является надежной в научном отношении. Еще менее надежными познавательными инструментами являются гуманитарные циклические концепции. Ведь идеи зарождения, расцвета и гибели цивилизаций — это всего лишь метафоры и идеологемы, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты.

Но при всем несовершенстве волновой гипотезы ее не следует отвергать в качестве познавательного инструмента, хотя бы потому, что она вносит сомнение относительно универсальности развития как единственной интегральной исторической формы социокультурной динамики. Уже в работах Н.Д. Кондратьева было показано, что экономические процессы могут быть адекватно описаны не одной, но двумя составляющими: восходящей и волнообразной. Обнаруживаются социокультурные процессы, значимость которых заключается не столько в их конкретно-содержательном символическом выражении, сколько в структурной составляющей их динамики. В таких процессах, как уже отмечалось, исследователю важно выделить периодичность изменений, скажем дифференциация — дедифференциация в обществе, ускорение — замедление социокультурных процессов, экстенсификация — интенсификация в сферах производства и освоения

территорий и т. п. По-видимому, следование такого рода логике имеет эвристический смысл, но подобные теории следует отчетливо сформулировать, чего пока не сделано, хотя для этого уже есть известные основания.

Работа с волнообразными процессами, как уже подчеркивалось ранее, не решит полностью проблемы изучения динамики общества и культуры. Нужны также другие модели иных форм процессов, чтобы при их совместном исследовании понять природу и множественный характер социокультурной динамики. В то же время глубинный анализ волнообразных процессов, выявление того, из каких составляющих они получаются, может открыть многое для такого понимания.

Можно обозначить несколько классов задач, при решении которых применение концепции волнообразных изменений обеспечивает значимое знание о динамике общества и культуры. Прежде всего следует отметить поиск фундаментальных антропологических оснований, делающих правомерным выделение волнообразных процессов в качестве эвристического инструмента познания такой динамики. В этом случае облегчается переход от описания подобных ее форм к объяснению.

Другой класс задач связан с уточнением внутренних форм волнообразных процессов. Речь идет об интерпретации категорий «амплитуда», «частота», «ритм», «период» и т. п. применительно к социокультурным процессам. Наполнение специфичным теоретико-культурным содержанием таких категорий позволяет перейти от их использования в качестве эвристических метафор к исследованиям, связанным с измерениями.

Наконец, изучение такого рода процессов позволяет весьма плодотворным образом разрабатывать концепцию социального и культурного времени. Ведь соотнесение ритмических изменений в обществе и культуре с физическим и биологическим временем позволит выделить эталонные ритмы, характерные для социокультурной динамики. А это, в свою очередь, даст основания говорить о специфичной мерности социального и культурного времени.

Таким образом, изучение волнообразных процессов на уровне общества и культуры открывает интересные перспективы в познании их динамики. И хотя научные исследования такого рода пока только начинают разворачиваться, уже имеющиеся данные свидетельствуют об их перспективности с точки зрения уточнения прогностических и ретрогностических (обращенных к прошлому) моделей по отношению к событиям, происходящим в обществе и культуре.

Выводы

1. Представления о циклическом характере, обратимости социокультурных изменений составляют другую, отличную от эволюционизма, концептуализацию макроисторического процесса. В исследованиях общества и культуры циклические, точнее, волновые концепции можно разделить на два класса. Во-первых, гуманитарные, где под «циклом» подразумевается лишь констатация того, что определенные крупномасштабные социокультурные единицы можно представить в фиксированной последовательности смен состояний или стадий. При этом не устанавливаются ни обязательность исторического повторения этой последовательности, ни временное изменение ее составляющих. Во-вторых, социально-научное направление, где волнообразное описание применяется для обобщения количественных показателей социокультурных изменений.
2. Обычно в исследованиях динамики общества и культуры речь идет о выделении двух базовых измерений. Во-первых, общая последовательность смены соответствующих событий (хронология), во-вторых, форма этой последовательности. Хронология движения может быть представлена как необратимый процесс, который может прерываться или менять траекторию под влиянием различных факторов. Формы же этого движения, такие как ритмы, подъемы и спады, сгущения и разрежения, могут быть описаны с помощью волнооб-

разной кривой и считаться обратимыми изменениями.

3. В гуманитарной области познания циклическая концепция применяется для осмысления закономерности исторических процессов, имеющих сходные характеристики в различные временные периоды. В таком контексте под циклом понимается обобщение представлений об универсальной форме внутренней динамики макросоциокультурного объекта (этнос, общество, цивилизация) в период его существования от возникновения до распада. Рассматриваются идеи циклизма в концепции истории, концепции цивилизационных циклов и представления о цикле социокультурной системы.
4. В социально-научной области модели волнообразных динамических процессов лучше всего разработаны в экономике. Это направление исследования представлено концепциями длинной экономической волны и волновыми концепциями технологических инноваций.
5. Полный цикл длинной экономической волны описывается с помощью четырех фаз: повышение, перелом, понижение, переход. Фаза подъема характеризует высокодинамичное состояние экономической системы, связанное с ее ростом. Переломная фаза характеризуется тем, что инерционное движение экономических процессов достигает границы, за пределами которой система перестает быть эффективной. Фаза понижения означает состояние спада экономической активности. Однако в это время рядом с разрушающимся старым порядком формируются начала другого, отвечающего новым экономическим возможностям, появляющимся благодаря смене технологической парадигмы. Фаза перехода подразумевает, что прежняя структура экономики разрушается и вступает в конфликт с новыми хозяйственными формами, которые еще не сложились в систему и еще недостаточно сильны, чтобы переломить ситуацию, наступает период депрессии, во время которого хозяйственная активность не проявляется, но постепенно осуществ-

- ляется структурное упорядочивание системы, обуславливающее предпосылки для последующего роста ее активности. Далее цикл повторяется.
6. Волны технологических инноваций расходятся с волнами экономической активности по фазам. Механизм связи между экономическими и технологическими изменениями состоит в следующем. В период экономического подъема технологии обычно не меняются, поскольку и так обеспечивают высокие прибыли. В период спада, когда рынок затоварен, появляется место для исследовательских разработок, связанных с изменением производственного цикла в целом. Однако форма влияния экономических факторов на изобретения и нововведения не является линейной и однозначной.
 7. Изобретения во многом обуславливаются эндогенными для науки факторами, в частности, частотой научных открытий. Их пики не совпадают с пиками научной активности. Однако пока зависимость между колебаниями научной активности, технических нововведений и долгосрочными колебаниями экономических показателей не установлена.
 8. Успешность использования волновых концепций экономических, технологических, научных процессов, а такие попытки установить закономерности связей между ними дают основания предполагать, что этот подход может быть распространен и на другие области социокультурной жизни, в особенности в ее институциональных формах на социальном уровне.

Контрольные вопросы

1. Каковы общие характеристики волновых процессов и чем они отличаются от эволюционных?
2. В чем различие между гуманитарной концепцией исторических циклов и социально-научной трактовкой волнообразных процессов; что общего между ними?
3. Каким образом строится модель «длинной экономической волны» и каковы ее основные фазы?

4. Каким образом по аналогии с моделью «длинной экономической волны» можно поставить вопрос об ускорении и замедлении социокультурных процессов?
5. Каковы общие закономерности экономической динамики, выявленные при изучении «длинных волн»?
6. Каким образом описываются и интерпретируются волновые процессы в технологической области; каковы гипотетические связи между технологическими и экономическими изменениями?
7. Какие классы задач, связанных с изучением динамики культуры, могут решаться при использовании волновых концепций?
8. Выберите наиболее значимую, с вашей точки зрения, задачу и постройте для ее решения модель исследовательской программы.

ЧАСТЬ V
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Уже из того, что было сказано в предыдущих разделах, следует, что исследование динамики социальных и культурных процессов сегодня — это обширная область познания с широкими перспективами и богатейшими основаниями для их реализации. Начиная с 70-х гг. XX в. в социально-научной и гуманитарной среде много говорится о смене парадигмы познания человека, общества и культуры. Действительно, те общие концепции социокультурной жизни, которые были популярными и казались исчерпывающими в первые полтора десятилетия после Второй мировой войны, сейчас представляются лишь частными случаями в более широком познавательном контексте. Таковыми являются практически все представленные выше направления, каждое из которых в течение определенного периода времени объявлялось в качестве универсального средства познания социокультурной реальности.

Одна из характерных черт современного социально-научного мировоззрения — радикальное сомнение относительно возможности построения общей универсальной антропологической теории, с помощью которой можно было бы генерализовать и объяснить все многообразие человеческих проявлений. Кроме того, стало совершенно очевидным, что социально- и культурно-антропологические, теоретические построения не являются изоморфными (однозначно соответствующими) описываемой ими реальности, но суть ее модели и инструменты ее познания. Соответственно значительное место в современном изучении человека, общества и культуры занимают вопросы о том, как

происходит познание того, частью чего является сам исследователь. Иными словами, надежность применяемых в прошлом и сейчас методов получения и обработки информации также подвергается радикальному сомнению

В настоящее время в социальной и культурной антропологии уже не ставится задача описать существование и движение человечества в целом в глобальном масштабе и исчерпывающим образом понять путь его становления от момента зарождения до сегодняшнего дня. Стало очевидным, что при изучении и локальных, и глобальных процессов происходит исследовательский отбор: изучаются не все (что, разумеется, невозможно), но те, которые исследователи считают и обосновывают как наиболее значимые с точки зрения репрезентативности для общества и культуры «в целом». Таковы хозяйственные и экологические процессы в «культурном материализме», эволюционные универсалии в эволюционизме, способность человека упорядочивать свой опыт в структурализме и т. п. В соответствии с классической концепцией познания вполне правомерным считалось построение универсальных теорий на этих частичных основах. Сейчас неполнота таких построений стала очевидной, но не менее очевидна и их эвристичность для изучения людьми самих себя. Поэтому современная познавательная ситуация характеризуется проблемной ориентированностью. Речь идет о том, что научная деятельность концентрируется вокруг социально значимых проблем, и для их решения используются наборы существующих теорий или, в случае необходимости, разрабатываются новые концептуальные модели.

В рамках классической парадигмы основное внимание уделялось устойчивым характеристикам социокультурной жизни, таким как социальная стратификация, социокультурные институты, стереотипные формы поведения и отношений и т. п. Они рассматривались как «несущие конструкции» социокультурных порядков и служили теми отправными точками, относительно которых интерпретировались динамика и многообразие социокультурной жизни. Однако парадоксаль-

ность познавательной ситуации заключалась в том, что эти социокультурные образования были устойчивыми лишь в относительном, идеально-типическом смысле. По мере накопления исследовательских данных становилось очевидным, что менялись их содержание, структура, место в социокультурной жизни. Поэтому при использовании их в качестве точек отсчета или оснований для интерпретации при исследовании других феноменов предварительно следует доказать, что они могут выполнять такую познавательную функцию. Так, сегодня ясно, что объяснение социокультурной жизни на основе функционирования экономических или религиозных институтов и норм неадекватно. Соответственно образ исследовательского поля изменился: не внутренние движения социокультурных событий в пределах устойчивой структуры, но процессы человеческой активности в порождаемой ею среде с подвижными границами и структурными компонентами.

Таким образом, в настоящее время в социальной и культурной антропологии при сохранении их предмета — человеческие взаимодействия и коммуникации, существование искусственного мира — изменился ракурс его рассмотрения. Теперь не человек, общество, культура в их имманентных свойствах, но динамические связи человека с его природным и искусственным окружением стали центром исследовательского внимания. Соответственно интерес вызывают не социокультурные порядки, как таковые, но причины их порождения, факторы и механизмы их становлений и распадов. В этой связи областями специального исследования становятся такие совокупности феноменов, которые ранее оставались за его пределами: процессы порождения и декомпозиции, зоны структурной неопределенности, нестационарные социокультурные объекты, нерациональные аспекты человеческого мировосприятия и реакций на окружение и т. п. Как уже говорилось, все это повлекло за собой изменение объекта социально- и культурно-антропологических исследований. Не общество и культура в целом, как они есть, но социальные и культурные проблемы в контексте их

порождения и существования — вот что сегодня находится в центре изучения общества и культуры.

Сказанное отнюдь не означает, что социальная и культурная антропология находятся в кризисном состоянии, что «классические» для них основания и подходы безнадежно устарели и потеряли свою познавательную ценность. В предыдущих разделах было показано, что ведущие направления этих наук не утратили эвристического потенциала. Разумеется, обнаружение новых областей исследования ведет к разработке новых гипотез, теорий, методологических моделей. Ниже речь пойдет о тех проблемных полях, которые открываются сегодня перед исследователями общества и культуры. Будут намечены также некоторые новые парадигматические основания, складывающиеся в соответствии с изменившимися акцентами в изучении социокультурных процессов.

ПОГРАНИЧНЫЕ ОБЛАСТИ ПОЗНАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ. ПОСТМОДЕРН

Динамика социокультурной жизни, как было показано в предыдущих разделах, может быть представлена через дифференциальные процессы, происходящие на различных уровнях культуры. Одни из этих процессов непрерывны и историчны, другие дискретны и имеют микровременное измерение; одни носят повторяющийся, обратимый, другие уникальный, необратимый характер. Было показано также, что периоды равновесия социокультурных систем и их составляющих сменяются менее жесткой структурной упорядоченностью.

В то же время в движении социокультурной жизни постоянно возникают и разрушаются более или менее устойчивые образования. Их динамическое существование обусловлено открытостью, незавершенностью, интенсивным информационным обменом с окружением. Такие образования не находятся в состоянии равновесия, но они не обязательно разрушаются. Пока они существуют, то постоянно трансформируются, меняют траекторию движения. Раньше в социальных науках ими никто не интересовался. Теперь этот доморфологический, доструктурный слой социокультурной жизни все более становится специальным предметом изучения. И хотя макровременные процессы продолжают определять профиль наук о человеке, обществе и культуре, микровременные изменения становятся тем полем анализа, которое позволит прояс-

нить многие явления, не вписывающиеся в существующие макромоделли (структурно-функциональные, эволюционистские и т. п.).

Для ориентации в каждой из названных областей интереса история представлений об истине, характерная для западной культуры, обнаруживает две фундаментальные парадигмы мировоззрения. Одна основана на рационализме, на доверии к информации, обеспечиваемой экспериментальной логикой, на монистическом представлении о мире. Другая основана на ощущениях, на признании значимости тех явлений и процессов, которые не поддаются рациональному упорядочению и потому остаются за пределами интерпретаций экспериментальной логики.

Предыдущий период развития познания был связан с изучением мира не через ощущения, но сквозь призму искусственных исследовательских языков, с исключительным местом здесь для одного типа истины — доступной для всеобщей проверки. Соответственно в научной среде принято не доверять своему непосредственному восприятию и подчинять свои суждения ранее принятым и обоснованным представлениям о пути к истинному знанию.

На самом деле оба типа мировоззрения постоянно сосуществуют, только занимают неодинаковую ценностную позицию в науках о человеке, обществе, культуре. Для первого действительным считается мир устойчивых структур и процессов. Для второго — мир наблюдаемого, такой, каким он воспринимается. Доминирование первого порождает идеологию социокультурного порядка, его рациональности, технологической экспансии. Сегодня это уже привело к исчерпанию эвристического потенциала основанной на таком мировоззрении парадигмы познания. И она дополняется идеологией, отдающей ценностный приоритет непосредственному восприятию перед рациональным конструированием, переживанию перед законченной логической схемой.

Такая идеология характерна для современного культурного течения, которое принято называть постмодерном.

Постмодерн рассматривается как значительная ревизия познавательных принципов, характерных для западной культуры XIX—XX вв., а иногда считается оригинальной эпистемой. Он сложился на основах модернизма, структурализма, авангарда. Его специфика определяется исключительным вниманием к движению, ускорению, неопределенности, переходности.

Наиболее ярко постмодернизм воплотился в сфере искусства и в массовой культуре. Отсюда в дальнейшем черпали идеи и образы, рабочий материал и информацию философы, социологи, теоретики культуры. Вначале к постмодернизму относили в основном философско-культурное направление, сложившееся на базе работ таких французских философов, как Ж. Делез, Ж.Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида. Швейцарский исследователь М. Франк предложил для него термин «неоструктурализм», сложившийся, по его мнению, к 1968 г.¹ Другие исследователи относят время появления термина к 1975—1976 гг., связывая воедино такие его синонимы, как «постструктурализм», «неоструктурализм», «исторический номинализм» и др., а также отмечая возникновение особого «гибридного поля» социологической теории, литературоведения, философии и теорий культуры².

К середине 70-х гг. XX в. постмодернизм как культурная ориентация широко распространяется в Европе и Америке. К началу 1980-х гг. категория «постмодерна» приобретает ведущее место в рамках социологии и теории культуры, а Ф. Джеймиссон и Ж.Ф. Лиотар вообще назвали условия современной жизни постмодернистскими.

Явления, обобщаемые понятием «постмодернизм», стали предметом особенно оживленных дискуссий среди философов, теоретиков культуры, искусствоведов во всем мире в период 1980-х гг. Соответственно открытализировалось и представление о нем как о совокупности «экспериментальных тенденций в современной за-

¹ *Frank M. Was ist Neostructuralismus. Frankfurt a. M., 1984.*

² *Райхман Дж. Постмодернизм в номиналистской системе координат // Флэшарт. 1989. № 1. С. 50.*

падной культуре, которая во многом ассоциируется с понятием постиндустриального общества»¹.

В настоящее время с этой идеологией связываются такие имена, как Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар (философия), М. Фуко, Х. Уайт (история), Ж. Лакан, Ж. Делез, Р. Лэнр, Н. Браун (психоанализ), Г. Маркузе, Ж. Бодрийар, Ю. Хабермас (политическая философия), Т. Кун, П. Фейерабенд (философия науки), Р. Барт, Ю. Кристева, В. Изер, «Иельские критики» (теория литературы), а также целый ряд искусствоведов и литераторов.

Существует точка зрения, что постмодерн — это интернациональное стилистическое направление в культуре. Основные формирующие его принципы заложены в идеях европейского экзистенциализма, особенно Хайдеггера; основоположниками движения были европейцы — Ж.П. Сартр, С. Беккет, Э. Ионеско, Ж. Жене, М. Фриш, Н. Саррот и др. Выразитель постмодернистских эстетических принципов писатель У. Эко считает постмодернизм метаисторической категорией, характеризующей любую эпоху, когда явления, обозначаемые также метаисторическими категориями «модернизм» или «авангард», исчерпывают свои эвристические возможности и происходит разрушение традиционной образной парадигмы. «Ответ постмодернизма модернизму состоит в признании прошлого: раз его нельзя разрушить, ведь тогда мы доходим до полного молчания, его нужно пересмотреть иронично, без наивности»².

Обобщая сложившееся мнение о сути направления, один из известных его теоретиков пишет: «Ситуация постмодерна характеризуется тем, что мы противостояем возрастающему многообразию самых различных форм жизни, концепций знания, способов ориентации, что мы обнаружили законность и неоспоримость этой плюральности и что мы безоговорочно все более признаем и оцениваем это многообразие...

¹ The Fontana Dictionary of Modern Thought. Glasgo, 1981. P. 671.

² Эко У. Из заметок к роману «Имя розы» // Называть вещи своими. М., 1986, С. 227.

В этой плюральности и согласии с ней лежит фокус постмодерна»¹.

Плюрализация постмодерна не только связана с осознанием множественности сосуществующих и неустрашимых культурных идентичностей и самоидентификаций людей. Значительно важнее то, что речь идет о признании множественности принципов и ритмов самоорганизации социокультурной жизни. Плюральность постмодерна — это указание на субстанциональную множественность, присущую культуре, пронизывающую ее снизу доверху². В более вульгарной форме эту же мысль высказывает другой идеолог постмодерна: «Эклектизм является отличительной чертой всей современной культуры: человек слушает РЭГ, смотрит вестерн, ест завтрак у Макдональда и обедает в ресторане с национальной кухней, пользуется парижскими духами в Токио и носит одежду стиля «ретро» в Гонконге; знание становится элементом телевизионных игр. Публика для эклектических произведений находится легко... Однако этот реализм «все возможно» на самом деле базируется на деньгах; при отсутствии эстетических критериев остается возможность — и не бесполезная — оценивать произведения искусства согласно той прибыли, которую они обеспечивают. Такой реализм примирят все тенденции... подразумевая, что направления и запросы имеют покупательную способность»³.

Сложность однозначного определения постмодерна как культурного явления побудила одного из известных его идеологов И. Хассана построить таблицу с перечнем характеристик, разделяющих концепции модернизма и постмодернизма. Благодаря такому сравнению более четко определяется культурное поле постмодерна⁴.

¹ *Welsch W.* Postmoderne — Pluralität als ethischer und politischer Wert. Köln, 1988. S. 23.

² *Ibid.* S. 38.

³ *Lyotard J. F.* Answering the question: «What is postmodernism» // *Innovation/Renovation: New Perspectives on the Humanities.* Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 334–335.

⁴ *Hassan I.* Toward a concept of postmodernism // *Pastmodernism.* An International Anthology. Wook-Dong Kim (ed.). Seoul, 1991. P. 65–66.

Таблица

Модернизм	Постмодернизм
Позиция наблюдателя	
Код мастерства	Индивидуальные особенности
Мастерство/логос	Исчерпанность/молчание
Паранойя	Шизофрения
Генитальность/ фалличность	Полиморфизм/андрогенность
Присутствие	Отсутствие
Центрирование	Дисперсия
Дистанция	Участие
Интенция	
Цель, намерение	Игра
План	Случай
Созидание/порож- дение целостности	Деструкция/деконструкция
Синтез	Антитезис
Определенность	Неопределенность
Трансцендентность	Имманентность
Операциональные единицы	
Тип	Мутация
Симптом	Желание
Обозначаемое	Обозначающий (субъект)
Читаемое	Написуемое
Гипотаксия (осно- вания порядка)	Паратаксия (маргинальность)
Способ действия	
Парадигма	Синтагма
Романтизм/ символизм	Патофизика/дадаизм
Жанр/границы	Текст/интертекст
Отбор	Комбинация
Метафора	Метанимия
Семантика	Риторика
Интерпретация/ прочитывание	Контринтерпретация/неверное прочтение
Нарратив/большая история	Антинарратив/малая история
Порождение/ причина	Отличие—различие/след
Метафизика	Ирония

Результат	
Форма (конъюнктивная, закрытая)	Антиформа (дизъюнктивная, открытая)
Произведение искусства/завершенная работа	Процесс/перформанс/хэппенинг
Бог-отец	Святой дух
Иерархия	Анархия
Корни/глубина	Ризома/поверхность

Приведенная таблица основана на данных из многих областей познания — риторика, лингвистика, теория литературы, философия, антропология, психология, политология, теология — и многих авторов — европейских и американских, — принадлежащих к различным течениям и группам.

Плюральность жизненного мира человека

Характеризуя жизненный мир человека, сторонники постмодерна часто обращаются к идее контекста его социокультурного существования, который одновременно понимается как источник факторов формирования личности, поле ее самореализации и материал для преобразований. Это понятие с самого начала концептуально соединяет человека, индивида с чем-то отличным от него, с содержаниями и формами, возникшими раньше него, над которыми он не властен, с «историзмом», запечатленным в следах прошлых последовательностей событий, сменявшихся структур взаимодействий, сдвигов в оценках окружения. Во временном отношении идея контекста не содержит намеков на время происхождения человека или на содержание его архаического опыта, но связывает его со следами иных времен, возвращает его к представлению о том, что культурные образования устойчивы во времени и предпочтительнее их осваивать, а не ломать. В то же время, согласно К. Леви-Стросу, «всякая культура может рассматриваться как ансамбль символических систем», которые «всегда

остаются в известной степени несоизмеримыми, и именно эта неравномерность измерения различных символических систем и определяет скольжение социальной структуры, переход от одного состояния общества к другому»¹. Иными словами, устойчивость культурных образований не означает их однородности. Это разные измерения.

Отказ от идеи целостности человеческого мира.

Следовательно, в историческом плане для постмодерна не существует единого целостного порядка, в терминах которого можно представить мир культуры, мир человека. Здесь изначально утверждается идея множественности несводимых друг к другу порядков. Однако ценой за такую «гетеротопию», или децентрирование, становится разрушение самой возможности изучения общества и культуры как «единого целого». В такой ситуации меняются познавательные принципы. Видный теоретик постмодернизма И. Хассан выделяет две центральные конститутивные тенденции: к неопределенности и к имманентности. Эти тенденции ни диалектичны, ни антитетичны, ни синтетичны. Каждая содержит свои собственные внутренние свойства и аллюзии друг на друга. Их взаимодействие и определяет характерный для постмодерна эклектизм в построении отношений человека с миром.

Под неопределенностью автор понимает сложную категорию, содержание которой помогает очертить такие различные понятия, как двусмысленность, непоследовательность, множественность, плюрализм, случайность, переворот, перверсия, деформация. Один последний термин включает в себя с десятков других понятий, разрушение, дезинтеграция, деконструкция, децентрализация, смещение, различие, разъединение, исчезновение, декомпозиция и т. п. Через все эти знаки автор стремится передать волю к несозданию, побуждающую формирование постмодернистского дискурса.

Термин «имманентность» автор использует без религиозных аллюзий и для того, чтобы обозначить

¹ Цит. по: Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977. С. 112–113.

способность психики генерализовывать себя в символах, вмешиваться в природу, воздействовать на себя через свои же собственные абстракции и таким образом становиться — все более и все непосредственнее — своим собственным окружением. Эта тенденция может быть выражена через такие понятия, как диффузия, растворение, взаимодействие, коммуникация, взаимозависимость, которые являются производными от способности человека пользоваться языком, строить изображения, обозначать, от его способности к познанию и конструированию себя, к тому, чтобы детерминировать свой универсум символами собственного изготовления. Имманентность порождает множество культурных миров со своими собственными реальностями, единицами, языками.

Хассан фактически представил постмодерн как сложившуюся эпистему, связав ее главным образом с концептом деконструкции — децентрализации мира, то есть с радикальным эпистемологическим и онтологическим сомнением. В то время как последователи классической парадигмы познания ищут, как защитить ее от собственного знания о «реальности» хаоса, о невероятной хрупкости любого воспринимаемого порядка и «центра», сторонники постмодерна принимают хаос и ищут способы взаимодействия с ним.

Из категорий «неопределенность» и «имманентность» неопределенность оказывается первичной с точки зрения достижения децентрированности, полного исчезновения онтологии порядка. Имманентность же позволяет человеку в условиях децентрированности соотносить всю реальность с собой. «Религия и наука, миф и технология, интуиция и разум, популярная и высокая культура, мужские и женские архетипы... начинают модифицировать и информационно насыщать друг друга.. Зарождается новый тип сознания»¹. В этом случае ни одна интеллектуальная или моральная система, ни один способ восприятия реальности не могут

¹ *Hassan I. Ideas of cultural change // Innovation/Renovation. New Perspectives on the Humanities. Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 27–28.*

быть окончательно легитимизированы, ничто не может претендовать на онтологическое превосходство. Соответственно возможными становятся плодотворные взаимодействия между единицами культурного контекста.

По сравнению с подлежащими предшествовавшей познавательной парадигме монизмом или дуализмом, когда исходным становится разрыв между двумя несопоставимыми видами реальности — материальной и идеальной, земной и небесной и т. п., плюрализм постмодерна представляется инновативным. Здесь принимается как факт то, что существует много нередуцируемых принципов и, следовательно, много миров, которые могут вступать в отношения друг с другом. Такой плюрализм предполагает новую интерпретацию категории «связь», «отношение». «Будучи освобожденной от неизбежно линейного разворачивания времени, как это было в рамках модернизма, равно как и от естественной попытки избежать такой линейности (принимавшей форму различных философских или научных абстрактных схем полностью обратимого и идеально контролируемого времени), историческая относительность представляется как обширная сеть взаимных детерминаций, где необратимость определенных значимых выборов порождает новые образцы обратимости; она представляется как процесс «креативной эволюции» без какой бы то ни было предустановленной цели и преднамеренности. Наше сознание существует во множественности (актуальных и возможных) миров, в постоянном «хронотопическом» изменении»¹.

Децентрированность динамического жизненного пространства. Соответственно на смену представлению о четко структурированных динамических формах: линейной, эволюционной, цикличной — приходит совершенно иное. Оно выражено термином «ризомат». Эта метафора впервые была использована Ж. Делезом и Ф. Гваттари² и заимствована из ботаники. Здесь

¹ Calinescu M. From the one the many: pluralism in today's thought // Innovation/Renovation. Hassan I, Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 284.

² Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. Vol. II. Mille Plateaux. P. 1980.

«ризом» обозначает определенный способ роста корня растения, который не является ни одиночным, ни пучкообразным ответвлением от единого стебля, но представляет собой раздробленное множество разнородных образований, обеспечивающих жизнь растения. Ризом в постструктурализме — это беспорядочное возникновение множественности, движение, не имеющее превалирующего направления, но распространяющееся без регулярности, дающей возможность предсказать следующее движение.

В рамках структурализма при осмыслении процессов, происходящих в обществе и культуре, большое значение придается оппозиции «центр — периферия». По сути дела она выполняет роль организующего принципа, сохраняющего целостность системы, и ограничивающего принципа, регулирующего ее подвижность. Идея «центра системы» редуцирует ее становление к какой-то ограниченной форме. Идея «ризомы» указывает на то, что сам этот центр «неструктурирован» и в некотором смысле существует и внутри, и вне системы.

Такая ситуация может иметь смысл, когда система считается существующей, только если ее центр определяется через различия с другими элементами ее и контекста. Соответственно перестает быть абсолютным представлением о центре как таковом.

Вследствие этого теряется смысл столь значимой для структурализма оппозиции «ортодоксия — ересь». Это происходит благодаря деконструкции канона, ситуации, при которой значение полюсов оппозиции становится расплывчатым и неопределенным. Этому состоянию неопределенности, дезориентации, хаоса сторонники постмодернизма не стремятся противопоставить новые организационные принципы. Возникают идеи коллажа и полистилистики, в соответствии с которыми все исторические стили, парадигмы познания, элементы художественной культуры являются равноправными. Соответственно утрачивает классическое значение само понятие «стиль» применительно к современному состоянию культуры.

На смену структурным и функциональным моделям, системному представлению о социокультурной

жизни и ее динамике пришли плюрализм исходных принципов организации опыта («программный эклектизм»), отсутствие универсальной системы соотнесения истинности или ложности высказываний, множественность возможных эквивалентных интерпретаций одного и того же события. Эти черты обнаруживаются в искусстве, социальных науках, массовой культуре. В плюральном, бесформенном, «ризомном» пространстве культуры постмодерна выявление структуры и границ общества как целого теряет смысл.

Социокультурная жизнь предстает здесь как социально и пространственно сегментированное и фрагментарное динамическое поле, а не как набор организованных социальных систем. В этом поле выделяются микро- и макродинамический уровни в соответствии с двумя типами фрагментированности — «молярным» и «молекулярным». Так, «масса», «популяция» — это молекулярное понятие, указывающее на свойства социокультурных образований со слабыми внутренними функциональными связями. Тогда как «класс», «общность», «сообщество» представляют собой понятие молярного уровня, указывающее на внутреннюю организованность объекта. Вторые типы образований формируются из первых путем последовательной кристаллизации. У этих двух модальностей соответственно различны контуры существования в социокультурном пространстве, внутренние свойства и динамические характеристики.

Концепция «общности», «сообщества» занимает в социокультурных построениях постмодерна такое же значимое место, как категория «общество», «социальная система» в структурно-функциональных теориях. Сосуществование, соприсутствие сообществ в порождаемом таким соприсутствием пространстве — эта идея отрицает обязательное наличие синхронизированности их активности и соподчинения в рамках общественного разделения функций.

Децентрализация снимает идею доминирования государства и авторитета в обществе и обуславливает представление о неиерархизированном существовании различных сообществ. При падении авторитета власти

индивид высвобождается из-под влияния любых групп принадлежности, но одновременно, лишаясь их поддержки, маргинализуется. По мере того как этот процесс ширится, все более напряженными становятся отношения между теми, кто продолжает быть интегрированным в локализованные группы, и теми, кто благодаря детерриториализации перешел в статус неорганизованной «массы».

Многообразие типов рациональности, ценностный релятивизм, плюральность жизненных миров, философий, культурных идентичностей, их динамическая смесь порождают для современных людей ситуацию, при которой возрастает ненадежность культурных ориентиров при выборе жизненного пути. Человек культуры постмодерна живет в атмосфере постоянного столкновения с фрагментами разновременного исторического и личностного прошлого. Он живет в «мозаично-цитатном» или «интертекстуальном» мире. В этом мире он сам становится плюралистичным, не сводимым ни к какому объединяющему принципу; в нем сосуществует множество единиц и авторитетов, не объединенных ни синхронно, ни диахронно. Такая ситуация оказывается для людей неосвоенной: культурные формы еще не сложились, культурный стиль «еще не задан, участники процесса должны находить его самостоятельно, им неоткуда его перенять»¹.

При обесмысливании структурной упорядоченности опыта в рамках культурной дихотомии «центр—периферия» движение фрагментов ощущений становится единственной феноменальной реальностью человека. Значимое место в процессах самоопределения людей в такой ситуации принадлежит их эстетическому началу, особенно способности к восприятию различий, отклонений и расхождений, вниманию к гетерогенности. Эстетический опыт может сделать плюралистичность культуры постмодерна понятной и приемлемой на уровнях как рационального научного познания, так и более широкой социокультурной жиз-

¹ Welsch W. Postmoderne — Pluralität als ethischer und politischer Wert. S. 26.

ни. Эстетический опыт составляет сегодня важнейшую компоненту культурной компетенции, необходимой индивиду в повседневной жизни и характеризующейся такими чертами, как способность к восприятию, внимание, готовность к встрече с неизвестным, умение преодолеть ориентацию на стереотипы.

■ Неоднородность социокультурного пространства

Попытки выделить некоторые универсальные структурные принципы, определяющие упорядочение людьми их отношений с окружением во времени, привели к накоплению количества найденных структур и обнаружению их относительности. Более того, когда эти структуры были более или менее отграничены друг от друга, между ними обнаружилось свободное, «маргинальное» пространство с неопределенными формой и внутренними характеристиками¹. Существование такого рода пространств признано на социально-институциональном, индивидуальном, дискурсивном уровнях. Они рассматриваются как пустоты между структурами, освобождающие место для проявления культурно «не связанных» импульсов и желаний людей.

Детерриториализация, маргинализация пространства. Примером метафорического осмысления этой темы могут служить идеи, разработанные Делезом и Гуаттари. Предметом их интереса является пространственная организация человеком своего мира, основывающаяся на двух исходных допущениях. Во-первых, на представлении о том, что явление территориальности исторически вторично по отношению к первично неразграниченному, «детерриториализованному» пространству. Во-вторых, на представлении о желании и его символизации (Лакан) как побудительном начале, раскалывающем, децентрализующем целостного индивида. С этой точки зрения знак рассматривается как

позиция, ограничивающая желания, поскольку он связан с выделением определенной территории из безграничного пространства. Таким образом знак вытесняет желание с этой территории.

Понятие территориальности было заимствовано из этологии. Оно, как уже говорилось ранее, «обозначает совокупность процессов и разного рода механизмов, посредством которых живые существа провозглашают, маркируют и защищают территорию своего общения, для того, чтобы не допустить на нее посторонних»¹. В применении к человеку сюда добавляются «мотивированные познавательные структуры, которые человек демонстрирует по отношению к окружающей его среде обитания, на которую он предъявляет право собственности и которой он пользуется по преимуществу частным образом»².

Считается, что на первой, дотерриториальной, стадии индивида можно считать представителем общественных желаний, намерений, движений и потому его поведение не ограничено индивидуальной идентичностью. Территориальная стадия характеризуется началом кодификации социальной жизни, ограничением свободного сканирования пространства каждым из представителей сообщества, установлением территориальных границ и структур. Популяция разделяется на индивидов, подчинившихся организованному пространству, и субъектов желания, которым в нем не остается места. Соответственно они оттесняются в маргинальные по отношению к структурированным области. Маргинальное положение носителя желания характеризуется тем, что он добровольно уступает свое место другим, подчиняющимся процессу территориализации.

Эту метафорическую модель Ж. Делез и Ф. Гваттари применяют для рассмотрения современной социокультурной ситуации, полагая, что для нее характерна детерриториализация. Подобное состояние обусловлено множественностью и динамизмом событий современной жизни, уровень которых таков, что не мо-

¹ Гелд Дж. Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 98.

² Там же. С. 99.

жет контролироваться существующими ныне культурными кодами. Результатом становится фрагментация социокультурного пространства, что находит выражение в культуре постмодернизма, а в ней сосуществуют самые разные типы опыта, переживаний, представлений, элементы прошлого и настоящего.

Для социокультурной жизни в этот период характерно то, что значительная часть людей вынужденно оказывается не в состоянии определить свое место в разрушающемся пространстве ранее существовавшего культурного порядка. В подобных условиях детерриториализации происходит маргинализация целых социокультурных групп, теряющих свое место по отношению к существующей иерархии социальных институтов. Соответственно складывается и определенная идеология, оправдывающая ценностный релятивизм, фрагментированность мира и личности, «маргинальность», децентрированность существования людей в обществе и культуре, подвижность, незакрепленность переживаний и представлений.

Форма маргинального пространства. Другая метафора — номады (ведущие кочевой образ жизни) — обозначает социальные единицы, которые населяют некое пространство и определяют его свойства. Номады обладают территорией. Они всегда следуют привычными путями из одной точки территории в другую; именно пути и подчинены все эти точки. И хотя путь находится между двумя точками, соединяет их, он в то же время имеет самодовлеющую значимость, обладая внутренней последовательностью, собственным направлением, автономией. Номадическое пространство не является неограниченным: оно всегда находится между неосвоенным и структурированным пространствами. Эти два фланга контролируют его, ограничивая его рост и экспансивные тенденции. Таким образом, речь идет о людях, для которых подвижность, процесс оказывался доминирующим модусом существования.

Такой модус и соответствующее ему социокультурное пространство отличаются как от организованной («оседлой») социокультурной жизни, так и от миграци-

онных процессов. Во-первых, различия связаны с ролью пути (траектории движения) в определении пространственных свойств. Для оседлых обществ и миграционных процессов путь есть всего лишь переход из одной точки пространства в другую. Даже если эта вторая точка, как в случае миграции, является неопределенной, непредсказуемой, нечетко локализованной. Переход номадов из точки в точку есть следствие и фактическая необходимость самого способа их существования. Соответственно жизнь современных «культурных номадов» — это «интермеццо», где точки в «пути» по социокультурному пространству суть всего лишь его промежуточные, а не начальные или конечные пункты перемещения.

Вторым несходством номадического и оседлого пространств является наличие в последнем закрытых областей. Они имеют фиксированные границы, внутреннюю структуру, обусловленные их функциональной значимостью для организации оседлой жизни. Такие закрытые образования находятся друг с другом в коммуникативных связях с помощью «дорог», «каналов», которые регулируют частоту, интенсивность, информативность этих связей. Номадические траектории распределяют людей в открытом пространстве, где нет необходимости в закрытых единицах и регулировании связей между ними. В современной культуре это подразумевает право свободного комбинирования любых ее элементов. Третье различие касается формы. Оседлое пространство структурировано, а дороги пролегают между огороженными территориями. Номадическое пространство является «гладким», не имеющим внутренней структуры. Его динамика только кажущаяся: это движения, не приводящие к изменениям. Оно ризомно, и для его характеристики вводится понятие «поток».

Итак, структурированной классической концепции пространства с четкими динамическими траекториями идеологи постмодернизма противопоставляют иную его модальность — бесструктурную. Она оставалась вне сферы интереса в рамках предшествующей познавательной парадигмы, но всегда имела имплицитную значимость. Это неорганизованные области социокуль-

турной жизни, о феноменологической важности которых в свое время говорил еще П.А. Сорокин.

Ж. Делез и Ф. Гуаттари используют для описания этого феномена термин «гладкое пространство» и метафору существования номадов (кочевых сообществ), чтобы представить качественные и динамические свойства современной социокультурной ситуации. Понятие «гладкого пространства» относится к неоднородному полю, состоящему из нецентрированных ризоматичных множеств; это немерное пространство, к которому не применимы представления о скорости и расстоянии; именно оно является необходимым условием для ризомного роста. Ему соответствует представление о «маргинальном» субъекте, находящемся в околоструктурной зоне. В совокупности это позволяет совершенно по-иному взглянуть на существование структуры. Она перестает рассматриваться как неизменная целостность; вводится допущение о возможности ее деконструкции и перехода в плюралистичное образование — ризому, которое «прорастает» в ранее неосвоенное пространство. В свою очередь такое пространство перестает быть неосвоенным, поскольку приобретает своеобразные условные формы и границы.

Механизмы самоорганизации в условиях децентрализованности и плюральности. Механизмы самоорганизации таких пространств обнаруживаются при разведении концептов социальной и культурной реальности. Представленность их в виде относительно автономных друг от друга модальностей совместной жизни людей, в виде двух различных жизненных миров имеет важную познавательную ценность.

Такое разведение позволяет понять, как люди продолжают существовать в условиях, когда разрушаются социальные системы, структурные порядки, созданные для решения общественно значимых проблем. Если они не выполняют своих функций и разрушаются, люди совсем не обязательно исчезают вместе с ними. Нередко в этом случае социальная система дедифференцируется на более простые компоненты, на мелкие маргинальные первичные группы, способные к выживанию. С точки зрения теории социальных систем, это пред-

ставляется периодом беспорядка и аномического кризиса. С точки зрения теории культуры, можно говорить о разрыве связей, которые люди по каким-то причинам не смогли или не захотели поддерживать, во имя того, чтобы попробовать что-то другое, более подходящее. Аномический беспорядок может освободить энергию, ранее связанную бесплодными, неэффективными видами социально санкционированной активности, и стать ферментом инноваций, спасительных для индивидов, для новых форм социальности, для их культурного утверждения.

Когда социальная система исчерпывает свой функциональный потенциал, перестает быть средством решения жизненно важных проблем, существование в маргинальном пространстве может быть полезнее для индивидов и культуры, чем упорядоченное воспроизведение устаревших структур. С позиции современной теории культуры «номадическая» личность не должна априори рассматриваться как неконтролируемое социальное зло. Следует проанализировать, чем и как обусловлен ее выход за пределы теряющих свою эффективность норм, в каком направлении обнаруживаются эти отклонения и почему, каков их шанс на воспроизведение. Соответственно деконструкция социальной системы не означает разрушения культуры. Поскольку ее элементы, такие как знания, навыки, принципы построения отношений с окружением, оценочные критерии и т. п., сохраняются индивидами в их активности и представлениях, то дезинтегрированность специфических социальных систем не уничтожает поисковой культурной активности, а иногда и способствует ее интенсификации.

В этом смысле особый интерес представляет концепция Ж. Деррида, в работах которого можно увидеть путь к отысканию опорных представлений о бытии в условиях социокультурной неопределенности. Он предлагает аналитическое расчленение, деконструкцию культурных текстов, направленные не на свободную их интерпретацию, но на выявление «слоя метафор», запечатлевших в них следы предыдущих культурных эпох и исходных намерений авторов. Соответственно появ-

ляется возможность выйти сквозь череду таких следов к непосредственному побуждению и проследить его вне символических коннотаций и различных социальных структур.

В центре внимания Ж. Деррида находятся тексты, зафиксированные в знаковой форме, или письмо. Это ключевое понятие он определяет как разрыв между метафизическим присутствием (присутствием в абстрактном смысле слова) и метафизическим (также абстрактным) понятием пространства (внутреннее — внешнее) и времени (прежде — теперь). Письмо не подчиняется принципу бытия как присутствия. Оно представляет собой способ дистанцирования от реальности, ее объективации и презентации в знаковой форме, позволяющий абстрагировать какие-то ее черты, ее образ от контекста непосредственного существования в первую очередь социально-институционального. В то же время письмо, воплощающее принцип проведения различий такого рода, становится важным полем для выяснения проблем «назначения», «послания», «корреспонденции», то есть исходных интенций, лежащих в основе построения культурного текста. Действие этого механизма также помогает сохранять и воспроизводить элементы культуры, запечатленные в текстах, в «маргинальных пространствах», при разрушении социокультурных систем.

■ Многогласность символических объектов

Произвольные системы знаков, составляющие «языки культуры», как уже говорилось, рассматриваются как искусственные образования, не имеющие прямой, непосредственной связи с реальностью как таковой. Чтобы функционировать как механизм выделения, интеграции и коммуникации чего-то значимого из окружения, каждая такая система строится и действует по определенным правилам. Во-первых, она должна представлять реальность, с которой имеет дело, в ее наиболее простых элементах. Во-вторых, она должна содержать правила комбинирования этих элементов в воображаемые целостности. В-третьих, в ней

должны содержаться правила, запрещающие определенные операции со знаками, как противоречащие «природе вещей».

Таким образом, считается, что система формируется как аналитическая решетка, определяющая и ограничивающая пространство для комбинаторики тех исходных впечатлений, с помощью которых природа обнаруживает свою сущность на уровне человеческих ощущений и восприятий. В то же время внутри этих рамок в логике постмодерна выделяется пространство для вероятности, случая, произвола, свободного комбинирования

Подобная система рассматривается как инструмент анализа той части реальности, которую она ограничивает. Она позволяет исследовать происхождение составляющих ее элементов, исчислять и классифицировать их, фиксировать их возможные сочетания. Такая система, выполняя функцию языка, представляет все охватываемые ею элементы реальности совокупностью искусственных символов и логических операций. Однако на уровне обозначающего в языке находят отражение не один, но несколько типов реальности, с которыми имеет дело человек.

Указание на отсутствие. Ж. Деррида, например, видит в знаке указание не на присутствующую мысль, но на некоторое наличное различие. Соответственно он выделяет функции знака, связанные с обращенностью к тому, что постоянно отсутствует и от чего отличается обозначаемое данным знаком. Понятием, фиксирующим отсутствие, является «трасса». Оно выражает такое условие возникновения опыта и мысли, при котором отсутствует их укорененность в настоящем, и они формируются на пересечении следов прошлых переживаний.

Соответственно Ж. Деррида возражает против обращенности знака к тому, что мыслится в настоящем и должно быть сообщено другому. В коммуникативных процессах, по его мнению, происходят гораздо более сложные вещи.

Прояснение значений в процессе коммуникации предполагает процедуру особого смыслового «обора-

чивания», остранения¹ — бриколажа, — примером которого может служить метафора. Это обусловлено природой порождения знаков. Еще Ф. Ницше отмечал, что при восприятии окружения и реакции на него человек интегрирует всего лишь нервные импульсы. Только потом он описывает их в фигуративных категориях, используя свою способность «отождествлять неэквивалентное»². Соответственно знак всегда будет содержать гетерогенные элементы, поскольку представляет собой набор различных признаков, которые человек связывает с устойчивой конфигурацией своих нервных импульсов. Иными словами, знак всегда содержит в себе метафору.

Понимание этого позволяет более глубоко проникнуть в природу коммуникации. Здесь всегда сохраняется место, специально отведенное для «игры шанса с необходимостью, случайности с законом»³, обусловленное необходимостью остранения при попытке понять значение знака, невозможностью знака однозначно транслировать представление о переживании, которое человек пытается передать другому с его помощью. В пределе такое остранение может принять форму самодовлеющей эстетической игры, связанной с построением метафор, которое Ф. Ницше считал «фундаментальным импульсом человека»⁴. Здесь проявляется борьба волевого начала человека и неволевого, языковых компонент за отклонение от нормативных правил употребления знаков, от стереотипных представлений об их значениях. Цель такой игры — выделить из значения его случайные компоненты, чтобы понять, как происходит ускользание смысла при использовании знака в определенном контексте. Обращаясь к категории письма и выделяя трассы «различия», Ж. Деррида полагает, что таким образом он получает возможность принудить язык к совершению «усилия», подчиняющего разнородные элементы метафоре, знаку как целостности.

¹ Термин В. Шкловского, означающий восприятие привычного как «странного» (отсюда — отстранение), необычного.

² *Nietzche F. Werke. Berlin — N. Y., 1973 V. III. P. 2. S. 381.*

³ *Derrida J. La dissemination. P., 1972. P. 309.*

⁴ *Nietzche F. Werke. S. 381.*

Указание на инобытие. Рационалистические модели реальности и ее символической представленности в их классическом варианте в значительной степени утратили свою эвристическую силу, когда в сфере внимания оказалось бессознательное, то есть тот аспект человеческого существования, который никогда не мог быть данным субъекту в рефлексии: скрытые механизмы, безликие причинности, обуславливающие его активность.

Тем не менее движение мысли, путь познания после обнаружения этого факта не прекращались в различного рода попытках понять, как можно иметь с ним дело. Внутри и вне процессов мышления, на их границах с другими психическими процессами, в их переплетениях постепенно обозначилась целая область, некая «инертная плотность» (М. Фуко), в контексте которой и протекают названные процессы. Это область немыслимого, невыразимого. Первоначальные столкновения с инобытием оборачивались попытками различных мыслителей интегрировать его в классические познавательные рамки. Его не рассматривали как самодовлеющий феномен, но лишь в качестве постоянного двойника объективированной, рационализованной культурной реальности. Оно выражалось как «в себе» в противоположность «для себя» в работах Канта и Гегеля, как «бессознательное», начиная с Шопенгауэра; как «отчужденный человек» у Маркса; как «скрытое», «недействительное», «осадочное», «несвершившееся» у Гуссерля. Во всех этих попытках инобытие представлялось рефлексивному знанию нечеткой проекцией самого человека с его способностью к развивающемуся истинному познанию. Вне отнесенности к божественному началу такое Иное было лишено права на самостоятельное существование.

В настоящее время его самодовлеющая значимость в порождении символических объектов полностью признана. И оно не является недоразвитой природой или напластованиями истории в человеке. По отношению к человеку немыслимое выступает как Иное, не освоенное и неосваиваемое в принципе, порожденное не им и не в нем, но существующее рядом и одновременно с ним, в постоянной новизне и необратимой действенности.

Указание на несуществующее. В теоретических построениях постмодернизма значительная роль отводится феномену воображения и символическому миру воображаемого. Воображение определяется как способность человека представлять вещи, которых нет, то есть которые не даны в ощущениях в символической форме.

Подчеркивается конституирующая значимость воображения в культуре. На этом уровне конструируются «фигуры», делающие общество и культуру видимыми для их членов. Благодаря нему определяются проблемные ситуации в обществе и обыгрываются их возможные решения. С его помощью строятся проективные картины альтернатив будущего. И все эти представления, будучи обозначенными и объективированными, существуют в культуре наряду с другими. Соответственно в ней можно обнаружить сигнификации, относительно независимые от обозначающих, однако играющие роль в их выборе и организации. И сложность заключается в том, что в случае воображаемого как организационного принципа по отношению к культурным феноменам обозначаемое, к которому относится обозначающее, обнаруживается с трудом, поскольку его «способ существования» является, по определению, способом небытия¹.

На основе фрейдовской триады «оно—я—сверх-я» Ж. Лакан строит производную модель соответствующих полей реализации: «реальное—воображаемое—символическое». Уровень «воображаемого» при этом рассматривается как источник субъективного, иллюзорного синтезирования представлений, а уровень «символического» — как совокупность объективированных механизмов языка и культуры. Символическое бессознательно структурировано и, следовательно, носит упорядоченный характер.

Воображаемые культурные объекты (сигнификации) не существуют в форме репрезентаций, поскольку им не соответствует никакая социокультурная реальность, никакой чувственный опыт. Они не имеют культурного моста, подобного тому, что занимают

представления о реальных событиях, действиях, отношениях; тем не менее они создают в культуре некоторое «силовое поле», влияющее на траекторию реальных явлений.

Воображаемые социокультурные сигнификации не несут в себе никакого реального значения (денотата); но их коннотативные возможности чрезвычайно многообразны, поскольку под ними можно подразумевать множество самых различных вещей.

Указание на невидимые порядки. Под влиянием структурной лингвистики Б. Уорфа ряд исследователей обратился от изучения социальных институтов и структур к анализу представлений, знаний об окружении, а также форм их лексической организации. Это направление носит название «этнонаука». Ее немногочисленные сторонники видят цель своей работы в том, «чтобы лучше понять, каким образом люди воспринимают свою окружающую среду и как они организуют подобное восприятие» в лексиконе¹. Об этой цели хорошо сказал Г. Фрейк: «Этнограф не может быть удовлетворен всего лишь фиксацией компонент культурных экосистем в категориях западной науки. Он должен также описать окружающую среду таким образом, как ее воспринимают местные жители, и используя понятия, употребляемые ими, выявить правила организации соответствующих представлений и поведения»².

В рамках этого направления развиваются специальные методы сбора и анализа информации о том, как представители определенной культуры воспринимают природную среду (этноэкология), ее флору (этноботаника) и фауну (этнозоология), как они взаимодействуют друг с другом (этнометодология). Таким образом, принятое в культурной антропологии понятие «этнонаука» обозначает «народные» модели организации представлений об окружающем мире и объяснения

¹ Moran E.F. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. North Scitnate, 1979. P. 58 – 59.

² Frake G. O. Cultural ecology and anthropology // American Anthropologist. 1962. Vol. 64. № 1. P. 55, 58.

связей между событиями и явлениями. Такого рода «этнознания» можно считать областью культуры, порождающей движение к специализированному научному познанию.

Предметом этнометодологии — социологического аналога этнонауки — являются процедуры повседневных взаимодействий и коммуникаций людей в контексте обыденной жизни. Исследователь «пытается трактовать практические действия, практические обстоятельства и практическое социологическое мышление как темы эмпирического исследования, уделяя самым заурядным действиям повседневной жизни внимание, которое уделяется обычно экстравагантным событиям, стремится познать их как феномены, сами по себе заслуживающие изучения»¹. Исходным допущением является представление о том, что существуют неотрефлексированные, но достаточно жестко сформировавшиеся схемы поведения, которые делают действия людей взаимоприемлемыми и объяснимыми.

Соответственно основным предметом изучения является скрытая, неочевидная систематичность обыденной жизни, порождаемая и конститулируемая людьми в ходе повседневного взаимодействия. Эта систематичность позволяет им ориентироваться в жизненных ситуациях и надлежащим образом строить свое поведение. Исследователь может понять смысл и значение повседневных событий только изнутри ситуации, находясь в равной позиции с другими ее участниками. По отношению друг к другу они исполняют роли, связанные с принятием «взаимной перспективы»: актер становится «повседневным социологом», а исследователь вынужден осуществлять «этнометодологическую редукцию», «вынося за скобки собственную субъективность»².

Следует еще раз подчеркнуть, что сторонники этнонауки имеют дело со скрытыми, неререфлексируемыми механизмами взаимодействия людей с окружением

¹ Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 333.

² Zimmerman D. Ethnomethodology // American Sociologist. 1978. V. 13. P. 9.

на уровне повседневной жизни, в том числе обыденной речи.

Итак, сторонники постмодернизма в разных предметных областях познания считают необходимым преодолеть накопленные культурные стереотипы, «вновь обрести способность воспринимать и выражать, ибо только так можно сохранить подлинную культуру в недрах цивилизации»¹.

При этом подчеркивается, что новые правила в отношениях человека с окружением выстраиваются и символизируются по мере работы с культурным материалом. Оценивая ситуацию в искусстве, Ж.Ф. Лиотар пишет: «Писатель и художник постмодерна находится в позиции философа: текст, который он пишет, произведение искусства, которое он создает, в принципе не управляются никакими предустановленными правилами, и соответственно не могут быть судимыми в соответствии с общепринятыми критериями и категориями. Само произведение искусства есть средство отыскания таких критериев и категорий. Художник и писатель, таким образом, работают без правил, чтобы сформулировать правила того, что следовало бы делать»². Так же сегодня в рамках постмодерна могут быть представлены и другие типы символических языков культуры.

■ Концепция децентрированной (расщепленной) личности

Из сказанного следует, что современное «постмодернистское» отношение к культуре отличается от классического. По-иному рассматриваются здесь вопросы, связанные с характером и формами социокультурной жизни, ее динамикой; с содержанием и взаимосвязями

¹ XXXIII Festival internationale des Teatro: Biennale die Venezia. 1985. S. 79.

² Lyotard J. F. Answering the question: What is rostmodernism? // Innovation/Renovation. Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 340.

искусственных, в особенности символических объектов, составляющих среду, в которой реализуется эта жизнь; с возможностями «расшифровки истинных значений» таких объектов.

Не удивительно, что пересмотру подверглись представления о порождении культуры и месте личности в социокультурных процессах.

Индивид как первоначало социокультурных процессов. В современной познавательной ситуации проблематичной стала идея человеческого первоначала. Старые модели происхождения человека, общества, культуры утратили всякий эвристичный смысл — будь то идеи божественного дара или эволюционной мутации. Новые модели, по-видимому, невозможны, поскольку, по крайней мере сейчас, после периода длительных поисков эмпирических доказательств стало очевидным, что генезис человека и культуры непознаваем. Его нельзя достоверно реконструировать из-за ограниченности как материалов, которыми может располагать человек, так и его собственных познавательных способностей. Любые попытки построить концепцию первоначал как истинного, полного знания об этом остаются фантазмами, имеющими большую или меньшую ценность в качестве идеальной точки отсчета для изучения культурных сходств и различий, инвариантов и изменений.

Соответственно идея первоначала утрачивает свой классичный смысл. Теперь совершенно очевидными являются связь людей с их историчностью, разрыв между существующим и его генезисом. «Стремясь самоопределиться в качестве живого существа, человек обнаруживает свое собственное начало лишь в глубине жизни, начавшейся раньше него; стремясь понять себя как трудящееся существо, он выявляет зачаточные формы труда лишь внутри такого человеческого времени и пространства, которое уже подчинено обществу и его институтам, наконец, стремясь определить сущность самого себя в качестве говорящего субъекта по ту сторону всякого уже сложившегося языка, он всегда сталкивается лишь с возможностями уже развернувшегося языка, а совсем не с тем

лепетом, тем первословом, на основе которого стали возможны все языки и вообще язык как таковой»¹. Соответственно первоначало перестает обозначать исходную точку филогенеза человеческого вида. Но относится к отысканию истоков и импульсов, порождающих вполне конкретные и наблюдаемые социокультурные процессы, начала и концы которых могут быть обозначены, а траектории отслежены по надежным эмпирическим показателям. Можно представить себе, как резко изменились характер и направление поисков.

При изучении порождения искусственных объектов центром внимания становится воплощенный социализированный индивид. Он рассматривается как наиболее эмпирически очевидная и одновременно наиболее сложная и интегрированная из всех человеческих систем. В нем биологическое, психическое, социальное и культурное начала сопрягаются теснее, чем в любой другой социокультурной системе. Он выделяется не просто как часть, элемент общества и культуры; но как переплетение всех человеческих уровней и систем, модальность, в которой и через которую осуществляются концентрация и высвобождение энергии популяции. В этом смысле можно говорить об истоках, о порождающем уровне анализа, на котором прослеживаются возникновение, поддержание и изменения социокультурных феноменов.

Объем энергии, которым располагает воплощенный индивид, всегда больше, чем тот, что является необходимым для участия или оказания сопротивления в любом из секторов любой из социальных систем. Нет ни одного из типов социального контроля, от которого людям не удалось бы ускользнуть. И не существует такой социальной системы, чьих требований они не смогли бы избежать, пошатнуть или разрушить.

Внешняя (социокультурная) обусловленность многомерности личности. В рамках классических монистических представлений об обществе и культуре как единой целостности концепция социализации одно-

¹ Фуко М. Слова и вещи. С. 423–424.

значно предполагала социально предписанное и институционализованное освоение каждым членом общества культурно необходимых знаний и навыков. Считалось, что социализованный индивид становится тем саморегулирующимся элементом социокультурной системы, который автоматически будет поддерживать ее целостность, минимизировать в ней уровень напряжений и конфликтов.

Современный взгляд на эти процессы изменился. Вернувшись к истокам социокультурных систем — людям, признав, что люди — существа, строящие и использующие такие системы, современные мыслители по-иному видят и процессы освоения человеком своего окружения.

Прежде всего, люди перестали рассматриваться только как социальные существа; равноправным стало признаваться и индивидуальное человеческое начало. Соответственно контрбалансом их социабельности, склонности к объединению стала идея эгоцентричности и стремления к автономии. В ходе взросления и личностного становления люди приобретают социальные и культурные различия, а не только сходства. И поиск индивидом своей идентичности обуславливает его личностную многомерность, расщепленность, порождаемые по ходу накопления таких различий и сходств в ситуациях коопераций и конфронтаций.

Формирование личности предполагает развитие у нее способности определять сходства и различия. Не похожесть, а несходство считается ключевым в сопоставлении себя с другими. Но не все различия между людьми одинаково значимы для их положения в обществе. Наблюдения свидетельствуют о том, что в большинстве культур люди склонны придавать большую значимость тем дифференцирующим признакам, которые связаны с вознаграждениями, депривациями, с конкурентными или конфликтными последствиями.

Становление «я», конечно, зависит от вовлеченности в системы взаимных конформностей с другими. Однако не меньшую роль играет преднамеренное или случайное нарушение конвенциональных обязательств

и ожиданий. Накопление опыта собственных различий и их организация в культурно значимую систему самоидентификации способствуют формированию и концептуализации личностных границ. Свои потенции индивид способен оценить, не только кооперируясь с другими, но и в конфронтациях с ними, с их ожиданиями и принуждениями, с их демонстрируемыми границами собственных «я». Механизм формирования самоидентификации был выделен Э. Гоулднером как соотношение самоуважения и самооценки.

Личность может испытывать самоуважение, когда проявляет вознаграждаемую конформность по отношению к ожиданиям других, к групповым ценностям, моральным нормам. Самоуважение складывается на основе отношения других. Самооценка возникает из ощущения собственных потенций. В отличие от самоуважения самооценка переживается и формируется, когда личность нарушает ожидания других, проявляет способность к дистанцированию и автономии по отношению к ним и к их требованиям может реализовать свои намерения вопреки внешнему сопротивлению. Самоуважение проверяется консенсусом; самооценка — конфронтацией.

Консенсус выявляет в личности то, что объединяет ее с другими, делает похожей на них, оттесняет на задний план идентифицируемую индивидуальность. Конфронтация обостряет ощущение личностных границ, индивидуальной специфичности, выдвигает на передний план личностную идентичность. В децентрированной, ризомной, многомерной социокультурной среде действие этого механизма обеспечивает индивиду прямую, без символического опосредования связь с реальностью при формировании жизненного пути. «Воплощенная социализированная личность, сочетающая в себе черты биологического, психологического, культурного и социального уровней систем, движется внутри, сквозь и между ними, участвует в их создании и разрушении на всем протяжении своего жизненного цикла и карьеры»¹.

¹ Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N. Y., 1970. P. 223.

Из сказанного следует, что именно индивиды меняют социокультурные системы в случаях, если культурные образцы перестают обеспечивать им преимущества в отношениях с окружением. Каждый может отказаться от стереотипных представлений, критериев оценки, традиционных технологий. Люди, объединившись вокруг совокупности новых культурных ценностей, путем «организованного» отклонения создают в маргинальных пространствах культуры параллельные социальные системы, и внутри них могут защищать себя как от претензий традиционных культурных ценностей и норм, так и от хаоса, экспериментировать с новыми социокультурными образцами и утверждать их в качестве конструктивных жизненных принципов.

Сохранение культурной ткани, следовательно, обусловлено тем, что индивиды никогда не бывают специализированы только для нужд какой-либо частной социальной системы. В этом смысле они в большей степени семя, герм, нежели часть или орган системы. Внутри содержатся потенции и энергия, которые воспроизводят культуру в образцах поведения и связывают их в социальные системы. Такая концептуализация личности в культуре высвечивает иную, чем классическая, область порождений и изменений социокультурных феноменов.

Если широкая инкультурация обеспечивает индивида определенной мерой функциональной автономии по отношению к социальным системам, то его способность создавать и поддерживать социальные системы позволяет ему автономизироваться от специфичных культурных систем. Каждый из типов систем наделяет его рычагами по отношению к другому; он же использует оба¹. В этом использовании и видится ключ к пониманию динамики общества и культуры.

Внутренняя (психическая) обусловленность многомерности личности. В то же время будучи, втянутой в символический мир культуры, личность оказывается децентрированной. Причина заключается в том, что каждый рожденный ребенок не творит язык и культу-

ры, но пользуется уже ранее созданными «обозначающими» — символами, суррогатами вещей. Движущей силой в этом поле, согласно Ж. Лакану, становится желание человека, которое всегда является отражением нехватки чего-либо, потребностью, нуждой, которые человек стремится восполнить. Язык, считает Лакан, трансформирует нужду (побуждение, импульс) в желание. Желание, обусловленное отсутствием желаемого объекта, становится побудителем децентрирования, ризомного становления личности.

Плюрализация внутреннего мира индивида определяется его «расщеплением» под действием осознанных и бессознательных побуждений, желаний, возникающих при расхождениях между физиологическими, психическими и социокультурными процессами. Соответственно особый интерес в этой ситуации приобретает изучение направленности и результатов действий «расщепленного» субъекта.

«Культурный субъект» принадлежит одновременно двум областям: «реальной» и семантической. Реальные процессы связаны с непосредственным переживанием индивидом значимости того, что с ним происходит. Семантические — с выражением реакции на это в системе установленных знаков и процедур действия. Участвуя в этих двух процессах одновременно, он подвержен расщеплению, которое усиливается благодаря одновременному протеканию интрасубъективных (внутриличностных) сознательных и бессознательных процессов.

Способ существования децентрированной личности в динамичном пространстве. Такого рода зазоры между побуждением и его реализацией, между желанием и наличными средствами его воплощения обуславливают вероятностный характер порождения инноваций и комбинаторики в культуре. Соответственно усиливается значимость «субъективного» начала в культурной активности. Подобного рода изменения обнаруживаются в искусстве постмодерна. Здесь кризис личностного начала становится кардинальной проблемой. Децентрация и фрагментация сводят на нет классическую концепцию целостной личности и ведут к

тому, что она перестает быть самоотжественной. В литературе, например, «смерть автора» и «крах персонажа» (Р. Барт) означает уничтожение дистанции между автором и героем. Соответственно в литературу проникает авторская саморефлексия: писатели становятся теоретиками собственной деятельности, а рассуждения о ней превращаются в главную тему произведения. Таким образом размываются границы между эстетикой, критикой и литературой. «В этом случае структуралистская критика традиционного референта — либерального общества — и такой его неотъемлемой части, какой являются личности, оставляют литературу буквально без ее субъекта»¹.

Децентрирование культурного и личного мира и усилившаяся в этой связи саморефлексия художника повлияли на изменение роли искусства в культуре. Если раньше, например, литераторы претендовали на то, чтобы сообщать публике знание о ее возможных социальных и личностных идентичностях, то теперь они находятся в поисках опорных точек такого знания, утерянного ими общественного признания. Далее хорошо известно, что добровольное следование требованиям других — без принуждений и вознаграждений — в социокультурном смысле во многом зависит от индивидуального выбора и всегда носит вероятностный характер. И хотя в культуре вознаграждение морально побуждаемых действий имеет форму символического социального одобрения и является предметом особого внимания и озабоченности блюстителей морали, эта вероятность сохраняется.

Она характеризует не только подчинение личности моральным нормам, но и реакцию других на такую конформность. Ситуации, связанные с моральной регуляцией, почти всегда являются достаточно неопределенными, поскольку каждый раз под сомнением оказываются как готовность индивида следовать требованиям морали, так и согласие других вознаграждать моральное поведение. Иными словами, ни о каком рав-

новесном состоянии системы отношений, базирующейся на разделяемом моральном кодексе, не может быть и речи: она оказывается неустойчивой, неопределенной и вероятностной по самой своей природе.

Поскольку в подобных ситуациях личность далеко не уверена в том, как следует вести себя, она нуждается в других, которые своими реакциями будут ситуативно одобрять или не одобрять ее действия. Соответственно система отношений будет поддерживаться не благодаря отсутствию, но благодаря наличию в ней нормативных или ценностных напряжений. Не только взаимная функциональная зависимость, но и неопределенность взаимных вознаграждений удерживает людей в системе взаимодействия. Ее воспроизведение отчасти обеспечивается тем, что благодаря сопротивлению моральным нормам одна часть ее участников вынуждает другую повысить вознаграждение за конформность к ним. Таким образом, поддержание системы социальных отношений зависит и от нежелания людей подчиняться моральным нормам, то есть от неконформности к действующему моральному кодексу.

Неоднородность отношения членов общества к моральным нормам. Исследования отношений разных членов общества к моральным нормам в различных социокультурных ситуациях позволили сделать ряд выводов, ставящих под сомнение правомерность априорного утверждения, что разделяемые моральные (в том числе религиозные) ценности и нормы обуславливают единство и интеграцию в обществе.

Во-первых, сам факт, что общество функционально неоднородно, означает, что различные социокультурные группы имеют неодинаковую степень причастности к официальному моральному кодексу. Есть группы, которые связаны с ним теснее, — те, кто его обновляет, контролирует следование ему или сознательно нарушает его; группы, лишь поверхностно соприкасающиеся с ним, — те, кому не приходится принимать социально значимых решений; группы, члены которых не считают обязательным следование его установлениям, — те, кто принимает решения макросоциального уровня, включая решения о самой морали.

Во-вторых, как уже было показано, не существует конформности к правилам морали во имя них самих. Различные социокультурные группы следуют или не следуют им в зависимости от результатов торгов с теми, кто выступает в обществе в роли хранителя морали, а также в зависимости от выгод, получаемых вследствие морального (или аморального) поведения. В-третьих, конформность к любому моральному правилу не одинакова в разное время и зависит от степени функциональной автономии социокультурной группы или слоя внутри социальной системы. Опыт свидетельствует о том, что люди склонны более поддерживать моральную норму, когда она расширяет, а не ограничивает сферу их возможностей. В-четвертых, в моральном кодексе обычно существует не одно, но несколько правил, которые могут быть обоснованно использованы при решении какой-либо социально значимой проблемы. Центральным критерием выбора одного из них является оценка ожидаемых последствий с точки зрения благополучия не только системы как таковой, но и тех, от кого зависит выбор. Понятно, что эти оценки часто не совпадают.

Соответственно тот факт, что все члены социокультурной системы признают один и тот же моральный кодекс, отнюдь не означает, что их связи взаимодополнительны, отношения гармоничны, а конфликтные ситуации легко разрешимы. Следование ему имеет неодинаковые последствия для благополучия различных социокультурных групп. Напряжения, возникающие при этом между группами, ищущими легитимный способ увеличения степени собственного благополучия, отражаются в различиях интерпретации нормы или в предложениях альтернативных норм для решения одной и той же проблемы. Таким образом, это не столько организующее начало, гармонизирующее ситуацию, сколько проводник, через который напряжения выражаются, фокус, вокруг которого разворачивается конфликт определения ситуации.

Язык морали не ситуативен, поскольку всегда имеет отношение к поведению определенной категории людей в некотором классе ситуаций (например, «дети не должны обманывать родителей»). Предпола-

гается, что такое поведение не связано с ожиданием вознаграждения или наказания, что оно самоценно. Иными словами, на символическом уровне моральный кодекс включает в себе претензии на то, чтобы остановить конкуренцию за распределение преимуществ, разрешить неопределенность между действием и бездействием, помочь преодолеть внутренний конфликт при принятии решения.

Но именно это обуславливает и заключенную в нем неопределенность, поскольку всегда существуют пункты, в которых проявляется напряжение между следованием ему и вознаграждением. Каждый моральный кодекс содержит негласные обещания, из которых одни члены общества извлекают больше выгоды, чем другие, и следовательно, подчиняются им охотнее. Однако в целом все и всегда готовы к тому, чтобы делать меньше, чем подразумевают и даже требуют нормы. И это не из-за плохой социализации. Такова природа самого кодекса как системы негласных взаимных обещаний.

Кроме того, относительная важность моральных и неморальных вознаграждений за солидарность в обществе варьируется в различных условиях. В частности, она зависит от уровня развития технологии: чем ниже этот уровень, тем сильнее мораль.

Развитие технологии ослабляет традиционные нормы, поскольку предполагает изменение сложившихся форм социальных организации и контроля. В частности, солидарность поддерживается повышением вознаграждения, обеспечиваемым сокращением дефицита благ за счет внедрения новых технологий. Однако преимущества от этого не составляют постоянную величину. Существуют короткие циклы и длинные тренды, при которых люди ощущают уменьшение такого вознаграждения. В эти периоды апелляция к моральным нормам усиливается.

Поскольку различные группы получают неодинаковые преимущества от технологических изменений, они по-разному относятся к нормам. Привилегированные группы считают сложившийся порядок моральным. Группы, не имеющие достаточных благ, обеспечиваемых технологиями, считают его несправедливым.

Таким образом, обе группы апеллируют к одному кодексу, но с различными целями, и извлекают из него те компоненты, которые оправдывают их претензии. Ущемленные подчеркивают значимость справедливости, равенства и той свободы, которая позволяет им увеличить свои преимущества. Привилегированные имеют тенденцию подчеркивать значимость порядка. Первые ставят акцент на своем праве расширенного доступа к материальным благам. Вторые призывают их к духовному совершенствованию.

В этих условиях моральный кодекс не обеспечивает достаточных оснований для удержания социальной солидарности даже при условии, что он принимается обеими сторонами. Взаимные переговоры не являются тем механизмом, который снимает напряжение. Соответственно возникает необходимость в посреднике, регулирующем конфликтные ситуации, и им становится власть. При этом она может быть либо репрессивной, либо связанной со стимулированием технологического развития. Но в любом случае ее значимость сохраняется, а не убывает.

Отклонения от нормы и власть. В современной культуре с ее расширенной зоной массовых процессов и аномии главными объектами надзора и интереса со стороны всех уровней власти стали те, чье поведение не соответствует легитимной (узаконенной) морали. При этом отклонения подробно описаны, классифицированы и негативно оцениваются по сравнению с «нормой». Различение нормального и девиантного при ценностном предпочтении нормы без ее внутренней дифференцированности представляет собой, согласно М. Фуко, оправдание широкого спектра репрессий, осуществляемых теми, кто относит себя к защитникам нормы, по отношению к тем, кого они считают носителями отклонений. Однако они не существуют сами по себе, но являются продуктом власти признанных норм. Девиантность в культуре не просто запрещена или репрессирована; она всегда еще и вызывается, и репродуцируется апелляцией к норме, то есть норма как бы сама порождает (или подразумевает) отклонение от нее.

В рамках постмодернистской интерпретации социокультурных процессов проявляется особый интерес к способам категоризации и социального контроля различных классов социальных девиантов: больных, психически неуравновешенных, преступников. Эти группы людей рассматриваются как неотъемлемая составляющая общества. Однако представление о поведении, которое считается отклоняющимся и, следовательно, подвергаемым необходимому социальному контролю, является исторически изменчивым. Соответственно некоторые из таких групп со временем могут перейти в категорию социально приемлемых.

В этой связи показательной становится тема смены власти, связанная с порождением и организацией нового динамического социокультурного нормативного пространства. Структурирование пространства вокруг меняющейся власти строится на дихотомиях «доминирующий — подчиняющийся» и «большинство — меньшинство». Новая власть, признанная большинством, согласно логике постмодерна, не является на самом деле властью большинства. Такие властные группы обычно формируются как некоторое неудовлетворенное, маргинальное по отношению к имеющемуся режиму, по сути дела «отклоняющееся», меньшинство, путем борьбы присваивающее себе высокое общественное положение и начинающее представлять себя в качестве выразителя интересов большинства. Так на этом уровне осуществляется трансформация отклонений в норму.

Механизмами удержания и реализации власти, согласно М. Фуко, являются дисциплина и знание. Дисциплина действует как морально санкционированный способ формирования подчиняющихся и отклоняющихся в соответствии с требованием доминирующих. Она с необходимостью предполагает узаконивание инспекции, надзора, контроля над телом и поведением тех, кого дисциплинируют. И чем более индивидуализирован субъект, тем более он подвергается контролю. В этой связи девиация оказывается производной от представления о законной необходимости подводить

под нормативные рамки вариации и многообразие проявлений индивидуальной активности. Власть производит дисциплинированных индивидов, не только действующих согласно предписанным и морально санкционированным правилам, но и приученных осуждать тех, кто выходит за их пределы.

Другим важным механизмом реализации власти является знание. Это не только средство, используемое людьми для установления своего господства, но и властное отношение знающего к тому, кого он познает, обеспечивающее удержание этого господства.

Однако власти необходимо лишь такое знание, которое помогает воспроизведению установленного ею порядка. Отсюда напряжения, возникающие между интеллектуалами и представителями властных структур в обществе. Согласно М. Фуко, процесс производства знания — это процесс инновационный. Участием в этом процессе и определяется особое положение интеллектуалов в обществе. Их опыт инновативен, то есть маргинален сам по себе; он является «частичным», «промежуточным» и в качестве такового не может быть вписанным внутрь институциональных стратегий. Властные же структуры поощряют лишь тех интеллектуалов, которые помогают с помощью знаний, переведенных в технологии, поддерживать и расширять границы существующей власти. Знания другого рода вытесняются на периферию господствующей культурной парадигмы; их порождение и распространение по меньшей мере не поощряется, если не подавляется. Таким образом, и здесь власть устанавливает свои нормы, мораль, представления о девиации.

Власть и мораль. Если моральные нормы кажутся соответствующими власти, то это происходит не только потому, что власть с помощью дисциплины регулирует на всех доступных ей уровнях соответствие поведения подчиненных требованиям морального кодекса. Но еще и потому, что сила позволяет ей достаточно произвольно определять, что есть следование, а что отклонение по отношению к нормам. В обществе, особенно при ситуации неопределенности, соответствие

морали в каждом конкретном случае является неопределенным, оспариваемым. И потому арбитром часто становится власть: более могущественные выбирают определение того, какое правило следует применить, и что оно означает в данной ситуации.

Из сказанного следует, что в логике постмодерна разделяемый моральный кодекс более не рассматривается как средство предотвращения социокультурных напряжений и конфликтов. Считается, что в лучшем случае он ограничивает присущие системе напряжения, обеспечивая в проблемных и неопределенных ситуациях основания для их первоначального определения. По меньшей мере он обеспечивает язык, в котором напряжение получает публичное выражение. В худшем случае его элементы становятся фокусами социальных конфликтов. А вообще он используется различными индивидами в своих целях и в тех ситуациях, где им это выгодно. Ни одна социальная система, согласно логике постмодерна, не подчиняется всем требованиям официального морального кодекса хотя бы потому, что это всего лишь часть ее культурного универсума. Как уже говорилось, члены общества никогда полностью не интегрированы ни в одну социальную роль или культурную идентичность, в том числе и в те, что нормативно предписаны. Осознавая условность моральных норм и ценностей, люди не испытывают ни вины, ни замешательства, делая меньше требуемого, поскольку не ощущают полной причастности к ним. Такие образования постоянно находятся под угрозой нарушения, поскольку многие часто вынуждены давать обещания, которые не хотят и не намереваются выполнять. Расхождения между моралью и желаниями лежат в основе принятых в культуре несоответствий между принципами и практикой, идеальными представлениями и привычками. Это подразумевает в социализационных процессах, когда молодое поколение постигает наивность и непрактичность следования идеалам.

Как подчеркивает Э. Гоулднер, власть и ее моральная компонента, власть и авторитет — это раз-

личные измерения, связанные с регулированием социального взаимодействия. Власть существует как фактор, формирующий поведение подчиненных в ситуациях, находящихся под контролем вышестоящих. В распоряжении последних находится право предписывать дисциплинарные нормы, лишать вознаграждения в случае невыполнения предписанных функций. Но само могущество есть достаточное основание для такого контроля даже без наличия прав у тех, кто им располагает. Следовательно, сила без авторитета является постоянно присутствующим фактором, влияющим на динамику распределения функций и вознаграждений в обществе. И вряд ли можно помыслить такие реалистичные формы социокультурного контроля, которые бы полностью ослабили его действие.

Соответственно распределение власти в социальной системе, по мнению Гоулднера, обуславливает конфигурацию существующих здесь моральных предпочтений. Обладание властью побуждает одних нарушать свои обязательства, тогда как ее недостаток принуждает других довольствоваться меньшим, чем полагается по закону. Так само нарушение морали может стать обычаем.

Принуждение, насилие, сила — все формы могущества суть механизмы, позволяющие тем, кто располагает ими, создавать собственную легитимность и свои правовые установления. Но эти установления поддерживаются и теми, кто в социокультурном пространстве, создаваемом властью, находится в сфере наибольшего ее влияния.

Те, кто подчиняется из страха перед силой, или в надежде на выгоду от нее, обычно не сознают в истинных причинах своих действий и из сохранения самоуважения готовы признать легитимными предъявляемые к ним требования. Те же, кто применяет насилие, стремятся получить доказательства хоть какой-то видимости добровольности следования этим требованиям. В таких случаях легитимность установленных отношений порождается тайной сделкой между сильным и его жертвой.

Идеология постмодерна

Обобщая социокультурную практику постмодерна, Х. Бертенс выделяет некоторые существенно общие черты постмодернистского мировоззрения¹.

- Наиболее значимой, центральной чертой, обнаруживающейся во всех концепциях постмодерна, является признание онтологической неопределенности, децентрированности, отрицание привилегированных языков культуры, высших дискурсов.
- Взаимодействие «продукта» практики постмодерна с его «пользователем» оказывается сходным с отношениями, складывающимися в рамках психоанализа между аналитиком и пациентом. «И я, и вы — оба мы фикции, как герой постмодернистского романа. Самое личное, центральное, что я имею, — моя идентичность — находится не во мне, но в нашем с вами взаимодействии, или в расщепленном «я»². Таким образом, для постмодерна характерно размывание границ «эго», отказ от онтологизации индивидуальности.
- Мировоззрение постмодерна не представляет собой согласованной целостности, которая дает субъекту силу для наложения порядка — пусть субъективного — на свое окружение. И принципиальная неопределенность отношений «эго» с окружением побуждает движение субъекта в двух направлениях. Одно из них — нереперенциальное — это отказ от соотносительности и значения любого обозначающего с обозначаемым и принятие абсурдности мира как данности. Другое — реперенциальное — это попытка найти такие соотносительности и построить пусть ло-

¹ *Bertens H. The postmodern Weltanschauung and its relation with modernism // Postmodernism. Wook — Dong Kirn (ed.). Seoul, 1991. P. 245 — 247.*

² *Holland N.N. Postmodern psychoanalysis // Innovation/Renovation. Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 304.*

кальные, временные, относительные, но истинны, так называемые маленькие истины.

- Нереперенциальное направление включает в себя саморефлексию, метадеятельность и перформативность, не имеющие целью соотнесение и поиск значения в отношениях обозначающего (произведения, отношения, символы) и обозначаемого (реальности). Нереперенциальное направление не помогает установить никаких иных значений, помимо тех, что заключены в рамках культурного текста или процесса его становления, отраженного в переживании.
- Реперенциальное направление связано с активным стремлением индивида — в том числе и через «перформанс» — освоить феноменально данный мир. Это направление объединяет в себе все попытки позитивного опыта: установление значений, схватывание непосредственного переживания без наложения на него априорных сигнификаций, представление о существовании чего-то другого, наконец, порождение временных значений.
- В рамках постмодерна меняется отношение к отчуждению и расщеплению личности, которое было столь негативным в модернизме. Здесь нет сожаления о потере «объективного» порядка ценностей, в том числе моральных; более того, о нем говорится в релятивистском тоне. Его относительность рассматривается как освобождение, как «прелюдия» к новым идентичностям.

Многие идеологи постмодерна считают его не художественным или культурным движением, но чем-то вроде геологического сдвига в способе мышления и видения мира. Это новая эпистема, которая включает и превосходит общее онтологическое сомнение, порождаемое традицией рациональной западной философии. За счет объединения экзистенциализма, экологизма, антропологизма сторонники постмодерна надеются на преодоление кризиса западного рационализма, который в классическом варианте исчерпал свой эвристический и объяснительный потенциал.

Характерные черты постмодернистского мировидения в сравнении с классической парадигмой познания можно представить в обобщенном виде следующим образом: признание плюралистичности мира как конгломерата сосуществующих универсумов, а не монистический, системный взгляд на него; ризоматичный принцип динамики социокультурной жизни, а не четко структурированная эволюция; напряжения между культурной территориальностью и маргинальностью расщепленной личности, а не ее структурная целостность и однородность. Постмодернизм следует рассматривать как культурную доминанту, которая указывает на присутствие и сосуществование в социокультурном мире совершенно различных уровней реальности.

В процессах упорядочения человеком своих отношений с окружением можно выделить по крайней мере три конституирующих, но функционально относительно автономных уровня. Во-первых, эмпирическая данность, воспринимаемая на уровне индивидуальных переживаний и представлений. Это та непосредственная реальность, в которой индивид существует и ориентируется. Во-вторых, абстрактные теоретические концепции, обеспечиваемые научными и философскими построениями, объясняющими принципы формирования, существования и обоснования предлагаемых ими порядков как реальных, надежных и достоверных. В-третьих, промежуточная область, находящаяся между эмпирически переживаемым и теоретически установленным, и относящаяся к правилам построения и использования кодов, позволяющих делать интрасубъективный и теоретический опыт проверяемым и коммуницируемым. Наличие этого уровня релятивизирует истинность как непосредственного восприятия, так и традиционной научной или философской доктрины. Здесь культурные коды дистанцируются от онтологических допущений, высвечивается их операциональная механика и становится понятным, что любой кодифицированный эмпирический порядок не дан априори, но сконструирован в процессе решения каких-то интересующих людей задач. Постмодернистское миро-

видение относится именно к этой области конструирования отношений с окружением, его познания, которая детерминирует критерии близости между вещами, их сходств и различий, их упорядочения и интерпретации.

Таким образом, на смену установленным тождествам и различиям в структурированном мире, характерном для классического типа познания, приходит попытка проявить и обосновать процессы отождествления и различения в динамическом контексте, каковым представляется окружение человека в постмодернистской картине мира. Выявлению процессуальности помогает акцентирование зазора, существующего в дихотомиях «отступления и возврата, мысли и невысказанного, эмпирического и трансцендентального, того, что относится к порядку позитивности, и того, что принадлежит к порядку обоснований. Отстранение тождества от самого себя, появление зазора, который в каком-то смысле находится внутри тождества, а в каком-то сам создает его... лежит в основе того современного мышления, которому так поспешно приписывают открытие времени»¹.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что в задачи культурной антропологии, связанной с идеологией постмодерна, входит изучение не столько вещных, структурированных аспектов культуры, сколько внутрииндивидуальных и межиндивидуальных процессов, порождающих устойчивые и мимолетные культурные объекты — вещи, идеи, образы, оценки. Соответственно акцент переместился на те незамечаемые, но действенные свойства человека, которые определяют его отношения с окружением, делают их автономными по отношению к разного рода институциональным (политическим, экономическим, познавательным) структурам. Речь идет о тех неотрефлексированных механизмах, которые восстанавливают ткань культуры в повседневных контактах людей, воспроизводят микропорядки в динамичной жизненной среде и которые являются основным предметом исследования в рамках постмодернистской культурной антропологии.

Выводы

1. В настоящее время в культурной (социальной) антропологии при сохранении ее предметной области — человеческие взаимодействия и коммуникации, динамика искусственного мира — изменился ракурс ее рассмотрения. Теперь областями специального исследования становятся такие совокупности феноменов, которые ранее оставались за его пределами: процессы порождения и декомпозиции, зоны структурной неопределенности, нерациональные социокультурные образования, нерациональные аспекты отношений человека с окружением и т. д. В этой связи изменился и объект изучения: не общество и культура в целом, но культурные проблемы в контексте их порождения и существования — вот что сегодня находится в зоне особого внимания исследователей общества и культуры.
2. Смена познавательных парадигм в социальных науках нашла выражение в рамках культурного течения, которое принято называть постмодерном. Его принято характеризовать как существенную ревизию гносеологических принципов, свойственных западной культуре XIX — XX вв. Он сложился на основах модернизма, структурализма, авангарда. Его специфика определяется исключительным вниманием к движению, ускорению, неопределенности, переходности. Можно выделить ряд исходных допущений постмодерна, определяющих дальнейшие направления изучения общества и культуры.
3. Во-первых, плюрализм жизненного мира людей, который отличается от механизма и дуализма предшествующей познавательной парадигмы. В рамках постмодерна как факт принимается то, что существует много нередуцируемых принципов миропонимания и, следовательно, много миров, которые могут вступать в отношения друг с другом. В такой реальности время нелинейно; необратимые процессы сочетаются с обратимыми; социокультурная динамика не имеет предустановленной цели и направления и связывается с представлением о ризоме.

4. Во-вторых, неоднородность социокультурного пространства, где различным образом структурированные области сосуществуют с бесструктурными. Последние рассматриваются как «пустоты», детерриториализованные зоны между структурами, освобождающие место для проявления культурно «не связанных» импульсов и желаний людей. Такое разделение открывает возможность для изучения того, что люди продолжают существовать в условиях, когда разрушаются социальные системы, структурные порядки.
5. В-третьих, при таком понимании социокультурного пространства и времени предметом особого внимания становится многослойность символических объектов, и на уровне обозначающего в языке находят выражение сразу несколько типов реальности, с которыми имеет дело человек. Это указание на отсутствие, связанное с областью невыразимого, невыразимого; указание на невидимые порядки, обнаруживаемые в ткани повседневной реальности.
6. В-четвертых, концепция децентрированной личности, которая порождает такой мир и существует в нем. Здесь центром внимания, как в классической европейской философии, продолжает оставаться индивид. Однако его картезианская модель сменилась феноменологической концепцией. Подчеркивается, что «культурный субъект» принадлежит одновременно двум мирам: реальному и семантическому. Это и обуславливает его расчлененность, поскольку действие и его переживание, их интерпретация и неосознаваемые коннотации не тождественны друг другу.
7. Наконец, в-пятых, на этих основах строится переосмысление одной из центральных тем европейской философии и культурной антропологии — темы нормативных порядков. В отличие от классических представлений в рамках постмодерна особое внимание уделяется неоднородности отношения членов общества к моральным нормам. Демонстрируется, что ни один моральный кодекс не обеспечивает

достаточных оснований для удержания социальной солидарности даже при условии, что он является общепринятым. Переосмысливается также представление о соотношении морали и власти. Гипотеза, что сила без авторитета — постоянно присутствующий фактор в распределении функций и вознаграждений в обществе, ставит под сомнение классический императив моральности власти.

8. Конструктивные начала постмодерна открывают новые возможности в изучении социокультурной динамики, акцентируя те аспекты связей людей с окружающим, которые в классических моделях считались либо несущественными, либо отклонениями.

Контрольные вопросы

1. Постмодерн как феномен культуры XX в.
2. Концепция многомерности жизненной среды человека.
3. Постмодернистская трактовка строения социокультурного пространства.
4. Культурно-символическая реальность и указание на ее неклассические характеристики.
5. Децентрированная личность в неоднородном и подвижном жизненном мире.
6. Механизмы изменения нормативных порядков в динамик социокультурной жизни.
7. Познавательная значимость постмодернистских принципов деконструкции и децентрирования.
8. Представления о социокультурной реальности в рамках философии постмодерна.
9. Исходные идеи постмодерна как мировоззренческой ориентации в культуре последней четверти XX в.

**НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ
КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫХ ЕДИНИЦ**

Признание множественности, неоднородности социокультурного мира его исследователями предполагает также изменение взгляда на построение типологии культур. Ушла в прошлое столь популярная в классическом эволюционизме триада «дикость — варварство — цивилизация». Постепенно сходит со сцены еще недавно общепринятая в западных социальных науках диада «традиционализм — модернизация». В настоящее время существует целый ряд оснований для типологии культур, которые в научном сообществе принимаются как более или менее равноправные и равноценные. Их различия не предполагают, что одни из них более «правильные», более «научные», чем другие. Просто речь идет о выборе совокупности показателей, которые представляются наиболее значимыми для характеристики рассматриваемых культур или субкультур в связи с решаемой задачей. Это следует принимать во внимание и при оценке такого рода работ, и при построении программы исследования. В сегодняшней социальнонаучной парадигме намерения познающего рассматриваются как значимый фактор, влияющий на весь ход научной работы, включая получаемые данные и их интерпретацию. Поэтому невозможна «объективная» классификация культур «самих по себе», каковыми они являются «на самом деле». Исследователь всегда выбирает основания для сравнения, и таких оснований может быть несколько. Тем более, что, как уже неоднократно подчеркивалось ра-

нее, сегодня преодолена иллюзия о возможности представить культуру «как целое». При сравнении культур и субкультур всегда выбираются какие-то характеристики или их совокупности, которые обосновываются как значимые при типологии объектов в связи с определенной целью.

Ниже будут представлены некоторые из оснований таких типологий, наиболее часто применяющиеся в мировой практике сравнительно-культурных исследований¹. При представлении каждой типологической группы будут даваться пояснения относительно тех задач, для решения которых она наиболее уместна.

Типология по антрополого-философским основаниям

Для понимания культурных различий и изменений значимым показателем является характер ценностных ориентации людей в отношении своего бытия в мире. Они определяются как «сложные, но хорошо организованные... принципы... которые упорядочивают и направляют непрерывающийся поток человеческих действий и мыслей в соответствии с необходимостью решать «обычные» человеческие проблемы»². Такие ценностные ориентации принято считать пусковыми механизмами и направляющими импульсами, векторными детерминантами социальных действий и взаимодействий. Однако здесь они будут рассматриваться как оправдание уже сложившихся зон повышенной социокультурной активности. Клакхон и Стродбек выделили основные универсальные проблемы, с которыми сталкиваются все люди, в соответствии с решением которых формируются существенные отличительные характеристики культур, субкультур и культурных ситуаций, оправдываемые на ценностном уровне.

¹ Gudikunst W. B., Ting Toomy S., Chua E. Culture and Interpersonal Communication. Newbury Park (Calif.) — L. — New Delhi, 1990.

² Kluckhohn F., Strodtbeck F. Valuations in Value Orientations N. Y., 1961.

- Какова природа человека? Ответ на этот вопрос определяет ориентацию на человеческую природу, связанную с исходными допущениями о ней: несет в себе человек начала добра, зла, их сочетания или нейтрален по отношению к ним; изменчива или неизменна его натура. Считается, что выбор из этих альтернатив и определяет отношение людей к себе и друг к другу в изучаемой культуре или субкультуре.
- Какова связь человека с природой и сверхъестественным? Ответ на этот вопрос определяет ориентацию по отношению к окружению: господство над природой, гармония или подчинение ей. Ценность господства над природой подразумевает бесконтрольное использование людьми ее сил и ресурсов на пользу только себе. За ценностью гармонии с природой стоит представление о нераздельности человека с ней и со сверхъестественным. Подчиненность природе означает веру в то, что контролировать ее невозможно.
- Каков временной фокус человеческой жизни? Ответ на этот вопрос определяет временную ориентацию людей. Она может проявляться в формах ценности прошлого, настоящего или будущего. Культурная система, где высока ценность традиционных ее характеристик, определяется как ориентированная в прошлое. Ориентация на настоящее характеризует системы, где решения принимаются на основе оценки текущих нужд и не обосновываются традицией или идеей будущего блага. Обращенность в будущее доминирует в системах с высокой ценностью изменений.
- Какова модальность человеческой активности? Ответ на этот вопрос определяет ориентацию на тип активности, на самовыражение в действии. Бытие предполагает относительно пассивное пребывание в окружении. Становление означает ориентированность личности на соб-

ственное развитие. Преобразование связано со стремлением изменить окружение с целью достичь определенного результата.

- Какова модальность отношений между людьми? Ответ на этот вопрос определяет ориентацию людей на тип отношений друг с другом. Ориентация на согласие порождает стремление к дружественности, социабельности. Ориентация на нейтральные отношения предполагает слабые социальные связи, носящие в основном функциональный, ролевой характер. Ориентация на соперничество создает высокую напряженность в отношениях между людьми, высокую вероятность агрессивных импульсов и их проявлений.

Авторы считают, что эти вопросы являются общими для всех культур. Ответы же на них зависят от жизненных обстоятельств, от интересов и запросов различных членов общества, от природных и социокультурных ресурсов¹. Соответственно содержание ответов позволит исследователю понять ценностные основания морального кодекса исследуемого сообщества, характер и направленность наиболее активных зон социокультурного взаимодействия, а также то, как и чем люди оправдывают эту активность.

Типология по основанию социального действия

В свое время Т. Парсонс выделил измерения, которые, по его мнению, в необходимой полноте позволяли определить конфигурацию социального взаимодействия. Эти измерения были названы «переменными формами взаимодействия» и определялись как «дихотомия, одно из значений которой актор (субъект действия) выбирает, перед тем как определить ситуацию и начать действовать в ней»².

¹ Kluckhohn F., Strodtbeck F. *Valuations in Value Orientations*. P. 11.

² Parsons T., Shils E. *Toward a General Theory of Action*. Cambridge (Mass.), 1951. P. 77.

Эмоциональность — эмоциональная нейтральность определяет нормативные рамки, либо позволяющие индивиду стремиться к непосредственному вознаграждению, либо ограничивающие это стремление.

Предписанность — достижение определяет то, как актер будет относиться к другой стороне взаимодействия. Следование культурному образцу предписанности означает, что человек должен более ценить качества, которыми обладает другой человек или объект, чем результативность их функционирования. Норма достижения, напротив, требует от человека отдавать приоритет эффективности действий другого по сравнению с его свойствами.

Универсализм — партикуляризм относится к способу категоризации людей и объектов. Универсалистская ориентация побуждает актора соотносить элементы окружения с обобщенными категориями, стандартизировать их. Партикуляристская ориентация означает, что люди рассматривают их как ситуативные, своеобразные, уникальные.

Специфичность — диффузность определяет характер реакции людей на окружение. Ориентация на целостность окружения, ситуации, события, на их нерасчлененное восприятие связывается со следованием диффузному образцу отношения к реальности. Когда человек реагирует на аспекты ситуации или ее элементов, можно говорить о превалировании специфичности реакций.

Оценка культур и социокультурных ситуаций в этих терминах позволяет исследователю увидеть, как здесь принято организовывать социальные взаимодействия и на что они ориентированы: на решение задачи, связанной с улучшением качества жизни, или на воспроизведение существующих отношений. При таком подходе высвечивается также технология взаимодействия и становится понятным, основана она на рациональных принципах или действия участников ситуативно обуславливают друг друга.

■ Типология по основанию форм построения суждений

Культуры, субкультуры, культурные ситуации можно различать по используемым в них преимущественным формам построения суждений в этом отношении. Принято выделять две основные шкалы: «абстрактность — ассоциативность» и «универсализм — партикуляризм».

Когда знание приобретает в непосредственном опыте взаимодействия с окружением, оно носит ассоциативный характер. Когда мысль кодифицирована в точные значения, речь идет об абстракции. Ассоциативные формы обычно синкретичны, диффузны, неопределенны и ригидны, тогда как абстрактные характеризуются дискретностью, артикулированностью, определенностью и подвижностью. «Ассоциативные рассуждения отличаются «спорностью» отношений между информационными единицами. Абстрактные отмечены: (1) определением информации, имеющей отношение к данной ситуации, и (2) определением связей между информационными единицами... Первоначальная стадия познания характеризуется ассоциативностью. Абстрагирование появляется на первой стадии организации знания»¹. При ассоциативных построениях новая информация интегрируется в имеющееся знание с большим трудом.

Универсализм позволяет видеть мир через концептуализации, отражающиеся в определениях слов. При такой переработке информации значимыми являются обобщения и генерализованные категории, абстракции. Партикуляризм, напротив, акцентирует специфичное; ему свойственна ассоциативность, внимание к индивидуальным характеристикам. Партикуляристская переработка информации начинается с непосредственных наблюдений, из которых затем извлекаются обобщения, тогда как универсалистская начинается с широких категорий и связана с определением того, в какой степени наблюдения соответствуют категориям.

¹ Glenn E. Man and Mankind. Norwood (N. Y.), 1981. P. 57.

Эти типы переработки информации зафиксированы в категориях индуктивного и дедуктивного способов познания. Обычно универсализм и абстрагирование, с одной стороны, и партикуляризм и ассоциативность — с другой, встречаются совместно.

Универсалистские формы рассуждений доминируют в культурах, где толерантность к неопределенности низка; партикуляристские — в культурах, где проявляется терпимость к неопределенности. Партикуляризм тесно связан с вероятностью, а универсализм — с тенденцией к абсолютизации.

Такая типология используется для выявления оснований выработки решений на уровне рассматриваемого объекта. В результате становится понятным, как происходит определение ситуации, как отбирается информация и какого качества, наконец, какой характер будет носить принимаемое решение.

■ Типология по шкале «индивидуализм—коллективизм»

По этому измерению культуры различаются следующим образом. В отношении идентичности в индивидуалистических культурах принято полагаться на себя и заботиться только о себе и своей семье; акцентировать индивидуальные достижения и инициативу; пользоваться универсалистскими (приложимыми ко всем) критериями оценки; иными словами, в стандартных ситуациях опираться на «я»-идентичность. В коллективистских культурах люди полагаются на свою принадлежность к группам, на поддержку других в обмен на лояльность; они подчиняют социальным стандартам индивидуальную инициативу; используют различные оценочные критерии по отношению к членам своей и чужих групп; иными словами, здесь активно используется «мы»-идентификация. В формировании отношений с другими члены коллективистских культур ориентируются на внутригрупповые связи, тогда как в индивидуалистических культурах этого не наблюдается. И хотя в их рамках индивиды, как правило, принадлежат ко многим различным группам, они не зави-

сят от этой принадлежности в той мере, в какой члены коллективистских культур зависят от своей ограниченной групповой принадлежности. В то же время в коллективистских культурах межгрупповые различия воспринимаются и проявляются острее, чем в индивидуалистических.

Рассмотрение культур или субкультур с этой точки зрения позволяет выявить природу социальных связей в сообществе, источники, возможности и последствия проявления динамических импульсов. В этом случае становится также понятной природа возникающих здесь напряжений и конфликтов.

Зависимость от контекста как основание типологии

На таком основании выстраивается шкала, на одном полюсе которой высокая, а на другом низкая контекстуальная зависимость. Высокая степень зависимости характеризует культуры, субкультуры, ситуации, в которых большая часть информации, которую используют люди, содержится в предметно-физических и интраиндивидуальных (внутриличностных) формах. И совсем небольшая ее часть представлена в виде закодированных, эксплицитных (явно сформулированных), транслируемых сообщений¹. Низкая степень зависимости характеризует культуры и культурные ситуации, в которых основная часть информации представлена в кодифицированном виде. «В высококонтекстуальных культурах проводится более жесткое различие между «своими» и «чужими», чем в низкоконтекстуальных. В первых люди склонны больше ожидать друг от друга, чем во вторых. При разговоре на волнующую тему представитель высококонтекстуальной культуры ожидает от собеседника полного понимания и поэтому считает ненужными разъяснения и детали. В результате он «ходит кругами», нагромождая детали, но не называя основного предмета разговора. Определение этого ключевого элемента относит-

¹ Hall E. T. *Beyond Culture*. N. Y., 1976. P. 79.

ся к роли его собеседника»¹. Низкоконтекстуальный тип культуры или коммуникативной ситуации оставляет весьма незначительное место для культивации неопределенности и предполагает четкие и прямые высказывания. Для него характерны требования «пояснить, что имеется в виду», «не ходить вокруг да около», «приступать прямо к делу»².

При таком подходе исследовательский акцент помещается на формах и качестве информационного обмена между людьми. Появляется возможность определить культурно ценные источники сведений об окружении, способы их использования, структурные и содержательные аспекты коммуникативных процессов.

Следующие измерения предложены Дж. Хофстедом³.

■ Толерантность к неопределенности

По сравнению с культурами с высокой толерантностью к неопределенности, культуры с низким соответствующим показателем характеризуются нетерпимостью к двусмысленности, подтекстам, намекам, что проявляется в повышенной тревожности и активности в ответ на них, большей приверженности правилам и абсолютной истине⁴. Здесь люди предпочитают избегать агрессивных проявлений и конфликтов, хотя правомерность такого поведения признается. Важное место в таких культурах принадлежит консенсусу, и соответственно отклоняющееся поведение считается недопустимым. В культурах с высокой толерантностью к неопределенности уровни стресса и действенности «суперэго» (идеологических норм) ниже, а терпимость

¹ Hall E. T. *Beyond Culture*. N. Y., 1976. P. 98

² Levine D. *The Flight from Ambiguity*. Chicago, 1985. P. 25.

³ Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills (Cal.), 1980; Idem. *Dimensions of national Cultures in fifty countries and three regions // Explications in Cross-Cultural Psychology*. Deregowski J., Dzuierawiec S., Annis R. (eds.). Lisse, 1983.

⁴ Hofstede G. *Value systems in forty countries // Cross-Cultural Contributions to Psychology*. Eckensberger L., Lonner W., Poortinea Y. (eds.). Lisse, 1979. P. 395.

к расхождению во мнениях и стремление к риску выше, чем в культурах другого типа. Эмоциональные проявления более характерны для вторых, чем для первых.

Рассмотрение культурных единиц с этой точки зрения позволяет проследить наиболее распространенные здесь точки психических напряжений и культурно установленных их регуляторов. Становятся доступными для анализа основные побудительные мотивы поведения в ситуациях принятия решения и риска, направление и характер ожидаемой активности.

Дистанция власти

Эта переменная определяется «степенью, в какой наименее могущественные члены институтов и организаций считают, что власть распределена несправедливо»¹. В культурах с большой дистанцией власти последняя рассматривается как фундаментальная, принудительная и референтная составляющая общества, тогда как в другом типе культур власть признается только в легитимизированной форме и используется в ее экспертной функции. В первом типе культур конформность и авторитарность представляют большую ценность, чем во втором. В первом типе культур основой свободы считается уважение к индивиду и равенство; во втором — такт, услужливость и богатство. В первом типе культур с идеей богатства ассоциируются счастье, благополучие, любовь. Во втором — источниками богатства считаются наследство, хитрость, воровство.

Изучение культурной единицы в терминах этой переменной наиболее отвечает задачам, связанным с политической жизнью людей. В этом случае проясняются культурные аспекты формирования «политий» (единиц политической активности) и направления их деятельности. Становятся доступными для наблюдения и интерпретации опасения и поведение политических элит. Более понятными оказываются структуры массовой политической активности и стоящие за ними побуждения.

¹ Hofstede G., Wond M. Horstede's culture dimensions: An independent validation using Rokeach's value survey // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1984. № 15. P. 419.

■ Мужественность – женственность

Высокая степень мужественности в культуре предполагает приоритетную ценность вещей, власти, уверенности, тогда как с женственностью ассоциируются ценности человечности, качества жизни, заботливости. В первом типе культур подчеркивается дифференциация гендерных ролей, представительность, амбиции, независимость. Во втором — различия в гендерных ролях размыты, ценятся услуги и взаимозависимость.

При таком основании культурной типологии выявляется потенциал активности культурной единицы по отношению к окружению. Оценивается мера экспансионистских устремлений ее лидеров и вероятность того, что они будут поддержаны большинством. Появляется также возможность определить выраженность ориентации на поиски и создание нового в культуре, а также на те ее области, где такие поиски могут быть наиболее интенсивными.

Разумеется, представленные выше основания для типологии культур, культурных единиц, не являются исчерпывающими. Возможны и другие. В данном случае хотелось показать взаимосвязь между типом решаемой исследовательской задачи и основными параметрами, выбираемыми для характеристики объекта. Совершенно очевидно, что в исследовании социокультурных процессов можно использовать не один, а несколько наборов типологических оснований. Это, безусловно, будет способствовать углублению формулируемых гипотез и уточнению интерпретаций полученных данных. В то же время добавление каждого нового параметра делает исследование более громоздким, поскольку любой из них состоит не из одного, но из совокупности показателей, которые не так-то просто отследить, особенно, если помнить, что речь идет о динамических, то есть имеющих временное измерение наблюдениях. В заключение следует еще раз подчеркнуть, что ни одна из предложенных и широко используемых в мировой научной практике типологий культур не является ни абсолютной, ни характеризующей культуру «в целом». Речь идет об относительных, от-

дельных, хотя и важных устойчивых наборах культурных черт, значимость которых для динамики социокультурной жизни может быть выявлена и оценена в сопоставлении с другими культурными единицами.

■ Новые акценты в изучении социокультурной динамики

Представленные выше ориентиры в познании социокультурных процессов не следует рассматривать как сложившиеся исследовательские направления, подобные структурализму, структурному функционализму, эволюционизму и т. п. Это не более чем показательные примеры возможных подходов к изучению неструктурированных, подвижных, неопределенных областей социокультурной реальности. Пока не зафиксированы даже концептуальные «места» таких областей. Например, идея децентрированного пространства представлена здесь метафорой номадической его детерриториализованности и ризомной динамики. Эти концепции обращены к тем областям исследования, которые можно считать находящимися между установившимися культурными порядками, либо между освоенным и неосвоенным людьми. Представление о вероятностной природе моральных норм является иллюстрацией существования зон неопределенности внутри культурных порядков, в данном случае нормативных. Важность темы такого рода особенно велика в связи с традиционным отношением к устойчивым культурным образованиям как к инвариантам.

Из всего сказанного в этой главе следует, что на самом деле в среде исследователей культуры уже сложились некоторые общие представления о характере реальности, с которой им приходится иметь дело. Правда, пока такие представления носят более «импрессионистский», нежели теоретический характер. Они являются скорее отображением внутриличностных переживаний, а не продуктом интерсубъективной рационализованной рефлексии. Именно поэтому здесь метафора, образ радикально преобладают над концеп-

том и теоретической моделью. Именно поэтому здесь очень четко обозначено авторство и язык изложения индивидуализирован. Иными словами, существует некоторое общее для ряда ученых ощущение новой познавательной области, но пока не сложился общий язык для ее описания и не выработана конвенция относительно ее границ и внутренней формы.

И все же за многообразием выразительных средств, предлагаемых различными авторами, проглядывают некоторые общие очертания этой области и намечаются основные подходы к ее изучению. Показать такую общность и было целью данной главы.

Познавательные задачи, формирующиеся в представленных поисковых рамках, были сформулированы при изложении материала. Следует подчеркнуть, что подходы к их решению только складываются, причем пока лишь на описательном образном уровне. Тем не менее следует еще раз обозначить эти задачи.

Во-первых, исследователей, отказавшихся от идей классического монизма, интересует, как возможно «нормальное» существование плюрального, не системного, не целостного человеческого мира. Совершенно очевидно, что для этого нужны новые исходные допущения о природе социокультурной реальности, часть которых будет сочетаться с прежними по принципу дополнительности (например, относительность понятий «структура» и «процесс»), а часть вытеснит некоторые из предшествующих (например, представление о тотальной системности социокультурной жизни). Необходимо также разработка нового терминологического языка, описывающего представление, для которых в предыдущей парадигме не было места. Примерами такой необходимости могут служить заимствование термина «ризомы» для обозначения динамических процессов вероятностного, многомерного, неоднонаправленного характера; или же концепция маргинального социокультурного пространства, существующего между определенными культурными порядками, на границах освоенного и неосвоенного. Следует также ожидать широкого заимствования терминологии из других научных дисциплин и их интерпретации применитель-

но к культурно-антропологическим задачам. Примерами могут служить понятие маргинальной полезности, заимствованное из экономики, или социокультурных сетей, перенесенное из области технических наук.

Во-вторых, возникла настоятельная необходимость построения моделей многомерного анализа социокультурных процессов. Как было показано на примере символических объектов, каждый из них не может рассматриваться как «единое целое», если поместить его в пространство социокультурной коммуникации. Символ оказывается в этом случае многослойным объектом, и каждый слой выполняет свою специфичную функцию. При более детальном рассмотрении практически любой культурный объект, социокультурный порядок, любое социальное взаимодействие начинают представляться как неоднородные. Формируется также представление о разноплановости человеческой личности, поскольку ее концепция как единой целостности утратила свою эвристическую ценность. Соответственно перед исследователями, принадлежащими к нетрадиционному направлению социально- и культурно-антропологических исследований, стоит задача построения теоретических моделей поведения многомерных подвижных единиц (личность, группа, область культуры) в многомерном подвижном окружении.

В-третьих, особую важность сегодня приобретает детальное изучение микроизменений, происходящих в обществе и культуре, а также нестационарных объектов. Долгое время в исследованиях такого рода доминировал интерес к истории человеческого рода и выявлению в нем «традиционных процессов и выдающихся событий». При этом динамика повседневной жизни оставалась за пределами специального внимания исследователей, которые так же мало интересовались нестационарными, неустойчивыми социокультурными феноменами. Тем не менее постепенно в социальной и культурной антропологии начало формироваться представление о том, что изучение микродинамики культуры позволяет увидеть процессы порождения и распада различного рода социокультурных единиц. Более того, подобное знание позволяет более достоверно судить о природе социокультур-

ных изменений, чем спекулятивные исторические реконструкции. Иными словами, сейчас меняется временная шкала в исследовании динамики общества и культуры и историческая перспектива дополняется изучением изменений в тех пределах, которые до сих пор относятся к области «синхронных» событий, то есть измеряемых годами и десятилетиями.

Обобщая сказанное выше, следует еще раз подчеркнуть, что примерно с середины 60-х гг. XX в. происходит поворот в изучении общества и культуры, характеризующийся иными по сравнению с классической парадигмой измерениями в изучении социокультурной реальности.

Выводы

1. Смена познавательных парадигм в социальных науках предполагает изменение взгляда на построение типологии культур. Отказ от идеи изоморфизма при трактовке отношений между теорией и реальностью меняет точку зрения на основания типологии культур. Их различия оцениваются с точки зрения содержания проблемы, для решения которой строится типология. Далее, признание значимости «позиции наблюдателя» в отношении выбора предмета и объекта исследования снимает вопрос о классификации культур «самих по себе», каковыми они являются «на самом деле». Исследователь всегда выбирает основания для сравнения сходств и различий, и таких оснований может быть несколько. Наконец, преодоление *реификации* категории «культура» рассеяло иллюзию о возможности представить культуру «как целое». Типологии всегда осуществляются по набору показателей, соответствующих предпочтению исследователя. Далее выделяются общие принципы выделения оснований, наиболее часто встречающиеся сегодня при классификациях культур.
2. Типология по антрополого-философским основаниям предполагает выявление универсальных проблем, с которыми сталкиваются люди, и их трактовок в различных социокультурных группах и субкульту-

- рах. Соответственно, эти данные характеризуют ценностные основания морального кодекса сравниваемых сообществ, способы оправдания их членами своих привычек и поступков.
3. Типология по основанию социального действия связана с принципами организации взаимодействия и коммуникации в сообществах. При таком подходе их сравнение выявляет экономическую ориентированность этих процессов и типы технологий, используемых при их осуществлении.
 4. Типология по основанию форм построения суждений связана с их расположением и сравнением в системе координат, образуемой осями «абстрактность — ассоциативность» и «универсальность — партикуляризм». Такая типология используется для сравнения принципов определения ситуации, отбора информации и ее организации в случаях принятия решений в различных обществах.
 5. Типология по шкале «индивидуализм — коллективизм» используется при сравнении оснований построения социальных отношений в сообществе и имеет целью определение характерных для разных сообществ источников напряжений и конфликтов.
 6. Зависимость от контекста принимается в качестве основания для типологии в случаях, когда речь идет о степени определенности информации в типичных коммуникативных ситуациях. В этом случае сообщества сравниваются по предпочитаемым источникам сведений об окружении, способам их использования, структурным и содержательным аспектам коммуникативных процессов.
 7. Толерантность к неопределенности становится типологическим основанием при сравнении культурных единиц с целью выявления побудительных мотивов поведения в ситуациях принятия решений и риска.
 8. Типология по основанию «дистанция власти» основывается на сравнении обществ с точки зрения политической культуры: меры участия членов общества в принятии социально значимых решений и влияния государства на социокультурные про-

цессы. Соответственно, становятся доступными для наблюдения структуры поведения представителей политических элит и массовых политических движений и стоящих за ними побуждений.

9. Измерение «мужественность — женственность» позволяет типологизировать определенные культурные единицы с точки зрения форм и интенсивности их активности по отношению к окружению. При этом появляется возможность определить выраженность ориентации на инновационность и на те области культуры, где она проявляется наиболее интенсивно.
10. Культурные единицы могут быть типологизированы по этим или иным основаниям, по каждому в отдельности или по всем вместе — в зависимости от характера исследовательской задачи. Однако следует подчеркнуть, что ни одна из типологий не является ни абсолютной, ни характеризующей культуру «в целом»

Контрольные вопросы

1. Что обусловило изменения познавательных ориентаций в исследовании человека, общества и культуры?
2. Как изменилась концепция общества и культуры?
3. Каков образ человека в социокультурном окружении в идеологии постмодерна?
4. Что в познавательном отношении дает концепция расщепленной личности в децентрализованном пространстве?
5. Какие познавательные возможности открываются при изучении динамики устойчивых социокультурных образований?
6. Какие новые объекты, остававшиеся за пределами классической социально-научной парадигмы, вошли в круг интересов сторонников постмодерна, и какие познавательные возможности при этом открываются?
7. Каковы основные направления изучения динамики общества и культуры с позиций постмодерна?
8. Попробуйте с позиций постмодерна рассмотреть любую классическую задачу.

■ Заключение

Эта книга не случайно завершается краткой главой, касающейся типологии культур. Не случайно также глава помещена в разделе, целиком посвященном постмодерну как особому стилю познания. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в настоящее время подход к типологии культур существенным образом отличается от того, что господствовал в рамках предшествующей познавательной парадигмы. В этом отношении хотелось бы отметить два основных момента.

Во-первых, беглое, достаточно поверхностное перечисление оснований для типологий культур и субкультур свидетельствует о том, что здесь полностью отсутствуют классические претензии на представленность единиц классификации в их целостности и онтологичности. Краткие пояснения к совокупностям типологических оснований указывают, для решения каких исследовательских задач выбирается каждая из них. Приведенные в тексте концептуальные порядки в принципе не оценочны. Это не только не «дикость — варварство — цивилизация» классического эволюционизма, но даже и не «традиционализм — модернизованность» структурного функционализма и неозволюционизма 1960-х гг. Каждый из наборов оснований представляет характерную для определенного типа культуры совокупность черт, совершенно осознанно относимую к выделенному аспекту ее рассмотрения без всякой претензии на то, чтобы представить ее как «единое целое».

Более того, каждая из изучаемых культур, как видно из сказанного, может классифицироваться не по одному, а по нескольким наборам оснований. И если речь идет о сравнении культур, то возможно, что в зависимости от оснований они могут попадать и в разные, и в один и тот же класс. Такой подход освобождает исследователя от необходимости оценивать культуры в целом по шкале «лучше — хуже», «выше — ниже», «более развитая — менее развитая». Шкалируется представленность определенных черт, которые нередуцируемы друг к другу и являются независимыми измерениями. Поэтому в соответствии с решаемой задачей можно составлять бóльшие или меньшие наборы параметров и представлять культуры с разной степенью подробности. А поскольку цель представить культуру «как целое» и «как она есть» в данном случае не ставится, критерием оценки качества исследования является не полнота ее представленности, но точное соответствие выбранного классификационного основания и эмпирических показателей характеру решаемой задачи.

Во-вторых, этот подход к типологии культур предполагает обращение не к одной, но к нескольким теориям. Так, типология по антрополого-философским основаниям содержит в себе функционалистские начала. Зависимость от контекста определяется совокупностью социобиологических, психоантропологических и функционалистских идей. То же можно сказать о любом из приведенных измерений.

Совершенно очевидно, что в данном случае доминирует проблемная ориентация (о ней уже говорилось ранее), при которой в качестве познавательного инструмента принимается не какая-то одна теоретическая ориентация, но набор оснований, заимствованных сразу из нескольких. Такая исследовательская позиция иногда называется «программным эклектизмом», и в современной познавательной ситуации она имеет большой смысл.

Когда теоретические средства применяются к решению какой-либо социокультурной проблемы (например, почему во всем мире уменьшается популяция, почему рост преступности приобрел глобальные масштабы)

табы, почему межкультурные контакты в одних ситуациях ведут к увеличению степени взаимной толерантности, а в других — взаимной неприязни и т. п.), ее нельзя решить в рамках какой-то отдельной теории. Постановка и формулирование такого рода проблем всегда многоаспектны, поскольку при описании каждой из них необходимо выделить: внешние условия ее возникновения, то есть дать ее историко-культурное определение; внутреннее распределение функций участников ситуации и структуры их взаимодействия, то есть описать ее в структурно-функциональных терминах; определение ситуации ее участниками и внешними влиятельными агентами, то есть определить ее семантику и т. п. Соответственно, чтобы описать проблемную ситуацию, необходимо представить ее с различных теоретических позиций, отражающих основные, важные для исследования измерения.

Многомерным является не только описание, но и анализ соответствующих процессов. Как известно, социально значимые проблемные ситуации представляют собой локусы наибольшей вероятности изменений в обществе и культуре. Это могут быть изменения на символическом уровне, когда старые культурные формы обозначаются по-новому или новые — по-старому, когда переоцениваются ценности или вводится в оборот новая лексика и т. п. Речь может идти о функциональных изменениях, когда в рамках относительно устойчивой структуры происходит либо формирование функций, дополнительных к уже существующим, либо их вариативное расширение, либо сворачивание тех, что по каким-то причинам утрачивают свою «жизнеспособность». Наконец, возможны структурные изменения, которые могут привести к смене состояний, к кризису и даже к деконструкции социокультурной системы.

Совершенно очевидно, что каждый из уровней изменений предполагает соответствующую аналитическую модель. Так, в первом случае набор исходных теоретических представлений может быть составлен из психоантропологических (когнитивистских), структуралистских и теоретико-коммуникативных компонент. Во

втором случае наиболее полезными становятся структурно-функционалистские модели (особенно модель социального действия), а также коммуникационные построения (в частности, модель социального обмена). Наконец, третий случай предполагает обращение к эволюционистским концепциям масштабного социокультурного изменения, структурно-функциональным идеям социокультурной дифференциации и описанию структур обмена информацией с позиций теории социальной коммуникации. Разумеется, речь идет всего лишь о схемах подходов к решению выделенных классов проблем. По ходу самих решений набор исследовательских теоретических инструментов может расширяться. Просто хотелось подчеркнуть, что сегодня вряд ли возможно решение какой-либо социально- или культурно-антропологической проблемы в рамках единого теоретического подхода. Соответственно исследователь должен владеть всеми, дабы комбинировать их в целостные модели, отвечающие содержанию решаемой проблемы.

В связи с этим встает важный вопрос методологического характера. Каждому из представленных здесь социально- и культурно-антропологических направлений, как следует из всего сказанного выше, присущ не только свой ракурс рассмотрения общества и культуры, но и специфичный терминологический язык. Речь идет отнюдь не о том, что одни и те же вещи называются по-разному. Совершенно очевидно, что в рамках каждого из них находит отражение особый уровень социально-культурной реальности. Так, структуралистские и психоантропологические когнитивистские модели описывают процессы порождения артефактов. Структурный функционализм и теория коммуникации предназначены для описания того, что происходит с ними в ходе социальных обменов между членами общества, институтами, социальными классами и другими культурными единицами. Наконец, теории культурной эволюции и волнообразных социокультурных изменений описывают интегральные изменения целых классов артефактов в обществе и культуре, а то и в глобальных масштабах, исторического характера.

Если речь идет о полном динамическом исследовании, где необходимо проследить весь путь изменения или весь ход процесса с момента зарождения до какого-то определенного другого момента времени, исследователю необходимо рассмотреть изучаемые феномены на всех трех уровнях: зарождение — взаимодействие с окружением; распространение — коммуникативные сети; динамика — механизмы традиции и структурной трансформации (при определенной форме процесса). Необходимо четко отрефлексировать точки перехода от одного уровня анализа к другому и обозначить происходящую в них смену исследовательского объекта и соответствующего ему концептуального «языка» (включая терминологию). В противном случае задача окажется неразрешимой или ее решение будет ложным, поскольку, как показывает исследовательский опыт, закономерности, полученные на одном уровне рассмотрения социокультурных процессов (например, структуралистская концепция порождения знаков и символов), не могут быть прямо перенесены на другой (обмен этими знаками и символами в коммуникативных процессах). Следовательно, адекватное исследование социокультурной динамики предполагает владение навыками разноуровневого анализа и перехода от одной теоретической модели к другой.

Современное изучение социокультурных процессов — это новая, интересная и перспективная область научного познания. Она только складывается и потому человек, стремящийся к новому, необычному взгляду на мир, человек с пытливым умом и обостренной чувствительностью к изменчивому, человек, желающий сам участвовать в преобразованиях искусственного мира, найдет в этой области обширное поле для применения своих усилий.

■ Глоссарий

Автономия функциональная — мера независимости компоненты социальной системы от нормативно предписанных функций; в отношении индивида обусловлена его принадлежностью к различным социокультурным группам с неодинаковыми нормами, с одной стороны, и зонами свободного выбора, остающимися в рамках любого нормативного установления, — с другой.

Агрессивность — тип поведения, обычно проявляющийся в ситуациях конкуренции, который связан с возможным нанесением повреждений сопернику, а также с установлением определенного иерархического статуса, превосходства, получением доступа или права в отношении определенной территории. Может принимать форму насилия.

Адаптация социокультурная — активный способ взаимодействия человека с окружением, в ходе которого человек как приспосабливается к нему, так и приспосабливает его элементы к своим нуждам; в результате формируется жизненная среда, характеризующаяся относительно высокой степенью устойчивости и предсказуемости.

Актор — обозначение активных сторон взаимодействия; человек, совершающий действия в процессе взаимодействия.

Альтруизм — тип поведения, не столько удовлетворяющий интересы особи, сколько способствующий поддержанию целостности группы. Оно не приносит пользы своему обладателю и даже может быть ему во вред. Альтруистическое поведение приводит к росту приспособленности другого индивида или группы за счет того, кто его проявляет.

Антропология культурная (социальная), этнология — область социальнонаучного познания, связанная с изучением содержания совместной жизни людей с точки зрения

обусловленности их взаимодействия и коммуникаций, порождения артефактов и обмена ими в этих процессах. Первоначально относилась к бесписьменным обществам и макроисторическим реконструкциям; в настоящее время используется при изучении современной социокультурной жизни, и в этом контексте происходит ее сближение с социологией.

Антропология психологическая — область антропологии, в рамках которой изучается, каким образом индивидум приобретает культурные навыки, культурную компетентность и как происходит обмен культурной информацией в процессах социального взаимодействия. Поскольку психологическая антропология связана с исследованием специфики именно человеческого взаимодействия и коммуникации, она объединяет элементы биологии, психологии, психиатрии, социологии, лингвистики, а также этологии. На этой базе осуществляется как отбор, так и интерпретация данных.

Антропология экологическая — направление постэволюционизма, для которого характерно комплексное, системное изучение механизмов, структур, результатов и последствий взаимодействий людей с их природным и искусственным окружением, закономерных связей между физическими и социокультурными переменными. Основное внимание в исследованиях уделяется адаптационным механизмам в отношениях людей с окружением; энергетическому обмену между обществом и средой; сравнительно-культурному анализу эволюционных универсалий.

Артефакт (искусственный объект) — искусственные единицы, создаваемые людьми в процессах взаимодействия и коммуникации для целей социокультурной адаптации (удовлетворения потребностей, интересов, запросов; установления и поддержания отношений с окружением; формирования и изменения жизненной среды). Артефакты можно разделить на следующие категории: вещи, идеи и образы, технологии, нормативные образования, ценностные критерии.

Вариация культурная — тип изменчивости культурных феноменов, не затрагивающий основных принятых в обществе принципов формообразования, предусматриваемых такими организационными началами, как художественный стиль, познавательная парадигма.

Взаимность (взаимодополнительность) — отношения между сторонами взаимодействия, при которой права одной из них составляют обязанности другой.

Взаимодействие социальное — объединение усилий, обмен действиями, специально организованные для изменений в физическом или социальном окружении.

Волны (циклы) социокультурные — представления о волнообразных (повторяющихся или обратимых) процессах в исследованиях общества и культуры можно разделить на два типа. Во-первых, гуманитарные, где под циклом подразумевается констатация того, что определенные крупномасштабные социокультурные единицы имеют фиксированную последовательность стадий или состояний без указания на время или обязательность их повторения. Во-вторых, социально-научные, где волнообразная форма применяется для описания смены общих подъемов и спадов, ускорений и замедлений, упрощений и усложнений значений определенных переменных, составляющих социальную систему.

Действие — элементарная единица активности, представленная через цели, средства и условия. В рамках функционализма ее целесообразно рассматривать в качестве производной типичных ситуаций социального взаимодействия.

Деконструкция — процедура разъятия на части того, что представлялось как единая целостность; рефлексия к парадигматическим основаниям с целью проверить их на взаимную совместимость.

Децентрирование — представление о множественности культурных порядков в обществе, не имеющих иерархической соподчиненности, рассматриваемых как равнозначные.

Деятельность — систематическим образом организованная активность, направленная на выполнение определенной функции, получение заранее известного результата. Процесс, составленный из соединения последовательных действий.

Динамика социокультурная — категория, обозначающая совокупность разнородных изменений и процессов, происходящих в обществе и культуре с выделением их тенденций и движущих сил.

Дистанция межличностная — в процессах взаимодействия и коммуникации мера интенсивности контактов участников. Определяется взаимосвязью измерений индивидуальности / коллективности и доступности / недоступности. Она контролируется механизмами регулирования приватности, межличностного пространства и тактильных контактов.

Дифференциация социокультурная — понятие, которое в статическом смысле означает внутреннюю расчленен-

ность социальной системы, а в динамическом — процесс формирования в рамках системы новых структурных и функциональных единиц.

Диффузия культурная — распространение культурных черт от одной культуры к другой путем добровольного заимствования или принуждения.

Дополнительность — отношения между сторонами взаимодействия, при которых каждая имеет свои права и обязанности.

Знак — конвенционально принятый артефакт, используемый в качестве заместителя реального объекта, модель, обозначающая его функциональные характеристики, репрезентирующая этот объект и задающая программу действий и поведения его истолкованию. Согласно Ч. Моррису, знак следует рассматривать в трех аспектах: прагматика (отношение знака к интерпретатору), семантика (отношение знака к обозначаемому), синтактика (формальные отношения знаков между собой).

Значение — социально кодифицированная, функциональная связь между обозначаемым и обозначающим, знаком и референтом, устанавливающаяся в процессах коммуникации и сохраняющаяся относительно постоянной в сходных социокультурных ситуациях. Ч. Моррис выделяет атрибутивные свойства значения знака: *делигнативное* (указывающее на предмет, несущее чисто информативную нагрузку), оценочное (указывающее на рейтинг обозначаемого среди других, ему подобных), прескриптивное (предписывающее направление действий в ситуации). По функциональным характеристикам значения принято относить к одной из следующих категорий: сигнификативные (отношение знака к сигнификатам, или «сохранению понятий»), денотативные (отношение знака к обозначаемой вещи, референту); ситуативные (относящиеся к интерпретации информации в зависимости от контекста употребления знака).

Игра — в социобиологическом смысле особая форма поведения, включающая в себя движения, значимые для других форм поведения (агрессия, перемещения, секс и т. д.), но не вызывающая у наблюдателя впечатления, что действия совершаются «всерьез» и для действительной реализации соответствующих базовых функций.

Идентичность — представление индивида о себе и представление о нем других, определяющее его самоидентичность в различных социокультурных ситуациях и группах.

Изменения эволюционные — изменения, обуславливающие эволюционную форму исторического процесса. Их мож-

но разделить на два основных типа. Во-первых, вариации, под которыми понимается тип динамических процессов, не выходящих за границы установившихся параметров системы и не меняющих их конфигурации. Во-вторых, структурные изменения, предполагающие смену конфигурации параметров или порождение новых переменных, определяющих установившиеся связи социокультурной системы с окружением.

Инкультурация — освоение индивидом традиционных способов мышления и действий, характерных для культуры, приобретение навыков овладения своим телом и элементами непосредственной жизненной среды. Продолжается всю жизнь.

Институт социальный (культурный) — устойчивая социокультурная форма, с помощью которой люди включаются в социальную жизнь, приспосабливаются к ней и поддерживают ее. Каждая такая форма — институт — связывается с решением определенной социальной значимой задачи, удовлетворением конкретной базовой потребности, с осуществлением групповых интересов. Институт имеет структуру, т. е. упорядоченность функционирования, зафиксированную в нормах.

Интеграция социокультурная — понятие, которое в статическом смысле означает отношения между компонентами системы, построенные по принципу дополнительности или взаимодополнительности, а в динамическом — процесс объединения отдельных единиц в целостную систему.

Коммуникация — обмен информацией, значимой для контроля над изменениями социального взаимодействия или обсуждения на символическом уровне возможных направлений активности, связанных с изменением, сохранением или компенсацией действия значимых ситуативных факторов.

Компетентность лингвистическая — коммуникативная характеристика, определяющая меру владения языком в процессах обмена информацией, согласно следующим параметрам: правильность — соответствие высказывания признанным в культуре грамматическим правилам; реализуемость — способность контролировать размер и смысловую глубину грамматически правильных высказываний; приемлемость — соответствие высказывания конкретной социокультурной ситуации; встречаемость — частота, вероятность употребления языковой единицы. Компетентность определяется, с одной стороны, способностями человека, с другой — приобретенными знаниями и навыками.

Контекст культурный — по отношению к событию или факту определяется совокупностью условий их реализации — институциональных, ролевых, ценностных, когнитивных — с одной стороны, и совокупностями выразительных средств, используемых людьми в этих обстоятельствах, — с другой.

Культура — категория, обозначающая содержание совместной жизни людей, представляющее собой биологически не наследуемые, искусственные, созданные людьми объекты — артефакты, а также заученное поведение. Она относится к организованным совокупностям вещей, идей и образов; технологий их изготовления и освоения, оперирования ими; способов регулирования устойчивых связей между людьми; оценочных критериев, используемых в обществе. Это созданный самими людьми искусственный жизненный мир, среда существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и коммуникации.

«Культура и личность» — теоретическое направление психологической антропологии, которое связано с изучением корреляции между психическими и социокультурными закономерностями; процессов освоения культуры, формирования личности, отклонений индивидуального поведения от норм и их коррекции.

Макродинамика социокультурная — уровень изучения социокультурных изменений и процессов, соответствующий масштабам исторического времени, применяется к таким единицам изучения как панкультура (человеческая культура в целом) и цивилизация.

Маргинальность — модальность существования на периферии структурных образований, предполагающая немерное, неструктурированное пространство, состоящее из нецентрированных ризоматичных множеств.

Микродинамика социокультурная — уровень изучения социокультурных процессов, сопоставимых по времени с продолжительностью жизни одного-трех поколений, где прослеживаются их непосредственные сетевые связи; единицами изучения являются субкультуры, а также отдельные культурные черты и темы.

Направление научное — совокупность теорий, имеющих общие основания; предметную область изучения; принципы сбора, анализа и интерпретации информации; границы применимости.

Норма социокультурная — культурный механизм закрепления и контроля в отношении реализации определенных функций, значимых с точки зрения удовлетворения

жизненно важных нужд людей или поддержания совместности их существования. Норма налагает ограничения на желания и претензии людей, делая их социально приемлемыми. Границы налагаются представлениями о требованиях и запросах, допускаяемом и недопустимом, одобряемом и порицаемом поведении. Однако в рамках между одобрениями и порицаниями находится область свободного индивидуального выбора.

Область культуры специализированная — культурная единица микродинамики культуры, характеризующаяся особым культурным кодом, социетальным уровнем институционализации, необходимостью специальной подготовки и профессиональной деятельности.

Обучение — в социобиологическом смысле освоение и использование индивидом адаптационно полезного опыта, которым нельзя объяснить ни процессами развития организма, ни сенсорной адаптацией. Обучение принято подразделять на следующие виды: кратковременное и долговременное запоминание, классическая и инструментальная обусловленность, развитие способностей.

Организация социальная — совокупность функциональных связей между элементами социальной системы, определяющих их соподчиненность, контроль над эффективностью взаимодействий и коммуникаций между ними, обеспечивающих достижение определенной цели, решение определенной задачи.

Организация социальная — упорядоченные взаимодействия и коммуникации людей, направленные на достижение общей цели.

Парадигма научно-познавательная — устойчивый набор оснований, принципов познания, изучаемых процессов и явлений, результирующих построений, выделяющих научный способ познания от всех остальных.

Парадигма взаимодействия — совокупность оснований, определяющих форму, стратегию, тактику взаимодействия, а также обуславливающих их факторов и механизмов. К ним относятся: нормативные ориентации участников по отношению друг к другу; общие намерения относительно целей взаимодействия; ожидания участников по отношению друг к другу и результатам взаимодействия; особенности организации информационного обмена. Выделяется три фундаментальных парадигмы взаимодействия: консолидация, конфликт, переговоры.

Паррикуляризм — рассмотрение людей, элементов окружения, событий в качестве ситуативных, уникальных, специфичных.

- Позиция социальная** — общественное положение индивида, определяемое двумя параметрами: местом в системах разделения труда и социальной стратификации.
- Порядок социокультурный** — то, что задается людьми в вещах и ситуациях как их внутренний закон, как скрытая сеть отношений между ними и человеком, как ее устойчивое структурное выражение, представленное в символической форме.
- Постмодерн** — интернациональное стилистическое направление в культуре, знаменующее исчерпанность эвристических возможностей и разрушение предыдущей культурной, в том числе познавательной, парадигмы. Сложилось на принципах модернизма, структурализма, авангарда. Его характеризует исключительное внимание к движению, неопределенности, переходности.
- Потребность** — динамическая форма связи человека с окружением, характеризующаяся дефицитом жизненно важных ресурсов, которые можно пополнить за счет либо активизации внутренних резервов, либо обращения к внешним источникам. Служит побуждением к активности.
- Представление** — единица в описании отношений человека с окружением, занимающая промежуточное положение между переживанием и символом, презентующая связи между реальностью и символом, между обозначаемым и обозначающим; иногда представления отождествляются с образами и внутренними концептами. Представления работают как механизмы идентификации и оценки переживаний и внешних воздействий с точки зрения их индивидуальной и социальной значимости.
- Протокультура** — любая система социально заученного поведения и символов, биологически ненаследуемая и транслируемая от одного поколения популяции к другому в процессах взаимодействия и коммуникации. Относится прежде всего к видам животных, отличным от человека.
- Регион культурно-исторический** — социокультурная единица макродинамики культуры, характеризующаяся общностью черт, тем, паттернов, удерживающихся в историческом масштабе времени и на значительной территории проживания нескольких соответствующих этносов. Общность объясняется процессом межкультурного обмена, культурной диффузией.
- Реификация** — отношение к категории, к понятию как к реально существующему объекту.
- Ризома** — в постструктурализме беспорядочное возникновение множественности, движение, не имеющее прева-

лирующего направления, распространяющееся без регулярности, дающей возможность предсказать следующее движение.

Ритуал — в социобиологическом смысле серия наследственно обусловленных и закрепленных в генотипе стандартных телодвижений, повторяющихся последовательностей двигательных реакций, их формы и скорости. Это модели поведения, которые выполняют сигнальную коммуникативную функцию. В человеческом обществе ритуализация подразумевает превращение в символические церемонии определенных социокультурных образцов, которые утрачивают свои первоначальные функции.

Роль социальная — совокупность функций, которые предписано выполнять индивиду, занимающему определенное место в социальной группе или организации.

Символ — объект, стереотип поведения, слово, указывающие на некоторую значимую для людей область реальности — природную, социальную, психическую, — представленную собственными признаками. Символы указывают на существование культурных порядков, т. е. специально выделенных организованных культурных форм, объединяющих условия, процессы и оценки соответствующих этим формам действий и взаимодействий. Символы порождаются и существуют в процессах взаимодействия и коммуникации как культурные единицы, ставшие одновременно указанием и явлением. Они обнаруживают себя как культурный феномен, лишь выражая свою связь, свое отношение с обозначаемым порядком.

Система социальная — аналитический объект, представляющий собой совокупность функций, организованную в устойчивую целеориентированную целостность. Система определяется такими параметрами, как границы, входы — выходы, составляющие элементы, структура связей между ними, содержание процессов обмена между элементами и способы преобразования входов в выходы.

Слой (страта) социокультурный — социокультурная единица, характеризующая объединение людей, сходных по социальному положению, образу, качеству, стилю жизни, объединенных социально-сетевыми связями.

Смысл — контекстуальная окрашенность значения определенного знака; роль, функция значения в конституировании содержания сообщения.

Социализация — освоение людьми элементов социокультурного окружения: социального и культурного пространства и времени, функциональных объектов, технологий

деятельности, взаимодействия, коммуникации, символических структур, нормативных образований. Продолжается всю жизнь.

Социальность — врожденное свойство животных, в т. ч. и человека, находиться в отношениях взаимодействия и коммуникации с представителями своего и других видов, базирующееся на фундаментальных метаболических связях организма со средой существования.

Социобиология — область социально-научного познания, связанная с изучением биологической обусловленности социальных и символических форм существования популяций животных.

Статус социальный — социальная позиция индивида, оцениваемая с точки зрения характерных для нее объемов власти и авторитета.

Стереотип социальный — устойчивое, принимаемое без доказательств представление о какой-либо категории людей, формирующееся благодаря типологизации в соответствии с индивидуализирующими элементами (раса, этническая и конфессиональная принадлежность, возраст, пол). Они складываются в процессах коммуникации в качестве символических обобщений и становятся социальными, когда разделяются большинством членов сообщества.

Стиль речи — метасообщение, определяющее контекст, в котором следует принимать и интерпретировать вербальное сообщение. Он несет в себе тональную окраску сообщения и выражается через оттенки выразительности, в том числе невербальной, через последовательность разработки темы в дискурсивном процессе.

Стратификация — расслоение животной популяции, разделение ее на группы, под которыми понимаются любые совокупности особей, непосредственно взаимодействующих друг с другом. Группы обусловлены распределением популяции по признакам пола, возраста, функциональных ролей, характеристик поведения. Группы могут быть различными по количеству особей, длительности существования, структурной сложности, интенсивности контактов и т. д. Стратификация имеет физическое, пространственное воплощение и является неотъемлемым свойством животной популяции. У людей социальная стратификация определяется расслоением общества по признакам социальных позиций и статусов, характеризующим сходства и различия в образе, качестве, стиле жизни. Члены групп, составляющих социальные слои, связаны сетевыми межличностными отношениями.

Структура социальная — категория, обозначающая установления отношений между людьми в процессе их совместной жизни. Согласно А. Радклиф-Брауну, это постоянно действующая организация общественных отношений, определяемых и контролируемых с помощью институтов, т. е. социально установленных норм и паттернов поведения.

Структурализм — направление в культурной антропологии, искусствоведении, лингвистике, связанное с рассмотрением культуры как организации представлений, знаний, упорядочения знаков, значений в символической форме. Оно сформировалось под влиянием идей структурной лингвистики, семантики. В его рамках осуществляется анализ семантических культурных порядков, знаковых и символических систем как на специализированном, так и на обыденном уровнях культуры.

Структурный функционализм — теоретическое направление в социологии и культурной антропологии, относящееся к изучению социокультурных систем. Основывается на допущениях о реальности, целостности, единстве таких систем. Каждая из них рассматривается в концептуальном пространстве, определяемом четырьмя измерениями: биологическим, психологическим, социальным, культурным. Предполагается, что все компоненты системы находятся в отношениях взаимозависимости, взаимоподдержания, обмена услугами и вознаграждениями. Этому отвечает концепция функции: решение задач, связанных с поддержанием системы как целого. Структурный функционализм предназначен для установления фундаментальной соотнесенности условий и процессов совместной жизни людей в ее социальном качестве. Этому отвечает понятие структуры, т. е. институциональных способов объяснения и механизмов поддержания взаимодействий и коммуникаций социокультурных групп, составляющих общество.

Тема культурная — совокупность представлений, оценок, выраженных в символической форме, относящихся к осмыслению членами общества определенной социальной значимой проблемы, к оправданию стандартных способов поведения в проблемной ситуации.

Территориальность — активный механизм разобщения особей и групп популяции, обуславливающий выделенность занимаемого ими участка жизненного пространства, неприкосновенность его защищаемых границ. Она не является диагностическим видовым признаком: способность

индивида переходить от территориального к нетерриториальному поведению позволяет рассматривать ее как механизм быстрого приспособления к непосредственному окружению.

Технология социальная — система взаимосвязанных обменных действиями и информацией, предназначенная для достижения определенной цели в сфере человеческих отношений.

Трансакция — принцип изучения взаимодействий и коммуникаций, при котором подразумевается, во-первых, внешняя и внутрилличностная обусловленность отбора и использования информации; во-вторых, взаимовлияние участников друг на друга, обмен определениями ситуации. Преимущество такого подхода состоит в особом внимании к тому, что происходит между участниками, а не к их внутренним состояниям и механизмам социального взаимодействия.

Универсализм — способ категоризации людей и объектов, при котором они соотносятся с общими категориями, стандартизируются.

Универсалия культурная — культурная черта, структурная единица, форма активности, встречающаяся во всех культурах.

Универсалия эволюционная — структурно-функциональное образование, складывающееся в процессах взаимодействия людей с окружением и увеличивающее степень их адаптированности, повышающее уровень организации общества. Находит широкое распространение в других культурах благодаря действию диффузионных механизмов.

Фантазм — представление, порожаемое внутренними состояниями организма, переживаниями, не соотносимыми ни с какими внешними стимулами, реальными событиями.

Функционализм — теоретическое направление в социологии и культурной антропологии, в рамках которого основное внимание уделяется способам удовлетворения потребностей, интересов, запросов людей. Его проблемное поле определяется поиском ответов на вопросы: как существуют и поддерживаются устойчивые формы социальных отношений; каковы механизмы их сохранения; как работают эти механизмы.

Функция социальная — система действий, взаимодействий, коммуникаций, направленная на решение определенной социальной задачи (удовлетворение потребности, интереса, запроса; поддержание социальных отношений; сохранение жизненной среды).

- Черта культурная** — структурно-функциональная единица, паттерн социокультурных отношений, символическое образование, носящее культуuroобразующий характер.
- Эволюционизм** — философское и социальнаучное направление в изучении макродинамики общества и культуры, основывающееся на концепции эволюции, предполагающей, что необратимые социальные и культурные изменения осуществляются в направлении количественного приращения разнокачественных элементов с последующей интеграцией и повышением уровня организации сложившейся в результате целостности. Человеческая культура рассматривается как совокупность процессов адаптации людей, организованных в сообщество, к их природному окружению.
- Эволюция общая** — эволюционные универсалии и процессы, рассматриваемые на уровне культуры всего человечества, или панкультуры. Складывается в результате межкультурных взаимодействий и обменов, в процессе которых происходит отбор и распространение адаптационных культурных черт.
- Эволюция специфическая** — изменения в культуре, происходящие благодаря повышению уровня адаптации ее носителей к особенностям непосредственного окружения. Порождают культурно-специфические черты, из которых могут сформироваться эволюционные универсалии.
- Этнос** — культурная единица, характеризующаяся общностью языка, нравов и обычаев, этноидентификации.
- Этология** — наука о поведении животных.
- Язык** — категория, обозначающая самое существенное из культурных образований, выражающих социальную природу человека. Язык принято рассматривать в двух основных аспектах: философо-феноменологическом и лингвистическом. В первом случае речь идет о символической реальности, имеющей собственное бытие, обусловленное необходимостью социального взаимодействия и коммуникации. С этой точки зрения, язык — это развертывающаяся во времени и пространстве активность языкового коллектива, объединенного общими социокультурными условиями, обусловленная социальной природой людей, их потребностью и способностью обмениваться информацией в форме интерсубъективно разделяемых знаков и значений. Во втором случае язык рассматривается прежде всего как лингвистическая система, абстрагированная от процессов общения и речевой коммуникации. Речь идет об идеально-типических принципах организации

вербальных единиц в коммуницируемые речевые или письменные тексты. С формальной позиции язык принято представлять в тех основных аспектах, которые отражают его интерсубъективности стандартизованность: морфология (строение языковых форм), грамматика (способ организации языковых единиц), фонетика (способ звукового выражения языковых единиц).

Языки культуры — условное название искусственно созданных людьми систем выражения своих переживаний и отношений с окружением. Помимо вербального, можно выделить такие «языки», как жестовой, графический, образный, формализованный. Для них характерна возможность разными способами расчленять и объединять представления людей. В сфере социального взаимодействия языки культуры предстают в качестве медиаторов, проводников, средств и среды, позволяющих придавать интерсубъективную, культурную форму интрасубъективному опыту; транслировать социально значимые представления и придавать им общезначимый, разделяемый смысл. Различие таких языков обусловлено не только необходимостью выражать разные представления, но и возможностью с разных сторон осветить одно и то же представление. Они позволяют людям объединять многообразные и изменчивые события и элементы окружения в устойчивые и последовательные целостности, из которых складывается дифференцированный и в принципе упорядоченный жизненный мир.

Я-концепция — представление индивида о себе, основанное на допущении о наличии внутриличностного ядра — «я» — отбирающего и интегрирующего значимую и отбрасывающего незначимую для него информацию. Под понятием «я» подразумевается системообразующее начало в отношениях индивида с окружением.

■ Литература

- Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. — М.: Прогресс, 1972.
- Баньковская С.П.* Инвайронментальная социология. — Рига: Зинатне, 1991.
- Беспалов В.Е., Сальников Л.В.* Введение в функционалистику. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991.
- Бутенко И.А.* Социальное познание и мир повседневности: Горизонты и тупики феноменологической социологии. — М.: Наука, 1987.
- Ван-Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.
- Волновые процессы в общественном развитии / В.В. Василькова и др. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992.
- Динамика культурных и социальных связей. — М., 1992.
- Динамика культуры: Теоретико-методологические аспекты. — М., 1989.
- Дригзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. — М.: Наука, 1984.
- Карпинская Р.С., Никольский С.А.* Социобиология: Критический анализ. — М.: Мысль, 1988.
- Коган В.З.* Теория информационного взаимодействия: Философско-социологические очерки. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991.
- Концептуальные основы социологического анализа культурных изменений / Редкол.: Л.Г. Ионин (отв. ред.) и др. — М., 1991. (Социодинамика культуры. Вып. 1).
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. — М.: Наука, 1985.
- Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ). — М.: Мысль, 1983.

- Миг М.* Культура и мир детства: Избр. произведения.—М.: Наука, 1988. (Этнографическая библиотека / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
- Моль А.* Социодинамика культуры.—М.: Прогресс, 1973.
- Монсон П.* Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы.—СПб.: Изд-во Нотабене, 1992.
- Новое в лингвистике: Сборник статей—Вып. 1 — 25.—М.: Изд-во иностр. лит., 1960 — 1989.
- Новые направления в социологической теории.—М.: Прогресс, 1978.
- Орлова Э.А.* Социокультурные проблемы и формы их решения. Парадигмы социального взаимодействия.— М.: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2001.
- Орлова Э.А.* Конфликты и переговоры. Парадигмы социального взаимодействия. М.: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2001.
- Панов Е.Н.* Поведение животных и этологическая структура популяций. — М.: Наука, 1983.
- Постмодернизм и культура: Сб.—М., 1991.
- Пригожин А.И.* Перестройка: Переходные процессы и механизмы.—М.: Наука, 1990.
- Проблемы культурного наследования в философской теории и практике современного Запада.—М., 1989.
- Современная зарубежная социальная психология: Тексты.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Социальная структура и социальная стратификация: Сб.—М., 1992.
- Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. — Вып. 1 — 5.—М., 1992 — 1993.
- Тернер Д.* Структура социологической теории.—М.: Прогресс, 1985.
- Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук.—М.: Прогресс, 1977.
- Черри К.* Человек и информация (Критика и обзор).—М.: Связь, 1972.
- Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения / Отв. ред.: С.Я. Козлов, П.И. Пучков. — М.: Наука, 1971.
- Этнология в США и Канаде.—М.: Наука, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЧАСТЬ I ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

17

Факторы, обуславливающие развитие культурной и социальной антропологии	18
Предмет и объект социальной и культурной антропологии	23
Определение понятия «культура»	27
Отличие социальной и культурной антропологии от других наук о человеке	33
Современные проблемы динамики культуры в социальной и культурной антропологии	37

ГЛАВА 2

СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

49

Этологическая и социобиологическая трактовка социальной организации	52
Сигнальное поведение и социальность	63
Обучение и его адаптивная функция	67
Исследовательское поведение в освоении окружения	72
Игра и ее влияние на изменение поведения	75

ЧАСТЬ II ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОРОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

ГЛАВА 3

ПОРОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

83

Основания структурно-функционального анализа	83
Концепция потребностей	87

Концепция социального действия	91
Концепция социальной системы	95
Структурный функционализм. Общие представления	99
Структура социальной системы	101
Концепция социального (культурного) института	104
Моральные нормы и их институциональные динамические функции	106
Нормы и дополнительность	110
Социальная дифференциация как процесс	115
Источники динамики социальной системы	120
Эвристические возможности структурно-функционального анализа	126

ГЛАВА 4

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ. СТРУКТУРАЛИСТСКИЙ ПОДХОД

132

Трансформация стимулов во внутренние концепты, представления	134
Трансформация представлений в знаки и символы	141
Формирование символических объектов	147
Языки культуры и культурные порядки	151
Эвристические возможности структурализма в изучении динамики культуры	170

ЧАСТЬ III

ДИНАМИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ

ГЛАВА 5

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

181

Общая концепция коммуникации	185
Субъекты социокультурной коммуникации	192
Коммуникация как средство снижения уровня неопределенности ситуации	197
Речь в структуре социокультурной коммуникации	203
Структура построения дискурса в ситуации социального взаимодействия	208
Стиль речи (или вербальной коммуникации)	213
Невербальные аспекты социокультурной коммуникации ...	216
Концепция коммуникации в изучении динамики культуры	222

ГЛАВА 6**ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ** 228

Тема «культура и личность»: основные направления исследования	232
Формирование личности: общие представления о социализации и инкультурации	235
Первичная социализация (ранний этап)	241
Социализация после раннего детства	249
Этологические основания идентичности	256
Норма и отклонение	259
Парадигмы взаимодействия в напряженных ситуациях	264
Проблемы социализации и инкультурации в изучении динамики культуры	268

ЧАСТЬ IV
ИДЕИ НЕОБРАТИМОСТИ И ОБРАТИМОСТИ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

ГЛАВА 7**КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ. ИДЕИ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА** 280

Основания классического эволюционизма	286
Характеристики культурной эволюции	289
Детерминанты культурной эволюции	296
Антропологические, имманентные детерминанты	297
Внешние детерминанты	301
Общие направления современных эволюционистских исследований	306
Экологическая антропология	312
Культурная единица в исследовании специфичной эволюции. Этнос	316
Культурная черта в изучении общей эволюции. Эволюционная универсалия	324
Пределы роста	329
Использование эволюционистских идей в исследовании динамики культуры	333

ГЛАВА 8**ВОЛНООБРАЗНЫЕ (ЦИКЛИЧЕСКИЕ) КОНЦЕПЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ** 339

Общая характеристика волновых процессов	342
---	-----

Гуманитарная трактовка социокультурных циклов	349
Концепция длинных экономических волн	356
Модель «длинной» экономической волны	360
Направления изменений социальной структуры на разных фазах длинных экономических волн	363
Закономерности длинных волн	366
Волновые процессы технологических инноваций	369
Эвристический смысл обращения к волнообразным процессам	374
Познавательные возможности изучения волнообразных процессов в обществе и культуре	377

ЧАСТЬ V СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Глава 9

ПОГРАНИЧНЫЕ ОБЛАСТИ ПОЗНАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ. ПОСТМОДЕРН

Плюральность жизненного мира человека	395
Неоднородность социокультурного пространства	402
Многослойность символических объектов	408
Концепция децентрированной (расщепленной) личности	415
Идеология постмодерна	431

Глава 10

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫХ ЕДИНИЦ

Типология по антрополого-философским основаниям	439
Типология по основанию социального действия	441
Типология по основанию форм мышления	443
Типология по шкале «индивидуализм—коллективизм»	444
Зависимость от контекста как основание типологии	445
Толерантность к неопределенности	446
Дистанция власти	447
Мужественность — женственность	448
Новые акценты в изучении социокультурной динамики ...	449
Заключение	455
Глоссарий	460
Литература	474